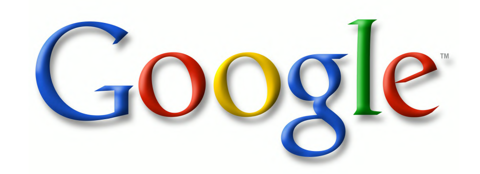
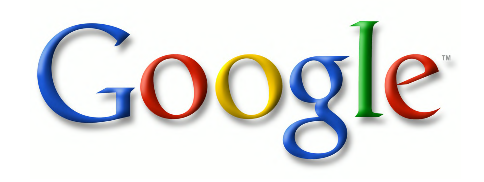
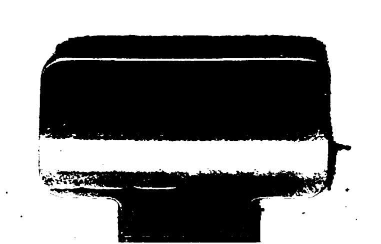






В. И. Немировичъ-Данченко



Соловки

Воспоминанія и разсказы

изъ поѣздокъ съ богомольцами



С.-Петербургъ
Типографія и хромолитографія А. И. Траншеля, Стремянная, № 12
҂АѠОЕ

ВЪ СОЛОВКИ.

ПУТЬ ПО СѢВЕРО-ДВИНСКОМУ КРАЮ.

В. И. Немировичь-Данченко.

Соловки.

Воспоминанія и разсказы

изъ поѣздки съ богомольцами.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.
1875.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЪ СОЛОВКИ.

(Путь по Сѣверо-Двинскому краю).

1. Шенкурскій уѣздъ.

Ясный, свѣжій денёкъ охватилъ меня легкимъ холодомъ, когда я изъ малонаселенной и бѣдной Олонецкой губерніи въѣхалъ въ еще болѣе безлюдную, пустынную и скудную Архангельскую. Утренняя заря еще не отгорѣла на востокѣ и густой, алый отсвѣтъ ея мягко ложился на волнистую линію сплошнаго сосноваго бора. Вершины его словно плавали въ цѣломъ морѣ розоваго сіянія. Дорога круто спускалась внизъ, въ темную долину, гдѣ еще лежала сырая мгла, клубясь и цѣпляясь, все выше и выше, по вѣтвямъ вѣковыхъ деревьевъ, зелень которыхъ кое-гдѣ подымалась изъ тумана, постоянно измѣнявшими свои формы, островками. Двѣ крайнія противоположности сѣвернаго пейзажа — ясная чистота совершенно розоваго воздуха вверху и мглистая, волнующая поверхность его внизу—составляли чрезвычайно эффектную картину. Прибавьте къ этому крупные стволы сосенъ по обѣимъ сторонамъ дороги, безлюдье и тишину, характеризующую здѣшніе лѣса, и вы нѣсколько поймете мои впечатлѣнія. Всѣ промежутки между деревьями поросли мягкими подушками зеленаго мха, изрѣдка перемежающимися небольшими прогалинами уже по-

желтѣвшей травы. Чѣмъ ниже спускался я, тѣмъ становилось глуше. На днѣ долинки дорога проходила чрезъ болото, поросшее острыми и жесткими зеленями. Кое-гдѣ слышался рокотъ лѣсныхъ, болотныхъ ручьевъ, быстро сбѣгавшихъ по откосамъ. Ни пѣнія птицъ, ни стрекота кузнечиковъ! Пустыня и глушь давили меня словно желѣзными тисками. Мысль переставала работать, туманъ все гуще и гуще заволакивалъ окружающіе предметы. Глаза невольно смыкались. Въ самомъ низу, тамъ, гдѣ дорога круто сворачиваетъ направо, мнѣ встрѣтилось человѣкъ тридцать странниковъ — богомольцевъ. Бабы шли впереди, за ними тащились большаки и дѣти. Оказалось, что эта партія направлялась изъ Соловокъ по домамъ Многіе изъ мальчиковъ, въ качествѣ добровольныхъ тружениковъ, выжили въ монастырѣ, по обѣту родителей, цѣлый годъ, съ лѣта до лѣта. Они тамъ работаютъ на монастырскихъ заводахъ и мастерскихъ, за что ихъ кормятъ и одѣваютъ на счетъ обители. Такимъ образомъ, на зиму иногда, какъ говорятъ, скопляется въ обители до пятисотъ даровыхъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ, „возлюбивъ пустынное житіе", остаются въ монастырѣ навсегда и съ радостію принимаютъ ангельскій чинъ, лишая свои семейства необходимыхъ для ихъ благосостоянія рабочихъ рукъ. Благодаря этому порядку, наличный составъ Соловецкаго монастыря не оскудѣваетъ; а сама обитель связывается съ отдаленнѣйшими уголками русскаго сѣвера кровными узами родства.

Богомольцы равнодушно взглянули на меня и прошли дальше. Нѣкоторые попросили подаянія. Это были по преимуществу олончане. Типъ такъ и сказывался въ каждой чертѣ ихъ лица. Двое или трое пѣли по дорогѣ стихи духовнаго содержанія, вынесенные изъ монастыря; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, вѣроятно годовавшіе въ Соловкахъ, носили что-то въ родѣ подрясниковъ и скуфеекъ. Скоро странники скрылись и, съ поворотомъ лѣснаго пути, снова потянулась передо мною безлюдная, пустынная окрестность.

Прежде чѣмъ достигнуть цѣли моей поѣздки, Архангель-

ска, этого коммерческаго и административнаго центра дальняго сѣвера, возбуждающаго въ литературѣ столько самыхъ противорѣчивыхъ толковъ, мнѣ пришлось проѣхать часть Шенкурскаго, Онежскаго и Холмогорскаго уѣздовъ. По пути я не велъ дневника, поэтому очеркъ всего этого промежуточнаго скитальчества будетъ и не полонъ, и общъ. Я описываю то немногое, что доступно туристу. Громадныя станціи, иныя по 30 верстъ безъ передышки, рѣдкіе поселки, совершенно особенный типъ и болѣе удобная постройка домовъ, чѣмъ я встрѣчалъ доселѣ, разомъ перенесли меня въ другой міръ. Прежде всего, меня поразилъ складъ здѣшняго крестьянскаго населенія. Передо мной были рослые, крѣпко сложенные, здоровые люди, съ открытыми, умными лицами, высокими лбами, широкою грудью и веселыми, честными, голубыми глазами. Красивыя физіономіи женщинъ невольно останавливали на себѣ взглядъ. Что это за великолѣпныя груди! Какая здоровая стройность, какія классическія плечи! Жаль только, что дѣвушки, выходя замужъ, быстро тучнѣютъ и тогда уже поражаютъ совершенно противоположными достоинствами. Обиліе мяса и жиру дѣлаетъ ихъ, какъ напр. въ Поморьѣ и Колѣ, чудищами весьма замѣчательнаго свойства. Объемъ ихъ приходится уже мѣрять чуть ли не обхватами. Вблизи городовъ типъ этотъ мельчаетъ и обезображивается какою-то пошлою, къ лакейству подходящей полировкой. Крестьянки являются уже въ нелѣпѣйшихъ кринолинахъ, иногда изъ обручей, городскія платья смѣняютъ сарафаны, а цивилизованная сельская молодежь, и въ ясные безоблачные дни, фигурируетъ въ гарусныхъ шарфахъ, калошахъ, съ дождевыми зонтиками въ рукахъ. Задушевныя пѣсни, которыя, въ лѣтніе вечера, такъ сладко звучатъ въ тихомъ деревенскомъ захолустьи, смѣняются гнуснѣйшею ерундой чувствительнаго характера, отъ которой такъ и несетъ ароматами городскаго холопства.

Въ мѣстномъ типѣ осязательно сказался результатъ скрещиванія между различными племенами. Первоначальные поселъники этого края—смѣлые новгородскіе промышленники—

ушкуйники, одинаково занимавшіеся торговлей и войной, рыболовствомъ и грабежемъ—перебили аборигеновъ этого края, лопарей, корелъ и прочія племена финновъ, оставивъ только женщинъ и дѣвушекъ, обращавшихся, по обыкновенію того времени, въ теремное рабство. Выраженіе лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ первыхъ же селахъ Архангельской губерніи, дышало смѣлостію и энергіей. Человѣкъ, даже и незнакомый съ исторіей Двинскаго края, по одному этому признаку, сразу сообразилъ-бы, что крѣпостнаго права здѣсь не существовало никогда. Встрѣчающіеся вамъ по пути крестьяне не ломаютъ раболѣпно шапокъ, а кланяются путнику, какъ божьему гостю, съ сановитою важностью. Вступая съ вами въ разговоръ, они не станутъ пересыпать свою рѣчь „благородіями", „высокоблагородіями", а говорятъ просто, сжато и съ достоинствомъ. Назойливости, навязчивости вы не замѣтите вовсе. Тутъ человѣкъ знаетъ себѣ цѣну и привыкъ относиться къ собственной личности съ полнымъ уваженіемъ. Правда, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Шенкурскаго уѣзда, существовалъ нѣкогда, въ доброе старое время, стоившій крѣпостнаго права, удѣлъ, въ предѣлахъ котораго опытное начальство создавало изъ крестьянъ и хозяевъ, и агрономовъ, и скотоводовъ, и лѣсоводовъ, и разными патріархальными способами насаждало въ этой средѣ добродѣтели, нравственность и другія болѣе или менѣе почтенныя свойства; строило школы на извѣстное число учениковъ, которые и сгонялись туда розгами; впрочемъ, если желающихъ учиться набиралось болѣе казенной цифры, то имъ отказывалось. — Крестьяне часто, не желая посылать своихъ дѣтей учиться за нѣсколько верстъ, нанимали подставныхъ мальчиковъ, которые и посѣщали школы. Удѣльное начальство—вполнѣ удовлетворялось такимъ порядкомъ: лишь бы въ училищѣ было узаконенное число воспитанниковъ, а тамъ—хоть трава не рости! Правда, крестьяне этихъ волостей и до сихъ поръ хорошо дисциплинированы, но, къ счастію, это насажденіе сѣмянъ удѣльнаго благоустройства ограничилось незначительною частію губерніи, остальное населеніе которой из-

бѣгло и „сгонной“ грамотности, и исходившихъ отъ старой земской полиціи добродѣтелей! *)

Дома въ селеніяхъ, по крайней мѣрѣ, вдоль по почтовому тракту, выведены въ два этажа и построены, благодаря обилію лѣса, на широкую ногу. Верхнія свѣтлицы, во многихъ селахъ, хорошо отштукатурены, а полъ въ нихъ окрашенъ масляной краской. Въ нихъ не рѣдкость встрѣтить и зеркало, и кое какую мебель, и картинки не суздальскаго производства. Это навѣрное—избы, принадлежащія тѣмъ крестьянамъ, которые, вслѣдствіе родной своей безкормицы, привыкли искать работы въ петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ, сплошь состоящихъ изъ архангелогородцевъ. Нижнія свѣтлицы представляютъ обыкновенную картину будничнаго, сельскаго обихода. Здѣсь живутъ, умираютъ, плодятся и множатся, оставляя верхи для разнаго рода парадныхъ и праздничныхъ случаевъ. Необыкновенная опрятность здѣшнихъ крестьянъ поразитъ, прежде всего, туриста, привыкшаго къ крестьянской грязи и неряшеству. Эту чистоту архангелогородцы всюду вносятъ съ собою. Такъ, еще Сперанскій, осматривая Сибирь, замѣтилъ, что „ростъ и опрятность въ жизни барабинскихъ крестьянъ произошли отъ архангелогородцевъ, первыхъ здѣшнихъ промышленниковъ“.

Здѣсь меня поразила еще особенность чисто мѣстная: мужчины въ деревняхъ встрѣчались весьма рѣдко. Они или уходятъ на отхожіе промыслы въ самые отдаленные уголки Россіи, или промышляютъ звѣря въ лѣсу, въ морѣ, или ловятъ рыбу по рѣчному и морскимъ побережьямъ. Женщины, оставаясь однѣ, пашутъ землю, косятъ, жнутъ. Онѣ же справляютъ натуральную земскую повинность, напр., ѣздятъ, въ качествѣ ямщиковъ, по почтовому тракту, а прежде бывало весьма часто, что бойкая бабенка наряжалась вмѣсто конвоя, для препровожденія трехъ или четырехъ арестантовъ, причемъ случаи побѣговъ были весьма рѣдки.

---

*) Свѣдѣнія эти офиціально заявлены архангельской администраціей.

Въ первомъ же селѣ, гдѣ мнѣ привелось остановиться, я узналъ и оборотную сторону медали. Нельзя было купить ни хлѣба, потому что его мало было и для мѣстнаго потребленія, ни яицъ, ни масла; о говядинѣ и говорить нечего. Принесли было мнѣ соленую треску, которою питается здѣсь народъ, но, вѣроятно, вслѣдствіе непривычки, одинъ запахъ этой милой рыбы чуть не выгналъ меня изъ комнаты. Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ возможность видѣть—какъ ѣстъ зажиточная архангельская семья. На столъ поставили крынку съ солеными волнухами (грибы), холодную соленую треску, молоко и хлѣбъ изъ ячменя или жита, который вкусенъ до тѣхъ поръ, пока онъ горячъ. Ячмень въ Архангельской губерніи вообще сѣется преднпочтительнѣй передъ рожью, потому что онъ лучше выноситъ и суровость климата, и перемѣны погоды, и холодные, сѣверные вѣтры. До чего дорожатъ здѣсь хлѣбомъ, видно изъ того, что въ деревнѣ Сельцы мнѣ едва уступили за 20 к. небольшую ковригу, фунта въ три. Къ обѣду богатые крестьяне къ поименованнымъ уже предметамъ прибавляютъ толоконную кашу, т. е., разваренную въ водѣ овсянную муку съ масломъ, остальные—морошку. Собственно питательностію здѣсь отличается одна треска, которой въ губерніи потребляется до 400,000 пудовъ. Эта рыба (hadus morrhua) тотъ же хлѣбъ для сѣвера. Мѣста ея лова, на языкѣ кемскихъ промышленниковъ, такъ и называются—**нивами**. Вонючая, соленая, она, по обилію азотистыхъ веществъ, оказывается необыкновенно полезной для поддержанія въ организмѣ животной теплоты. Ее ѣдятъ холодной, горячей, нѣкоторые же (это уже антропофаги) пожираютъ сырою. Треску запекаютъ въ тѣсто, приготовляютъ съ масломъ, картофелемъ и яйцами. Короче, это продуктъ, безъ котораго не обходится ни одинъ обѣдъ сѣвера, начиная съ крупныхъ купцовъ и важныхъ архангельскихъ чиновниковъ и кончая бѣднѣйшими рабочими. Еще недавно, по цѣнѣ своей, она была доступна для всѣхъ. Фунтъ ея стоилъ 1½ коп. Теперь эта цифра поднялась до 3 коп. и небогатые мѣщане замѣняютъ ее другими рыбами того же трескового

свойства: пикшуемъ, сайдой, зубаткой, вкусъ которыхъ, для непривыкшаго, одинаково отвратителенъ, а запахъ еще хуже. Вообще, архангельская кухня требуетъ нѣкотораго навыка и акклиматизироваться здѣсь всего труднѣе, именно потому, что усвоить себѣ мѣстную пищу, въ непродолжительное время, нѣтъ никакой возможности. Свѣжей трески здѣсь не бываетъ вовсе, такъ какъ, по крайней нѣжности своей, она можетъ быть перевозима съ мѣста лова на рынки, лишь просоленная или сушеная. Лучшая сушеная треска отправляется въ Петербургъ и на мѣстѣ ея добыванія остается весьма рѣдко. Мяса крестьяне не видятъ круглый годъ, за исключеніемъ ближайшихъ къ Архангельску селъ. Мѣстная скотина или гонится въ Петербургъ и Москву въ продажу, или же, если она мелкоросла, то бьется на солонину, которую отвозятъ туда же. Благодаря трескѣ, губернія эта не чувствуетъ потребности въ мясѣ. Самые зажиточные изъ крестьянъ бьютъ по праздникамъ барановъ и потребляютъ ихъ микроскопическими порціями. Гнилой, отвратительный запахъ соленой трески до того притупилъ нервы сѣверянина, что мнѣ удавалось по дорогѣ видѣть людей, которые съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли позеленѣвшую, вонючую говядину, уже разлагавшуюся и кишѣвшую червями.

Нѣсколько разъ мнѣ встрѣчались и запоздавшіе обозы съ рыбой. Какъ извѣстно, отсюда семга, треска и сельдь доставляются въ Петербургъ, причемъ, на мѣстѣ, та семга, за которую въ Милютиныхъ лавкахъ приходится платить чуть не по 1 р. 20 к. за ф., стоитъ 7 р. 50 к. пудъ. Изъ этой цифры можно заключить, какой громадный процентъ берутъ петербургскіе купцы. Транспортъ всякой клади до Петербурга стоитъ 1 р. 20—1 р. 30 к. съ пуда. Разной рыбы внутрь Россіи отвозится отсюда почти милліоны пудовъ.

Шенкурскій уѣздъ, часть котораго мнѣ пришлось проѣхать, считается благопріятнѣйшимъ уѣздомъ въ Архангельской губерніи, по отношенію къ хлѣбопашеству, смолокуренію и сельской промышленности. Палочное насажденіе сѣмянъ

крестьянскаго благоустройства, по крайней мѣрѣ, принесло ту пользу, что здѣшніе хлѣбопашцы изучили хотя какіе нибудь способы къ развитію своего экономическаго быта. Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, собранныя нами въ Архангельскѣ. Не смотря на сѣверное положеніе губерніи, находящейся, по выраженію мѣстныхъ остряковъ, „у предѣловъ растительности", хлѣбопашество является наивыгоднѣйшимъ занятіемъ. Это единственное поприще, гдѣ работникъ выведенъ изъ подъ гнета монополіи и кулачества, тяготѣющихъ надъ всѣми остальными промыслами мѣстнаго населенія. Въ каждомъ пустынномъ уголкѣ Двинскаго, Печерскаго и Лопскаго края, непремѣнно гнѣздятся два или три капиталиста, которые, въ теченіи нѣсколькихъ голодныхъ или малоурожайныхъ лѣтъ, съумѣли закабалить себѣ окружающее изъ населеніе. Это именно тѣ піявки, которыя неутомимо высасываютъ лучшіе, производительнѣйшіе соки нашихъ захолустій. Благодаря тому, что, въ послѣдніе годы, мѣстная продовольственная система организована на болѣе раціональныхъ основаніяхъ, чѣмъ спеціально занимались семь лѣтъ, въ селахъ находятся сельскія ссудныя кассы и хлѣбные магазины, — хлѣбопашество наконецъ вырвалось, изъ той паутины, въ которой напрасно бьются другія производства. Зерно для посѣва крестьянинъ получаетъ, на весьма выгодныхъ для него условіяхъ, изъ этихъ общественныхъ учрежденій, уплачивая за него натурой. Не будь этого—разбогатѣвшіе цѣловальники и кулаки и здѣсь понагрѣли бы свои руки. При высокой цѣнѣ на хлѣбъ, въ Архангельской губерніи, этотъ отдѣлъ мѣстной экономической производительности пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Привозная рожь, въ послѣднее время, подымалась до 1 р. 32 коп. за пудъ и не падала ниже 88 коп. въ самомъ Арх[illegible]ельскѣ, въ мѣстностяхъ же болѣе отдаленныхъ, пудъ хлѣба случалось обходился по 1 руб. 90 коп. и по 2 руб.; слѣдовательно, крестьянинъ, собравшій съ полей сто пудовъ ржи, при среднемъ урожаѣ самъ 4, пріобрѣтаетъ на нихъ, за исключеніемъ употребленныхъ на посѣвъ 25 пудовъ, по самой

высшей Архангельской цѣнѣ 96 рублей, а по самой низшей 66 рублей. Цифра весьма солидная, если обратить вниманіе на то, что, въ общей сложности, всѣ промыслы даютъ лишь по 12 р. на каждаго жителя губерніи, (включая и хлѣбопашество). Даже бой морскаго звѣря въ Архангельскѣ, за десятилѣтнюю сложность, далъ на каждаго промышленника по 9 руб. въ годъ. Правда, бывали годы, когда промысловая партія, въ 12 человѣкъ, добывала до 2,000 р., за то, иногда въ теченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ, они или возвращались домой съ пустыми руками, или не возвращались вовсе, погибая во льдахъ и водахъ сѣвернаго побережья. Среднимъ числомъ, здѣсь сѣется ржи до 16,900 четвертей, ячменя до 82 тысячъ четвертей, овса до 8,000 четвертей; картофеля 11,500 четверт. Собирается же съ полей, въ средніе урожайные годы: ржи 70,000 четвертей; овса 27,000 четвертей: ячменя 207,000 четвертей; картофеля 44,000 четвертей. Такимъ образомъ, земледѣліе даетъ Архангельской губерніи до 2,500,000 пудовъ хлѣба и картофеля. Считая населеніе ея въ 260,000 чел. и принимая за норму, что для продовольствія ихъ необходимо 4,160,000 пуд. (по 16-ти пудовъ въ годъ на каждаго) найдемъ. что мѣстное хлѣбопашество даетъ гораздо менѣе хлѣба, чѣмъ нужно. Если изъ числа 2,500,000 пудовъ исключить одну четверть для посѣва на слѣдующій годъ, то окажется, что губернія, въ дѣйствительности, имѣетъ своего хлѣба нн продовольствіе лишь 1,875,000 пудовъ. Дефицитъ какъ видно, весьма крупный, а именно въ 2,285,000 пудовъ. Но онъ становится еще болѣе, если припомнить, что немало хлѣба изъ первой цифры поступаетъ въ сельскіе магазины и хлѣбныя ссудныя кассы, на пополненіе предварительно сдѣланныхъ ссудъ. Привознаго хлѣба извнѣ доставляется лишь 1,200,000 пуд., слѣдовательно, жителямъ губерніи недостаетъ до нормы полнаго продовольствія, по крайней мѣрѣ, 1,100,000 п. Эти цифры вполнѣ опредѣляютъ то печальное положеніе, въ которомъ находится архангельское крестьянство по отношенію къ своему питанію. Ниже можно будетъ убѣдиться,

что до тѣхъ поръ, пока на продовольствіе будутъ отказывать въ проведеніи вятско-двинской желѣзной дороги—голодные годы будутъ отзываться на здѣшнемъ населеніи самымъ тяжкимъ образомъ. Только рельсовый путь, облегчивъ транспортъ, создастъ иныя условія. Но, увы, остальныя предиріятія, какъ напр., товарищество бѣломорско-мурманскаго пароходства, пользуются десятками тысячъ ежегодной субсидіи, а желѣзная дорога, которая возродила-бы весь сѣверный край, усилила торговлю его, обезпечила народное продовольствіе,—оставляется безъ вниманія, ради интересовъ (ложно понятыхъ) совершенно не русскаго, чуждаго нашимъ выгодамъ, элемента. Вообще же, судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ весьма компетентными лицами, оказывается, что Архангельскій уѣздъ производитъ лишь 1/3 необходимаго ему хлѣба, Холмогорскій—2/5, Шенкурскій 2/3, Пинежскій 2/5, Мезенскій 1/8, Онежскій 1/3, Кемскій, 1/4 и Кольскій—О. Не смотря на все это, хлѣбопашество здѣсь, все таки, выгоднѣйшій промыслъ. Такъ въ, прошломъ году, оно дало 2,500,000 пуд. хлѣба, а эта сумма, по переложеніи ея на денежную цѣнность, составляетъ почти 2/3 всего промысловаго оборота губерніи.

Какъ выше было замѣчено, нами вычислялась лишь нормальная потребность хлѣба на взрослаго человѣка, но для многихъ мѣстностей губерніи, удовлетвореніе этой потребности является невозможнымъ. И дѣйствительно, всѣ остальные промыслы даютъ слишкомъ мало для закупки необходимаго количества хлѣба, а, это, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что цѣльный, неподмѣшанный хлѣбъ ѣстъ только населеніе Архангельскаго, Холмогорскаго да Шенкурскаго уѣздовъ. Остальные соединяютъ муку съ соломой и древесной корой, а другіе, какъ наприм., самоѣды и иные зыряне, иногда и вовсе не знаютъ хлѣба. Корелы питаются смѣсью, содержащею 28% хлѣба, 32% соломы и 40% древесной коры; у лопарей процентное содержаніе хлѣба еще ниже (доходитъ 19 и 18%). Даже богатые жители этой мѣстности только по праздничнымъ днямъ видятъ за своимъ столомъ, такъ называемые, пироги, т. е.,

цѣльные, безъ подмѣси, ячменные хлѣбы. И это все еще въ благопріятные годы. До какого-же пауперизма доходитъ населеніе во время голода, и подумать страшно. Вотъ что говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ архангельскихъ о весьма недавнемъ голодѣ (1867 г.): „въ Кемскомъ уѣздѣ народъ умиралъ сотнями отъ голоднаго тифа. Всѣ основы нравственности и общественныхъ отношеній поколебались. За нѣсколько фунтовъ хлѣба можно было закабалить человѣка, за ту же цѣну молодыя и несовершеннолѣтнія дѣвушки продавали свою дѣвственность!"

Прежде, чѣмъ говорить о Шенкурскомъ уѣздѣ, мы сочли необходимымъ привести нѣсколько общихъ данныхъ объ Архангельской губерніи вообще. Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ за это отступленіе. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, обыкновенно засѣвается ржи до 10.000 четвертей, овса до 8,000 четвертей, ячменя 21,000 четвертей, картофеля 3,000 четвертей; и собирается съ полей ржи 40,000 четвертей, овса 27,000 четвертей, ячменя 68,500 четвертей, картофеля 12,300 четвертей. За исключеніемъ зерна для посѣва, на продовольствіе остается здѣсь до 85,000 четвертей. Жителямъ уѣзда нужно 1,040,000 пудовъ хлѣба, мѣстное хлѣбопашество даетъ 697,768 пудовъ. Дефицитъ 342,840 пудовъ или, перелагая на денежную цѣнность, 300,000 рублей. И такъ, въ самомъ благопріятномъ для земледѣлія уѣздѣ Архангельской губерніи, каждый крестьянинъ долженъ купить привознаго хлѣба, для своего продовольствія, на 7 р. 30 к. Средній урожай здѣсь для озимоваго хлѣба равняется самъ $4^3/_4$, для яроваго самъ 3; сверхъ того, тутъ же, съ заливныхъ луговъ сбирается до 2 милліоновъ пудовъ хорошаго сѣна, которое, вмѣстѣ съ холмогорскимъ, обусловливаетъ возможность продолженія въ этомъ районѣ замѣчательной, по росту, молочности и другимъ достоинствамъ, холмогорской породы рогатаго скота. До чего тяжелы здѣсь, въ другихъ отношеніяхъ условія, труда, видно изъ цѣнъ на рабочіе дни, цѣнъ, которыя здѣсь не подымаются выше 40 к. въ день—для здороваго крестьянина,

на его же харчахъ, и 15 коп.—для такой же женщины. Сельская промышленность Шенкурскаго уѣзда, съ его 65.000 жителей, доросла лишь до 390.000 р., причемъ два промысла, именно, смолокурный и мукомольный, даютъ 323,000 р, слѣдовательно, на всѣ остальныя приходится 67.000 р. И это еще производительнѣйшій изъ уѣздовъ. Одно смолокуреніе еще недавно давало крестьянамъ до 350.000 р. въ годъ, но эта цифра значительно понизилась съ тѣхъ поръ, какъ отсюда перенесла свою дѣятельность въ городъ Ригу фирма Хиллса и Тодта, вслѣдствіе отсутствія рельсоваго пути, отсутствія, сдѣлавшаго безвыгоднымъ ея операціи. Кромѣ того, крестьяне смолокуры находятся въ рукахъ архангельскихъ нѣмецкихъ конторъ, которыя выдаютъ имъ впередъ деньги на уплату поденныхъ пошлинъ. Такъ, еще недавно, всѣ покупщики смолы сговорились взять ее у крестьянъ, по весьма низкой цѣнѣ и производители, вѣроятно, понесли бы значительный убытокъ, если бы купецъ В. Калининъ, воспользовавшись этимъ, не перекупилъ дороже всю смолу, сбытую потомъ тѣмъ же покупщикамъ по назначенной имъ цѣнѣ. Здѣсь ежегодно бываетъ двѣ ярмарки:—Срѣтенская, въ самомъ Шенкурскѣ, весьма незначительная, и Евдокіевская, въ селѣ Благовѣщенскомъ, обороты которой доходятъ до 900,000 рублей.

Часть Шенкурскаго уѣзда, которую удалось мнѣ видѣть, отличается особенно живописными, хотя, на первый взглядъ, и нѣсколько дикими видами. Эти лѣсныя дороги, прихотливо вьющіяся въ самой глухой чащѣ, эти крутые спуски съ перспективой низменныхъ болотъ впереди, наконецъ, эти эффектно раскинутыя, въ сторонѣ отъ проѣзжаго пути, села, съ красивыми церковками, производятъ на туриста пріятное впечатлѣніе, послѣ ровныхъ и однообразныхъ гладей великорусскихъ губерній. Шенкурскій уѣздъ, почему то, называютъ Сѣверной Италией Но, увы! какъ обманчива эта полярная Авзонія! Сегодня, напримѣръ, жарко, сегодня вы не знаете, куда дѣваться отъ разслабляющаго зноя, а завтра, вдругъ, подуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ, пойдетъ снѣгъ, ударитъ морозъ, и архангельскій

итальянецъ облекается въ зимнюю шубу и топитъ, посреди іюля, печи по два раза въ день.

— Велики ли ваши лѣса? спросилъ я у одного шенкурца.

— Не пройти—вотъ каковы наши лѣса. Безъ конца, безъ краю. Ни тебѣ прогалинокъ, ни тебѣ полянки, ни тебѣ пролѣсочка. Развѣ вотъ молоньей который лѣсъ спалитъ—такъ выжженное мѣсто, словно плѣшь какая, чернѣетъ верстъ на пять, а то и на всѣ десять. Наши лѣса всѣмъ лѣсамъ лѣса. Мѣсто сырое, излюбленное.

— Какъ излюбленное?

— Звѣрь его любитъ; нечистая сила, опять же, по трущобамъ да частовикамъ таится. Бѣда! Коли ты охотникъ, такъ, во всякій часъ, долженъ быть готовъ предстать, значитъ, предъ Всевышняго. Потому, либо звѣрь тебя заѣстъ, либо лѣсовикъ тебя обойдетъ, либо самъ заблудишься и подохнешь.

— И много пропадаетъ у васъ народу?

— Есть! Что этихъ промышленниковъ поколѣло въ лѣсахъ—стрась! Потому словно въ мори-окіани. Лѣсное царство! Одному медмѣдю только и житье, потому—глущь безпросвѣтная. Сибирная сторона!

— Надолго уходятъ охотники въ лѣса?

— На кольки Богъ поможетъ. Пойдешь день на пять, а вернешься черезъ мѣсяцъ. Вотъ оно каково.

И дѣйствительно, безконечно раскинулось въ неизвѣданную даль это темное царство дикаго лѣса. Иногда вдоль и поперекъ изрѣзываютъ его громадные обрывы. Высокія сосны медленно колеблютъ свои вершины надъ ихъ влажною тьмою. Изрѣдка слышится тутъ унылая, медленная пѣсня, гулкими перекатами разносящаяся въ пустынѣ. Это странникъ угрюмаго сѣвера, гражданинъ его лѣсовъ—одинокій промышленникъ. Въ глуши, тамъ, гдѣ, казалось даже звѣрь долженъ себя чувствовать жутко, построены шалашики, избушки на курьихъ ножкахъ. Тутъ отдыхаетъ охотникъ, тутъ, во-очію, передъ нимъ возникаютъ миѳы сказочнаго лѣснаго царства.

Злые духи являются сюда смущать крещеную душу. Ночью они давятъ промышленника, бьютъ его, сбрасываютъ съ нарь, воютъ вокругъ избушки. Днемъ они таятся по угламъ, бродятъ въ лѣсу, бѣгаютъ по лѣснымъ вершинамъ, спятъ въ лѣсныхъ оврагахъ, подстерегаютъ путника, скрываясь за стволами лѣсныхъ великановъ. Чу... вонъ въ далекѣ шарахнулся нечистый, и метнулся всторону; а вотъ дразнитъ онъ странника съ верхушки громадной сосны, вотъ онъ качается на вѣтвяхъ, гогоча во все дьявольское горло, на потѣху чертенятамъ, копошащимся подъ корнями корявыхъ вѣковѣчныхъ гигантовъ. Цѣлые дни и недѣли, лицомъ къ лицу съ этими сверхъестественными существами, бродитъ охотникъ, пока со скудной добычей не воротится обратно.

— Зайчей не угодно ли? оборвала мои размышленія рослая бабенка, съ улыбкой во все лицо и съ грудью, размѣры которой привели бы въ восхищеніе петербургскихъ Донъ-Жуановъ.

— Какихъ зайчей?

— Зайчей, извѣстно какихъ

— Зайцевъ, что ли? Неси.

Ко мнѣ тотчасъ же была принесена пара ихъ и продана за четыре копейки, т. е., по двѣ коп. штука!.. Они предварительно были ободраны и шкурки ихъ уже пошли въ продажу. Разумѣется, вмѣстѣ со шкурой, заяцъ стоилъ бы гораздо дороже. Зимою, ободранные зайцы продаются здѣсь по 1 к. штука. Я объяснялъ мѣстнымъ крестьянамъ выгоды—возить мороженныхъ зайцевъ въ Петербургъ. Но они только отплевывались.

— Съ экой гадью валандаться! Господи прости!...

— Что у васъ такъ дешевы зайцы?

— А куда ихъ. Народъ у насъ не естъ эту гадину! Потому, на кошку походятъ. Собакъ, котовъ кормятъ зайчами, да вотъ когда проѣзжихъ Господь дастъ. Чиновники даже оченно одобряютъ. Извѣстно, господа ѣдятъ, объяснялъ старикъ, неодобрительно поглядывая на мои приготовленія къ обѣду.

— Да, вѣдь, они вкусны, дѣдушка.

— Скусны. Мало что скусны! Вонъ и голубки, сказываютъ, скусны, да вѣдь духъ святой, въ видѣ голубя, на землю сошелъ. А нѣмцы и голубей ѣдятъ. Поди, и русскіе господа нониче ихъ тоже кушаютъ.

— Кушаютъ.

— Грѣхи!

Желая хотя немного ознакомиться съ этими лѣсами, я вошелъ пользуясь перемѣною лошадей, въ тѣнистую чащу, по узенькой, едва протоптанной дорожкѣ. Скоро меня, со всѣхъ сторонъ, обошло темное царство могучихъ стволовъ, прямыхъ какъ стрѣла и подымавшихся высоко, высоко. Лѣсъ тянулся безъ просѣкъ, безъ полянъ, какой только можетъ встрѣтиться на нашемъ сѣверѣ, однообразный, но величавый именно этимъ подавляющимъ однообразіемъ. Здѣсь нѣтъ, тѣхъ неуловимыхъ звуковъ самой разнохарактерной жизни, которыми охватываютъ путника лѣса юга. Нѣтъ, тутъ стоитъ постоянно одинаковый гулъ отъ тихо колеблющихся въ недосягаемой высотѣ темныхъ и иглистыхъ вершинъ елей и сосенъ.

Оттого долгія пѣсни сѣвера носятъ отпечатокъ такого суроваго величія. Слагаясь въ ровныхъ, усѣянныхъ кое-гдѣ валунами, пустыняхъ, въ мрачной глуши рѣдкаго и высокаго лѣса, онѣ заимствовали у первыхъ звуки разгулявшейся на просторѣ вьюги, а у втораго—его угрюмый, монотонный гулъ. Высокое небо рѣдко улыбается здѣсь свѣтомъ яркаго дня и безоблачной лазурью. Нѣтъ, низко надъ сѣрой землей ползутъ темныя, тяжелыя тучи; только въ краткое лѣто разноцвѣтныя моховыя полосы пестрятъ утомительное однообразіе пейзажа. Широкія рѣки медленно льются по этой безлюдной пустынѣ, ихъ глухой величавый шумъ сливается съ такимъ же мрачнымъ и таинственнымъ гуломъ обступившаго ихъ лѣса...

Въ одной деревнѣ, черезъ которую пришлось мнѣ проѣзжать, почти треть населенія страдала чѣмъ-то въ родѣ горячки. На каждомъ шагу попадались блѣднозеленыя лица съ подтеками безцвѣтные глаза, изморенныя, чахлыя груди. Ока-

залось, что болѣзнь эта повторяется здѣсь неизбѣжно каждый годъ, обусловливаемая самыми основными свойствами земледѣльческаго труда на болотахъ, гдѣ хлѣбопашцы добываютъ тундру, т. е., удобреніе для полей. Сотни мужчинъ заболѣваютъ недѣли на четыре или на три и потомъ выздоравливаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Обтерпѣлся ли здѣшній крестьянинъ, или самая эпидемія слаба, только умирающіе въ диковину. Къ несчастію, если выдѣлить Архангельскъ, то на всю эту громадную губернію приходится только одинъ врачъ— въ Шенкурскѣ. Въ городахъ же: Холмогорахъ, Пинегѣ, Мезени, Онѣгѣ, Кеми и Колѣ медиковъ вовсе нѣтъ, а въ ихъ уѣздахъ и подавно. Понятно, что это самымъ пагубнымъ образомъ отзывается на здоровьи населенія, въ средѣ котораго, на цѣлыхъ тысячахъ верстъ пространства, извѣстная заразительная болѣзнь получаетъ возможность безпрепятственнаго распространенія. Говорятъ, что все Поморье, все то Поморье, которое еще недавно отличалось здоровыми промышленниками, рослымъ и физически-сильнымъ населеніемъ, въ настоящее время, представляетъ арену, въ которой эта болѣзнь дѣйствуетъ съ наибольшимъ успѣхомъ. Отчего же, спрашивается, не назначить туда медиковъ? Отвѣтъ весьма естественный,—никто изъ нихъ въ эту глушь и заглядывать не хочетъ. Губернаторы хлопотали объ увеличеніи содержанія докторамъ, которые рѣшились бы занять вакантныя мѣста въ этихъ отдаленныхъ захолустьяхъ. Чѣмъ кончились эти хлопоты? Вѣроятно, ничѣмъ, потому что врачей въ Архангельской губерніи нѣтъ и до сихъ поръ.

— Отчего вы оставили Архангельскую губернію? спрашивалъ я у одного врача въ Шлиссельбургѣ, служившаго въ ней прежде.

— Ну, батюшка, я тамъ протрубилъ девять лѣтъ, которыя и до сихъ поръ представляются мнѣ какимъ-то кошмаромъ. Мнѣ пришлось быть въ Мезени,—это въ двухъ шагахъ разстоянія отъ ада. Я думаю, что въ каторгѣ лучше! Представьте себѣ городъ, гдѣ только и есть свѣту, что врачъ да мировой посредникъ. Живите, коли охота, между иностран-

цами (такъ называлъ онъ жителей Мезени), а я ужъ слуга покорный! Поссорился я тамъ съ однимъ купцомъ и чуть не умеръ съ голоду, потому что единственная лавка въ городѣ принадлежала ему. Холодно, глухо, пусто—ну, и практики никакой, а казеннаго жалованья только развѣ на подметки хватить. Жоли!

Пришлось согласиться, что далеко не жоли.

— Тото-съ. Въ первое время я не зналъ, гдѣ говядины достать. Большое, да хорошое, село, средней руки, въ родѣ Олонецкаго Вознесенья или Запечерской Ижмы гораздо лучше Мезени, да, пожалуй, и всѣхъ архангельскихъ городовъ, кромѣ губернскаго и Шенкурска. Я думаю, Робинзону на необитаемомъ островѣ было гораздо лучше, чѣмъ мнѣ... Представьте себѣ совершенно медвѣжій уголъ безъ журналовъ, безъ газетъ, безъ образованнаго общества и вы поймете мое положеніе. Я только что сошелъ съ университетской скамьи, хотѣлось работать, руки чесались,—дѣла пропасть и кругомъ мертвечина, гробы повапленные, по выраженію Аскоченскаго. Какое дѣло, какой разумный трудъ возможенъ между россійскими иностранцами? Не самоѣдовъ-ли просвѣщать? слуга покорный! Ну и бился десять лѣтъ. Кажется, издохъ бы, какъ собака, если бы не ссыльные кой-какіе. Тѣ, все-таки, представляли нѣкоторую интеллигенцію.

Весьма понятно, что при такой жалкой обстановкѣ и при отсутствіи практики (кормить прежде всего) сюда никого не заманишь. Казенно-коштные воспитанники медико-хирургической академіи, которыхъ, по неволѣ, правительство посылало сюда по окончаніи курса, и тѣ не оставались болѣе двухъ, трехъ лѣтъ. А одинъ даже рѣшился застрѣлиться, если его не возьмутъ отсюда!

II. Онежскій уѣздъ.

На дорогѣ къ Архангельску мнѣ удалось захватить весьма незначительную часть Онежскаго уѣзда. Это едва ли не бѣднѣйшая полоса губерніи. Почва ея глина и супесь. Земледѣліе здѣсь ничтожно и единственно выгодные заработки доставляются онежскими лѣсопильными заводами. Я нарочно подчеркнулъ слово выгодные: они даютъ рабочему возможность только не умереть съ голода и съ грѣхомъ пополамъ уплатить подати. Русскій крестьянинъ здѣсь находится въ полной, почти крѣпостной зависимости, отъ иностранцевъ, эксплуатирующихъ лѣсное богатство этого края. Онъ тутъ играетъ роль рабочаго скота и только. Въ Архангельскѣ мнѣ разсказывали, что годъ тому назадъ, одинъ изъ англичанъ, служившихъ при заводѣ доставлялъ себѣ невинное развлеченіе, стрѣляя въ чернорабочихъ; когда же ему объяснили, что общество потребуетъ съ него деньги за рекрута (подстрѣленный имъ былъ на рекрутской очереди), то умный чужеземецъ нисколько не растерялся.

— Чтожъ, я деньги отдамъ. Я его куплю. Тогда онъ будетъ совсѣмъ мой. И при этомъ даже подивился дешевизнѣ рабовъ въ Россіи, приведя въ паралель цѣны, существующія на здороваго негра въ Кубѣ и на китайца въ Америкѣ. Будь тутъ мировые судьи, нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе разрушительныя наклонности мудрыхъ иностранцевъ не оставались бы безъ послѣдствій, и права народа были бы гарантированы нѣсколько удовлетворительнѣе.

Лѣсопильные онежскіе заводы, истощая богатство страны, не приносятъ никакой выгоды даже казнѣ. Это именно одна изъ странныхъ и ничѣмъ необъяснимыхъ монополій, подобно гангренѣ разъѣдающихъ тотъ организмъ, въ которомъ онѣ поручаютъ возможность развиться до извѣстной степени. Съ дру-

гой стороны, эти заводы вредно влiяютъ на другихъ предпринимателей. Пользуясь исключительными привиллегiями,—такъ, напр., получая лѣсъ выгоднѣе, чѣмъ онъ обходится казнѣ,—они не допускаютъ даже возможности какой-либо конкуренцiи русскимъ купцамъ. Изъ нихъ, кое-кто и принимался за дѣло, какъ напр. Чертовъ, Русановъ и Бѣляевъ (послѣднiй въ Кемскомъ уѣздѣ), но удачно пошло дѣло только у Русанова, и то потому, что вблизи нѣтъ другого завода.

Компанiя онежскаго лѣсного торга имѣетъ четыре лѣсопильные завода противъ Онеги. Изъ нихъ два паровые и два вододѣйствующiе. На этихъ заводахъ скопляется до 1,000 человѣкъ, изъ которыхъ женщинъ и дѣтей отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ около 100. Здѣсь съ ноября до весны заготовляются бревна. Рабочимъ платится съ бревна въ 10 вершковъ 30 к., въ 12 вершковъ 35 коп. и т. д. до 40 коп. Въ день, такимъ образомъ, рабочему можно заработать отъ 60—70 коп., съ обязанностью вывезти лѣсъ на своей лошади на мѣсто сгона. Лошадь и рабочiй не продовольствуются на счетъ хозяина. Съ открытiемъ судоходства лѣсъ сплавляется къ заводамъ. Рабочiй получаетъ въ это время отъ 12—15 рублей на своихъ харчахъ. Доставивъ плоты къ заводу, онъ обязанъ самъ же разобрать ихъ и потомъ уже приступить къ распиловкѣ, во время которой рабочiй на своихъ же харчахъ получаетъ отъ 15—18 рублей въ мѣсяцъ. Работы преимущественно сдѣльныя и означенную плату можно получить, работая мѣсяцъ сплошь, безотходно. Распиленныя доски относятся на другой приводъ, гдѣ обрѣзаются бока ихъ, потомъ ими нагружаются вагоны, съ помощью лошади придвигаемые къ биржѣ, гдѣ доски складываются въ штабеля въ сараяхъ. Тутъ готовый матерьялъ ждетъ своей очереди для браковки. Браковщикъ дѣлитъ доски на три сорта и отмѣриваетъ для обрѣзки концы досокъ (отъ 21—23 футовъ длины). Обракованныя доски чисто переносятся въ вагоны, для отрѣзки лишнихъ концовъ Трудъ переноски досокъ весьма тяжелъ. Доску въ $2^1/_2$—3 дюйма толщины, 5 дюймовъ ширины и 3 сажени длины рабочiй долженъ

пронести одинъ, на плечѣ, шаговъ 10—15 и ловко сбросить ее на ряды другихъ. Тяжесть доски доходитъ до 7 пудовъ. Такой рабочій можетъ заработать въ день 70 коп., но обыкновенно этой работы никто долго выносить не можетъ. Отрѣзываютъ концы досокъ ручною пилою двое поденьщиковъ, съ платою по 30 к. въ день. Потомъ доски складываются въ романовки—неуклюжія, большой вмѣстимости суда. На каждомъ суднѣ находится 3 рабочихъ и кормщикъ. Плата — рабочимъ 15, кормщику 18 р. въ мѣсяцъ, считая и праздничные дни рабочими. Романовки буксируются двумя пароходами. Женская и дѣтская заработная плата — 15, 25 коп. въ день. Зимою тутъ остается до 500 рабочихъ. Заработная плата падаетъ, но, тѣмъ не менѣе, рабочій день равняется 12 часамъ. Для обезпеченія продовольствія рабочихъ на этихъ заводахъ, компанія имѣетъ свои магазины съ съѣстными продуктами, откуда производится продажа не свыше лавочныхъ цѣнъ. Къ заводамъ ежегодно приплавляется до 400,000 штукъ бревенъ. Заработную плату можно опредѣлить въ 100,000 рублей. Рабочій, среднимъ числомъ, не заработаетъ болѣе 40 рублей въ годъ. Къ этому нужно прибавить, что пудъ хлѣба въ Онегѣ обходится въ 1 руб. 20 и даже въ 1 руб. 27 и 1 р. 30 к.; Компанія за каждую сотню (стандарную) досокъ выручаетъ въ Англіи отъ 14½ до 15½ фунт. стерл., или отъ 107 до 114 руб. 45 коп. Изъ этихъ данныхъ всякій самъ можетъ подвести соотвѣтствующіе итоги. Жители Онеги жалуются, что казарменная жизнь рабочихъ способствуетъ развитію разврата, пьянства и преступленій. По ихъ заявленію, у нихъ прежде были развиты и земледѣліе и морскіе промыслы (несравненно выгоднѣйшіе, чѣмъ работы на заводѣ), а съ устройствомъ привелигированныхъ заводовъ то и другое упало. Вся Онега, подъ вліяніемъ завода, обратилась въ гнѣздо пролетаріата. Населеніе нѣкогда богатое — обнищало. Распорядителемъ судебъ цѣлаго города является управляющій заводомъ. Рабочіе, состарѣвшіеся на службѣ заводу, ничѣмъ не обезпечены. Искалѣченные при работѣ на заводахъ, потерявшіе силы,

они остаются безъ всякой матерьяльной помощи. Семьи рабочихъ, убитыхъ на заводѣ вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, получаютъ вознагражденіе за потерю отца, мужа или сына—куль муки, и только. А между тѣмъ, нѣсколько лѣтъ назадъ (чуть ли не въ шестидесятыхъ годахъ), казна предоставила онежской компаніи особенныя льготы, которыми иностранцы, разумѣется, и пользуются безъ всякаго радѣнія о нашихъ отечественныхъ интересахъ. За лѣсъ заводы платятъ пошлины, существовавшія въ отдаленныя времена, не смотря на то, что теперь всюду онѣ чуть не удесятерились (а въ то же время мѣстному солеваренію—по отпуску лѣса—никакихъ облегченій и скидокъ!). Такая монополія дѣлаетъ невозможнымъ устройство другихъ заводовъ, почему эксплуатація растетъ все шире и шире, захватывая уѣздъ.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ онежскихъ заводахъ очевидецъ: „Рабочіе живутъ въ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ, безъ правильной вентиляціи. Воздухъ спертый и удушливый; въ комнаткѣ помѣщается отъ 15 до 50 человѣкъ. Спятъ рабочіе скученно на тѣсныхъ нарахъ; здѣсь же, въ русскихъ печкахъ, готовятъ себѣ пищу, каждый особо, отчего въ теплое время жара стоитъ невыносимая. Многіе, поэтому, устроиваютъ себѣ для ночлега маленькіе шалашики, въ родѣ курятниковъ, гдѣ имъ приходится дышать заражоннымъ воздухомъ отъ помойныхъ ямъ и прочихъ стоковъ нечистотъ. Смѣшеніе между полами — вещь обыкновенная. Въ коридорахъ запахъ трески и сайды. При лѣсопильныхъ заводахъ имѣется больница, на содержаніе которой вычитается по 60 к. въ годъ съ каждаго рабочаго; при ней фельдшеръ, но бѣлья въ больницѣ только на шесть больныхъ, а пищи не положено вовсе. Преобладающія здѣсь болѣзни: цынга, горячка и кровавый поносъ. Земли и хозяйства рабочихъ запущены; въ долгъ имъ не вѣрятъ (ст. В. К. въ „Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“); тѣ блаженныя времена, когда бѣднякъ имѣлъ полный кредитъ въ конторѣ и разсчитывался по мѣрѣ возможности, минули съ выѣздомъ изъ

Онеги Ѳ. Джеллибранта. Теперь рабочій въ контору не суйся, а о впавшихъ въ долгъ и говорить нечего. Замѣчательно, что нѣсколько лѣтъ назадъ компанія добивалась права, чтобы паспорты мѣщанамъ Онеги на отлучку изъ города выдавались не иначе, какъ съ разрѣшенія управляющаго конторою лѣсопильныхъ заводовъ.

Положеніе остальныхъ работниковъ завода не лучше. По теченію рѣки Онеги, въ началѣ весны начинается вербовка рабочихъ на Онежскія лѣсопильные заводы, для сплава лѣса, предварительно заготовленнаго въ Архангельской, Олонецкой, Петербургской и Новгородской губерніяхъ. Для этого составляются артели, каждая отъ 50-ти до 100 человѣкъ; ихъ организуютъ мѣстные капиталисты-десятники, причомъ заподряжаютъ каждаго рабочаго за опредѣленную плату и отправляются съ ними на мѣсто заготовки лѣса. Съ хозяевами лѣсоторговцами совершаетъ сдѣлки не артель, а десятскій, и не какъ выбранный отъ артели, но какъ полновластный ея господинъ. По прекрасному выраженію: „онъ продаетъ лѣсопромышленнику закупленный впередъ рабочій трудъ“, конечно, гораздо дороже того, что заплатилъ самъ. Напримѣръ, подряжая рабочаго отъ 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. въ недѣлю, онъ перепродаетъ его (въ свою пользу, безъ участія артели въ его выгодахъ) хозяину отъ 4 до 5 руб. Вы скажете, что на такихъ условіяхъ въ артель пойдетъ рѣдкій крестьянинъ. Ничуть не бывало. Начиная отъ подростковъ съ двѣнадцати лѣтъ, большинство мужчинъ уходитъ въ эти „выгодныя, искони русскія общины“. Такъ, изъ двѣнадцати малонаселенныхъ волостей въ 1872 году ушло сюда 3,727 человѣкъ безъ подростковъ; съ подростками нужно считать вдвое. Но почему же они не составляютъ самостоятоятельныхъ артелей, которыя сами входили бы въ сношенія съ лѣсоторговцами? Дѣло въ томъ, что, тутъ, какъ и вездѣ, самымъ активнымъ дѣятелемъ является лютая нужда. Работникъ долженъ отлучиться на лѣсныя работы месяцевъ на восемь. У него остается семья, которую необходимо обезпечить хлѣбомъ на

все это время; за нимъ числятся подати и недоимки — надо ихъ заплатитъ до полученія паспорта. Гдѣ же взять денегъ и на хлѣбъ и на подати? Разумѣется, у міроѣда десятника. Онъ и пользуется безвыходнымъ положеніемъ рабочаго человѣка и торгуетъ этимъ живымъ товаромъ съ совершенно покойною совѣстью, какъ американскіе эксплуататоры китайскими кули. Зная, что рабочій человѣкъ придетъ непремѣнно къ нему, а не къ кому другому, десятникъ заранѣе вступаетъ въ соглашеніе съ хозяиномъ и поставляетъ ему опредѣленное число головъ. Какъ скоро рабочій получитъ такимъ путемъ задатокъ—не болѣе, впрочемъ, двадцати рублей — онъ уже теряетъ право договариваться лично съ хозяиномъ. Крестьянинъ за тяжкій восьмимѣсячный трудъ получитъ отъ 30 до 40 р., тогда какъ десятникъ за него возьметъ не менѣе 100 рублей. Заработокъ **артели** такъ малъ, что рабочій и въ теченіи этихъ восьми мѣсяцевъ по содержанію семьи своей входитъ въ долги десятнику, за которые обязанъ явиться на слѣдующій годъ къ нему же. И такъ изъ году въ годъ, рабочій получаетъ все меньше и меньше, потому что часть заработка идетъ уже въ уплату за старый долгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, ростетъ новый.

Не безъинтересно узнать, насколько легокъ трудъ закрѣпощоннаго такимъ образомъ рабочаго. Прежде всего ему необходимо пройти нѣсколько сотъ верстъ въ весеннюю распутицу, на свой собственный счетъ, на мѣсто работы. На этомъ **сгонномъ** мѣстѣ, его уже кормитъ хозяинъ. Лѣсъ рубится. Тотчасъ по вскрытіи рѣкъ бревна сваливаются въ воду, вяжутся въ плоты, на порожистыхъ же рѣчкахъ сплавляются по одиночкѣ. Рабочіе обязаны слѣдить за каждымъ бревномъ, находясь на холоду и въ водѣ. Они мокнутъ и дрогнутъ отъ сырости и стужи и, единственнымъ мѣстомъ ихъ отогреванія служитъ костеръ на открытомъ берегу или родъ шалаши изъ хворосту и соломы на самомъ плоту. Рабочіе страдаютъ тифомъ и лихорадкой; болѣютъ тысячами. По теченію рѣки Онеги, во всѣхъ волостяхъ, населеніе хвораетъ въ извѣстное вре-

мя года повально. Процентъ умирающихъ рабочихъ, занимающихся рѣчными сплавами, второе болѣе процента умирающихъ, въ средѣ населенія, занятаго охотою, земледѣліемъ и рыболовствомъ. „Ни десятники, ни лѣсохозяева не принимаютъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію здоровья сгонщиковъ. Заболѣваетъ рабочій—онъ принужденъ валяться въ нечистотѣ и сырости, пока, въ шалашѣ. Въ первой деревнѣ его сдадутъ какой нибудь старухѣ на излеченіе, потомъ забудутъ, умеръ онъ или выздоровѣлъ—все равно, заработная плата ему не только не зачтется за это время, но не рѣдко не возвратится и зажитое". Кромѣ болѣзней, нерѣдко люди гибнутъ десятками отъ случайностей, сопряженныхъ съ работою. Такъ, напримѣръ, лѣсъ напираетъ часто въ какомъ нибудь мелководьѣ грудами; приходится его разворачивать, отчего онъ трогается иногда всею массою и особенно ретивые рабочіе остаются подъ лѣсомъ. Семьи погибшихъ не вознаграждаются; они даже не получаютъ денегъ, слѣдовавшихъ убитому. Мало этого: рабочими еще спекулируютъ другіе, входя съ десятниками въ долю. За извѣстную сумму они получаютъ на свой пай опредѣленное число рабочихъ, или, лучше сказать опредѣленное число головъ, которыми и пользуются безконтрольно. Села, изъ которыхъ уходятъ рабочіе, пустѣютъ земледѣліе и другіе промыслы падаютъ, семейная жизнь разрушается, такъ какъ рабочій на сторонѣ пріучается пить, да и нищета деморализуетъ его, развращаетъ до скотства. Производительность волостей понижается до минимума. Торговля трудомъ—самый страшный и самый вредный видъ эксплуатаціи! Вездѣ, гдѣ она пуститъ свои корни, нищаетъ народъ, умножаются кабаки, пустѣетъ церковь и закрываются школы. Это—бичь, единственное средство противъ котораго—устройство свободныхъ артелей. А такія артели безъ правительственной затраты осуществиться не могутъ. Одно изъ средствъ, которое могло бы дать крестьянству способы для борьбы съ этимъ зломъ—сельскіе банки. Еслибъ дѣло банковъ не находилось въ рукахъ тѣхъ же міроѣдовъ, а велось честно и добросовѣстно,

мѣстопромышленная артель дѣйствительно стала бы артелью, а не сгоннымъ стадомъ. Всякій рабочій, запасшись предварительно деньгами изъ банка, пошелъ бы лично наниматься и пріобрѣлъ бы, вѣрно, болѣе настоящаго своего заработка...

Какъ мы выше замѣтили, хлѣбопашество въ Онежскомъ уѣздѣ весьма слабо развито. На 35,000 чел. жителей этой части Архангельской губерніи ежегодно засѣвается ржи до 1,500 четвертей, ячменя до 7,000 четвертей и картофеля 1,200 четвертей, а сбирается съ полей до 5,000 четв. ржи, ячменя до 7,000 четвертей и картофеля 4,000 четвертей. Для продовольствія, слѣдовательно, остается 25,000 четвертей, тогда какъ нормальная потребность хлѣба на всѣхъ жителей этого уѣзда доходитъ до 690,000 пуд. Итого, дефицитъ почти въ полмилліона пудовъ. Отсюда понятно громадное развитіе въ этомъ краѣ промысловой эмиграціи. Значительная часть мужскаго населенія отправляется отсюда въ сосѣднія губерніи и въ Петербургъ, для занятій отхожими промыслами, при чемъ весьма понятно, нѣкоторые изъ нихъ не возвращаются домой вовсе, а другіе, хотя и возвращаются, но съ задатками весьма печальнаго свойства. Отхожіе промыслы доставляютъ онежанамъ до 450,000 рублей въ годъ, но значительная часть этой суммы проживается внѣ предѣловъ уѣзда. Рыболовство и морское звѣроловство не даютъ имъ и 30,000 руб. въ годъ. Остаются работы на лѣсопильныхъ заводахъ — но о нихъ уже сказано выше.

Онежскій уѣздъ вмѣстѣ съ Кемскимъ, во время послѣдняго голода, т. е. въ 1867 г. — были совершенно беззащитны передъ этимъ бичемъ нашего крестьянскаго убожества. Населеніе поѣло своихъ коровъ, свой рабочій скотъ, продало послѣдніе пожитки и потомъ буквально умирало съ голода. Несчастныя села и деревни, особенно же тѣ, которые расположены въ сторонѣ отъ рѣки Онеги, истративъ послѣдніе свои запасы, послѣднюю рыбу, стали питаться соломой, древесной корой и другими непитательными ингредіентами. Напрасно настоятель онежскаго крестнаго монастыря, о. Кириллъ, взи-

валъ о помощи отъ имени всего окрестнаго крестьянства, напрасно голодный тифъ истреблялъ цѣлыя поселки—въ Архангельскѣ не вѣрили въ голодъ. Когда британскій консулъ, Чарльзъ Ренни, организовалъ помощь страдавшимъ отъ голода, первое препятствіе встрѣтилъ онъ въ губернскомъ городѣ. Въ самомъ Архангельскѣ составлялись таблицы и статистическія данныя, по которымъ оказывалось, что здѣсь, благодаря Бога, все обстоитъ благополучно, благорастворение воздусей и изобиліе плодовъ земныхъ не оставляютъ желать ничего лучшаго, смертность и преступленія не только не возрастаютъ, но понижаются въ численности; короче, голодъ оказывался однимъ „соннымъ мечтаніемъ", чѣмъ то въ родѣ кляузы унтеръ-офицерской вдовы Пошлепкиной, ухитрившейся высѣчь самое себя. А между тѣмъ, въ глуши Онежскаго уѣзда и въ Кемскомъ творились ужасныя вещи! О нихъ мы уже говорили въ началѣ этой главы. Казеннаго хлѣба во всевозможныхъ провіантскихъ учрежденіяхъ не оказалось вовсе, какъ и слѣдовало ожидать, потому что русскій человѣкъ, заднимъ умомъ крѣпокъ. Уѣздное провіантское начальство болѣе помышляло о путяхъ въ царствіе небесное и пришествіи антихриста, чѣмъ о пришествіи голода. Народъ голодалъ, умиралъ, утучняя почву, или разбѣгался во всѣ стороны. Воспоминанія объ этомъ тяжкомъ годѣ долго будетъ жить между крестьянами Архангельской губерніи, хозяйства которыхъ и до сихъ поръ разорены. Мѣстный пролетаріатъ, послѣ этого, увеличился на 50 процентовъ. Понятно, что продовольственная часть, послѣ того, значительно улучшена, и повторенія такихъ же ужасовъ ждать нельзя. Тѣмъ не менѣе и теперь еще встрѣчаются многія условія, тормозящія мѣстное хлѣбопашество.

Считаю не безъинтереснымъ указать по этому поводу на одинъ старый законъ, примѣненіе котораго къ практикѣ создаетъ у насъ немаловажныя затрудненія, пагубно вліяющія на экономическую дѣятельность мѣстнаго крестьянства. Я говорю о 48-й ст. „Устава о народномъ продовольствіи" (томъ XIII-й). По смыслу статьи ежегодно съ крестьянъ должно

взыскиваться на пополненіе хлѣбныхъ недоимокъ по $1^1/_2$ четверти зеренъ (для Архангельской губерніи ячменя—примѣч. къ ст. 41-й того же устава). Пропорція эта уменьшается, и самое взысканіе отмѣняется вовсе, если урожай далъ самъ-2. Ни въ какомъ другомъ случаѣ количество подлежащей къ возврату ссуды не можетъ быть сокращено. Установляя это исключеніе, законодатель имѣлъ въ виду оставить въ крестьянскомъ хозяйствѣ необходимый запасъ для посѣва на слѣдующій годъ; но регламентація на этотъ разъ оказывается вредною. Въ такихъ чисто хозяйственныхъ операціяхъ, какова хлѣбная, опредѣлить впередъ цифру взносовъ съ строгою точностью нельзя. Чѣмъ самостоятельнѣе учрежденія, на обязанность которыхъ возложены продовольственныя операціи, тѣмъ лучше. Законы, весьма удобныя для земледѣльческой полосы, оказываются непримѣнимыми у насъ. Представьте себѣ волость, состоящую изъ 699 человѣкъ; во время голодовокъ эти крестьяне забрались казеннымъ хлѣбомъ, и съ нихъ ежегодно производится взысканіе по 1— четверти съ души; но дѣло въ томъ, что волость, напримѣръ, расположена въ Онежскомъ, Кемскомъ или Мезенскомъ уѣздахъ и въ ней всего на все собирается съ нивы при урожаѣ въ самъ 4—600 четвертей хлѣба. По безвыгодности хлѣбопашества при настоящихъ его условіяхъ, земледѣліемъ здѣсь занимаются мало. Супесь и глина, составляющія почву, и суровость климата — часто убиваютъ яровые всходы на корню. И такъ, урожай выше самъ-2, по указанію 48-й статьи, съ крестьянъ слѣдовательно должно быть взыскано 1,048 четвертей, т. е. болѣе чѣмъ вдвое противъ общаго числа снятаго съ полей хлѣба, часть котораго надо еще оставить на продовольствіе земледѣльцовъ, да на слѣдующій посѣвъ. Неправда ли, какъ удобно здѣсь примѣненіе этого общаго для всѣхъ закона, недопускающаго существенныхъ исключеній и для крайняго сѣвера! При этомъ нельзя не обратить вниманія еще и на то: какое вліяніе подобный законъ можетъ имѣть на развитіе мѣстнаго хлѣбопашества. Понятно, что, послѣ этого, нашего крестьянина и въ сравнительно

болѣе удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ Архангельской губерніи къ сохѣ и калачомъ не заманишь! Ему иной разъ придется радоваться малому урожаю, потому что, при сборѣ самъ-2, весь хлѣбъ остается у него на рукахъ, тогда какъ, при сборѣ самъ-3, его отберутъ на пополненіе хлѣбной недоимки. Въ первомъ случаѣ, какъ выше замѣчено, законъ имѣлъ въ виду оставить въ хозяйствѣ запасъ для слѣдующаго посѣва, а во второмъ — цѣль эта оставляется въ сторонѣ.

Окончательный подъемъ благостоянія и обезпеченіе губерніи отъ будущихъ неурожаевъ, которые здѣсь повторяются три раза въ десятилѣтіе, совершится съ устройствомъ вятско-двинской желѣзной дороги и съ введеніемъ земскихъ учрежденій. Почему Архангельская губернія, гдѣ никогда не было крѣпостнаго права, не пользуется тѣми же благодѣяніями гласнаго суда и земства, которыя дарованы другимъ губерніямъ Россіи, поставленнымъ въ гораздо худшія условія относительно гражданственности и правоспособности ихъ населеній?

III. Холмогорскій уѣздъ.

Мѣстность становится ровнѣе и горизонтъ расширяется въ безконечныя глади. Иногда дорога пересѣкаетъ болотныя луга, направо и налѣво зеленѣетъ необъятный просторъ съ рѣдкими рощицами и деревнями. Чѣмъ ближе къ Холмогорамъ, тѣмъ скотъ становится крупнѣе, села зажиточнѣе и многолюднѣе. Типъ населенія тотъ же, но люди глядятъ еще самоувѣреннѣе, а женщины еще красивѣе. Холмогорская порода рогатаго скота происходитъ отъ тѣхъ остъ-фрисландскихъ роди-

чей, которые были присланы сюда Екатериной II. Ихъ потомки не уступаютъ имъ въ красотѣ, ростѣ, молочности. Луга Холмогорскаго уѣзда, богатые тимофеевкой и клеверомъ обусловливаютъ возможность широкаго развитія скотоводства; къ несчастію оно не приноситъ всей должной выгоды, потому что молочное хозяйство здѣсь не организовано на раціональныхъ основаніяхъ. Нѣтъ порядочнаго сыродѣлательнаго завода, за исключеніемъ небольшаго предпріятія г. Седѣльникова въ Холмогорахъ, и крестьяне обыкновенно продаютъ не продукты скотоводства, а самый скотъ, т. е., лучшихъ дойныхъ коровъ, въ Петербургъ и Москву. При мало-мальски хорошо устроенномъ молочномъ хозяйствѣ, такія коровы должны бы приносить каждая по 50 р. ежегоднаго дохода—minimum. А между тѣмъ, въ настоящее время, онѣ продаются по 100, 120 и 150 за голову. Отсюда ясно, насколько выгодно ихъ содержаніе для мѣстнаго хозяина. Пока, такимъ образомъ, губернія не создастъ выгоднаго рынка для сбыта молочныхъ скоповъ,—здѣшнее скотоводство будетъ далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ считается до 40,000 головъ рогатаго скота; скотъ той-же породы встрѣчается и въ Архангельскомъ и въ Шенкурскомъ уѣздахъ. Если принять ежегодный приплодъ отъ этого скота въ 8,000 телятъ, а среднюю продажу на выводъ изъ губерніи въ 4,000 головъ и на убой въ 3,000 головъ, то окажется что будущность мѣстнаго скотоводства далеко не блистательна. Министерство государственныхъ имуществъ, въ послѣдніе годы, для поддержанія этого промысла, ежегодно отчисляетъ изъ своихъ суммъ довольно значительныя деньги на покупку лучшихъ телятъ, которые потомъ раздаются безвозмездно благонадежнымъ хозяевамъ, съ условіемъ отнюдь не продавать ихъ на выводъ изъ предѣловъ Архангельской губерніи. Хлѣбопашество въ Холмогорскомъ уѣздѣ развито довольно сильно, разумѣется, сравнительно съ другими мѣстами русскаго сѣвера. Ежегодно засѣвается до 2,500 четв. ржи, до 7,180 четв. ячменя, до 100 четверт. овса и до 1,100 четв. картофеля, а сбирается 9,000 четверт. ржи, 400

четв. овса, 28,000 четв. ячменя и 4,000 четверт. картофеля. Собственно хлѣба, значитъ, засѣвается до 10,000 четверт., а сбирается до 37,500 четв. На продовольствіе изъ послѣдней суммы остается 27,000 четв. На 33,370 жителей уѣзда нужно около 650,000 пуд., мѣстное же хлѣбопашество даетъ 215,000 пуд., итого дефицитъ — 435,000 пуд., или перелагая на денежную цѣнность, 360,000 р., по 10 р. 90 коп. на каждаго жителя. Относительно другихъ уѣздовъ, за исключеніемъ Шенкурскаго, Холмогорскій составляетъ, какъ выше замѣчено, выгоднѣйшую полосу для земледѣльческой дѣятельности. Здѣсь на десятинѣ, засѣянной четвертью ржи, иногда вызрѣваетъ до 7 четвертей, а на десятинѣ, засѣянной 2 четвертями ячменя—8 четвертей послѣдняго. Заработанная плата рабочимъ здѣсь нѣсколько выше, чѣмъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ; такъ, во время посѣва, рабочій получаетъ, на своемъ продовольствіи, рубль, если онъ съ лошадью, и 50 коп.—если одинъ; работница 30 к.; за посѣвъ десятины уплачивается 3 р.; во время сѣнокоса рабочій съ лошадью беретъ по 1 р. 50 к. поденно; одинъ по 70 к., работница 50 коп.; во время уборки хлѣба, первый получаетъ 1 р. 30 к., второй 55 к., третья 30 коп. Сельско-промышленная производительность Холмогорскаго уѣзда—ничтожна. Валовой оборотъ ея не достигаетъ и 25,000 руб., т. е., менѣе 70 к. на каждаго жителя. Населеніе преимущественно занимается рѣчными сплавами и отхожими промыслами. Значительная часть его выдѣлываетъ кожи изъ мѣстнаго скота, которыя отправляются скупщиками, для окончательной обработки, въ Петербургъ. Кожи, приготовленныя въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, не отличаются прочностію. Было бы весьма желательно, еслибы въ архангельской ремесленной школѣ, вмѣсто литейнаго или рѣзнаго ремесла, преподавалось хорошимъ спеціалистомъ кожевенное. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что здѣшнія сельско-промышленныя хозяйства организованы по всей Архангельской губерніи весьма просто. Это, по большей части, такія производства, изъ коихъ каждое по среднему выводу, не превышаетъ 30 р. въ годъ обо-

за рѣдкими исключеніями, работаютъ члены одной семьи. Постороннихъ производителей нѣтъ, да и быть не можетъ, по безвыгодности дѣла. Таково здѣсь кожевенное, замшевое, смолокурное, канатное и прочія производства, пышно именуемыя по всей Россіи фабрично-заводскими. Таково, по крайней мѣрѣ вездѣ ихъ оффиціальное названіе. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ вся промышленность даетъ въ годъ не болѣе 25,000 р., такихъ фабрикъ и заводовъ пришлось бы насчитать до 1,000 (по двадцати пяти рублей на каждую фабрику!)

Чѣмъ дальше по дорогѣ, тѣмъ виды становятся красивѣе оживленнѣе. Передо мною растилалась сѣверная красавица Двина, съ селами, скучившимися по обѣимъ берегамъ ея, съ массами барокъ, плававшихъ взадъ и впередъ, съ карбасами, а иногда и съ пароходами предпріимчиваго верховскаго купца Булычева. Изрѣдка встрѣчались и стружки, старинной, чуть ли не новгородскими ушкуйниками, завѣщанной формы. Погода стояла теплая и ясная. Голубое небо словно обнимало эту далекую, мягко зеленѣвшую гладь. Иногда становилось невыносимо жарко. Наконецъ, за Сійскимъ селомъ, передъ нами открылась великолѣпная панорама свѣтловодныхъ Сійскихъ озеръ, посреди которыхъ въ самой идилической обстановкѣ, стоитъ Антоніевъ монастырь. Представьте себѣ цѣлую систему Двинскихъ рукавовъ и озеръ, заключенныхъ въ тѣсныя рамки слегка вехолмленныхъ, лѣсистыхъ, то принижающихся словно опущенными зеленью отмелями, то вздымающихся крутыми хребтами береговъ. Птичій гамъ и стрекотъ, стоялъ надъ этими сочными мѣстами. Это было такое поэтическое уединеніе, посреди котораго хотѣлось бы встрѣтить не монастырь, съ его сурово-аскетической обстановкой, а богатое село, гдѣ мирно и производительно трудилось-бы многолюдное населеніе. Какъ видно, первые основатели обителей на дальнемъ сѣверѣ не были лишены извѣстнаго художественнаго чутья. Они завладѣли лучшими и красивѣйшими мѣстами этого края. Таковъ, между прочимъ, и Соловецкій монастырь —

острова котораго поразятъ дивными пейзажами даже туриста, привыкшаго къ роскошной природѣ юга. Антоніево-Сійскому монастырю когда то принадлежала чуть ли не лучшая половина Холмогорскаго уѣзда. Еще недавно онъ заявлялъ претензію на этотъ майроатъ. Онъ и до сихъ поръ не оскудѣлъ средствами, благодаря усердію богомольцевъ. Быстро мелькнули мимо меня на зеленѣющей поверхности поемнаго луга низенькія стѣны обители.

Холмогоры, еще въ XVII столѣтіи, были административнымъ и умственнымъ центромъ Архангельской губерніи, т. е., всего русскаго сѣвера. Наружность этого мизернаго, скучнаго городишки съ населеніемъ въ 600 человѣкъ едва-ли измѣнилось и въ настоящее время. Длинная улица, обстроенная небольшими деревянными домишками, примыкаетъ къ собору. Базарная площадь съ кренделями, кабаки съ неизбѣжной сивухой, кабаки направо и налѣво, красивый домъ какого то купца и опять кабаки—вотъ и весь городъ. Несчастный городъ! При взглядѣ на такія невыносимо-скучныя, отвратительно-апатическія и сонныя гнѣзда, невольно задаешься вопросомъ: ради чего живутъ тутъ люди? Въ чемъ ихъ интересы, что шевелитъ эту, цѣлыми столѣтіями наслоившуюся, болотную грязь?

Холмогоры стоятъ, въ центрѣ того теченія Двины, которое особенно богато островами, образуемыми развѣтвленіями ея побочныхъ рукавовъ. Тутъ особенно замѣчательны острова Чуль, Ровдогорскій, Куростровскій, Чухчеремскій, Верхній ухръ, Нижній ухръ, Осолдковъ, Карапинецъ, Карапинскій и Ельничный. Отсюда Двина начинаетъ по всему своему протяженію образовывать подобные же острова, покрытые лѣсами, лугами, селами. Это вообще самая цвѣтущая часть губерніи: тутъ [illegible] лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Самый городъ расположенъ между берегомъ Двины и рѣкой Курополкой, вытекающею изъ Двины и впадающею въ нее же.

Первый разъ въ Холмогорахъ я встрѣтилъ недавно образовавшійся пролетаріатъ нашего сѣвера. Я говорю о ссыльныхъ, которыми переполнены города Архангельской губерніи. Этотъ классъ мѣстнаго населенія заслуживаетъ болѣе подробнаго знакомства, поэтому я остановлюсь на немъ нѣсколько подольше, тѣмъ болѣе, что о томъ же заявлялось ранѣе какъ мѣстными губернаторами, такъ и газетами. Намъ хорошо извѣстно, что вопросъ о ссылкѣ поднятъ давно. Въ многочисленныхъ корреспонденціяхъ изъ ссыльныхъ губерній достаточно ясно и убѣдительно высказывалось, что настоящее положеніе преступниковъ, заброшенныхъ судебными приговорами въ отдаленнѣйшія захолустья русскаго сѣвера,—ужасно въ полномъ смыслѣ слова. Мѣстные губернаторы, какъ мы знаемъ, цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ ходатайствъ и представленій, доказывали, что выборъ пунктовъ для жительства ссыльныхъ—крайне несостоятеленъ; условія, въ которыхъ находятся эти паріи XIX вѣка, — парализуютъ ихъ добрыя начинанія; крайняя нищета убиваетъ ихъ энергію и, вмѣсто достиженія исправительныхъ цѣлей, ссылка обращается въ простую, бездушную мѣру удаленія вредныхъ элементовъ изъ даннаго общества, безо всякой заботливости о ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Реабилитація ссыльнаго, при настоящемъ его положеніи, немыслима, даже если-бы онъ обладалъ желѣзной волей и самыми искренними намѣреніями обратиться на путь истинный. Люди, близко стоящіе къ дѣлу, хорошо знакомы съ тѣми страшными тисками, въ которые попадаетъ онъ, прибывая въ назначенную ему губернію. Ничтожный, малолюдный и бѣдный городокъ становится для него вѣчною тюрьмою. Какъ онъ ни держался-бы, какъ хорошо ни заявилъ-бы себя, все равно, — ему нѣтъ возврата, нѣтъ выхода отсюда. Колодникъ до могилы, онъ не имѣетъ даже права на трудъ, такъ какъ почти всѣ отрасли сего послѣдняго недоступны ему, вслѣдствіе запрета, наложеннаго уставомъ о ссыльныхъ. У него не будетъ семьи, потому что какая женщина захочетъ связать свою судьбу съ его нищетою и неволей?

Случаются исключенія: иногда ссыльный женится, и порядочная женщина, лучше всякихъ уголовно-исправительныхъ мѣръ, вліяетъ на его нравственное возрожденіе. Понятно, что предъ святымъ и высокимъ само-пожертвованіемъ подобныхъ женщинъ преклонится всякій честный человѣкъ. Никогда нигдѣ даже и лучшіе изъ ссыльныхъ не встрѣтятъ сочувствія, потому что въ этихъ глухихъ городишкахъ на всякій лишній ротъ остальные смотрятъ какъ на опаснаго конкурента и соискателя. Не встрѣчая поддержки у, подавленныхъ обиліемъ ссыльныхъ, уѣздныхъ властей, не знающихъ куда дѣвать эти десятки безпомощныхъ пролетаріевъ, не разсчитывая на своихъ новыхъ согражданъ, не имѣя права на трудъ, одинокій преступникъ окончательно падаетъ и, если онъ еще не утратилъ энергіи, пускается въ бродяжничество, бѣжитъ; въ противномъ случаѣ, мечтаетъ о тюрьмѣ, какъ о единственномъ прибѣжищѣ, доступномъ ему; вотъ чего достигаетъ общество, удаляя изъ своей среды уголовнаго преступника. Судъ, налагая приговоръ, опредѣляющій обвиненному ссылку, долженъ знать впередъ, что онъ, тѣмъ самымъ, обрекаетъ послѣдняго на самую низшую ступень нравственнаго паденія. Мы тѣмъ настойчивѣе останавливаемся на этомъ, что выводы и заключенія мѣстныхъ администраторовъ вполнѣ сходятся съ нашими указаніями. Вотъ что еще въ Петербургѣ удалось намъ встрѣтить на столбцахъ разныхъ періодическихъ изданій. Приводимъ эти отрывки потому, что, исходя изъ разныхъ мѣстъ и отъ многихъ лицъ, они ярко характеризуютъ положеніе ссыльнаго вообще въ Европейской Россіи: „Темная сторона Архангельской губерніи, говоритъ корреспондентъ „Голоса“, „это нищета ея ссыльныхъ. Мысль высылать сюда по суду и административно создала особенное положеніе для людей, все богатство которыхъ въ трудѣ и которые лишены возможности направить его на какое нибудь доступное имъ поприще. Ссылка въ Сибирь считается болѣе тяжкой, но предложите ссыльнымъ Архангельской губерніи отправиться въ Томскую, Иркутскую, или Енисейскую губерніи, и я убѣжденъ, что здѣсь не останется ни одинъ

изъ нихъ. Нищета дѣлаетъ ихъ недовольными общественнымъ порядкомъ; не пользуясь нравственной поддержкой общества, они быстро опускаются и падаютъ, чѣмъ окончательно возбуждаютъ недовѣріе и боязнь въ средѣ мѣстнаго населенія. Эти причины создали ненормальный порядокъ, при которомъ исправительная цѣль ссылки не достигается вовсе. При настоящемъ порядкѣ высылки преступниковъ въ Архангельскую губернію, случаются такіе примѣры: въ Пинегѣ, гдѣ находится нѣсколько сотъ жителей, помѣщено до 80 ссыльныхъ, въ Кеми тоже, въ Мезени еще болѣе; есть города, гдѣ ихъ 20%, спрашивается: чѣмъ должны жить эти люди? Оказывается, что большинство ихъ предается бродяжничеству, нищетѣ и праздности!"—„До чего доходитъ здѣсь нищета ссыльныхъ (дѣло идетъ о той же Архангельской губерніи), видно изъ того, что одинъ несовершеннолѣтній пытался, въ отчаяніи, поджечь домъ на людной улицѣ, въ виду всѣхъ, среди бѣлаго дня, для того, чтобы попасть въ тюрьму, не умереть съ голоду". Такихъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ корреспондентовъ можно набрать сотни.

Таково положеніе этихъ по закону „исправляемыхъ людей"! Каковы мѣры исправленія—ясно. Нищету, которая несомнѣнно довела ихъ до перваго преступленія, они, еще въ большей степени, встрѣчаютъ на мѣстѣ ссылки. Праздность становится ихъ удѣломъ, потому что въ малолюдныхъ городкахъ спросъ на трудъ сверхъ мѣры удовлетворяется коренными, мѣстными пролетаріями; безнадежность полная; скорѣе ссыльный заслужитъ Монтіоновскую премію за добродѣтель, чѣмъ добьется права на возвращеніе домой, въ среду родной семьи, вліяніе которой было бы иногда лучшею исправительною мѣрою.

Ниже будетъ разъяснено, почему ссылка въ губерніи Европейской Россіи, считаясь по закону легчайшею мѣрою наказанія, въ дѣйствительности оказывается тягчайшей, чѣмъ ссылка на житье въ Сибирь. Архангельская губернія, по которой удалось проѣхать мнѣ, можетъ служить образцомъ всѣхъ

ссыльныхъ губерній Европейской Россіи. Эта громадная по пространству, но малолюдная и скудная полоса нашего сѣвера переполнена ссыльными. Въ послѣдній годъ ихъ, по всѣмъ категоріямъ считалось не менѣе 560, изъ коихъ большинство выслано съ лишеніемъ правъ, за уголовныя преступленія. Принадлежа, по происхожденію, къ привиллегированнымъ сословіямъ, ссыльные этого разряда испытываютъ гораздо тягчайшую участь, чѣмъ люди податнаго состоянія по оффиціальной номенклатурѣ. За тѣ же самыя преступленія крестьянинъ или мѣщанинъ отправляется въ арестантскія роты и черезъ годъ или два (срокъ, который можетъ быть уменьшенъ губернскимъ начальствомъ) возвращается, при извѣстныхъ условіяхъ, домой. Дворянина же, почетнаго гражданина и др. привиллегир. сословій въ ссылку отправляютъ навсегда, съ тѣмъ, чтобы онъ подъ надзоромъ полиціи оставался до могилы! Прибывая поэтому въ губернскій городъ, ссыльный находится въ центральной тюрьмѣ нѣсколько дней, пока ему не назначатъ мѣстомъ жительства одинъ изъ предварительно намѣченныхъ администраціей пунктовъ, съ малолюднымъ и голодающимъ населеніемъ. Другихъ пунктовъ въ Архангельской губерніи нѣтъ и дѣвать ссыльнаго положительно некуда. Изъ Архангельска его отправляютъ сюда по этапу и здѣсь уже освобождаютъ, т. е., оставляютъ его на улицѣ, на произволъ судьбы, съ голоднымъ желудкомъ и безъ гроша въ карманѣ. Положеніе далеко непривлекательное. А тутъ еще пришибетъ сорока-градусный морозъ, закрутятъ зимнія вьюги и бѣшенныя мятели нашего сѣвера. Въ какихъ нибудь конурахъ, похожихъ на рѣшето, дрожатъ отъ холода несчастные и голодные ссыльные въ своихъ оборванныхъ и легонькихъ одежонкахъ. Нѣкоторые, разумѣется не подумавъ, возлагаютъ отвѣтственность за такое положеніе этихъ несчастныхъ на мѣстныя власти, но вопросъ въ томъ, что дѣлать послѣднимъ съ нѣсколькими сотнями этихъ пролетаріевъ? Содержать ихъ на свой счетъ? На это не хватитъ никакихъ средствъ, да и съ какой стати? По неволѣ, приходится отдѣлываться сочувствіемъ и только.

Втеченіи первыхъ дней своего пребыванія здѣсь, лишенный правъ приписывается къ мѣстному податному состоянію. Съ званіемъ мѣщанина онъ не пріобрѣтаетъ правъ послѣдняго, онъ не можетъ открыть мастерскую, производить какой нибудь промыселъ, торговать хотя бы булками, идти въ прикащики, въ канцелярскіе служители. Онъ не смѣетъ, отлучиться за черту города, слѣдовательно, для него невозможны хлѣбопашество и охота, да онъ и неспособенъ, рѣшительно не способенъ къ тому и другому. Онъ не смѣетъ завести лодку, заняться рыбной ловлей, потому что рѣка выходитъ изъ городскихъ предѣловъ. Онъ не можетъ быть комисіонеромъ или закупщикомъ у подрядчика, потому что для этого иногда необходимо выѣхать въ другой уѣздъ или въ другую губернію. Онъ не имѣетъ права служить даже волостнымъ писаремъ. Живописецъ,—онъ не смѣетъ учить рисовать, музыкантъ—давать уроки музыки. Если онъ получилъ высшее образованіе,—въ качествѣ ссыльнаго, онъ не имѣетъ права быть домашнимъ учителемъ, гувернеромъ; да и кого онъ станетъ учить здѣсь? Ему нельзя выучить грамотѣ крестьянскаго мальчика, онъ не можетъ даже просить милостыню, потому что за это его запрутъ въ часть. Его только схоронятъ на казенный счетъ, если онъ догадается умереть, наконецъ, въ какомъ нибудь смрадномъ углу, подъ заборомъ, забытый и брошенный всѣми. Ни одно описаніе нищеты ирландскихъ пролетаріевъ. ни одинъ очеркъ тяжелой жизни, выпадающій на долю англійскихъ фабричныхъ, не произведетъ такого сильнаго впечатлѣнія на посторонняго читателя, какъ правдивый отчетъ о положеніи ссыльныхъ въ тѣхъ городкахъ, куда забрасываетъ ихъ судьба. Большею частію, это народъ, не имѣющій родственныхъ связей, нищій. Надѣятся на какуюнибудь постороннюю поддержку онъ не можетъ. Истощенный, по большей части, предварительнымъ заключеніемъ въ тюрьмахъ и тяжелою мукою этаповъ, ссыльный, оріентируясь въ назначенномъ ему городкѣ, замѣчаетъ, что всѣ обыватели смотрятъ на него крайне враждебно. Не ожидая ни отъ ко-

го помощи, онъ пробуетъ взяться за какое нибудь ремесло, но это, какъ будетъ объяснено ниже, оказывается для него недоступнымъ. На послѣдніе гроши свои (если они у него есть), онъ беретъ кое-какой разносный товаръ и начинаетъ сбывать его по мелочамъ; его обрываютъ и на этомъ. Въ отчаяніи, онъ пробуетъ найти гдѣ-нибудь мѣсто работника,—увы! и на этотъ скудный кусокъ хлѣба заявляютъ притязанія десятки мѣстныхъ своихъ несчастныхъ. Что остается дѣлать человѣку, попавшему въ этотъ совершенно чужой ему міръ?

Намъ указываютъ на англійскую систему ссылки. Да, помилуйте, какое же можетъ быть сравненіе! Тамъ человѣка ссылаютъ въ дѣвственный край, нуждающійся въ трудовыхъ рукахъ, тамъ, если ссыльный хочетъ трудиться,—онъ живетъ обезпечено, даже богатѣетъ; у насъ же, напротивъ, ушлютъ человѣка за уголовное преступленіе въ такую губернію, какъ Архангельская, гдѣ и свое-то населеніе голодаетъ, и требуютъ, чтобы онъ исправлялся. И выходитъ, что это далеко не исправительная, а только карательная мѣра. Голодъ, безкормица не исправляетъ, а раздражаетъ и низводитъ до степени скота и не такія слабохарактерныя натуры.

И дѣйствительно,у жасны эти одинокія битвы съ безпощадной нищетой. Намъ разсказывали о ссыльномъ, нѣкогда прожившемъ архангельскую зиму—въ чемъ бы вы думали?.. въ собачьей конурѣ. Завернувшись въ свой отрепанный полушубокъ, онъ приходилъ отдыхать туда, когда безцѣльное шатаніе по пустымъ улицамъ малолюднаго городка ему надоѣдало. Пробовалъ онъ заниматься рубкой дровъ, но никто изъ мѣстныхъ жителей не рѣшался взять къ себѣ бывшаго поручика. Несчастный окончательно махнулъ рукой на свою жизнь и регулярно каждое утро ходилъ подъ окна мѣстныхъ тузовъ, вымаливая себѣ подаяніе. Другой, вмѣстѣ съ женой, остался въ Мезени безъ гроша. Бѣдная больная женщина, послѣдовавшая за своимъ мужемъ въ непривѣтный край изгнанія, умирала на его глазахъ отъ голода. Обезумѣвъ отъ горя, онъ хотѣлъ закабалиться хоть батракомъ къ зажиточному мѣщанину

и встрѣтилъ стереотипный отвѣтъ: „намъ благородныхъ не надо“. Не зная, что дѣлать, онъ перепросился въ деревню, но и тамъ было не лучше Третій, нарочно, передъ глазами нѣскольких человѣкъ, взломалъ амбаръ пустаго дома, чтобы попасть скорѣе въ тюрьму; четвертый, съ этою же цѣлью, поджегъ домъ, пятый... но если бы перечислять всѣ темные факты этого незамѣтнаго мірка, то они вышли бы далеко изъ предѣловъ моихъ путевыхъ записокъ.

Если ужъ создали такое наказаніе, какъ ссылка, раціональность которой единогласно отвергнута всѣми членами конгресса по тюремному вопросу въ Лондонѣ, къ которой отрицательно отнеслось и наше министерство внутреннихъ дѣлъ, то зачѣмъ же мы посылаемъ несчастныхъ въ такія губерніи, гдѣ и коренное населеніе умираетъ съ голоду? Во первыхъ, этимъ самымъ мы увеличиваемъ нужду въ уѣздныхъ городахъ этой скудной стороны, а вовторыхъ, обрекаемъ на нищету и новыя преступленія человѣка, котораго исправить и возможно, и должно. Спрашивается, почему не разрѣшить ему поселиться въ другихъ губерніяхъ, хотя бы и отдаленныхъ отъ общихъ центровъ, но гдѣ онъ могъ бы имѣть хотя самыя маленькія занятія? Ради какой цѣли мы группируемъ ихъ въ нѣсколькихъ, самыхъ ужасныхъ по своему безлюдью и безкормицѣ, пунктахъ? Для чего сосредоточивать ссыльныхъ тамъ, гдѣ они должны окончательно и безвозвратно изгадиться нравственно? Что за мысль отнять у ссыльныхъ право на трудъ,—такъ какъ ни чѣмъ инымъ нельзя назвать ограниченій, опредѣленныхъ закономъ? Отвѣчаютъ на это, что ссылка не благотворительная мѣра; но вѣдь она и не смертная казнь. Къ чему-же людей, часто не особенно преступныхъ (не все же воры по профессіи), посылать туда, откуда по закону, имъ вырваться нельзя и гдѣ найти средства къ жизни еще менѣе возможно? Если оправдываться тѣмъ, что ссылка—не филантропическая система, такъ нечего у человѣка отнимать и права на трудъ. Не давайте пособій человѣку, но предоставьте ему полную свободу трудиться.

Есть лица, которые не выѣзжая изъ Петербурга въ нашу глушь, подымаютъ вопросъ объ образованіи колоній изъ ссыльныхъ. Нѣтъ ничего несчастнѣе этой мысли. Что такое уголовный ссыльный? Въ большинствѣ случаевъ, это бывшій чиновникъ, слабый, полубольной, положительно неспособный къ земледѣльческому труду. Часто онъ знаетъ какое-нибудь ремесло, которое, при разрѣшеніи открыть мастерскую, дало бы ему средства жить, не нуждаясь. Въ земледѣльческой колоніи этотъ элементъ грамотныхъ ремесленниковъ будетъ самымъ безпомощнымъ пролетаріатомъ. Нечего и говорить, что принудительность работы сдѣлаетъ изъ ссылки вторую каторгу. Многіе изъ ссыльныхъ, и при настоящихъ условіяхъ, кое-какъ упрочившіе свое положеніе, должны будутъ бросить результаты долголѣтнихъ трудовъ, привыкать, въ земледѣльческихъ колоніяхъ, къ совершенно новому труду; а у кого хватило энергіи на первое, едва-ли достанетъ ее для второго. Наконецъ сосредоточеніе ссыльныхъ въ одномъ общемъ пунктѣ—не поведетъ ни къ чему хорошему. Лучше всего, если уже признавать такую палліативу, какова ссылка, то посылать ссыльныхъ въ такія мѣста, гдѣ существуетъ запросъ на трудъ. Пусть этотъ трудъ будетъ трудомъ свободнымъ. Не привязывайте ссыльнаго къ опредѣленному и весьма ограниченному пространству и откройте ему право на тѣ отрасли труда, какія въ настоящее время запрещены уставомъ. Всѣ же земледѣльческія колоніи заставятъ только разбѣжаться ссыльныхъ!

Ссыльные въ Архангельской губерніи, судя по тѣмъ образчикамъ, которые я видѣлъ въ Холмогорахъ, раздѣляются на три категоріи. Это или политическіе и административные ссыльные (мѣстный терминъ, обозначающій высланныхъ за политическія преступленія и административнымъ порядкомъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ и губернаторовъ), или евреи, высланные на житье, или люди, сосланные, за уголовныя преступленія, съ лишеніемъ правъ. Первыя двѣ категоріи поставлены въ самое благопріятное

положеніе. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ по 8 р., а съ женою по 16 рублей, причемъ на дѣтей полагается особо. Пролетаріатъ состоитъ собственно изъ евреевъ и уголовныхъ ссыльныхъ. Уголовные ссыльные, не смотря на плохую репутацію, которая, повидимому, остается за ними, по самому приговору судебныхъ мѣстъ, не подаютъ мѣстнымъ жителямъ повода жаловаться на нихъ. При малѣйшей возможности трудиться они ведутъ себя безукоризненно. Большинство же ихъ нуждается и очень нуждается. Такой поразительной нищеты я не видалъ нигдѣ. Мнѣ случалось видѣть ссыльныхъ Пермской губерніи, но тамъ болѣе многолюдные города доставляютъ имъ много заработковъ; въ Архангельской же губерніи, число ссыльныхъ въ каждомъ городѣ почти впятеро и вшестеро, превышаетъ цифру наличныхъ ремесленниковъ, которые тоже сидятъ безъ работы.

Не смотря на положеніе, въ которомъ находятся ссыльные, — преступленія между ними весьма рѣдки. Соотвѣтственно числу ихъ, они даже рѣже, чѣмъ между свободными жителями губерніи. Большая часть первыхъ старается найти какую бы то ни было почву подъ ногами. Одинъ частнымъ образомъ занимается перепиской, за 5 рублей въ мѣсяцъ, другой ходитъ на вечера играть на скрипкѣ, третій, объявивъ себя испанскимъ королемъ, эксплуатируетъ скуку холмогорскаго общества, развлекая его посильнымъ шутовствомъ. Десятки живутъ невольно милостыней.

Любопытнѣйшій элементъ изъ ссыльныхъ представляютъ евреи, выселенные въ Архангельскую губернію. Ихъ въ послѣднее время, какъ намъ разсказывали, приводили сюда десятками; при этомъ каждый изъ нихъ являлся съ цѣлою кучею дѣтей, съ родственниками, отцами, матерями, братьями, сестрами и женами. Горькая участь выпала имъ на долю. Торговли, кабаки и корчмы—ихъ спеціальность; а на мѣстѣ изгнанія они лишены права заниматься этими отраслями труда, благодаря которымъ, въ нашемъ западномъ краѣ, они пріобрѣли такую печальную славу. Что оставалось дѣлать? Заняться тоже

привычною, но уже незаконною дѣятельностію. Явилось мелкое, грошовое барышничество, ростовщичество, перекупка жизненныхъ припасовъ, искусственный подъемъ ихъ цѣнъ и, въ заключеніе,—скупка и перепродажа краденнаго. Въ этой, непользующейся правомъ гражданства промышленности—евреи не имѣютъ равныхъ себѣ.

Въ Холмогорахъ я видѣлъ многихъ евреевъ. Ничто не можетъ быть печальнѣе ихъ наружнаго вида. Дѣти ихъ чуть не голышемъ бѣгали по улицамъ, жены истомлены до крайности.

Мнѣ удалось здѣсь разговориться съ однимъ изъ уголовныхъ ссыльныхъ, который горько жаловался на свое положеніе.

— Вѣдь это на время, утѣшалъ я его: пройдетъ терминъ, назначенный судомъ, и вы опять будете свободны.

— Какъ свободенъ? удивился онъ.

— Можете уѣхать домой.

— Домой? Нѣтъ!

— Ну, разъѣзжать по другимъ губерніямъ, отыскивать себѣ тамъ подходящее занятіе!

— Кто это вамъ разсказалъ, что мы, по окончаніи сроковъ, имѣемъ право выѣхать изъ Архангельской губерніи?

— Какъ кто? Законъ говоритъ, что ссылаемые въ Сибирь, по прошествіи срока безвыѣзднаго пребыванія въ назначенномъ имъ городѣ, могутъ, за тѣмъ, отлучаться, куда хотятъ, по всей Сибири. Слѣдовательно, и вы, по окончаніи срока пребыванія въ назначенномъ вамъ городѣ, можете разъѣзжать по Европейской Россіи.

— Слѣдовательно, да не слѣдовательно! Законъ былъ гораздо милостивѣе къ тѣмъ, кто ссылался въ Сибирь, не смотря на то, что наказаніе это считается тяжелѣе нашего и налагается за болѣе важныя преступленія. Мы, по окончаніи сроковъ безотлучнаго пребыванія въ данномъ городѣ, можемъ разъѣзжать только по этой голодной Архангельской губерніи и больше никуда!

— Будто бы?

— Спросите у другихъ. Намъ нѣтъ исхода. Мы обречены на вѣчный голодъ. Изъ насъ дѣлаютъ праздныхъ нищихъ, потому что здѣсь нѣтъ спроса на трудъ.

Невольно подивился я юридической логикѣ. Дѣйствительно, оказалось, что ссылаемые въ Сибирь, т. е., болѣе тяжкіе преступники, пользуются большей свободой и большими льготами, чѣмъ люди ссылаемые, за легчайшія преступленія, въ отдаленныя мѣста Европейской Россіи!

— Но если вы ведете себя безукоризненно, губернаторъ можетъ хлопотать за васъ?

— Право представлять насъ къ помилованію принадлежитъ одному лишь министру юстиціи.

— Ну, и бываютъ помилованія?

— Почему же министръ знаетъ о насъ? Ему не доставляютъ вѣдомостей о ссыльныхъ.

— Но вѣдь наказаніе ваше исправительное, а не уголовное?

— Исправительное.

— Слѣдовательно, если доказано, что вы сдѣлались безукоризненнымъ и честнымъ гражданиномъ, наказаніе смягчается, да, наконецъ, и вовсе отмѣняется.

— Никогда! Для политическихъ и административныхъ ссыльныхъ есть надежда. Губернаторы о нихъ имѣютъ право ходатайствовать.

— Но вѣдь изъ подъ надзора полиціи вы можете быть освобождены.

— Никогда.

Кстати вспомнимъ и австрійскіе законы, которые строже нашихъ относятся къ преступникамъ. А между тѣмъ и тамъ, если преступникъ, по окончаніи срока своего наказанія, въ теченіи извѣстнаго времени (отъ 3 до 8 лѣтъ), ведетъ себя хорошо, онъ возстановляется вполнѣ во всѣхъ утраченныхъ правахъ своихъ. Во Франціи каторжникъ изъ Тулона, по окончаніи срока, возвращается домой и живетъ въ средѣ своей семьи, если она у него есть.

Отняли у человѣка всякую надежду на лучшее будущее, поставили его въ окончательно безвыходное положеніе и требуютъ отъ него, чтобы онъ исправлялся.

— Какъ же вы живете здѣсь? продолжалъ я доспрашиваться у подвернувшагося мнѣ исправляемаго субъекта.

— Изо дня въ день.

— И ничего прочнаго?

— Да что-же можетъ быть прочное? Сегодня не умеръ съ голоду, и слава Богу.

— Что-же, по вашему мнѣнію, можетъ помочь вамъ?

— Разрѣшеніе лучшимъ изъ насъ выѣзжать свободно и освобожденіе изъ подъ надзора полиціи. Безъ этого, мы до гроба будемъ безправными паріями, рабами; а можетъ-ли быть человѣкомъ—рабъ!

— Правда.

Неужели одинъ, иногда не столько преступный, сколько легкомысленный поступокъ можетъ лишить человѣка всего будущаго, сдѣлать его какимъ-то цѣпнымъ псомъ? Непонятно. Большинство уголовныхъ ссыльныхъ—молодежь, передъ которой еще вся жизнь, и весь свой вѣкъ они должны жить безъ надежды на возвратъ, безъ надежды на свободу... Немудрено, что ссыльные часто бѣгутъ куда глаза глядятъ. Да и чѣмъ они могутъ рисковать? За всѣ ихъ старанія они не получатъ ничего, да и за побѣгъ имъ хуже не будетъ.

Не потому ли изъ ссыльныхъ никогда не выходитъ хорошихъ колонистовъ, что имъ не предоставляютъ ни малѣйшей свободы?

Въ Холмогорахъ ежегодно бываетъ выставка коровъ мѣстной породы. Къ сожалѣнію, мнѣ, ни въ первое, ни во второе посѣщеніе этого города, не удалось застать ея. Говорятъ она пользуется большимъ авторитетомъ въ средѣ скотоводовъ уѣзда и преміи, получаемыя на выставкѣ, лучшими и искуснѣйшими изъ нихъ дорого цѣнятся ими. Тамъ же, съ устройствомъ сыроваренного завода, цѣна на продукты молочнаго хозяйства

почти утроилась. Въ настоящее время здѣсь же открылась артельная маслобойня. Я пробовалъ мѣстный сыръ. Сыръ какъ сыръ. Не понимаю, какія особенныя качества находятъ въ немъ архангельскіе корреспонденты. Фабрика эта имѣетъ значеніе не по достоинству своихъ продуктовъ, а какъ первое предпріятіе такого рода, открытое въ Архангельской губерніи. Я слышалъ, что она, благодаря этому, пользуется особеннымъ вниманіемъ оффиціальныхъ лицъ. Пріятно знать, что у насъ предпріимчивость и трудъ чисто русскихъ людей въ глуши начинаютъ пользоваться общественнымъ уваженіемъ и поддержкою властей. Ежегодный оборотъ фабрики не превышаетъ 3,000 р.; развить шире свое дѣло хозяинъ ея не можетъ по скудности денежныхъ средствъ. Въ Архангельскѣ сыры его вытѣснили иностранные и вологодскіе, которые прежде привозились сюда въ значительномъ количествѣ. Заводъ приготовляетъ сыры; отъ 80 к. за фунтъ до 20 к. и масло по 40 к. высшіе сорта—весьма плохи, низшіе—довольны удовлетворительны.

Невдалекѣ отъ Холмогоръ, на Куростровскомъ островѣ С. Двины, находится село Денисовка—родина Ломоносова. На мѣстѣ, гдѣ стояла изба Ломоносовыхъ, въ настоящее время построено прекрасное зданіе училища, состоящаго подъ особеннымъ покровительствомъ мѣстнаго статистическаго комитета. Въ этомъ училищѣ, въ прошломъ году, находилось всего 84 учен. (61 мальчикъ и 23 дѣвоч.) Школа раздѣлена на три отдѣленія: старшее, среднее и младшее. Преподаваніе распредѣлено между священникомъ и учителемъ. Говорятъ, что школа пользуется большимъ вліяніемъ на окрестную среду.

Весьма сожалѣю, что ни въ первое, ни во второе посѣщеніе Холмогоръ, мнѣ не удалось побывать въ селеніи Куростровскомъ, гдѣ и до сихъ поръ живутъ родственники Ломоносова. Заговоривъ объ училищахъ—воспользуюсь случаемъ очертить общее положеніе народнаго образованія въ Архангельской губерніи.

Сѣверо-русская окраина, по крайней-мѣрѣ та часть ея, которую занимаетъ Архангельская губернія, только въ послѣдніе три года подвинулась впередъ въ дѣлѣ школы. Бѣдность ея населенія и другія причины, которыя будутъ выяснены ниже, мѣшаютъ школѣ пріобрѣсти здѣсь авторитетъ и силу. Если выдѣлить такъ называемыя приходскія сельскія училища *), существованіе которыхъ подчинено самымъ неопредѣленнымъ условіямъ, то на всю Архангельскую губернію, въ которой считается 2,785 населенныхъ мѣстъ, придется только сто два образовательныя заведенія, включая сюда и техническія; на двѣсти пятьдесятъ тысячъ чел. ея жителей учащихся обоего пола считалось 4,474, изъ нихъ 3,457 муж. пола и 1,017 жен. пола. Распредѣляя число учащихся на число населенныхъ мѣстъ, окажется, что въ Архангельскомъ уѣздѣ на каждую деревню приходится по 2 учащихся, въ Мезенскомъ и Кемскомъ по одному, а въ остальныхъ и того нѣтъ. Приведемъ сначала однѣ цифры. Въ Архангельской губерніи существуетъ мужская классическая гимназія съ 123 чел. уч. и женское училище 1-го разряда съ 124 уч.; нельзя не согласиться, что они даютъ весьма ничтожный процентъ учащихся на 19,000 населеніе города. Уѣздныхъ трехклассныхъ училищъ 3 съ 143 уч. м. пола. Двуклассныхъ народныхъ училищъ, городскихъ для мальчиковъ—5, съ 127 уч.; при нихъ 5 женскихъ отдѣленій съ 185 уч. Начальныхъ народныхъ училищъ: городскихъ—для школъ 3-го разряда для дѣтей обоего пола 10 съ 107 мальч. и 89 дѣв., духовная семинарія 1 съ 90 уч. Духовныхъ училищъ для муж. п.—2 съ 229 уч. и для жен. п.—1 съ 60 уч. Пенсіонерскихъ курсовъ—2 съ 60 уч. Мореходный классъ — 1 съ 6 уч. Лоцманская школа — 1 съ 30 уч. и ремесленное училище—1 съ 32 учениками. Затѣмъ остаются собственно-сельскія училища: изъ нихъ двуклассныхъ для д. об. пола—1 съ 73 м. и 29 дѣв. и сельскихъ школъ 55 съ 1818 уч. мальчиковъ и 323 уч. дѣвочекъ. Съ перваго

*) Всѣхъ приходскихъ школъ *номинально* считалось около 150.

взгляда становится вполнѣ яснымъ: какъ незначительно это число школъ и наличныхъ учениковъ для громадной полосы нашего отечества, на тысячи верстъ раскинувшейся отъ границы Норвежской до отроговъ Уральскаго хребта и отъ береговъ Сѣвернаго океана до предѣловъ Олонецкой и Вологодской губерній.

Всего важнѣе для края маріинское женское училище 1-го разряда. Основанное въ 1848 году съ двумя классами, оно въ 1861. г. было преобразовано въ четырехклассное, въ 1865 въ пяти-классное, а въ 1870 къ нему прибавленъ еще одинъ классъ; теперь же всѣхъ классовъ считается восемь. Значеніе его для мѣстнаго общества выражается въ возрастаніи числа учащихся, которое въ десятилѣтній періодъ учетверилось, что само по себѣ, составляетъ весьма знаменательное явленіе, особенно въ сравненіи съ мужской гимназіей, гдѣ съ 1860—1872 г. число учениковъ неизмѣнно. Большинство дѣвушекъ, учащихся въ этомъ заведеніи, принадлежитъ къ среднему сословію. Вслѣдствіе этого, дѣти мѣстныхъ купцовъ, напримѣръ, получаютъ весьма неравномѣрное образованіе. Такъ, торговцы не особенно богатые берутъ обыкновенно своихъ сыновей изъ гимназіи, не давая имъ окончить курсовъ, потому что нанимать сидѣльцевъ изъ постороннихъ въ свои лавки они не имѣютъ возможности. Ничтожность мѣстной—русской торговли вполнѣ оправдываетъ такіе пріемы; въ тоже время, ихъ дочери остаются въ маріинскомъ училищѣ до конца и выходятъ оттуда хорошо образованными дѣвушками. Это обстоятельство было причиною того, что уровень образованія въ среднемъ классѣ мѣстнаго коммерческаго люда гораздо выше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Фактъ вообще весьма отраднаго свойства. Всякій, жившій въ провинціи, хорошо знаетъ, какъ она нуждается въ умныхъ и свѣдущихъ матеряхъ. Маріинское училище имѣетъ и другое столь же важное значеніе. Оно въ значительной степени вліяетъ на ходъ народнаго образованія Архангельской губерніи. Лучшія учительницы первоначальныхъ школъ—выходятъ отсюда. Приходскія и уѣздныя школы на-

ходятъ здѣсь дѣльнѣйшихъ преподавательницъ. Достаточное число вполнѣ подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности воспитанницъ этого училища дало возможность открыть здѣсь при двухклассныхъ училищахъ и женскія отдѣленія. Желательно было бы только, чтобы воспитанницы маріинскаго училища получили доступъ въ мѣстную библіотеку, весьма богатую серьезными и научными книгами. Въ интересахъ образованія гораздо пріятнѣе было бы встрѣчать ученицъ въ залѣ этой библіотеки—чаще, чѣмъ онѣ встрѣчаются теперь. Вообще, необходимо замѣтить, что воспитаніе, получаемое дочерьми мѣстныхъ жителей въ маріинскомъ училищѣ, гораздо выше и глубже того, которое даетъ большинство столичныхъ пансіоновъ и институтовъ. Архангельское нѣмецко-евангелическое училище воспитываетъ для коммерческой дѣятельности дѣтей мѣстныхъ иностранцевъ и нѣкоторыхъ изъ русскихъ купцовъ. Это нѣчто въ родѣ анненской школы въ Петербургѣ. Мы слышали (не выдаемъ за вѣрное), что отцы учащихся здѣсь дѣтей не совсѣмъ довольны получаемыми послѣдними свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, школы подобнаго рода положительно необходимы въ центрахъ мѣстной отпускной торговли, такъ какъ ни одно правительственное учрежденіе не даетъ воспитаннику своему прочнаго знанія нѣмецкаго и англійскаго языковъ; внѣ же оныхъ для нашего Архангельскаго купца нѣсть спасенія!... Частныя школы города Архангельска, числомъ до 10, содержатся бывшими воспитанницами маріинскаго училища, но учащихся въ нихъ приходится, среднимъ числомъ на каждую, не болѣе 18. При хорошей гимназіи и женскомъ училищѣ нѣтъ никакого основанія помѣщать своихъ дѣтей въ заведенія частныя. Архангельская духовная семинарія и всѣ школы духовнаго вѣдомства не выдѣляются изъ ряду такихъ же образовательныхъ учрежденій въ другихъ городахъ Россіи. О шкиперскихъ курсахъ и мореходномъ классѣ я буду имѣть случай говорить потомъ. Помѣщающаяся въ Онегѣ лоцманская школа имѣетъ чисто-спеціальное значеніе. Остается сказать нѣсколько словъ о реме-

сленномъ училищѣ, содержимомъ на средства архангельскаго городскаго общества. Училище это учреждено здѣсь для дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей, съ цѣлію дать имъ, кромѣ грамотности, и знаніе какого-либо ремесла. Подобная школа говоритъ сама за себя. Она не швырнетъ въ пространство человѣка съ массою отвлеченныхъ свѣдѣній, но неумѣющаго заработать себѣ честнымъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба. Въ настоящее время, она весьма удобно помѣщена въ просторномъ зданіи бывшихъ казармъ, а для ея обширныхъ мастерскихъ отведено отдѣльное строеніе. Здѣсь обучаютъ: столярному, слесарному, кузнечному, сапожному, токарному, литейному и рѣзному мастерствамъ. Эта школа дѣйствительно дѣлаетъ дѣло. Главный контингентъ учащихся въ ней принадлежитъ мѣщанскому сословію. Дѣти бѣдныхъ чиновниковъ рѣдки. Нашъ обѣднѣвшій чиновникъ скорѣе пошлетъ своего сына въ гостинный дворъ просить милостыню,—чѣмъ сдѣлаетъ изъ него столяра или сапожника. Понятіе о чести, какъ видите, весьма оригинальнаго свойства. Трудъ у насъ еще не пользуется гражданскою правоспособностію и мозолистыя руки честнаго рабочаго считаются позоромъ для человѣка, отецъ котораго изъ писарей дослужился до вожделѣннаго чина. Оттого дѣти канцелярской и присутственной братіи въ провинціи измошенничиваются, изворовываются и загибаютъ совершенно непроизводительно для возращающей ихъ среды. Особеннаго упоминанія изъ предметовъ, преподающихся въ школѣ, заслуживаетъ рѣзное мастерство—дѣло чисто мѣстнаго характера. Масса добываемой здѣсь моржовой кости, посредствомъ рѣзьбы обращается въ изящнѣйшія издѣлія. Таковы, напримѣръ, были предметы, приготовленные здѣсь въ 1870 году, для архангельскаго музея (таковы частію и вещи, отправленныя изъ Архангельска на политехническую выставку въ Москву). Короче сказать, ремесленная школа—не разсадникъ грамотнаго пролетаріата, но лабораторія честнаго и здороваго труженичества. Полезно было бы, если бы и въ другихъ городахъ Россіи устроились учрежденія такого же рода.

Точно такая же ремесленная школа устроена въ прошломъ году въ Пинежскомъ уѣздѣ и въ богатомъ селеніи „Ижма", гдѣ она будетъ имѣть особенное значеніе, такъ какъ въ этомъ центрѣ зырянскаго промышленнаго населенія ремесла были не особенно развиты.

Чрезвычайно интересны процентныя отношенія учащихся по сословіямъ. Получающіе образованіе дворяне, относящіеся ко всему числу учащихся какъ 1 къ 13, дѣти духовенства какъ 1 къ 9, дѣти мѣщанъ и купцовъ какъ 1 къ 5, дѣти крестьянъ какъ 1 къ 1,32, дѣти иностранцевъ какъ 1 къ 330. Такимъ образомъ, на каждую тысячу учениковъ и учеиицъ приходится привиллегированныхъ сословій 70, духовенства—100, городскихъ сословій 200 и крестьянъ 600. Изъ общаго числа учащихся, получающіе среднее образованіе составляютъ 5%. Раздѣляя по мѣсту нахожденія школы и учащихся, получимъ: Въ губернскомъ городѣ: всѣхъ учебныхъ заведеній 25, въ нихъ получ. образованіе 965 мальчиковъ и 432 дѣвочки. Въ уѣздныхъ городахъ—учебныхъ заведеній 18, уч. мальч. 509, уч. дѣвоч. 193., въ селахъ—школъ 59, учащихся мальч. 1993, дѣвочекъ 392. Такимъ образомъ, число школъ въ губернскомъ городѣ ко всему числу школъ въ губерніи относится какъ 1 къ 4, число учащихся въ нихъ ко всему числу учащихся какъ 1 къ $3^1/_2$; число школъ въ уѣздныхъ городахъ ко всему числу школъ какъ 1 къ 6, число учащихся ко всему числу таковыхъ какъ 1 къ $8^1/_2$; число школъ въ селахъ ко всему числу школъ какъ 1 къ $1^1/_2$, а число учащихся ко всему числу таковыхъ какъ 1 къ 2; учащіяся дѣвочки въ Архангельской губерніи даютъ 15% общей суммы. Цифры эти относятся къ 1871-му году, но съ легкими колебаніями онѣ вѣрны и теперь.

Собственно сельскія училища Архангельской губерніи принадлежатъ къ тремъ категоріямъ: a) открытыя удѣломъ b) устроенныя бывшею палатою государственныхъ имуществъ и c) церковно-приходскія. Школы перваго рода находятся преимущественно въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Ихъ считается пять:

Устьважское, Предтеченское, Велико-Николаевское, Усть-Паденское и Благовѣщенское. „Въ эти училища, по свидѣтельству одного компетентнаго лица, ученики во время оно высылались по приговору обществъ, а не по желанію родителей, изъ коихъ нѣкоторые, проживая въ отдѣльныхъ отъ училища селеніяхъ, весьма тяготились приговоромъ, такъ что вмѣсто своихъ дѣтей нанимали подставныхъ изъ проживающихъ въ томъ селеніи, гдѣ находится училище. Число учениковъ въ каждомъ изъ этихъ училищъ было опредѣленное—40; безъ приговора общества, по собственному желанію учиться никого не принимали". Бывшая палата государственныхъ имуществъ открыла въ Архангельской губерніи 32 училища; нѣкоторыя изъ нихъ, а именно: ремесленно-хозяйственныя школы, устроенныя въ громадныхъ домахъ, на широкую ногу, за недостаткомъ средствъ, съ уничтоженіемъ самой палаты, частію приходятъ въ упадокъ, а частію и вовсе упразднены. Понятно, что при разбросанности населенныхъ пунктовъ прежняя школа здѣсь не могла имѣть особенно значительнаго вліянія на жителей губерніи. Уже давно была тутъ замѣчена неравномѣрность въ распредѣленіи грамотности. Цѣлыя сотни незначительныхъ поселковъ, разбросанныхъ отъ своего волостнаго центра на сотни верстъ, при настоящихъ условіяхъ осуждены на полнѣйшее невѣжество. Сельскія училища, такимъ образомъ, существуя на общій губернскій сборъ, въ сущности даютъ образованіе дѣтямъ весьма немногихъ крестьянскихъ обществъ. Кромѣ этого, развитію дѣла школы и грамотности значительно препятствуютъ обычныя народные промыслы, которыми кормится весь русскій сѣверъ. Населеніе бѣломорско-океанскаго побережья и прилегающихъ къ нему волостей отлучаются въ самыя отдаленнѣйшія отъ своихъ селеній становища, для ловли рыбы и охоты на морскаго звѣря. Отсутствіе ихъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ въ годъ. Вмѣстѣ съ промысловыми партіями взрослыхъ отправляются, въ качествѣ зуйковъ, и ихъ дѣти, съ цѣлью заранѣе пріучиться къ добыванію средствъ къ жизни собственнымъ трудомъ своимъ

Понятно, что во время этого долговременнаго, чисто-физическаго труда, мальчикъ перезабудетъ все, чему успѣла научить его школа. Возвращаясь домой, онъ если и посѣщаетъ ее, то урывками, зная, что черезъ два-три мѣсяца ему снова предстоитъ такая-же долговременная отлучка. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ силенъ расколъ, особенно-же въ его насиженныхъ гнѣздахъ—дѣло оффиціальной школы окончательно не выгараетъ. Между прочимъ, не разъ приходится слышать отъ крестьянъ заявленія ихъ недовольства на совмѣстное обученіе дѣвочекъ съ мальчиками. Главнымъ-же препятствіемъ, постигающимъ всѣ усилія людей, заинтересованныхъ въ развитіи грамотности среди крестьянскаго населенія Архангельской губерніи, служитъ педагогическая несостоятельность учителей и въ особенности духовенства, поставленнаго во главѣ церковно-приходскихъ училищъ, о коихъ будетъ сказано ниже. Нужно замѣтить, что нашъ архангельскій крестьянинъ далеко не хлѣбопашецъ средней и южной полосы Россіи, надъ которымъ, разумѣется, не безслѣдно прошло крѣпостное право. Въ предѣлахъ Архангельской губерніи, если выдѣлить ту часть Шенкурскаго уѣзда, гдѣ существовалъ прежде удѣлъ, крѣпостныхъ не было вовсе: своевольничалъ, правда, во время оно всепотребляющій и всеунижающій гнетъ чиновничества, мелкотравчатаго, побиравшагося и чуть не разбойничавшаго,—но въ пустынныхъ окраинахъ малонаселеннаго сѣвера оно не особенно широко развертывало свою дѣятельность. Вся тяжесть его поборовъ падала на смирныхъ и миролюбивыхъ инородцевъ лопарей и самоѣдовъ, да и тѣ, при одной вѣсти о приближеніи ненасытнаго властнаго лица, откочевывали цѣлыми партіями въ недосягаемую глушь своихъ безконечныхъ тундръ. Архангельскъ, выросшій на свободной почвѣ, выработавшій свой племенной типъ въ безпощадной борьбѣ съ суровой природой, является представителемъ того чѣмъ должно-бы быть все русское крестьянство. Смѣтливый, изворотливый, смѣлый крестьянинъ нашего сѣвера болѣе всякаго другого съумѣлъ-бы оцѣнить благодѣянія грамотности, если-бы она предлагалась ему не въ видѣ

столь неудобоваримаго блюда. Великая борьба съ враждебными стихiйными силами всегда ведетъ къ ихъ изученiю; отсюда стремленiе къ просвѣщенiю, отсюда жажда науки. На этой почвѣ школа всегда можетъ упрочиться и прiобрѣсти завидный авторитетъ, если-бы дѣло ея было поведено поискуснѣе. А нужно признаться, что здѣсь оно, по необходимости, отдано въ весьма неискусныя руки.

Церковно-приходскiя школы выдѣлены нами не безъ причины, По оффицiальнымъ свѣдѣнiямъ, ихъ считалось 150; училось въ нихъ, судя по тѣмъ-же даннымъ, 1650 человѣкъ. Когда-же Архангельскiй губернаторъ, Качаловъ вступивъ въ должность, сталъ собирать инымъ путемъ свѣдѣнiя о положенiи этихъ училищъ—оказалось, что вмѣсто 150 ихъ едва-ли наберется и 20, а вмѣсто 1650 учениковъ, не насчитаете и 250. Отсюда ясно обнаружилось, что духовенство не только не принимаетъ у насъ главнаго участiя въ дѣлѣ народного образованiя, но и парализуетъ послѣднее. Получая отъ консисторiи блестящiе отчеты о громадныхъ школахъ въ извѣстныхъ селенiяхъ, администрацiя, весьма естественно, не находила нужнымъ устраивать тамъ новыя школы. А на дѣлѣ оказывалось, что училище это существуетъ лишь въ фантазiи мѣстнаго священника. Такъ, между прочимъ, при упомянутой повѣркѣ, въ Архангельскомъ уѣздѣ, вмѣсто 9 церковно-приходскихъ школъ, получилось 3; вмѣсто 150 учениковъ, въ нихъ—лишь 14. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, вмѣсто 4 школъ—1, вмѣсто 60 учениковъ въ нихъ—20. Въ Мезенскомъ уѣздѣ изъ числившихся 131 ученика оказалось 24. Въ Онежскомъ, вмѣсто 21 школы—9 и вмѣсто 184 учениковъ—68. Въ Кемскомъ-же уѣздѣ хотя показанное число школъ было дѣйствительнымъ, но образованiе въ нихъ—ведено самымъ нелѣпѣйшимъ образомъ; славянскiе буквари, варварскiя, чуть-ли не временъ Авраамовыхъ, методы преподаванiя не особенно способствовали развитiю грамотности въ этомъ районѣ.

Замѣчательно то обстоятельство, что тамъ, гдѣ образованiе находилось въ рукахъ хорошихъ учителей и учительницъ,

вышедшихъ изъ Маріинскаго женскаго училища, крестьяне далеко не оставались равнодушными въ отношеніи къ школѣ. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ преподавали священники, крестьяне чуть-ли не называли школу карой Господней. Оно, впрочемъ, и понятно. Нашъ сельскій священникъ поставленъ въ условія не совсѣмъ способствующія тому, чтобы, кромѣ исполненія своихъ обязанностей, онъ могъ успѣшно вести и другія. Жизнь непосильнаго труда, полная вѣчной борьбы съ нуждою, зависимость отъ прихожанъ, пассивность и многое другое едва-ли допускало его интересоваться грамотностію и методами преподаванія. Вышло то, чего и слѣдовало ожидать; вмѣсто благотворныхъ результатовъ—въ лучшихъ школахъ этого рода исполнялась только одна казенная формальность. Подтвердилось еще разъ, что никакія предписанія, даже и консисторскія, не создадутъ изъ человѣка, утомленнаго исполненіемъ и безъ того многосложныхъ обязанностей,—дѣятельнаго педагога. Нечего, значитъ, и обвинять священниковъ въ ихъ неумѣлости. Гораздо производительнѣе было-бы сразу назначить туда хорошихъ учителей.

Народъ давно сознавалъ эту истину. Весьма многія села составили здѣсь приговоры — ходатайствовать объ открытіи у нихъ школъ на ихъ собственный счетъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы преподаваніе въ нихъ было-бы возложено не на духовенство, а на свѣтскихъ лицъ.

Таково настоящее положеніе этого дѣла въ Архангельской губерніи. Нашъ очеркъ былъ-бы далеко не полонъ, если-бы мы выпустили изъ виду устраивавшіеся здѣсь по инициативѣ губернаторовъ педагогическіе курсы. Въ іюнѣ всѣ сельскіе учителя съѣзжались въ губернскій городъ для практическихъ занятій. Была устроена примѣрная школа изъ двухъ отдѣленій: младшаго (5 дѣвочекъ, 5 мальчиковъ, вовсе не знающихъ грамотѣ) и старшаго (10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ, знающихъ читать, писать и начальныя правила ариѳметики). Въ этомъ образцовомъ училищѣ—преподаватели во-очію знакомились съ удобнѣйшими педагогическими пріемами, а нѣкоторые

изъ нихъ имѣли возможность и дополнить свои свѣдѣнія. Распредѣленіе занятій было таково: законъ Божій—1 урокъ въ недѣлю, ариѳметика—2 урока, начальное обученіе—2, славянское чтеніе—½ урока. Въ старшемъ отдѣленіи остальное время посвящалось русскому языку. Учебныхъ дней было 35, занятія начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ 12. По полудни съ 12—до часу анализировались занятія учителей въ этой школѣ. Время отъ 3—6 часовъ опредѣлено было на сообщеніе учителямъ научныхъ свѣдѣній и педагогическихъ пріемовъ. 3 урока въ недѣлю посвящались пѣнію. Звуковая метода обученія грамотѣ (барона Корфа) быстро усвоена сельскими учительницами и учителями, благодаря нѣкоторымъ, сдѣланнымъ въ ней, практическимъ измѣненіямъ. По окончаніи съѣзда преподавателямъ народныхъ училищъ розданы были необходимыя учебныя пособія. Во время второго съѣзда, ясно обнаружилась польза первыхъ, только что описанныхъ нами занятій. Окончательно неспособными оказались сельскіе священники. Лучшимъ элементомъ пришлось признать учителей изъ крестьянъ и воспитанницъ маріинскаго женскаго училища. Они съ необыкновенною легкостію понимали и примѣняли объясненные имъ методы, и вообще оказались самыми способными и самыми дѣльными воспитателями—практиками. Честь и слава заведеніямъ, выдвинувшимъ впередъ такихъ дѣятелей; отрадно надѣяться, что они не оскудѣютъ на русскомъ сѣверѣ и принесутъ еще не малую пользу его умному, предпріимчивому населенію. Можно опасаться только одного—страшнаго вліянія мертвящей среды, апатіи, окружающей этихъ тружениковъ въ той неисходной глуши, куда они несутъ свои молодыя силы, свой полезный и разумный трудъ!... Жаль только, что вознагражденіе, получаемое ими,—ничтожно. Есть учителя, получающіе всего на всего 45 руб. въ годъ, на своемъ содержаніи! Во Франціи, гдѣ сельскіе учителя обставлены самымъ нищенскимъ, самымъ неудовлетворительнымъ образомъ,—они получаютъ 200 франковъ и кромѣ того, пользуются посильнымъ содѣйствіемъ общины.

На 45 рубляхъ, лучшій учитель станетъ лакеемъ у мѣстныхъ міроѣдовъ. Дайте этимъ полезнымъ работникамъ стать на ноги, усильте ихъ содержаніе—и результаты вполнѣ вознаградятъ ваши затраты. Это не непроизводительная потеря, вы соберете богатую жатву ея въ болѣе грамотныхъ и умныхъ, а слѣдовательно, и болѣе состоятельныхъ грядущихъ поколѣніяхъ. Вопросъ о народномъ образованіи—это вопросъ о жизни и смерти русскаго гражданства, а слѣдовательно русскаго государства, а мы кидаемъ его главнѣйшимъ дѣятелямъ содержаніе, при которомъ они едва не умираютъ съ голоду. Любой сторожъ въ присутственномъ мѣстѣ и канцеляріи получаетъ втрое болѣе, фабричный заработаетъ вдвое. Какое же, спрашивается, почетное и самостоятельное положеніе можетъ занимать пролетарій-учитель, среди крестьянъ, которые вездѣ одинаково относятся съ уваженіемъ только къ тѣмъ, кто хорошо обставленъ въ матеріальномъ отношеніи!

IV. Отъ Холмогоръ до Архангельска.

Мѣстность между Холмогорами и Архангельскомъ мало по малу всхолмляется, и потомъ, за станціей конецгорской снова ложится ровною гладью. Типъ народа, постройки, все это было похоже на только что оставленныя мною мѣста этой губерніи. Крестьяне становились зажиточнѣе; по Двинѣ, взадъ и впередъ, шло много барокъ, еще болѣе карбасовъ отплывало изъ разныхъ пунктовъ берега къ городу. Тутъ же, въ первый разъ, я увидѣлъ двинскія видила и гонки — рѣчныя суда совершенно особенной конструкціи. Въ каютѣ парохода собралось небольшое общество, къ которому примкнулъ и я. Разговоръ шелъ о торговлѣ Архангельска.

— Самъ по себѣ Архангельскъ—нуль! горячился маленькій и толстенькій господинъ, — самъ по себѣ Архангельскъ ничего не значитъ. Безъ Вятки онъ бы совершенно упалъ:

— Помилуйте, да Архангельскъ отпускаетъ товару за границу на 10.000,000 р.

— Хорошо-съ. Да въ томъ числѣ своегѣ не болѣе какъ на 2 съ половиной милліона—лѣсъ да смола. И то еще много. Это просто станція между Вятской губерніей съ одной стороны, и иностранными портами—съ другой.

— Интересно знать, что бы вы дѣлали безъ этой станціи.

— Ничего-съ. Отправляли-бы черезъ Петербургъ и Ригу.

— Да вѣдь транспортъ обошелся бы дороже.

— Все единственно!

— Архангельскъ, если не будетъ проведена вятско-двинская желѣзная дорога, упадетъ окончательно! вмѣшался третій.

— Это вѣрно! тотчасъ-же согласились остальные.

— Вопросъ объ этой дорогѣ,—вопросъ о жизни и смерти всего русскаго сѣвера.

— Да и для насъ. Въ Вятской губерніи и теперь остается не мало товару безъ толку. При желѣзной дорогѣ онъ бы весь пошелъ въ Архангельскъ, а оттуда за границу.

— На чемъ же дѣле остановилось? вмѣшался я.

— Гарантіи правительство не даетъ, да и другія препятствія есть. Многіе тормозятъ страшно.

— Какъ тормозятъ? Судя по всему, что я читалъ, это необходимый путь.

— Да-съ, необходимый для насъ. Для русскихъ необходимъ. А рижскіе купцы, — противъ дороги — и ничего не сдѣлаешь.

— Медлятъ и тѣмъ самымъ убиваютъ торговлю и

производительность всего русскаго сѣвера, семи губерній, естественно прилегающихъ къ Бѣлому морю, для Риги!

— Насъ отрѣзали отъ общаго движенія.

— Это всѣ думаютъ.

— Обидѣли!

— Немудрено, что и народъ голодаетъ,

— И будетъ голодать, пока желѣзной дороги не проведутъ.

— За то рижане сыты.

— Сыты!

— Вотъ что, господа! Не мѣшало-бы выпить. Сѣверный вѣтеръ подымается.... холодно.

Въ другомъ кружкѣ шелъ разговоръ о той же вятско-двинской желѣзной дорогѣ. Говорили о направленіи, откуда должна пойти она и всѣ останавливались на городѣ Орловѣ (той же Вятской губ.). Толковали объ интригахъ и проискахъ котельническихъ купцовъ, о продѣлкахъ крупныхъ тузовъ, чтобы рельсовый путь оставилъ въ сторонѣ Орловъ и прошелъ-бы къ другимъ городамъ.

Все, что я слышалъ о желѣзной дорогѣ между Вяткой и Двиной, заставило меня серьознѣе отнестись къ этому вопросу, и въ самомъ Архангельскѣ я собралъ подробныя статистическія данныя, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ проэктированному рельсовому пути. Сообщу здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету.

Еще недавно черезъ Архангельскъ въ Англію, Германію, Францію, Данію и Норвегію отправлялось грузовъ цѣнностію на 11.500.000 руб., тогда какъ ввозъ иностранныхъ товаровъ сюда не давалъ и 500.000 р. Такимъ образомъ, нашъ отдаленный сѣверный городокъ представлялся единственнымъ отпускнымъ портомъ Россіи, гдѣ отпускъ въ 22 раза превышалъ доставку продуктовъ заграничнаго производства. Еще недавно Архангельскъ служилъ могучимъ посредникомъ между европейскими потребителями и русскими оптовыми торговцами. Теперь далеко не то. Сначала франко-прусская война понизила вывозъ до 8.500,000 р., затѣмъ бездорожье убило осталь-

ное. Оно и весьма понятно. Въ то самое время, какъ въ остальной части европейской Россіи улучшались пути сообщеній, проводились на тысячи верстъ новыя линіи желѣзныхъ дорогъ, устраивались каналы, и, такимъ образомъ, значительно удешевлялась стоимость фрахта, — сношенія между Бѣлымъ моремъ и естественно прилегающими къ нему губерніями, каковы: Вятская, Вологодская, Пермская и др., оставались тѣми же, что и прежде. Отсюда ясно—что истокъ производительныхъ силъ внутренней полосы направился на нашъ дальній западъ, и интересы сѣверныхъ купцовъ, всей сѣверной торговли и всего сѣвернаго населенія были принесены въ жертву ловкой корпораціи остзейскихъ купцовъ, осѣвшихъ въ Ригѣ. Въ то время, какъ исконный торговой городъ нашъ—Архангельскъ бѣднѣлъ, купцы его банкротились, недвижимыя имѣнія въ немъ падали въ цѣнѣ до того, что нѣкоторые деревянные дома тутъ сбываются на дрова, нищенство удесятерилось, голодовки усилились; въ то время, какъ производители Вятской губерніи, посылавшіе сюда во время оно 9.000,000 п. сырья, разорялись на дорогомъ фрахтѣ, жили изо-дня въ день, все болѣе и болѣе бѣдствуя, погрязали по уши въ недоимкахъ, въ то время, когда, говоря короче, весь нашъ сѣверъ изголодался до крайности,—Рига богатѣла, и именитое рижское купечество, живущее и движимое интересами вовсе не русскими, подымало свою голову и на нашей нищетѣ, на нашемъ разореніи упрочивало свое экономическое могущество. Можно-ли признать здоровымъ такой организмъ, нѣкоторыя части котораго больны малокровіемъ и омертвленіемъ? А между прочимъ, Архангельская губернія давно уже лишена тѣхъ жизненныхъ артерій, которыя доставляли ей нѣкогда и здоровье, и богатство. Наши операторы прежняго времени самыми настойчивыми усиліями старались привлечь прикамскіе грузы въ Петербургу, закрыли и упразднили Сѣверо-екатерининскій каналъ и создали то искусственное положеніе вещей, при коемъ хотя отпускная дѣятельность Петербурга не поднялась, за то обнищалъ сѣверъ и разбогатѣла Рига.

Мы не выскажемъ ничего новаго, если укажемъ, какъ замѣчено выше, что Вологодская, Вятская, Пермская и Уфимская губерніи должны быть тѣсно связаны съ Бѣломорьемъ. Бѣлое море, и именно Двинская губа его, для всего сѣверо-востока Россіи представляютъ естественный выходъ его производительному избытку. Всѣ сношенія между ними прерываются только небольшимъ промежуткомъ, отдѣляющимъ рѣку Вятку отъ р. Вычегды. Къ первой изъ нихъ стремятся всѣ камскіе грузы, а вторая, вмѣстѣ съ р. Двиною, служитъ лучшимъ выводящимъ путемъ въ Бѣлое море. Свяжите небольшимъ по разстоянію, не дорого стоющимъ по исключительности мѣстныхъ условій, рельсовымъ путемъ эти двѣ рѣки, т. е., Вятку и Вычегду, и вы доставите всей этой полосѣ доступъ къ развитію своей производительности, къ подъему своего экономическаго благосостоянія, наконецъ, къ той промышленной самостоятельности, которая составляетъ основу и залогъ дальнѣйшаго развитія ея богатыхъ, но погруженныхъ въ летаргію силъ. Вы этимъ не убьете ни отпуска Риги, ни экономической мощи Петербурга. Вѣдь и теперь въ этой заброшенной полосѣ остается безъ сбыта громадная масса сырья, которую невыгодно везти въ два поименованные порта, за то вышеочерченнымъ путемъ удобно доставить къ Архангельску. Вѣдь изолированіемъ, хирургическимъ отсѣченіемъ Архангельска отъ остальнаго государственнаго нашего тѣла, этою пагубной вивесекціей, мы не достигли-же того, чтобы вятчане весь свой товаръ везли на западъ. Вѣдь еслибъ это было такъ, — то на вятчанахъ, платившихъ прежде легко до 8.000,000 р. податей, не возрастали-бы недоимки, а ихъ товаръ не шелъ-бы патріархальными, напоминающими Среднюю Азію, путями, все въ тотъ-же неизбѣжный Архангельскъ. Къ чему-же такъ упорно держаться прежней системы, когда сама по себѣ, какъ гнилое тряпье, она расползается во всѣ стороны?

Въ послѣднее время, министерство путей сообщеній подняло, наконецъ, вопросъ о разчисткѣ фарватера С. Двины; въ Архангельскѣ производятся всѣ предварительныя работы

по этому предмету. Думаютъ даже улучшить судоходство по Сухонѣ и Югу, — но упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что всѣ эти мѣры безъ рельсоваго пути будутъ не достаточны. Дайте сначала на голодный желудокъ хлѣба и мяса, а потомъ уже кормите насъ бисквитами. Главное-то не въ фарватерахъ этихъ рѣкъ, хотя они дѣйствительно плохи и требуютъ улучшеній, а въ томъ клочкѣ, отдѣляющемъ Вычегду отъ Вятки, изслѣдованномъ еще въ 1867 году, который на разстояніи 325 верстъ стелется по ровному и гладкому пути, чрезвычайно удобному для сооруженія все той-же неизбѣжной, неминуемой желѣзной дороги. Еще въ 1869 году, этотъ рельсовый путь удостоенъ Высочайшаго утвержденія въ сѣти строющихся желѣзныхъ дорогъ, но это, все-таки, не повело ни къ чему, и до сихъ поръ онъ остается въ безграничной области однихъ предположеній, и на столько кажется неосуществимымъ, въ виду встрѣченныхъ имъ препятствій, что многія фирмы заблаговременно, изъ боязни разоренія, перебираются изъ Архангельска въ Ригу. Такъ поступила фирма Хиллса и Тодта, производившая здѣсь милліонные обороты, такъ поступятъ и многія другія. Наконецъ, нѣсколько фирмъ, имѣвшихъ довольно порядочныя дѣла съ заграничными конторами, прекратили свои платежи, а это, какъ хотите, весьма зловѣщіе признаки, вызывающіе необходимость своевременныхъ и радикальныхъ предупредительныхъ мѣръ.

Но, прежде всего, нѣкоторые петербургскіе и рижскіе купцы подымаютъ вопросъ о томъ, что проектированная желѣзная дорога нужна одному Архангельску. Что населеніе Вятки, Перми, Вологды относится къ ней весьма индиферентно. Чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ возраженіемъ, которому, тѣмъ не менѣе, даютъ вѣру люди, близко стоющіе къ дѣлу, приведемъ перечень главнѣйшихъ предметовъ отпуска изъ Архангельска и отмѣтимъ въ немъ тѣ, которые привозятся изъ другихъ губерній и тѣ, которые доставляются собственно Архангельскомъ. Мы беремъ цифры нормальныхъ двухъ лѣтъ 1869 и 1870 гг.

Вывезено изъ Архангельска:

	Въ 1869 году		Въ 1870 году		
	Пуды и четверти.	Рубли.	Пуды и четверти.	Рубли.	
Льну	560.780 п.	3.267.000	556,043 п.	3.045,000	привоз. изъ др. губ.
Пакли льняной	587,338 п.	3.127,000	527,650 п.	1.987,975	„ „ „ „
Льнянаго сѣм.	161.679 ч.	1.804.000	123,568 ч.	1.605,228	„ „ „ „
Овса. . . .	500.000 ч.	1.978,000	252,000 ч.	955,300	„ „ „ „
Ржи	10,733 ч.	70,100	18,324 ч.	128,273	„ „ „ „
Лѣсу (досокъ и бревенъ). .	—	500,825	—	545,000	дост. изъ Арх. губ.
Рогожъ . . .	400.000 шт.	70.000	206,000 шт.	51,400	„ „ „ „
Сухихъ невыдѣлан. кожъ.	1,972 п.	22,810	840 п.	9,177	„ „ „ „
Сала говяжьяго	3,783 п.	15,400	421 п.	1,895	„ „ „ „
„ ворваннаго	30,884 п.	87,225	33,910 п.	87,817	„ „ „ „
Мяса соленаго	29,000 п.	68,000	30,600 п.	97,009	изъ Арх. и Волог". губ.
Смолы . . .	115,210 боч.	396,425	122,153 боч.	460,000	изъ Арх. губ.
Муки ржаной .	62.000 чет.	431.600	78,132 чет.	520.660	изъ друг. губ.
Крупы овсяной	3.706 чет.	44.500	3,833 чет.	47,030	„ „ „

Отсюда ясно, что отправляя собственный лѣсъ, рогожи, сухія невыдѣланныя кожи, сало говяжье, ворвань, часть мяса соленнаго, да смолу, Архангельская губернія доставляетъ отпуску только $^1/_8$ часть его. Остальное слѣдуетъ изъ поименованныхъ выше губерній. Здѣсь-же кстати будетъ привести таблицу упадка вывоза, за послѣдніе годы:

Вывезено изъ Архангельска за границу сырья:

въ	1869 г.	на	11.500,000	р.
„	1870 г.	„	9.500,000	„
„	1871 г.	„	8.000,000	„
„	1872 г.	„	6.000,000	„
„	1873 г.	„	5.500,000	„

Затѣмъ, если взять суммы ввоза иностранныхъ произведеній за тѣ-же два года, то легко убѣдиться, что не одна Архангельская губернія заинтересована въ развитіи путей сообщеній, а, слѣдовательно, и въ удешевленіи доставки иностранныхъ колоніальныхъ товаровъ сюда. Такъ, въ 1869 г.. ввезено въ Архангельскъ изъ-за-границы разныхъ товаровъ на сумму 482,500 р., а въ 1870 г. на 598,176 р. Главная статья ввоза—рыба, была доставлена въ первомъ на 249,000 руб., а во второмъ на 335,650 р. Предположите, что всѣ эти товары шли въ Архангельскъ, и вы должны будете принять тотъ абсурдъ, что оскудѣвшій въ средствахъ Архангельскъ, съ своимъ 18,000-мъ населеніемъ, потребляетъ на 600,000 р. иностранныхъ товаровъ, чего признать никакъ нельзя.

Нѣкоторые изъ нашихъ доморощенныхъ экономистовъ доказывали, что вятско-двинская желѣзная дорога убьетъ отпускъ западныхъ балтійскихъ портовъ, такъ какъ доставка товаровъ черезъ Бѣломорье обойдется гораздо дешевле. Считаемъ необходимымъ разсѣять эти опасенія. Только одинъ вятскій товаръ будетъ дѣйствительно дешевле при отпускѣ черезъ Архангельскъ, но и то дешевле на одну копѣйку съ пуда; ясно изъ этого, что другія губерніи, расположенныя нѣсколько западнѣе, не станутъ пользоваться рельсовымъ путемъ, имѣя

свой. Что шло въ Петербургъ и Ригу, то и тогда пойдетъ туда. Вотъ цифры, извлеченныя изъ отчета купца Прозорова, ведущаго торговлю двумя этими путями, съ пуда:

Льняное сѣмя черезъ Петербургъ въ Амстердамъ: до Рыбинска, по первому рейсу, 15 к. Отъ Рыбинска до Петербурга, по маріинской системѣ, 18 к. Водяныя пошлины за маріинскую систему — $^3/_4$ к. Расходы при слѣдованіи товаровъ отъ Перми до Петербурга за $3^1/_2$ мѣсяца — $^3/_4$ к., береговые въ Петербургѣ 2 к. съ куля или $^1/_4$ к. съ пуда; итого до Петербурга $34^3/_4$ к. Изъ Петербурга до Амстердама, на корабляхъ и на пароходахъ, считая среднiй фрахтъ въ Петербургѣ съ 15 августв по 5 сентября—23 гульдена и 15% при курсѣ, наприм.,—152 р, получимъ 17—40 за ластъ въ 15 четвертей или на пудъ— $13^3/_4$ к. Итого, черезъ Петербургъ до Амстердама, $48^1/_2$ к.

Льняное сѣмя чрезъ Архангельскъ въ Амстердамъ: до селенія Отары, по первому рейсу, 10 к. Отъ Отары до Котласа, по желѣзной дорогѣ; считая по $^1/_{30}$ копѣйки съ пуда и версты за 460 верстъ, получимъ $15^1/_2$ к.; амбары въ Котласѣ и Архангельскѣ, съ нагрузкою и доставкою пароходомъ до Архангельска, съ путевыми расходами, 6 к. Водяныя пошлины $^1/_4$ к. Итого до Архангельска $31^3/_4$ к. Изъ Архангельска до Амстердама, на корабляхъ и пароходахъ, считая среднiй фрахтъ заграничной зафрахтовки, съ нагрузкою въ маѣ и іюнѣ, по 31 гульдену, при курсѣ 152 р., получимъ — 20 руб. 39 к. за 15 четвертей, или за пудъ 16 к. Всего, черезъ Архангельскъ до Амстердама, $47^3/_4$.

Главное преимущество отпуска камскихъ (отнюдь не другихъ) грузовъ чрезъ Архангельскъ, противу Петербурга, это въ его скорости. Отправляясь одновременно, на первомъ рейсѣ пароходовъ, товары изъ Перми проходятъ въ Петербургъ 15 августа, а иногда и 5 сентября, а въ Архангельскъ они придутъ въ маѣ и ужъ никакъ не позже іюня, слѣдовательно, разность=отъ $2^1/_2$—3 мѣсяцевъ. Вообще-же, резюмируя цѣлый рядъ данныхъ, можно будетъ придти къ слѣдующему за-

ключенію: „проэктированный рельсовый путь не нанесетъ ущерба Петербургу или Ригѣ; вятско-двинская желѣзная дорога только свяжетъ Архангельскъ съ сѣверо-востокомъ Россіи и доставитъ послѣднему возможность сбыть на заграничные рынки товары, которые въ настоящее время не слѣдуютъ по другимъ путямъ, не отправляются за границу, кромѣ незначительной ихъ части, идущей и нынѣ чрезъ Архангельскъ. Проэктированный рельсовый путь значительно оживитъ сельско-хозяйственную производительность Вологодской, Вятской, Пермской и Уфимской губерній, убьетъ монополію кулаковъ, гнетущихъ крестьянство этихъ мѣстностей, а самому крестьянству дастъ возможность не стонать подъ бременемъ невыносимыхъ и теперь неоплатныхъ недоимокъ".

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ рельсовый путь давно уже былъ-бы проведенъ, если-бы наше-же взбалмошное купечество, не сообразившее дѣла и не вдумавшееся въ истинныя цифры, не стало-бы кричать, что, вотъ-де Архангельскъ отобьетъ торговлю у Петербурга и у Риги, Архангельскъ станетъ первымъ отпускнымъ портомъ Россіи. Смотрѣть на будущее такъ нельзя. Для этого еще не пріобрѣтено вѣрныхъ зрительныхъ трубъ. Можно только дѣлать выводы изъ цифръ, которыя краснорѣчиво указываютъ, что и Питеръ, и Рига останутся при своемъ и Архангельску будетъ отдано его. Послѣднему далеко до первыхъ—ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ; но тѣмъ безсмысленнѣе искусственнымъ отвлеченіемъ экономическихъ силъ разорять такіе исходные пункты. До чего доходилъ безтактный оптизмъ мѣстнаго купечества, ясно изъ слѣдующихъ словъ, приведенныхъ г. Прозоровымъ, въ доказательство своихъ выводовъ: „изъ сего ясно видно, что не только всѣ товары съ пристаней р. Вятки но даже идущіе мимо устья Вятки къ Петербургу пойдутъ на Архангельскъ. Кромѣ того, и волжскіе товары: пшеница, рожь и овесъ, вмѣсто Петербурга, направятся на тотъ-же Архангельскъ!"

Короче сказать, представьте себѣ положеніе петербург-

скихъ купцовъ, которымъ говорятъ: „гг., предоставьте намъ желѣзную дорогу, не мѣшайте намъ заполучить на нее концессію, и мы васъ скушаемъ подъ какимъ угодно соусомъ". Успокойтесь, господа, рельсовый путь этотъ не будетъ убыточенъ никому. Онъ только воротитъ Архангельску его прежнее значеніе и повліяетъ на подъемъ отечественной производительности. Петербургская биржа можетъ спать спокойно!

Но и за исключеніемъ всего вышесказаннаго, проэктируемый рельсовый путь будетъ имѣть громадное значеніе, какъ отводъ отъ голодовокъ, какъ средство разъ навсегда покончить съ народными бѣдствіями сѣвера—его неурожаями и избавить правительство отъ необходимости тратить милліоны на продовольствіе Архангельской губерніи. На эту сторону дѣла, еще въ 1868 г., обратилъ свое вниманіе Наслѣдникъ Цесаревичъ. Вотъ, между прочимъ нѣкоторыя цифры, весьма важныя въ этомъ отношеніи: даже въ годы средняго урожая, Архангельская губернія не можетъ продовольствоваться своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Считая по 16 пуд. на человѣка, ей необходимо имѣть 4.160.000 пудовъ хлѣба, съ полей ея снимается до 2.500,000 п.; исключивъ отсюда $^1/_4$, отходящую на слѣдующій посѣвъ, получится 1.875,000 п., дефицитъ=2.285,000 п. Во время періодическихъ голодовокъ, этотъ дефицитъ значительно возрастаетъ; а между прочимъ, своевременная доставка хлѣба оказывается, за отсутствіемъ дорогъ,—невозможной. При такихъ неурожаяхъ, (происходящихъ обыкновенно въ концѣ августа или въ серединѣ его, отъ наступленія раннихъ зимъ),—остается нѣсколько дней, на собраніе необходимаго количества хлѣба, до прекращенія навигаціи. Немедленная доставка значительныхъ партій ржи посредствомъ сухопутнаго гужеваго фрахта—немыслима, почему правительство должно постоянно содержать громадные запасы, наготовѣ, на всякій случай, во всевозможныхъ магазинахъ, дирекціонныхъ, комитетскихъ и сельскихъ. Предоставляю судить, во сколько обходится эта операція. Вотъ почему вятско-двинская желѣзная дорога — является, между

прочимъ, выгодной и для казны, не говоря уже о массѣ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ интересовъ.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: окупится-ли эта желѣзная дорога или нѣтъ? Общая стоимость ея вычисляется до 5.000,000 р. Въ настоящее время отправляется за границу вятскихъ товаровъ до 6 милліоновъ пуд.; кромѣ хлѣба, котораго чрезъ Архангельскъ отсылается, и въ Архангельскую губернію на продовольствіе привозится 4.000.000 пудовъ; итого 10.000,000 п. По вычисленію уполномоченныхъ отъ вятскаго губернскаго губернскаго земства и общества города Вятки, съ камскихъ пристаней можно ожидать разныхъ сыпныхъ товаровъ до 10.000,000 п. и съ промежуточныхъ станцій между Отарой и Вяткой 500,000 ведеръ вина, отправляемыхъ сюда и нынѣ. что составляетъ 200,000 п. Товаровъ изъ Слободскаго и Вятки, отправляемыхъ на нижегородскую ярмарку и въ Казань и получаемыхъ непроданными обратно до 900,000 п., итого— 21.100,000 п. Ежегодно изъ этихъ мѣстностей проходятъ въ Соловецкій монастырь до 20,000 богомольцевъ. Примѣните къ этимъ цифрамъ—поборы другихъ желѣзныхъ дорогъ, сократите ихъ даже на 1/3, и въ результатѣ, все-таки, получится сумма, вполнѣ оплачивающая издержки на этотъ предметъ. Слѣдовательно, и тутъ проэктируемый путь представляетъ солидное предпріятіе, возникающее изъ положительныхъ экономическихъ потребностей, а не ажіотажъ двухъ или трехъ спекулянтовъ, задавшихся цѣлію тонкимъ образомъ запустить лапу въ карманъ своего ближняго.

Приводя всѣ эти цифры, мы оставляли всѣ предположенія болѣе или менѣе основательныя, но не имѣющія на своей сторонѣ вполнѣ извѣстныхъ цифръ и дознаныхъ данныхъ. Такъ, мы не обратили вниманія на то, что означенный путь приблизитъ Сибирь къ морю на 300 верстъ и дастъ возможность сбывать сюда ея произведенія. Оставляемъ въ сторонѣ и многое другое, имѣющее свое значеніе въ предполагаемой экономіи этого рельсоваго пути.

Шесть съ половиною милліоновъ промышленныхъ и пред-

пріимчивыхъ людей, населяющихъ сѣверо-восточную половину Россіи, являются ходатаями за вятско-двинскую желѣзную дорогу. Мы не думаемъ, чтобы ихъ интересы могли быть принесены въ жертву нѣсколькимъ рижскимъ купцамъ, съ чего-то вообразившимъ, что этотъ путь задуманъ въ ущербъ ихъ достолюбезному карману.

На палубѣ было холодновато.

Нѣсколько крестьянъ скучилось около машины. Толковали о Соловкахъ.

— Посреди воды, братецъ ты мой, монашки-те живутъ и такіе-ли монашки благочестивые! Одного монашка я видалъ— только просвирку въ недѣлю съѣстъ—и больше ни-ни!

— Что говорить, святой человѣкъ. Ты, поди, былъ тамъ?

— Въ позапрошлое лѣто. Обитель—одно слово! Святыхъ это—стрась!

— Да вѣдь двое только—Зосима и Савватій.

— Такъ-то, такъ... Это, вишь, утвержденные, а то такъ, подъ спудомъ много почиваетъ—и все мощи.

— Мощи?

— Да.

— Ты видалъ?

— Видалъ.

— Своимъ глазамъ?

— Своимъ.

— И чудеса видалъ?

— И чудеса.

— Не врешь?

— Ну, нашто врать! Этихъ чудесъ тамъ по всякій часъ оченно довольно, только вѣру имѣй и сподобишься.

Въ другой кучкѣ толковали о совершенно иныхъ предметахъ.

— Житье у насъ, милой человѣкъ, голодное, непріютное.

— Скудости много. Хлѣба мы почесть цѣльнаго и въ свѣтлый праздничекъ не видимъ; все больше съ соломкой, да корой жуемъ.

— Штожъ,—тяжело?

— Ничаво, пріобыкли. Иной разъ животы раздуеть, а ничаво! Рыбка когда, молоко,—и все тутъ. У насъ другъ, безкормица. Птицу стрѣлить въ лѣса пойдемъ — продать надо, потому подати одолѣли, не въ моготу! Тапера на училишша эти собираютъ—и мы платимъ, а у насъ по всѣмъ тремъ волостямъ ни одной училишшы нѣтъ. А наша сторона самая глухая, ничего въ ей нѣтъ, ни промысла, ни богачества. Супесь одна да голина!

— Штожъ, такъ и живете?

— Не живемъ, а тяготы носимъ, по писанію. Нонѣшнимъ лѣтомъ я послѣднюю скотину продалъ за недоимки, больно ужъ удѣльная контора одолѣла. Таперечи, какъ насъ ослобонили отъ удѣла, такъ и пошли начеты — не оберешься! Допрежъ все и лѣсъ и хворостъ даромъ отъ удѣла шло, а нонѣ за всякую жердь—деньги. Грибы пойдешь сбирать—деньги, ягоды кузовокъ набралъ, поймаютъ и штрахву съ тебя! Ну и платимся, извѣстно,—ничего не подѣлаешь. Таперичи, какъ проѣдимъ всѣ животы да послѣдніе пожитки, какіе были, за недоимку бросимъ, и пойдемъ именемъ Христовымъ побираться. Авось не подохнемъ съ голоду-то. Такъ цѣлой волостью и пойдемъ, потому жить нечѣмъ. А противъ—ничего не подѣлаешь. Сказано отъ Бога. Носи, значитъ, свой крестъ.

— А ты бы работать шолъ.

— А куда я, милой другъ, пойду. Ты какъ полагаешь,—тутъ, куда ни сунь рыло, тебѣ и работа готова? Ладно,—облопаешься. Я, братъ, цѣлую семью кормить должѐнъ. Земля пока есть—а что Господь дастъ—Его воля.

— Глупой ты человѣкъ, самъ говоришь, что земля у тебя неспособная.

— Неспособная и есть, неспособная.

— Такъ ищи работы на сторонѣ.

— На сторонѣ? Да ты откуда. И на сторонѣ у насъ работа одна,—заголи хвостъ, да бѣгай языкъ высунувши на потѣху. Только за эту работу, братъ, не покормятъ. Сытъ не будешь.

— Такъ.

— Ты какъ полагаешь? Годковъ пять тому назадъ, у меня сынъ,—признаться, дохленькій былъ,—померъ. По случаю и доктуръ въ селѣ былъ, изъ Архангельскова проѣзжалъ куда-то. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ этта: „свиньи вы, говоритъ, свиньи. Что дѣтей не кормите? Вѣдь онъ съ голоду поколѣлъ у васъ“. Пищи, вишь, вволю не ѣлъ. Вотъ оно что. И впрямь свиньи, потому, что скотъ, то и сами лопаемъ. Это, нанялся я къ одному міроѣду барку тащить, нарочно поплелся изъ села наниматься. Девять рублевъ ладилъ за конецъ получить. Баско было-бы. Знаешь, кольки получилъ?

— Кольки?

— Полтора рублевика за мной осталось. Вотъ она какова! А въ лямкѣ изныль, избился весь, истомился.

— Какъ-же это такъ?

— А вотъ поди ты.

— Чтожъ ты не жалился?

— Жалился.

— Ну?

— Къ самому водяному ходилъ.

— И что-жъ?

— Міроѣдъ-то на образа крестится, что отдалъ деньги сполна. Ничего не подѣлалъ.

— А водяной што?

— А прежній водяной, братъ, тогда баско суровъ былъ: какъ уркнетъ на меня: „ступай вонъ, мужикъ!“ я и пошелъ. Извѣстно дѣло мужикъ—значитъ терпи. Таперчи, баютъ, другой водяной, слышь, человѣкъ обходительный.

— Не красна жись то?

— Жись... одно слово, каторга!

Невесело стало мнѣ. Въ безъискусственномъ разсказѣ крестьянина была та жизненная правда, которая обдаетъ холодомъ и тоской непривыкшаго человѣка. А есть такіе, что и привыкаютъ. Вѣдь крикнули же „ступай вонъ“, голодному

крестьянину. Слѣдовательно, легко присмотрѣться къ этому лютому горю. Не дай только Богъ живому человѣку помириться съ подобнымъ міромъ. Лучше ужъ, какъ монахи, возлюбить пустынное житіе и законопатиться въ какую нибудь дыру непролазную, по крайней мѣрѣ, глазъ не видитъ и ухо не слышитъ всего этого вопіющаго и глаголющаго несчастья и бездолья.

А вечеръ былъ, какъ нарочно, тихъ. Вѣтеръ упалъ. Безоблачное небо синѣло надъ едва колыхавшеюся рѣкою. Пароходъ съ баржею быстро шелъ впередъ, словно разрѣзая цѣлое море расплавленнаго, сверкавшаго тысячами искръ и и лучей, серебра.

Направо и налѣво зеленѣли то крутые, то отлогіе берега, чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ чаще мелькали деревни и села— и примелькались совсѣмъ. То тамъ, то сямъ, бѣлѣла колоколенка, граціозно подымалась небогатая церковка. Иногда лучи солнца играли на стеклахъ избъ, иногда свѣтлой полосой своей они охватывали цѣлое село, преображая его фантастической игрой свѣта въ какой-то бѣлый, легкій, полувоздушный городокъ. Но увы, послѣ только что выслушаннаго разсказа оголодавшаго крестьянина труженика, изо всѣхъ этихъ фантастическихъ городковъ на насъ вѣяло безпощадной нищетою, низводящей человѣка до отупѣнія, до самоприниженія.

Вотъ, направо, быстро мелькнуло и выросло передъ нами громадное бѣлое строеніе, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Лучи заходящаго солнца зарумянили прямыя стѣны, набросивъ на него обманчивую розовую дымку.

— Что это такое? спросилъ я.

— А это зданія архангельскихъ пеньковыхъ и льняныхъ буяновъ.

Свистя и пыхтя, мимо насъ медленно тащился другой пароходъ. На немъ и на его баржѣ стояла толпа народа.

— Берегись, ушибемъ! кричали оттуда.

— Не обломай рыла самъ!

— Носъ береги!

— Мотри, машина зубы выворотитъ!

— Неравно, фонарь поставитъ!

— Носъ расшибетъ! раздавалось то съ одного, то съ другого парохода.

Вотъ, наконецъ, направо, развернулась передъ нами, ослѣпительно сіяющая линія бѣлыхъ домовъ съ высокими колокольнями и куполами у самаго берега высившихся церквей. Все пространство Двины близъ города было заставлено барками, плотами, гонками, карбасами. Вдали у собора подымался цѣлый лѣсъ мачтъ: тамъ стояли на якоряхъ поморскія шкуны, лодьи, раньшины и елы. Еще далѣе, почти на горизонтѣ, можно было разсмотрѣть иностранные корабли и пароходы, усѣявшіе соломбальскую гавань города. Вотъ мы прошли мимо монастыря, нѣсколько зеленыхъ куполовъ котораго поразительно напоминали кучку грибовъ, выросшихъ въ сыромъ понизьѣ стараго лѣса. Вотъ одинъ за другимъ проходятъ мимо деревянные домики, каменныя зданія.

— Гдѣ-же архангельская набережная? добивался я у сосѣдей.

— А вонъ. Высокій берегъ вдоль былъ покрытъ деревянными мостками съ перилами.

— Это и есть набережная?

— Да.

— Неказиста!

Наконецъ, пароходъ присталъ къ деревянной пристани и, спустя минуту, мы уже тряслись вдвоемъ съ чиновникомъ, командированнымъ правительствомъ на русскій сѣверъ съ какою-то научной цѣлью, на ужаснѣйшей „гитарѣ“, которая, кажется, только и пользуется правомъ гражданства въ одномъ далекомъ Архангельскѣ. Представьте себѣ аппаратъ (ужъ не экипажемъ-же назвать такую махину Авраамовыхъ временъ), гдѣ съ одной стороны садятся двое и съ другой столько-же— спинами другъ къ другу. Во время ѣзды васъ безпощадно трясетъ, взбрасываетъ, болтаетъ.

— Что это изъ насъ сливки сбиваютъ, что-ли? негодовалъ мой товарищъ.

— Варвары! немного спустя продолжалъ онъ. Что за народъ, который не заботится о своихъ удобствахъ! Значитъ въ немъ нѣтъ никакого уваженія къ себѣ, гражданственности.... Въ такомъ обществѣ возможенъ и деспотизмъ, и самодурство... Произволъ...

— Полно, полно... остановилъ я его. Этакъ ты отъ извощичьей трясучки причины всѣхъ бѣдствій жизни, всѣхъ общественныхъ язвъ выведешь.

— И выведу! озлобленно продолжалъ онъ, не замѣчая комичности своего положенія.

— Что у васъ всѣ такъ ѣздятъ? спросилъ я у извощика.

— Всѣ. Даже иностранцы, и тѣ одобряютъ.

— Ну, а какъ поѣздить такъ цѣлый день—здоровъ домой вернешься? На цѣпь не посадятъ? добивался мой юный другъ.

— Шутники-съ вы...

— Ты въ какую-же гостинницу насъ везешь?

— А тутъ одна и есть, Тороповская, супротивъ базара.

— Какъ! На цѣлый городъ одна?

— Такъ-съ, единственная.

— Петръ Ѳомичъ! Гдѣ мы? обратился ко мнѣ товарищъ съ ужасомъ.

— Въ россійскомъ городѣ Архангельскѣ.

— Хорошъ торговый центръ!

Наконецъ извощикъ повернулъ въ ворота каменнаго трехэтажнаго дома, весьма подержанной наружности.

— Это и есть гостинница?

— Да-съ, и нумера для господъ.

— Хорошіе?

— Отмѣнные-съ.

Вошли по чистенькой лѣстницѣ наверхъ, постучали въ двери—сезамъ отворился, и мы очутились въ залѣ гостинни-

цы съ буфетомъ. Какой-то пьяный джентльменъ сначала уставился на насъ осоловѣвшими глазами, а потомъ подошелъ къ намъ, шатаясь.

— Што за люди? Пачиму... Тоись, какъ понимать васъ.... Чиновники или по камерціи?...

— Вамъ нумеръ-съ угодно-съ? отозвался изъ за стойки буфетчикъ. Эй, ты—проводи!...

— Постой.... какъ можно такъ.... ты спроси сначала.... продолжалъ пьяный.

— Господинъ, не безобразьте. У насъ безобразить нельзя!

— Нельзя?

— Нельзя-съ.

— Это ты вѣрно?

— Да-съ.

— Ну, а водки можно?

— Можно.

— Налей!

Бойкій мальчикъ повелъ насъ наверхъ, гдѣ, противъ ожиданія, намъ отвели чистый и просторный нумеръ съ прекраснымъ видомъ на рѣку.

— Что стоитъ?

— Полтора рубля въ сутки.

— Американская цѣна!

— Недорого-съ.

— Почему?

— А потому, что наша гостинница одна и есть въ городѣ!

Не успѣли мы проснуться на другой день, какъ къ намъ явилась цѣлая серія убогихъ, вдовицъ, несчастныхъ сиротъ, пострадавшихъ за правду чиновниковъ, просившихъ подаянія. Вообще, нигдѣ я не видѣлъ такого количества нищихъ, такого убожества, какъ въ низшемъ слоѣ Архангельска. Здѣсь, въ послѣднее время, устроенъ комитетъ о нищихъ, три пріюта, организована постоянная помощь бѣдствующимъ проле-

таріямъ; но что значатъ всѣ благія намѣренія нѣсколькихъ человѣкъ, если денежные люди относятся къ нимъ равнодушно.

Прежде чѣмъ перейти къ очерку самаго Архангельска, скажемъ нѣсколько словъ о его уѣздѣ. Эта часть отдаленнаго сѣвера не отличается, какъ и слѣдовало ожидать, земледѣльческою производительностію. Не смотря на такіе исключительные факты—какъ успѣшный посѣвъ пшеницы у одного изъ зажиточныхъ хозяевъ Рикасовской волости, кажется, крестьянина Амосова,—уѣздъ, все таки, плохо роститъ хлѣбъ. Среднимъ числомъ, здѣсь засѣвается ржи до 600 четвертей, ячменя до 9,000 четвертей, картофеля до 4,000 четвертей. Въ урожайные годы посѣвъ этотъ даетъ ржи до 4,000 четвертей, ячменя до 40,000 четвертей и картофеля 20,000 четвертей. Исключивъ необходимое для посѣва зерно, мы получимъ въ остаткѣ 39,000 четвертей на продовольствіе 32,200 жителей уѣзда и 19,400 жит. города Архангельска. Нормальная потребность хлѣба здѣсь достигаетъ до 1.033,780 пудовъ, мѣстное же хлѣбопашество даетъ 312,225 пуд.; итого, покупка постояннаго привознаго хлѣба доходитъ тутъ до 719,556 пудовъ, что составитъ, перелагая въ денежную цѣнность,—575,644 р. или на каждаго жителя по 11 р. 15 к. въ годъ. Только двѣ волости, Лявленская и Кехотская—довольствуются собственнымъ хлѣбомъ. Народное продовольствіе здѣсь не обезпечивается даже и сельскими магазинами, такъ какъ засыпка въ нихъ производится весьма неуспѣшно, по недостатку хлѣба у крестьянъ. Малый посѣвъ также объясняется тѣмъ, что поздніе весенніе морозы часто убивали прежде только что появившіеся ростки. Понятно, что хлѣбопашцы перестали рисковать своими запасами и можно ждать впослѣдствіи полнѣйшаго прекращенія посѣва ржи. Не только весною озимые всходы тутъ погибаютъ отъ холодовъ, разливовъ рѣкъ и другихъ причинъ,—ранній осенній морозъ — захватываетъ иногда въ среднихъ числахъ іюля еще невызрѣвшій колосъ. Поэтому, поля преимущественно засѣваютъ-

ся ячменемъ, легче выносящимъ климатическія вліянія. Десятина у хорошаго хозяина даетъ подчасъ, среднимъ числомъ, до 9 четвертей ячменя и до 5½ четвертей ржи. Архангельскій уѣздъ, за то, можетъ похвалиться хорошо развитымъ огородничествомъ; въ послѣднемъ году крестьяне Рикасовской и Вознесенской волостей собрали съ своихъ огородовъ до 40,000 четвертей картофеля, до 900,000 кочней капусты, до 1,800 пудовъ моркови, до 3,500 пудовъ рѣпы, рѣдьки 990 пудовъ и брюквы 45,000 пудовъ. Кромѣ того небольшіе огороды въ другихъ волостяхъ и у подгородныхъ хозяевъ дали н менѣе половины такого же сбора. Овощи изъ уѣзда преимущественно доставляются въ Архангельскъ по вторникамъ и пятницамъ, на рынки, по весьма высокимъ цѣнамъ, неслыханнымъ въ срединныхъ пунктахъ Россіи. Суровость лимата не особенно вліяетъ на огородничество, преимущественно въ мѣстахъ хорошо защищенныхъ отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Промерзающая зимою земля не даетъ возможности зарождаться въ ней червямъ, вредно вліяющимъ на посѣвы. Я слышалъ въ Архангельскѣ, что даже на Мурманскомъ берегу, т. е. подъ 68° сѣверной широты, легко вызрѣваютъ капуста, рѣпа, брюква и картофель, у колонистовъ, переселившихся сюда изъ еще болѣе скудныхъ, безплодныхъ и негостепріимныхъ мѣстъ Финляндіи и норвежской Лапландіи. Внутри Кольскаго полуострова, у священниковъ, заброшенныхъ въ неисходную глушь лопарскихъ приходовъ, также успѣшно устроены небольшіе огороды. Разумѣется, отсюда еще нельзя заключать, чтобы огородничество имѣло какое либо серьезное значеніе для населенія этой окраины. Оно служитъ только подспорьемъ, и то не всегда. Мнѣ случилось, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Архангельскаго уѣзда, видѣть мѣстные огороды. Они преимущественно устраиваются въ урочищахъ, покатыхъ къ югу или юго-западу, за стѣнами домовъ. Овощи засѣяны далеко не такъ густо, какъ въ болѣе благопріятныхъ мѣстахъ Россіи, даже не такъ какъ въ нѣкоторыхъ селахъ Олонецкой и Вологодской губерній. Зелень—жалкая... Огороды Сійскаго и Корельскаго мо-

настырей славились нѣкогда; теперь же эти обители занимаются исключительно сѣнокосами и ловомъ рыбы. Значительные и хорошо содержимые огороды существуютъ только въ Соловецкомъ монастырѣ; они будутъ описаны въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Если благосостояніе мѣстнаго населенія измѣрять заработною платою за земледѣльческій трудъ, то Архангельскій уѣздъ придется, въ этомъ отношеніи, поставить весьма низко. Работникъ съ лошадью получаетъ здѣсь поденной платы—1 р., безъ лошади отъ 30 до 40 к. во время посѣва. Во время жатвы: первый—отъ 75 до 90 коп., второй отъ 50 до 60 к. Женскій трудъ цѣнится еще ниже. Работницъ нанимаютъ въ страдную пору по 25 к. въ день (maximum—28 и 30 к.). За обработку готовыми сѣменами поля подъ четыре четверика—1 р. работнику. Ему же за цѣлое лѣто на готовой пищѣ и одеждѣ, отъ 10 до 15 р.; работницѣ отъ 5 до 8 р. Наемъ батрака на цѣлый годъ обходится въ 25 р. и никогда не поднимается выше 25 р.; работница, за тоже самое, получаетъ отъ 10 до 15 р. При этомъ нужно замѣтить, что потребность въ наемномъ трудѣ здѣсь весьма ничтожна. Поля обрабатываются, по ихъ незначительности, семьей землевладѣльца, безъ постороннихъ рабочихъ. Заработныя цѣны и на иной трудъ—столь же жалки. Какъ-то мнѣ пришлось проходить по набережной Архангельска. Въ одномъ мѣстѣ передѣлывали ея настилку. Нѣсколько рабочихъ отдыхали въ сторонѣ.

— Почемъ рядились въ день, братцы?

— По четвертаку.

— На человѣка?

— Да.

— На хозяйской пищѣ?

— Не, на своей!

Пришлось невольно подивиться. При этомъ вспомнилъ я, что чернорабочій въ Нью-Іоркѣ получаетъ по 5 долларовъ въ день! Нужно замѣтить, что такія цѣны на самый тяжелый

трудъ стоятъ въ Архангельскѣ тогда, когда фунтъ ржанаго хлѣба обходился на рынкѣ по 3 коп. Продовольствіе рабочаго слѣдовательно, обходилось, 3 фунта хлѣба—9 к., полтора фунта соленой трески 4$^1/_2$ к., соль и приварокъ 4 коп.; итого 17$^1/_2$ к.; слѣдовательно, оставалось у него въ день, на подати, на содержаніе семьи, на одежду и на все остальное—7$^1/_2$ к. или 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ! Нѣсколько болѣе получаютъ рабочіе на городскихъ буянахъ, пристаняхъ. Болѣе всего зарабатываютъ артели: дрягильная, баластная, и биржевая. Впрочемъ объ этомъ—потомъ.

Сельско-промышленная дѣятельность въ Архангельской губерніи вообще незначительна. Нѣсколько болѣе крупныхъ заведеній въ родѣ Седѣльниковскаго завода и проч., не увеличиваютъ ея оборотовъ. Общая сумма всѣхъ производствъ, въ оффиціальныхъ отчетахъ, называемыхъ фабрично-заводскими, не превышаетъ 2.000,000 рублей. Эта цифра распредѣляется между 1,500 заведеніями... что составляетъ на каждое по 1,400 р., а если выдѣлить лѣсопильные заводы и мукомольныя мельницы, то по 70 р. Производство Архангельскаго уѣзда, когда то весьма значительное, нынѣ падаетъ годъ за годомъ, какъ и все въ предѣлахъ этой оставшейся совершенно внѣ реформъ настоящаго царствованія губерніи. Въ то время, какъ вездѣ проводились желѣзныя дороги, очищались и совершенствовались водные пути—Архангельская губернія, оставалась безъ коренныхъ улучшеній. Кидали и кидаютъ сотни тысячъ на покровительство ея промысламъ и, въ тоже время, отказываютъ ей въ вятско-двинской желѣзной дорогѣ; жертвуютъ чуть-ли не милліоны на ея продовольствіе, даютъ ея обнищавшему крестьянству различныя льготы, но, тѣмъ не менѣе, не рѣшаются на проведеніе того рельсоваго пути, который, связавъ ее съ сѣверо-востокомъ Россіи, естественно прилегающимъ къ Бѣлому морю, освободилъ бы правительство и отъ траты вовсе не лишнихъ милліоновъ, и отъ необходимости соглашаться на убыточныя для государства льготы!

Въ Архангельскомъ уѣздѣ нынѣ уже, за недостаткомъ

средствъ, пріостановили свою дѣятельность четыре кирпичныхъ, три прядильныхъ, два солодовенныхъ, три коптильныхъ, одно красильное, три смолокуренныхъ, солеварное, девять кузнечныхъ и одно мыловаренное заведеніе. Итого 26 заброшенныхъ безвозвратно хозяйствъ, не считая тѣхъ производствъ, которыя уменьшились до весьма значительной степени. Самые значительные заводы этого уѣзда—лѣсопильные, числомъ четыре, помѣщаются близъ Архангельска, на островѣ Маймаксѣ, куда непосредственно пристаютъ иностранные корабли. Валовой оборотъ ихъ равняется—600,000 руб., а всѣ выгоды эксплуатируются архангельскими иностранцами. Остальные заводы не заслуживаютъ вовсе отдѣльнаго упоминанія. Общій оборотъ всей производительности уѣзда, безъ города Архангельска—640,000 руб., что составляетъ по 19 руб. на каждаго жителя уѣзда; еслиже выдѣлить лѣсопильные заводы, въ выгодахъ которыхъ—населеніе не участвуетъ вовсе, то эта цифра понизится до 2 к. на каждаго!

Въ самомъ Архангельскѣ находится 28 фабричнозаводскихъ хозяйствъ, общее производство коихъ достигаетъ до 218,510 р., или по 11 р. на каждаго жителя города. Значительнѣйшіе заводы здѣсь водочные, общій доходъ которыхъ простирается до 75,000 руб., затѣмъ слѣдуютъ канатные (55,613 р.), свѣчные (18,570 р.), кожевенные (15,600 р.) и мыловаренные (16,000 р.).

Покончивъ съ этими необходимыми данными, перейдемъ къ самому Архангельску съ его типической физіономіей, промышленными и торговыми учрежденіями, его обществомъ, насколько все это могло обнаружиться передъ глазами любопытнаго туриста, нѣсколько лѣтъ знакомившагося съ особенностями европейско-русскаго сѣвера.

Архангельскъ расположенъ на правомъ берегу р. С. Двины. Онъ растянулся въ длину на восемь верстъ: занимая не болѣе полуверсты въ ширину. Двѣ отдѣльныя части его, Куз-

нечиха и Соломбала, занимаютъ острова, образуемые рукавами Двины. Собственно городъ прорѣзываютъ только три улицы вдоль, не считая набережной: а именно, Троицкій проспектъ, Средній проспектъ и Новая дорога. На первомъ расположены лучшія городскія зданія и церкви; часть его называется Нѣмецкой слободой и поразительно напоминаетъ чистенькія нѣмецкія линіи Васильевскаго острова. Кузнечиха — центръ мѣстной нищеты и убожества—представляется тѣсною кучею деревянныхъ домишекъ, самой жалкой и безпомощной наружности. Большею частію развалившіеся, они напоминаютъ ветхозавѣтныхъ старушенокъ-нищенокъ, дрожащихъ, въ осенніе дождливые дни, въ лохмотьяхъ и заплатахъ, на скользкихъ папертяхъ петербургскихъ церквей. Чѣмъ-то само себя пережившимъ, промозглымъ, заживо погребеннымъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ клѣтушекъ, гдѣ гнѣздится нищета этого торговаго центра, нищета съ ея тайными драмами, съ ея борьбою и паденіями. Цѣнность недвижимой собственности здѣсь до того упала въ послѣднее время, что самымъ выгоднымъ оказывается не отдавать дома подъ постой—а продавать ихъ на сломъ, на дрова!? Это обстоятельство лучше всего обрисовываетъ уже указанный мною выше упадокъ Двинскаго края. Соломбала съ своею гаванью лѣтомъ чрезвычайно оживлена, она соединяется съ городомъ деревяннымъ мостомъ. Въ нашъ пріѣздъ въ гавани ея стояло до 100 иностранныхъ судовъ и пароходовъ.

V. Архангельскъ.

Ясное утро, безоблачное небо! Все такъ и звало вонъ, на улицу, въ неугомонную толпу рабочаго люда изъ душнаго номера съ его непріютною, трактирной обстановкою. Я вышелъ изъ воротъ гостинницы и тотчасъ же окунулся въ суетливую толчею архангельскаго базара. Былъ вторникъ, а по вторникамъ сюда стекаются жители пригородныхъ селъ съ молокомъ, масломъ, ягодами, овощами, яйцами и корзинами. Направо и налѣво, по обѣ стороны улицы, тянулись небольшіе столики со всевозможнымъ хламомъ. Тутъ были и старыя, до невозможности истасканныя шляпы и крестьянскія рубахи и подержанное платье, и гравюры амвраамовыхъ временъ съ ангелами трубящими надъ Содомомъ и Гоморрой. Тутъ же красовались, блаженной памяти, мундиры капитанъ-исправниковъ и какіе то необычайные костюмы, которые, при ближайшемъ ознакомленіи, оказались фраками министерства народнаго просвѣщенія съ обрѣзанными фалдами. Кое-гдѣ фигурировали самовары, старая посуда и книги. Но большинство столиковъ было завалено женскими платьями, видѣвшими славное время царя Гороха, шляпками прожившими мафусаиловъ вѣкъ, необычайно грязными перчатками, юпками и прочей дрянью.

— Неужели на это все есть у васъ покупатели? спросилъ я у небольшой, толстой старухи, съ лицомъ краснѣе кострюльной мѣди, и навѣрно столь же твердымъ.

— А даетъ Богъ.

— И выгодно?

— Чего, милый баринъ, невыгодно. Вѣдь у насъ не купленный товаръ. Все вѣдь это на продажу только взято изъ припента (вѣроятно, процента).

— Кто же сбываетъ на комисію такую ветошь?

— А барыни. Чиновницы разныя есть. Сиклитарши. Мужъ помретъ, пенцыону мало вишь, ну и продаютъ. Вы должно не здѣшній?

— Нѣтъ.

— Оно и видно. У насъ, милый баринъ, нѣтъ этого, чтобъ старое платье прислугѣ дарить. Все къ намъ на продажу сбывается И даже хорошіе господа не брезгуютъ продавать. Потому у насъ край голодный, у насъ не развернешся.

— И много у васъ торгуютъ этимъ?

— Да старухъ съ полторы сотни наберется; а то и больше.

— Только этимъ и живете? Не работаете больше.

— А на что намъ работать? У насъ, у каждой, поди, въ Кузнечихѣ свой домикъ есть, такъ клѣтушечки, одна слава— что домъ! Ну и торговлишка эта. Когда въ базарный день полтинникъ, а то и рублишко перепадетъ.

— А сколько базарныхъ дней у васъ?

— Два въ недѣлю.

Позади старухъ - торговокъ тянулись каменные ряды лавокъ мѣстнаго купца Плотникова, поставленные на широкую ногу. Дальше шли деревянные ряды, пустой каменный рядъ и, наконецъ, большой гостиный дворъ. Все это было отстроено хорошо. Лавки свѣтлы и просторны, но увы, упадокъ торговли видѣнъ былъ во всемъ. Большая часть лавочныхъ нумеровъ па замкахъ, а многіе магазины заключали самое ничтожное количество товара. Вообще, вся эта мѣстность, начиная отъ собора до Буяновой улицы, переполнена торговыми заведеніями всякаго рода. Это центръ мѣстной коммерческой дѣятельности. Изъ любопытства, я вошелъ въ одну изъ лавокъ гостиннаго двора. Купивъ кой - какую мелочь, я обратился съ разспросами къ молодому прикащику.

— Какая у насъ торговля! озлобленно отвѣчалъ онъ. Одно названіе, что купцы. Архангельксъ нынѣ совсѣмъ заброшенъ. Годиковъ черезъ пять, большая часть купечества или раззорится, или въ другіе города переберется. Однимъ нѣмцамъ у насъ и житье.

— А русскіе?

— А русскіе, которые старики еще торгуютъ кой какъ, а помреть—и торговлѣ шабашъ. У насъ въ одномъ году три фирмы закрылись. А старики шибко вели дѣло.

— Я совсѣмъ не понимаю вашего озлобленія на нѣмцевъ.

— Да помилуйте, намъ заграницу и хода не даютъ.

— Вѣрно. И причину скажу вамъ: русскій купецъ какъ наберется кредитомъ, такъ и наровитъ сейчасъ по полтиннику за рубликъ, а то и по гривеннику. Потому ему и довѣрія нѣтъ. А нѣмцы ведутъ свои дѣла аккуратно.

— Ну, и изъ ихнихъ есть. У насъ въ Архангельскѣ такихъ банкротствъ не бываетъ—не Москва! Попробуйте повести дѣло съ заграницей,—нѣмцы такую механику подведутъ, что свой товаръ назадъ повезете. А только, я вамъ скажу, коли намъ не дадутъ вятко-двинской желѣзной дороги—такъ хоть живымъ въ землю иди — одинъ конецъ. Поневолѣ обанкротятся всѣ. Еще пока военный портъ былъ—торговля, жаловаться нечего, хорошая шла. А теперь—только для одного прохлажденія въ лавку идешь.

Большая часть лавокъ въ гостинномъ дворѣ наполнена продовольственными продуктами, это такъ называемые колоніальные магазины. Они поразительно напоминаютъ московскія торговыя заведенія средней руки. Задній фасадъ гостиннаго двора занятъ мясными лавками, крайне неопрятными. Въ одной изъ нихъ мнѣ самому удалось видѣть, какъ на глазахъ потребителей собаки и кошки трудились надъ уничтоженіемъ тутъ же покупаемаго мяса.

— Отчего вы не отгоните ихъ? спросилъ я.

— А зачѣмъ гнать! Все же тварь Божія! Ѣсть хочетъ; у насъ, благодаря Бога, про всѣхъ хватитъ.

— Да вѣдь это же мясо и въ продажу идетъ.

— Идетъ. Штожъ, у насъ народъ не брезгливъ.

Цѣна мяса на архангельскомъ рынкѣ стояла при мнѣ 10 коп. за фунтъ перваго сорта, 8 за второй сортъ, и 6 за тре-

тій. Непосредственно къ мясному ряду прилегали ряды рыбные. Отсюда такъ и несло ароматами трески и прочей соленой рыбы, замѣняющей мясо жителямъ сѣвера. Тутъ же промывалась заржавѣвшая сельдь, разложенная на лоткахъ у торговцевъ. Къ рыбнымъ лавкамъ примыкали два отдѣльныхъ корпуса, помѣщающіе кухни, выстроенные городомъ для поморскихъ судохозяевъ и судорабочихъ; у самой набережной, напротивъ лавокъ и рядовъ, неподвижно стояли на Двинѣ сотни морскихъ судовъ. Тутъ были и елы, напоминающіе лодочки средней руки, съ двумя мачтами, и шняки съ уродливой мачтой на носу, и раньшины и шкуны, выстроенныя самымъ нелѣпымъ образомъ. Всѣ они, пользуясь теплымъ днемъ, сушили паруса. Между ними то и дѣло сновали небольшіе карбаса, стружки и катера. Пѣсни такъ и стояли въ воздухѣ, смѣшиваясь съ гуломъ суетливой толпы въ одинъ тысячезвучный, но, въ то же время, не лишенный нѣкоторой стройности гулъ.

Изъ кабаковъ, нѣсколько далѣе обильно уснащавшихъ берегъ, выходили цѣлыя толпы судовщиковъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Не смотря на зной, нѣкоторые изъ нихъ были въ малицахъ, т. е., покрытыхъ ситцемъ рубахахъ изъ оленьяго мѣха. Дальше тянулись небольшіе столики съ солью и рыбой, сидѣли рядами деревенскія бабы съ молокомъ, яицами, масломъ и овощами, крестьяне съ картофелемъ и корзинами. Оживленная картина базара эффектно заключалась толпою рослыхъ, одѣтыхъ въ яркіе цвѣта поморокъ, галдѣвшихъ о чемъ то на самой серединѣ базарной площади.

Въ сторонѣ, въ тѣни пустаго каменнаго ряда лавокъ тянулись лари съ подержаннымъ платьемъ. Тутъ группировались жидки, неутомимо сновавшіе взадъ и впередъ за весьма рѣдкими покупателями.

— Вы Архангельскій? спросилъ я у одного изъ коммерсантовъ племени Израилева.

— Нѣтъ. Я изъ Кельце.

— Какъ же вы сюда попали?

— А какъ попалъ—звѣстно, разбойствомъ.

— Что?

— А увзали мене, зъ жаной, зъ малыми дѣтьми, зъ рабёнкемъ, и зъ жолнежами одправили до Архангельску.

— Вы высланный?

— Да; я мялъ тамъ свое хозяйство, корчму мялъ. Здѣсь оставили меня у Мезени,—о, то място! Турма лучше! Тамъ я зъ голоду чуть не умеръ. Два року у Мезени прожилъ. Жена померла, рабёнекъ тоже померъ. Теразъ туты торговлю маю. Ото — бруки стары, суртукъ... Чи машъ панъ, что прадаць альбо змѣницъ?...

Недалеко отъ базара, на набережной рѣки Сѣверной Двины, бѣлѣло каменное зданіе мѣстнаго театра.

— Можно войти туда? спросилъ я у молодаго человѣка, встрѣтившагося мнѣ на дорогѣ.

— Мнѣ кажется, можно. Хотите, я васъ проведу.

— Мы пошли.

— Давно существуетъ театръ въ Архангельскѣ?

— Нѣсколько лѣтъ уже. Онъ выстроенъ взамѣнъ сгорѣвшаго деревяннаго театра. Да толку мало. Городъ каждый годъ жертвуетъ на него по тысячѣ рублей — а спектаклей много, много пять-шесть дадутъ любители. Да заѣжіе фокусники паясничаютъ.

— Тутъ есть труппа любителей?

— Была, да всѣ поразъѣхались.

— Какія пьесы давались преимущественно у васъ?

— Слезорыдательныя, во французскомъ вкусѣ, съ торжествомъ добродѣтели въ заключеніе.

— А Островскій, Потѣхинъ?

— Тю-тю, батюшка! Объ Островскомъ у насъ и думать нечего. Во-первыхъ, насчетъ исполнителей—жидко, а во-вторыхъ, зрителей мало. Главный элементъ здѣсь—нѣмцы, а они и не заглянутъ на Островскаго. Вотъ насчетъ водевильчиковъ у насъ—лафа, это любятъ; ну и драмы въ родѣ „Кроваваго сердца“, „Материнскаго благословенія“, „Клары д'Обервиль“ и т. д.

Мы вошли въ театръ. Внутренняя обстановка его, несмотря на полусвѣтъ, была весьма недурна. Для провинціи и для такой далекой провинціи, какъ Архангельскъ — театръ былъ положительно роскошенъ; два яруса ложъ, партеръ и сцена содержались весьма чисто. При полномъ освѣщеніи зала должна производить пріятное впечатлѣніе. Смотритель зданія, отставной унтеръ-офицеръ изъ жидковъ, оказался тутъ-же. Преобязательно онъ показалъ намъ фойэ, буфетъ и уборныя.

Выйдя изъ театра, я наткнулся на оригинальнѣйшую сцену, которую только и можно встрѣтить въ Архангельскѣ. Передъ нами какъ будто изъ земли выросло семейство самоѣдовъ, Богъ знаетъ, какимъ чудомъ попавшее сюда лѣтомъ. Зимою самоѣды содержатъ перевозъ между Архангельскомъ и зарѣчными селами на оленяхъ. Мѣднокрасныя, скуластыя лица, узкими, едва замѣтными щелями прорѣзанные глаза, свѣтившіеся нѣкоторымъ лукавствомъ, рѣдкія клочковатыя бороденки, широкіе носы, съ какими-то подтеками, такъ и пахнули на меня мезенскими тундрами, населенными исключительно этими полудикими инородцами сѣвера.

— Баринъ, на хлѣбъ, дай копѣечку! обратился ко мнѣ мальчикъ самоѣдинъ, едва поднявшійся на аршинъ отъ земли, но представлявшій поразительно вѣрную копію въ миніатюрѣ съ своихъ старшихъ компаньоновъ; таже мѣховая малица, таже мѣховая шапка, тѣже мѣховые пимы, тоже скуластое лицо съ микроскопическими глазами—щелками.

— Откуда вы?

— Съ Канина-носа.

— Какъ же вы сюда попали?

— А милостыню просить.

— Развѣ дома дѣлать нечего?

— Какъ нечего, у насъ промысла теперь. Рыбу ловимъ, птицу бьемъ.

— Зачѣмъ же вы тутъ путаетесь?

— А здѣсь выгоднѣй, здѣсь водка есть! откровенно отвѣтила самоѣдская красавица, преуродливо ковыляя впередъ.

Самоѣды вообще весьма странно ходятъ. Глядя на нихъ невольно припоминаются наши гуси съ ногами, подбитыми шалунами-мальчишками.

Всѣ самоѣды Архангельской губерніи кочуютъ въ предѣлахъ Мезенскаго уѣзда. Эти несчастные инородцы безвозвратно загублены водкой, каторжной эксплуатаціей зырянъ и сифилисомъ. Единственно выгодные заработки—оленеводство и рыбный промыселъ, попали въ чуждыя имъ руки, и это нѣкогда богатое племя вырождается и вымираетъ съ поразительной быстротой. Впрочемъ, о самоѣдахъ я буду имѣть случай поговорить нѣсколько подробнѣе, если удастся съѣздить въ ихъ безконечныя тундры.

Послѣ обѣда въ гостинницѣ, обѣда, поразившаго насъ чудовищными размѣрами порцій и ихъ сравнительной дешевизной, я опять отправился бродяжничать по городу. Нужно сказать правду, эти широкія и прямыя, чистенькія улицы, полунѣмецкаго характера, въ первый же день пахнули на меня невыразимою скукой. Такъ и чувствовалось, что вся жизнь разбита тутъ на правильныя четыреугольныя клѣточки, изъ предѣловъ которыхъ никто не выходитъ. Ни одного стариннаго зданія, ни одного типичнаго уголка. Соборъ, который вездѣ болѣе или менѣе носитъ на себѣ отпечатокъ живописной старины, здѣсь является въ видѣ далеко некрасиваго, бѣлаго куба, съ пятью кукольными башенками на кровлѣ, съ отдѣльно стоящею колокольней и лубочною живописью на фронтонѣ. Внутренность его также лишена всякаго изящества. Единственный предметъ, на который можно обратить вниманіе, это громадный деревяный крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ, въ память спасенія его отъ бури въ Унскихъ-Рогахъ Бѣлаго моря. Крестъ, который теперь не подъ силу шестерымъ рабочимъ, былъ поднятъ, вынесенъ и поставленъ въ Онежскомъ поморьѣ однимъ Петромъ. Въ архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ, крестъ этотъ помѣщенъ въ нишу, аляповаго украшенную золоченными колонками и карнизомъ. Живопись здѣсь также весьма плоха; у самаго входа, напра-

во и налѣво, изображено на стѣнѣ воскресеніе мертвыхъ, изобилующее синею и красною красками. Какая-то полувоздушная, въ родѣ паутины, рѣшетка вокругъ собора совершенно не соотвѣтствуетъ массивности самаго зданія и вовсе уже не у мѣста тутъ А между тѣмъ, говорятъ, она стоила большихъ суммъ, собранныхъ отчасти съ несчастныхъ сельскихъ приходовъ, причты которыхъ, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, далеко не могутъ щеголять экономическимъ благосостояніемъ. Соборная площадь, обставленная большими каменными домами, будетъ эффектна тогда когда разростется скверъ, устроенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ и еще очень жидковатый нынче. Гораздо лучше вторая площадь, на томъ же Троицкомъ проспектѣ; она образуется большими казенными строеніями. Она просторна, хорошо вымощена и содержится весьма чисто. По срединѣ ея находится въ настоящее время памятникъ Ломоносова. Холмогорскій крестьянинъ, могучій работникъ науки, представленъ здѣсь въ видѣ купца, выходящаго изъ бани и закутаннаго въ мокрую простыню. Ни лавры на головѣ, ни колѣнопреклоненная, чахоточная фигура генія, съ лирою въ рукахъ, не уничтожаютъ этого впечатлѣнія. У самаго подножія памятника, внѣ рѣшетки, какой-то сѣрый козелъ мирно прощипываетъ травку; на темени великаго человѣка весьма комфортабельно усѣлась непочтительная ворона и все кругомъ вѣяло такою тишиною, такимъ патріархальнымъ спокойствіемъ и застоемъ, что я невольно зѣвнулъ; вся эта площадь, весь этотъ городъ показались мнѣ душною, постнымъ масломъ и клопами пахнущею комнатою, съ аппетитно взбитою периной, мягкими подушками, кучами назойливыхъ мухъ, графиномъ квасу на столѣ и только что сброшеннымъ халатомъ у кровати! Въ первый разъ здѣсь я ощутилъ на себѣ снотворное вѣяніе провинціи, такъ что и громыханье какого-то извощика вдали показалось мнѣ невиннымъ храпомъ пятипудоваго россійскаго буржуа, мирно отдыхающаго послѣ жирной и обильной трапезы... На улицахъ ни души, въ окна не выглянетъ ни одно лицо, какой-то кучеръ спитъ на дрож-

кахъ, передъ думой; у забора присутственныхъ мѣстъ, заваливпшсь лицомъ въ траву, почіетъ тѣло уморившагося чернорабочаго, и самъ Ломоносовъ въ простынѣ, кажется, размышляетъ:

„Хорошо бы теперь, братцы, задать всхрапку, этакъ часочка на три, да потомъ графинчика три кваску сокрушить, а опосля пожалуй и чайкомъ побаловаться. А-ахъ, ка-акъ хорошо!...“

Отъ этого соннаго царства я только и спасся въ библіотеку, помѣщающуюся въ зданіи здѣшней городской думы.

Здѣшняя общественная библіотека образовалась изъ бывшей библіотеки статистическаго комитета и прежней общественной. Она занимаетъ три просторныхъ и свѣтлыхъ зала, изъ коихъ два заняты книгами, а третье отведено подъ читальню. Въ читальнѣ, на трехъ большихъ столахъ, разложены книги и газеты. Изъ журналовъ, я нашелъ тутъ: „Отечественные Записки“, „Вѣстникъ Европы“, „Дѣло“, „Гражданинъ“, „Зарю“, первую книжку „Азіатскаго Вѣстника“, „Семейные вечера“, „Педагогическій Листокъ“, „Дѣтское Чтеніе“, „Записки Географическаго Общества“, „Журналъ Вольно-Экономическаго Общества“, „Сельское Хозяйство“, „Оружейный Сборникъ“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Всемірную Иллюстрацію“, „Сіяніе“, „Торговый Сборникъ“, „Медицинскій Вѣстникъ“, „Грамотѣй“, „Всемірный Путешественникъ“. Изъ газетъ, на столахъ были: „Петербургскія Вѣдомости“, „Голосъ“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Биржа“, „Новое Время“, „Русскія Вѣдомости“, „Виленскія Вѣдомости“ и „Архангельскія Губернскія Вѣдомости“. Судя по этому перечню, читальня библіотеки обставлена весьма недурно. За столами сидѣло до двадцати пяти человѣкъ. Для порядка, тутъ же находилась дѣвушка, обязанность которой слѣдить за тѣмъ, чтобы книги не уносили домой, не вырывались изъ журналовъ статьи и рисунки.

— Сколько всѣхъ подписчиковъ у васъ? спросилъ я у библіотекаря.

— Да человѣкъ 500 будетъ.

— А томовъ книгъ въ библіотекѣ?

— До 5.000.

— Преимущественно должно быть беллетристика?

— Да, много беллетристическихъ сочиненій, но также много и по другимъ отдѣламъ: по историческому, политико-экономическому, географическому и проч.

— Мало, вѣрно, требованій по серьезнымъ отдѣламъ?

— Ну, нѣтъ! Въ прошломъ году поступило требованій на легкое чтеніе, сравнительно, мало; на серьозныя книги больше; еще болѣе на журналы. Мы довольно аккуратно выписываемъ всѣ вновь выходящія сочиненія, мало-мальски выдающіяся. Въ послѣднее время, число подписчиковъ возрасло почти втрое противу прежняго.

— Кто же завѣдуетъ библіотекой?

— Статистическій комитетъ.

Странно, что библіотека здѣсь считается учрежденіемъ правительственнымъ. Когда состоялся законъ о недопущеніи женщинъ къ занятіямъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, мѣстныя власти противъ воли должны были отказать библіотекаршѣ, и назначить на ея мѣсто полуграмотнаго канцеляриста.

Въ читальню посторонніе, т. е., не подписчики, могутъ ходить и читать журналы и газеты безвозмездно. За требованіе книги для справокъ, въ самой библіотекѣ, платится по 3 к. за каждый разъ. Плата за чтеніе полагается отъ 5 р. до 3 р. въ годъ. За просрочку возврата взятыхъ изъ библіотеки книгъ назначены штрафы. Въ качествѣ заѣзжаго туриста, я счелъ возможнымъ быть нескромнымъ и сталъ присматриваться и прислушиваться къ тому, что дѣлалось въ библіотекѣ. Постоянно входили и выходили новые подписчики. Большинство—составляли женщины. Ими заявлялись требованія преимущественно на книги научнаго содержанія. Повидимому, онѣ привыкли къ весьма серьозному чтенію. Разложенные на столахъ газеты и журналы также читались женщинами. Нѣсколь-

ко книжекъ новыхъ журналовъ были разрѣзаны именно тамъ гдѣ помѣщались статьи критическія и экономическія.

— У васъ женщины читаютъ очень много! замѣтилъ я сидѣвшему рядомъ со мною господину.

— Потому что онѣ у васъ гораздо образованнѣе мужчинъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я говорю о нашемъ купечествѣ и мѣщанствѣ. Классъ чиновниковъ у насъ весьма немногочисленъ и, за исключеніемъ занимающихъ немногія видныя мѣста, не пользуется никакимъ значеніемъ. Отцы первыхъ двухъ сословій обыкновенно берутъ своихъ сыновей изъ четвертаго или пятаго класса гимназіи, дочери же остаются оканчивать седьмой и восьмой классъ маріинской женской гимназіи. Сыновья, видите-ли, нужны по лавкѣ, по дому, по заведенію. Прикащика нанять другой и средствъ не имѣетъ. Русское купечество у насъ обнищало. Что ни годъ—то одной или двумя старыми фирмами меньше.

Въ библіотекѣ, на улицѣ, въ церквахъ, глядя на женщинъ и дѣвушекъ средняго сословія, я встрѣтилъ тотъ же типъ, такъ поразившій меня при въѣздѣ въ Архангельскую губернію. Рослыя и красивыя, онѣ имѣютъ только одинъ замѣтный недостатокъ—склонность къ полнотѣ. Апатическое выраженіе этихъ, иногда весьма изящныхъ, лицъ производило тоже не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Въ Архангельскѣ я примѣтилъ еще одну особенность, весьма страннаго свойства. Дѣвочки, лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, кажутся здѣсь уже вполнѣ созрѣвшими, какъ и на дальнемъ югѣ. Иногда даже смѣшно видѣть ихъ въ коротенькихъ платьицахъ.

Выйдя изъ библіотеки, я попалъ въ ту часть Троицкаго проспекта, которая, вмѣстѣ съ пересѣкающими ее улицами, называется нѣмецкой слободой. Деревянные домики, опрятные, съ бѣлыми занавѣсками и цвѣтами на окнахъ, хорошо содержимые дворы, микроскопическіе садики — все это разомъ перенесло меня въ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, новенькихъ и чистенькихъ городковъ средней Германіи, въ которыхъ жи-

вется такъ невозмутимо покойно и, въ то же время, такъ невыразимо скучно. Отъ всего этого казеннаго приличія, отъ всей этой вылощенной наружности слободы, вѣяло флегмой самаго заразительнаго свойства. Такъ и чуялась тутъ жизнь, сложившаяся въ извѣстныя клѣточки, безъ увлеченій и тревогъ, стройная и размѣренная какъ таблица умноженія.

Вотъ мимо прошли двѣ молоденькія дѣвушки. Губки бантикомъ, глазки опущены—скромность неописанная! И шажки такіе маленькіе, и сами онѣ такія гладенькія да ровненкія. Гдѣ же эти лукавыя очи, гдѣ этотъ веселый, подмывающій смѣхъ, гдѣ беззавѣтная шутка!... Невольно вспомнишь нашу великорусскую дѣвушку, съ солнечнымъ лучёмъ во взглядѣ, съ задушевными невольно охватывающими васъ тепломъ и свѣтомъ, нотками въ голосѣ. А тутъ—дважды-два—четыре, дважды-три—шесть, въ томъ и жизнь вся! А жаль—архангельскія женщины весьма красивы; если бы они оживились искреннимъ увлеченіемъ, страстнымъ огнемъ жизни, если бы на этихъ чистенькихъ и гладенькихъ личикахъ провести двѣ-три огневыя черты, да кинуть поболѣе лучей въ эти покойные, ничѣмъ не возмущающіеся глазки—было бы весьма недурно.

Въ нѣмецкой слободѣ находится также и здѣшній городской садъ. Я невольно подивился, увидѣвъ на крайнемъ сѣверѣ могучіе стволы громадныхъ березъ. Тѣнистыя аллеи въ разныхъ направленіяхъ пересѣкали садъ, по срединѣ котораго покойно зеленѣлъ покрывшійся водорослями прудъ. Ни въ одной аллеѣ я не встрѣтилъ гуляющихъ. Это уединеніе среди медленно колыхавшейся листвы, среди измруднаго блеска лучей, коегдѣ проникавшихъ въ чащу, освѣжительно подѣйствовало на меня послѣ скучнаго обзора однообразныхъ архангельскихъ улицъ.

Я сѣлъ у самаго пруда. Высокія березы обступили его кругомъ, протягивая надъ нимъ свои мощныя вѣтви. Одинокое облачко тихо тянулось по вѣтру въ недосягаемой высотѣ. Слышался мѣрный шелестъ. Гдѣ-то порывисто и радостно свистала мелкая пташка.

— Господинъ!

Я оглянулся. Предо мной какъ изъ земли выросъ высокій, ободранный и истерзанный субъектъ, на босу ногу, но въ фуражкѣ съ неизмѣнной кокардой.

— Что вамъ угодно?

— Нагъ и босъ. Былъ чиновникомъ. Страдаю за жену. Ежечасно молю Господа о ниспосланіи смерти, но таковой еще не удостоенъ. Не имѣя чѣмъ питать бренное тѣло — дерзаю. Съ благодарностію приму и пятачекъ.

Я далъ.

— Богъ видитъ. Онъ все знаетъ! Погибъ, — но благородную душу имѣю. Я гордъ, я очень гордъ—но судьба! Судьба есть каркадилъ, а мы ея жертвы!...

Отставной чиновникъ удалился, оставивъ меня одного.

Спустя часъ, я проходилъ по архангельскимъ бульварамъ, расположеннымъ вдоль набережной. Тѣнистые,—они поразили меня тѣмъ-же безлюдьемъ, какъ и садъ. Изрѣдка проходилъ мимо какой-нибудь рабочій, да быстро сѣменила дѣвчонка — и снова все становилось мертво и пусто. Сквозь деревья видны были суда, щедшія подъ парусами къ городскимъ пристанямъ. Вотъ пропыхтѣлъ и продымилъ рѣчной пароходъ съ баркою на буксирѣ. Вонъ неуклюжая, какъ черепаха, барка влечется чуть не двѣнадцатью лодками съ гребцами. Вонъ вровень съ водою тянется мостъ... Чья-то ругань виситъ въ воздухѣ... гдѣ-то взвилась и замерла унылая пѣсня судорабочаго и снова мертвая тишина, подавляющая, сонная глушь...

У набережной скопился народъ. Какія изморенныя, или такъ выразиться, тифозныя лица! Что за нужда окаянная такъ обезобразила это подобіе Божіе!

— Откуда, братцы?

— Да съ барокъ.

— Далеко шли?

— Съ Краснаго-Яра.

— Дологъ путь былъ?

— Путина въ два мѣсяца стала.

— Дорого-ль брали?

— Кто по тринадцати, кто по десяти, а кто и по шести рублей. Разные есть. Кто какъ рядился. На хозяйскихъ харчахъ. Купцамъ ленъ да муку доставляли. А вонъ ефти съ плотамъ пришли, да вишь бурей плоты-то разнесло, такъ хозяева денегъ не даютъ: собери сначала бревна — баютъ. А какъ ты ихъ соберешь? Другое бревно можетъ верстъ за двадцать пять унесло, потому разбило плоты-то.

— Такъ денегъ и не получатъ?

— Гдѣ получить! Домой идти и то Христа ради придется.

— Развѣ они виноваты, что плоты разбило?

— Господь! Его произволеніе на то. Какъ торосъ подымется, такъ на Двинѣ бѣда. Дура-рѣка. Не токмо плоты— барки-те ломаетъ. Въ щепу бьетъ. Божья воля на то. А ты смирись! обратился говорившій къ одному рабочему крайне унылаго вида. Смирись! Тутъ ужъ ничего не подѣлать. Пусть твоимъ владаютъ. На томъ свѣтѣ, братъ, и нѣмцамъ больно неладно будетъ. За каждый твой грошъ имъ можетъ отвѣтъ держать придется. За каждую слезу рабочаго человѣка!... Вонъ вчера, на наши-то труды великіе, купцы слышь, такой - ли пиръ задали — страсъ! На праходѣ ѣздили. Одного винища поди, сколько пошло. Да, братъ, не все коту масляница.

— Придетъ и великій постъ.

— Это вѣрно. И какой-ли еще постъ!

Нужно замѣтить, что архангельскій крестьянинъ держитъ себя гораздо свободнѣе, непринужденнѣе, чѣмъ крестьяне тѣхъ губерній, гдѣ существовало прежде крѣпостное право. Архангелецъ нестѣсняется высказываться при постороннихъ, не смущается присутствіемъ совершенно чуждыхъ ему людей. Потомокъ вольныхъ новогородцевъ, онъ и до сихъ поръ похожъ на тѣхъ гражданъ великаго славянскаго вѣча, которые безбоязненно высказывали все, не зная надъ собой никакого деморализующаго начала. Наслѣдіе монгольскаго ига — тяжелое рабство женщины и послѣдствіе его — приниженіе жены въ крестьянской семьѣ, въ деревняхъ отдаленнаго сѣвера не

существуетъ вовсе. Женщина тамъ полноправный гражданинъ, а за частымъ отсутствіемъ мужа на промысла—и полновластный хозяинъ. Приниженіе женщины, рабство ея, нелѣпыя сцены семейнаго самодурства существуютъ тутъ только въ крайне испорченномъ классѣ городскихъ мѣщанъ, да, пожалуй, въ немногихъ пригородныхъ селахъ, позаимствовавшихъ свои обычаи у городскаго холопства. Короче сказать, архангелецъ, смѣлый, предпріимчивый, независимый, уважающій личность жены, работающій, съ презрѣніемъ встрѣчающій опасности, служитъ яркимъ представителемъ того типа, который былъ-бы общъ для остальной Россіи, если-бы историческія условія для государственнаго и бытоваго развитія ея сложились нѣсколько иначе. Къ чему-бы пришло наше отечество теперь при этомъ условіи, какіе невѣдомые горизонты могли-бы открыться ему, какое активное участіе приняло-бы оно въ умственной и нравственной дѣятельности всего человѣчества! Увы! Намъ теперь приходится быть только хористами тамъ, гдѣ другіе выполняютъ свое соло. Но быть можетъ Немезида прошлаго не безъ цѣли держала насъ столько столѣтій подъ тяжкимъ гнетомъ. Не должны-ли мы научиться отсюда состраданію къ приниженнымъ? не стала-ли нашей обязанностію помощь порабощеннымъ! Не будетъ-ли эта роль-нашимъ назначеніемъ въ средѣ человѣчества! Въ такомъ случаѣ, не проклинать, а благословить должны мы пережитые вѣка рабства, страданій и униженій!

Въ тотъ же день. вечеромъ, мнѣ удалось совершенно случайно побывать въ архангельской казенной типографіи. Она помѣщается въ старинномъ, но крайне безобразномъ зданіи мѣстной таможни съ толстопузыми, низенькими башнями, верхушки которыхъ похожи за колокола. Три залы, въ которыхъ помѣщается типографія, сплошь заняты наборными станками и машинами. Большая часть наборщиковъ состояла изъ женщинъ. Какъ оказалось, здѣсь уже два года служатъ наборщицы. Честь и слава отдаленной провинціи, съумѣвшей у себя съ такимъ успѣхомъ примѣнить женскій трудъ. Изъ отзы-

вовъ о работѣ наборщицъ оказалось, что они несравненно исправнѣе мужчинъ, не говоря о томъ, что наборщики прежде пьянствовали тутъ самымъ безобразнѣйшимъ образомъ и что съ замѣною ихъ женщинами типографія только выиграла. Большею частію мѣстныя наборщицы получили образованіе въ архангельской женской гимназіи; не смотря на скудость заработковъ въ провинціи вообще, нѣкоторыя изъ нихъ добываютъ въ мѣсяцъ до 20 р., другія отъ 8 до 15 р.

Въ архангельской казенной типографіи печатаются казенныя бумаги, исполняются частные заказы и здѣсь-же печатаются мѣстныя вѣдомости. Газета эта много выиграла въ послѣднее время. Тутъ помѣщаются дѣльныя, историческія изысканія, корреспонденціи изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ этого края, передовыя статьи, разработывающіе интересные экономическіе вопросы. Къ несчастію средства редакціи такъ не значительны и долги ея такъ велики, что въ матеріальномъ отношеніи это изданіе обставлено весьма скудно. Такъ, редакторъ ея получаетъ въ годъ 162 р., а сотрудники за печатный листъ, считающійся тутъ въ 32,000 буквъ, отъ 6 до 8 рублей. Вознагражденіе, какъ видите, весьма невысокое. Подписка на это изданіе едва-едва дошла до 600 чел., да и изъ тѣхъ $^{2}/_{3}$—обязательныхъ, подписчиковъ, отнимите послѣднихъ и газета прекратится. Задумалъ было нѣкто купецъ Черепановъ издавать въ Архангельскѣ мѣстную торговую газету, получилъ разрѣшеніе и началъ дѣло. Спустя два или три мѣсяца изданіе было искуственно убито людьми, не желавшими встрѣтить въ немъ конкурента съ своимъ оффиціальнымъ органомъ. Какъ характеристично это равнодушіе общества къ чисто мѣстнымъ, своимъ же интересамъ! Въ Америкѣ нѣсколько поселенцевъ занимаютъ какую-нибудь глухую просѣку дѣвственнаго лѣса, переносятъ въ свои бревенчатыя срубы типографскій станокъ и издаютъ газету, которая окупается подпиской въ отдаленнѣйшихъ штатахъ. У насъ провинціальныя газеты не интересуютъ никого, не смотря на то, что иногда (хотя и весьма рѣдко), они отличаются положи-

тельными достоинствами. Намъ уже нѣсколько разъ случалось встрѣчать въ печати нападки на худосочіе губернскихъ органовъ. Равнодушіе читателей ихъ сложилось весьма естественнымъ путемъ. Оффиціальныя програмы, изъ предѣловъ коихъ редакторы не имѣютъ права выходить, такъ тѣсны, что газета невольно вращается въ слишкомъ мелкомъ кругѣ чисто казенныхъ предметовъ да въ большинствѣ случаевъ и губернское начальство равнодушно къ успѣхамъ своей газеты.

Самая оживленная дѣятельность Архангельска сосредоточивается лѣтомъ на пристаняхъ, куда безпрестанно пристаютъ и сгружаются сотни толстопузыхъ, неуклюжихъ барокъ, поразительно напоминающихъ Ноевъ ковчегъ, поморскихъ раньшинъ, елъ, шнякъ и шнунъ, рѣчныхъ тонокъ и видилъ, плотовъ и карбасовъ. Здѣсь городскимъ обществомъ устроено до восьми пристаней, причемъ каждая изъ нихъ имѣетъ свое спеціальное назначеніе. На однихъ сгружается ленъ и пенька, на другихъ мука и сыпной товаръ, на третьихъ рыба и т. д. Говорятъ, что всего болѣе приходитъ сюда грузовъ къ началу навигаціи, т. е., къ первымъ числамъ іюня и къ концу ея, т. е, съ 25-го августа по 15-е сентября, во время существующей тутъ Маргаритинской ярмарки. Близь пристаней постоянно снуютъ взадъ и впередъ массы запуганнаго рабочаго люда, выгнаннаго изъ глуши Вятской, Вологодской и Архангельской губерній, самою безпощадною нуждою. Не разъ случалось мнѣ быть остановленнымъ такимъ судорабочимъ.

— Подай Христа-ради. На пароходъ собираю. Не знаю какъ и домой попаду.

— Да вѣдь ты за путину-то получилъ деньги?

— Все, голубчикъ, на харчь ушло.

— А не на водку?

— Какая водка. Тутъ съ голодухи животы подвело; просто не въ мочь! Водка!... Иной разъ и выпить радъ, да не на что.

— Но вѣдь многіе и изъ вашихъ пьянствуютъ?

— Какъ не пить,—пьемъ. Какъ согнешь тебя съ путины-то, да ноги стянетъ, да грудь разломитъ—первое дѣло въ кабакъ. Косушечку раздавишь—мотри и полегчало.

— А не лучше ли приберечь деньги?

— Прибережешь и домой не вернешься. По дорогѣ гдѣ-нибудь подъ кустомъ и подохнешь. Да когда мы и деньги-то видимъ?

— А сколько за путину рядили?

— По девяти рублей на брата. А шли двѣнадцать недѣль — прокорчились! Кабы Господь сподобилъ домой-то пріѣхать... А и дома-то что, немного спустя, тоскливо продолжалъ онъ, нужа лютая!... Тоже, поди, дѣтки-то за зиму наголодаются. Э-эхъ!... Жизнь!...

Ничего не можетъ быть эфектнѣе зрѣлища, представляемаго Архангельскомъ, если остановиться на томъ пунктѣ набережной, гдѣ приходится середина его бульваровъ. Направо передъ вами открывается широкая и изящная панорама, окаймленная, съ одной стороны, мягкими туманно-зеленѣющими контурами противоположнаго берега, синеватою линіей далекаго лѣса; съ другой, густою зеленью городскихъ бульваровъ, красивыми домами набережной, посреди которыхъ прямою стрѣлкой поднимается въ высь башня мѣстной евангелической кирхи и тонкая колоколенка русской церкви; далѣе бѣлѣетъ массивное зданіе оставленнаго сахарнаго завода купца Брандта, за нимъ, словно карточные домики, виднѣются строенія Кузнечихи. Прямо передъ вами изъ спокойныхъ, какъ зеркало, отражающихъ голубое небо, водъ Двины тоже вздымается стройный абрисъ покрытаго лѣсомъ Мойсеева острова, черезъ верхушки котораго вы видите покойно и широко растилающуюся гавань съ массами иностранныхъ судовъ и пароходовъ. Надъ самымъ островомъ, словно волшебные контуры бѣломраморнаго города стройно рисуются симметрическія, граціозныя строенія соломбальской набережной; гдѣ-то всторонѣ, едва замѣтная, поднимается колокольня большаго собора, а позади всего тянется туманная линія не то охваченнаго, только что по-

дымающеюся, мглою горизонта, не то, ушедшаго изъ предѣловъ зрѣнія лѣса... Широко, ясно и покойно... Ни одного диссонанса; все ложится низменными, волнистыми линіями, все свѣтло, все отражено рѣкою... Каждый оттѣнокъ мягко переходитъ въ другой, ничего рѣзкаго, суроваго, грандіознаго... А тутъ, на голубой глади, тихо колышатся нѣсколько стройныхъ поморскихъ шкунъ. Тамъ далеко, на небольшемъ суденышкѣ сушатся паруса. Съ лодки, точно застоявшейся посрединѣ этого зеркала, звонко взлетѣла пѣсня. Точно шаловливая птица, вьется она и ныряетъ въ тепломъ воздухѣ; вотъ она разсыпалась мелкою дробью, вотъ снова унеслась и потонула гдѣ-то высоко, высоко... Только, словно послѣдній слѣдъ челнока на спокойныхъ водахъ рѣки, еще дрожатъ и бьются въ душѣ догорающія отзвучія ея... Тише и тише... вотъ погасла послѣдняя нотка... Что-же защемило ваше сердце?.. Что шевельнулось тамъ? Какое застарѣлое горе снова взглянуло на свѣтъ безжизненно-мертвыми, змѣиными глазами?.. Не ройтесь въ своей памяти. Это чужая кручина, невидимо и неслышимо, съ послѣднимъ, словно крадущимся звукомъ, перешла въ вашу душу... Какъ плодотворное сѣмя, созрѣетъ она въ туже долгую пѣсню и выльется въ такой же ясный денекъ, на такомъ же широкомъ просторѣ!

Вонъ, вдали показалась цѣлая партія странниковъ и странницъ въ характерныхъ подрясникахъ. Что за истомленныя, почернѣвшія лица!

— Подай, баринъ, Христа ради!

— Откуда бредешь, матушка?

— Изъ самой Сибири, голубчики. Изъ подъ Енисейскаго города, къ соловецкимъ угодникамъ.

— По обѣщанію али такъ?

— Какъ-же, батюшка, какъ-же, по обѣщанію. Была я старушка, больна и такъ больна, что просто ежечасно конца моего смертнаго ждала. Вотъ, вотъ, думаю, Господь по душу пошлетъ. Только я, этто, заснула ночью и бысть мнѣ явленіе. Старецъ, образомъ чуденъ и кротокъ! „Обѣщаешь ли“, го-

воритъ, „раба Божія, сходить поклониться мнѣ въ обитель Соловецкую“? „Обѣщаю“, говорю, а сама, старушка, такъ и дрожу. „Ну, говоритъ, если обѣщаешь—получишь исцѣленіе, только вѣру имѣй“. Какъ онъ сказалъ—такъ я сейчасъ и проснулась. Думала, ночное мечтаніе одно, только нѣтъ: слышу въ горенкѣ ладаномъ роснымъ пахнетъ и такое ли сіяніе за окошечкомъ, словно удаляется отъ меня, значитъ.—Утро пришло, я и встала съ кровати. Здоровехонька встала. Такъ, вотъ, по обѣщанію, теперь и иду къ угодникамъ. Подай, батюшка, Христа ради!

— Куда же теперь, матушка, пробираешься?

— Да вотъ, вишь, на соловецкое подворье, что въ городу, не пустили. У насъ ужъ—говорятъ—пятьсотъ человѣкъ странниковъ есть. Такъ въ Соломбалу идемъ, тамъ тоже подворье Соловецкаго монастыря. Да, сподобилъ Господь увидѣть угодничковъ. Сподобилъ! сладко прибавила она.

— Ну, а остальные какъ, тоже по обѣщанію?

— Есть и по обѣщанію. А то и такъ есть, по усердію, значитъ, для души спасенія. Всѣ вѣдь подъ Богомъ ходимъ. Такъ ужъ заранъше надо отмолить грѣхи-то...

— Что-жъ васъ на подворьѣ даромъ содержатъ?

— Даромъ, батюшка, даромъ. А въ обители такъ и кормятъ еще.

— А много, матушка, издержала по дорогѣ денегъ-то?

— Слава Господу, по Россеѣ идти денегъ не надо. Ради Христа вездѣ кормятъ. По одному, этта, селенью шла, народъ голодный, хлѣбъ не уродился. Нищій народъ, ну, и все-жъ, какъ сказала, что къ соловецкимъ угодникамъ иду, сичасъ меня, старушку, накормили, напоили и три гривны денегъ дали. Еще по пути вö, на свѣчи да на молебны насбирала рубликовъ пять. Все-же—вѣчное поминовеніе надо будетъ сдѣлать въ Анзерскомъ скиту, да въ кружечки монашкамъ, потому монашки, они то божьи люди, а мы грѣшные... Сынокъ-отъ у меня пять годовъ въ монашкахъ...

— Марья! крикнули странницу, иди скорѣй!

— Ну, прощай!

— Спаси, Господи!...

Окрестности Архангельска чрезвычайно богаты красивыми пейзажами. На самой Двинѣ, между Соломбалой и главною частью Архангельска, поднимается зеленѣющій, лѣсистый Моисеевъ островъ, куда горожане ѣздятъ лѣтомъ in's Grüne. Тутъ когда-то находились такъ называемыя царскія свѣтлицы, построенныя для Петра I, тѣ свѣтлицы, въ которыхъ неутомимо работала мысль великаго реформатора земли Русской. Куда они дѣвались,—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, въ Архангельскѣ никто не можетъ указать слѣда ихъ, хотя они существовали еще въ началѣ настоящаго столѣтія.

Прямо противъ Моисеева острова, на Соломбальскомъ островѣ расположено бывшее соломбальское селеніе, а теперь третья часть города. Нѣсколько красивыхъ каменныхъ строеній казеннаго характера, плохая набережная, цѣлая куча деревянныхъ домиковъ, на подобіе карточныхъ, сбитыхъ въ кривыя и узкія улицы, иногда безъ мостковъ—вотъ и Соломбала, гдѣ сосредоточиваются: отпускная торговля Архангельска, мореходный классъ его населенія и цѣлыя тысячи семействъ бывшихъ портовыхъ чиновниковъ, обнищавшихъ съ уничтоженіемъ здѣсь военнаго порта. Прежде, какъ говорятъ, тутъ жилось весело и широко. Теперь цѣлые ряды сѣроватыхъ избушекъ глядятъ уныло. Нужда бьетъ изъ каждой щели, даже новенькія строенія между ними кажутся яркими заплатами на лохмотьѣ нищаго. Въ Соломбалѣ же помѣщается больница съ садомъ.

Соломбальская гавань лѣтомъ чрезвычайно оживлена. Тутъ постоянно дымятся пароходы, какъ иностранные, такъ и русскіе, торговые и военные. Между ними стройно колышется лѣсъ мачтъ. Это англійскія и нѣмецкія суда, приплывшія сюда съ балластомъ для пріема грузовъ. Набережная наполнена массами матросовъ, шкиперовъ и судорабочихъ. Множество трактировъ гостепріимно открываютъ имъ свои двери. Шумъ, смѣшеніе языковъ, разноголосица весьма странно поражаютъ

человѣка, привыкшаго къ спокойной обстановкѣ безлюдныхъ архангельскихъ улицъ. Въ толпѣ порою мелькаютъ весьма непривлекательныя представительницы прекраснаго пола, которыя, тѣмъ не менѣе, пользуются замѣтнымъ вниманіемъ матросовъ, объясняющихся съ ними на какомъ-то необыкновенномъ языкѣ. Ко времени пребыванія матросовъ въ Архангельскѣ относится и время наибольшаго распространенія извѣстныхъ заразительныхъ болѣзней, о которыхъ я уже говорилъ ранѣе. Проституція въ Архангельскѣ организована на основаніяхъ одинаковыхъ съ Петербургомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что погибшія, но милыя созданія не подвергаются здѣсь той ужасающей процедурѣ безпощадныхъ формальностей, которыя во Франціи низводятъ человѣческую личность до степени скота; впрочемъ съ недавняго времени и въ Архангельскѣ вводится дурная система врачебно-полицейской регламентаціи. Ко времени навигаціи—Архангельскъ и преимущественно гавань его наполняются крестьянками изъ окрестныхъ селъ, ищущихъ въ развратѣ единственнаго спасенія отъ гнетущей ихъ нищеты. Лѣтомъ въ городскую больницу самый значительный процентъ заболѣвающихъ поставляетъ мѣстная проституція. Затѣмъ большинство пользуемыхъ страдаетъ простудными и грудными болѣзнями.

Заговоривъ о гавани Архангельска, нельзя умолчать о заграничной торговлѣ этого важнаго отпускнаго пункта.

1870-й годъ по отношенію къ развитію архангельской отпускной торговли былъ всего замѣчательнѣе. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ его, къ Архангельску пришло изъ Ливерпуля, Гулля и Лондона до 178 англійскихъ кораблей и пароходовъ, изъ сѣверо-германскихъ портовъ тѣхъ. и другихъ—103, изъ Голландіи—26, изъ Даніи—80, изъ Норвегіи—78, изъ русскихъ балтійскихъ гаваней — 8, французскихъ — 2, шведскихъ—8, русскихъ морскихъ судовъ изъ-за-границы—260, русскихъ по морскихъ судовъ изъ Онеги—18, изъ поморскихъ селъ Кемскаго уѣзда—566, изъ становищъ Мурманскаго берега разныхъ промышленныхъ судовъ (русскихъ)—115, та-

лись-же, возвратившихся съ Новой Земли — 8. Итого 1,450 судовъ и пароходовъ.

На всѣхъ этихъ судахъ привезено въ Архангельскъ изъ-за границы въ 1869 году на 482,501 р., а въ 1870 г. на 598.176 р., а вывезено изъ Архангельска на нихъ же въ 1869 г. на 11.261,830 р. и въ 1870 на 9,914,298 р.

Вслѣдствіе франко-прусской войны, цѣны на товары поднялись чрезвычайно, поэтому, хотя въ 1870 г., нѣкоторыя статьи ввоза были по количеству и менѣе, но по цѣнности оказались значительно выше предъидущихъ.

Въ 1871 г. вывозъ еще упалъ на 1.000,000 р., а въ 1872 на 2.600,000 р. Причины такого пониженія — отчасти франко-прусскій delirium-tremens, главнымъ же образомъ — неимѣніе рельсоваго соединительнаго пути Двинскаго бассейна съ Камскимъ. Мнѣ приходится слишкомъ уже часто говорить объ этой дорогѣ и именно потому, что, проѣзжая по Сѣверному краю, на каждомъ шагу встрѣчаешь факты, доказывающіе необходимость этого важнаго нерва. Не мистифицировать общественное мнѣніе желаю, я, не ради барышей нѣмецкой колоніи въ Архангельскѣ усердствую, а хочу только одного: убѣдить всѣхъ и каждаго, что для оживленія края, для обезпеченія его населенія отъ голодовокъ, для усиленія русской торговли на Сѣверѣ — рельсовый путь необходимъ. Его не обойти никакъ!

Но при этомъ, рискуя услышать упрекъ въ узкости взгляда, я считаю необходимымъ указать, что если постройка этой дороги отдана будетъ въ нерусскія руки, если во главѣ ея станутъ Архангельскія нѣмецкія конторы, то этимъ только упрочится существующая нынѣ безусловная эксплуатація нашихъ отечественныхъ богатствъ ради чуждыхъ намъ интересовъ. Пора возвратить нашему Сѣверу его прежнее значеніе и всѣ его выгоды предоставить роднымъ дѣятелямъ, а не пришлому элементу, не нажившему и не умѣвшему до сихъ поръ слиться съ нами.

Значительнѣйшія изъ фирмъ, отпускающихъ русскіе товары, суть:

a) Владиміръ Ильичъ Грибановъ (фирма „Яковъ Грибановъ и сыновья“) отпускаетъ на нѣсколько милліоновъ въ годъ. Говорятъ, что глава этой фирмы имѣетъ до 15.000,000 р.

b) Г. десъ-Фонтейнесъ, производящій свои обороты вмѣстѣ съ г. Грибановымъ, но отдѣльно отъ первой фирмы.

c) Кларкъ и сыновья.

d) Брантъ и К°.

e) Бѣломорская компанія (исключительно лѣсъ), состоящая изъ иностранцевъ.

f) Фердинандъ Линдесъ.

g) Г. Люрсъ.

Благодаря учрежденію и дѣятельности архангельскаго комитета по браку товаровъ—русское сырье, идущее отсюда, пользуется на иностранныхъ рынкахъ особеннымъ довѣріемъ. Всѣхъ браковъ при архангельскомъ портѣ—6, браковщиковъ 10, а десятскихъ при бракѣ льна и пакли льняной—71. Въ 1870 г. было здѣсь обраковано: льна 38,600 бунтовъ въ 587,811 пуд., пакли льняной 36.736 бунтовъ (547,659 п.), пеньки 7 бунтовъ (127 п.), сала 30 бочекъ (въ 654 п.), ворвани 1863 36,720 пуд., смолы густой 15,754 бочекъ (въ 157.540 пуд.), смолы жидкой 107,912 боч. (въ 1.079,120 пуд.) и рогожъ 234,263 шт. Десятскіе и браковщики получаютъ извѣстный процентъ какъ съ заграничныхъ, такъ и съ русскихъ купцовъ. Въ послѣднее время здѣсь начинается ажитація въ пользу уничтоженія браковки. Едвали такая мѣра необходима. Она отниметъ у архангельскаго товара то значеніе, которымъ онъ досель пользовался за границей. Разумѣется, рыцарямъ легкой наживы будетъ повольготнѣе: можно будетъ, при случаѣ, сбыть и залежь самаго подозрительнаго свойства.

Пользуясь представившимся мнѣ случаемъ, я окунулся въ архангельскую общественную жизнь. Нечего и говорить, что она любопытствующему туристу открывается далеко не вполнѣ, съ казеннаго конца. До потроховъ ея добраться возможно только долѣе проживши въ этомъ довольно скучно настроен-

немъ городѣ. Первое знакомство съ нею послѣдовало въ общественномъ саду.

Какъ-то, не зная, куда дѣваться отъ скуки, я отправился въ этотъ тѣнистый и прохладный уголокъ. По обыкновенію тамъ никого не было. Только на одной изъ скамеекъ сидѣлъ молодой человѣкъ весьма симпатичной наружности.

— Неужели у васъ такъ рѣдко посѣщаютъ садъ?

— У насъ по угламъ больше. Загольниками были, и теперь остались ими же.

— Чтожъ работы много дома, что ли?

— Да, много! Таракановъ считаемъ, да ближнимъ косточки моемъ. А вы вѣрно пріѣзжій?

— Да.

— Оно и замѣтно. Нашихъ обычаевъ не знаете. У насъ въ обществѣ заговорить съ кѣмъ нибудь незнакомымъ—верхъ неприличія. За буфетомъ—дѣло другаго рода.

— Разскажите мнѣ что нибудь о вашемъ обществѣ.

— У насъ пятьдесятъ тысячъ обществъ. О какомъ изъ нихъ вамъ угодно заполучить свѣдѣніе?

— Вы шутите?

— Право, не шучу. Жители Архангельска разбиты на множество отдѣльныхъ кружковъ. Солидарности между ними никакой. Общихъ интересовъ—не имѣется.

— Ну, а крупное дворянство ваше?

— Да! Ну, на счетъ этого у насъ—Америка. Преобладающій элементъ и по значенію и по состоятельности—купечество; дворянства на лицо нѣтъ, а есть чиновничество, насаждающее въ палатахъ и канцеляріяхъ сѣмена государственнаго благоустройства, охраняющее наше спокойствіе и проч., и проч., и проч. Купечество здѣсь двухъ сортовъ: нѣмецкое и россійское. Чиновничество—заѣзжее и мѣстное. Купцы всѣ живутъ хорошо, почитываютъ газеты; въ этотъ же кругъ (высшій у насъ, если не считать крупныхъ властей, которыхъ немного), допускаются съ величайшею терпимостію ремесленники. Я думаю въ другихъ городахъ насчетъ этого иначе.

— Да, замѣтилъ я. Такъ еще цвѣтутъ времена всевозможныхъ Собакевичей и Коробочекъ.

— Мы, значитъ, впередъ ушли. Чиновничество даже и земство только терпимо, но симпатіей не пользуется. Коренное, кто по крупнѣй, туда сюда, а помельче, какъ и вездѣ, особенной представительностію не отличается.

Какъ я узналъ потомъ, эта краткая характеристика весьма вѣрна. Здѣсь преобладаетъ буржуазный элементъ. Происхожденіе, а часто и общественное положеніе цѣнится весьма невысоко, благодаря отсутствію россійскихъ патриціевъ—помѣщиковъ. Вслѣдствіе такого склада, все старается подходить подъ общую будничную мѣрку, никто не выдѣляется впередъ, сѣренькій колоритъ лежитъ на всемъ и на всѣхъ. Оно и понятно. Скромная буржуазная среда не терпитъ ничего выдающагося. Это именно и есть тѣ три кита, на которыхъ незыблемо покоится земной миръ. Отъ такого общества нечего требовать блестящихъ исключеній, за то оно, въ каждомъ своемъ сочленѣ, являетъ представителя какой либо отрасли производительнаго труда, специалиста, техника, ремесленника. Какъ и въ американскихъ кружкахъ небольшихъ городовъ старыхъ штатовъ, семейная жизнь заполонила общественную, въ ущербъ разнообразію и удовольствіямъ разсѣянной публичной жизни,—такъ и архангельская жизнь строго заключается въ предѣлы семейства. За то, право, нигдѣ не видалъ я такой скуки и апатіи, нигдѣ нѣтъ такого поразительнаго эгоизма, обусловливаемаго чисто семейными интересами. Понятно, что въ этомъ патріархальномъ обществѣ охранительныя начала пользуются самымъ широкимъ авторитетомъ. Никакія новыя идеи, никакіе, слывущіе въ провинціи почему то разрушительными, элементы не укореняются на тучной почвѣ, удобренной изобильно навозомъ животныхъ интересовъ. Не мѣшайте плодиться и множиться, посягать и утучняться, и стоячая вода провинціальнаго міра не всколыхнется ни разу. Благосостояніе семействъ, созидаемое цѣлыми годами самыхъ упорныхъ усилій,—великій соціальный тормазъ.

Что намъ за дѣло до новыхъ формъ, вырабатываемыхъ жизнью и наукой въ центрахъ умственной и промышленной дѣятельности, какая мысль о переворотѣ хотя бы и въ самомъ ограниченномъ кругѣ чисто животной жизни, можетъ придти въ голову, когда наша Рахиль беременна тринадцатымъ а Лія десятымъ отпрыскомъ, какъ лопухъ умножающагося, семейства. Да и хватитъ ли силъ и гражданскаго мужества осуждать эгоизмъ въ семьянинѣ, на охирѣвшей шеѣ котораго сидитъ штукъ десять божьихъ благословеній, т. е. мальчишекъ и дѣвченокъ, ежедневно по нѣскольку разъ, какъ крикливые галчата, раскрывающихъ рты для достодолжнаго удовлетворенія ихъ жаждущихъ и алчущихъ желудковъ? Вѣдь не швырнешь-же, въ самомъ дѣлѣ, свое произведеніе (хотя иногда и весьма золотушнаго свойства) изъ-за отвлеченной идеи. Да, самая подозрительная полиція можетъ спать спокойно тамъ, гдѣ каждая мать семейства плодородна какъ Рахиль, гдѣ на дѣтей не бываетъ неурожая и при этомъ браки по ихъ численности напоминаютъ какую нибудь эпидемію, развивающуюся въ мѣстѣ ея возникновенія въ самыхъ поразительныхъ размѣрахъ.

Общественная жизнь Архангельска, въ тѣхъ крайне незначительныхъ размѣрахъ, въ какихъ она существуетъ здѣсь, разбивается главнымъ образомъ по клубамъ. Лучшій изъ нихъ и самый богатый — соединенный или такъ называемый русскій. Онъ недавно реставрированъ. Большая, эффектно декорированная зала его можетъ помѣстить до пятисотъ человѣкъ. Тутъ выписываются „Вѣстникъ Европы", „Биржа„ „Всемірный Путешественникъ", „Голосъ", „Биржевыя Вѣдомости", „Всемірная Иллюстрація" и „Русскія Вѣдомости". Почти всѣ концерты, бывающіе въ Архангельскѣ, даются въ помѣщеніи этого клуба. Въ немъ же, внизу устроена такъ называемая биржевая комната, для совѣщаній по разнымъ торговымъ предметамъ и вопросамъ, для заключеній коммерческихъ сдѣлокъ. Слѣдующій по значенію — коммерческій или нѣмецкій клубъ. Онъ находится въ нѣмецкой слободѣ. За-

тѣмъ благородное собраніе, которое по отсутствію собственно землевладѣльческаго дворянства, не пользуется вовсе особеннымъ значеніемъ, но гдѣ довольно весело проводится время въ безцеремонномъ кружкѣ добрыхъ знакомыхъ, а по пятницамъ собираются запросто и дамы—поболтать, послушать музыку и потанцовать. Сверхъ того, въ Соломбалѣ есть морской клубъ съ помѣщеніемъ для домашняго театра и богатою библіотекой.

Домашняя жизнь Архангельска чрезвычайно скучна. Другъ къ другу собираются весьма рѣдко, да и то считаются посѣщеніями, какъ будто послѣднія получаются въ ссуду и требуютъ аккуратнаго возврата во время.

Архангельскій музей довольно полонъ; онъ находится въ помѣщеніи мѣстнаго статистическаго комитета, подъ вѣдѣніемъ котораго и состоитъ. Тутъ, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе образцы сѣверныхъ минеральныхъ породъ, чучела птицъ и звѣрей и промысловыя орудія. Здѣсь же, въ одной изъ залъ, находятся модели кораблей норвежскихъ китолововъ, пожертвованныя сюда Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, во время посѣщенія имъ города. Поморы, имѣвшіе возможность видѣть во время маргаритинской ярмарки эти суда и не помышляютъ объ устройствѣ такихъ же. И къ чему! Наши дѣды и прадѣды плавали въ ковчегахъ и посудинахъ, да и то Господь хранилъ. Нѣмцы могутъ заводить и пароходы и подъ носомъ у насъ эксплуатировать на нихъ водныя богатства сѣверо-русскихъ морей, а мы въ простотѣ души, все будемъ пускаться на безобразнѣйшихъ шнякахъ да раньшинахъ. Если и перевернетъ кого, или разобьетъ — такова ужъ судьба, а намъ съ Богомъ не спорить. Отъ своей участи не уйдешь и на пароходѣ.

— Не спасешьси, милой. Нѣтъ! Потому она, судьба, тоись, по всякій часъ тебя сторожитъ. Ты на праходѣ, а она и того пуще! объяснилъ мнѣ одинъ поморъ, къ которому я обратился за разъясненіемъ этого вопроса.

— Да у васъ вѣдь норвежцы хлѣбъ отнимаютъ?

— Оно, точно, тово.... А только Господь ихъ за это не помилуетъ. Ниѣтъ. Съ нихъ за все спросится.... А насчетъ того, что они искуснѣй, такъ на то они и нѣмцы. Нѣмецъ обезьяну выдумалъ. Ему дано это. У него и нутро иное. А какъ на томъ свѣтѣ... нне... жутко, парень, придется. Оченно жутко. Зачѣмъ о мамонѣ заботился. Не единымъ хлѣбомъ... сказано...

— Такъ вы, значитъ, больше насчетъ того свѣта?

— Да, мы въ надеждѣ... на неоставленіе, значитъ.

— А пословицу знаете: на Бога надѣйся, а самъ не плошай?

— Это богомерзкая пословица, потому — не единый волосъ, сказано.... да! Опять же птицы небесныя, и всякая тварь, милый, про себя не разумѣетъ, а Богъ печется за всѣхъ. Ему видать все.

Тутъ рыбопромышленникъ занесъ такую ахинею, что я долженъ былъ оставить его, выслушавъ, впрочемъ, предварительно, что нынче время тяжелое, что мы всѣ бродимъ по князю власти воздушныя, что кто то прійдетъ яко тать въ нощи, причемъ какимъ то глупымъ дѣвамъ, погасившимъ свои свѣтильники, достанется и преболыю... Ну и плаваютъ въ ноевыхъ ковчегахъ. Можно-ли повѣрить—а это истина,—что только нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстные мореходы познакомились съ употребленіемъ морскихъ картъ.

— Какъ-же вы ходите по морю?

— По морю то?... По морю, парень, мы съ опаской идемъ. По бережку больше, по бережку. Какъ, значитъ, сиверко потянулъ, мы сейчасъ въ какое нибудь становище — и стоимъ. Стоимъ таперчи день, два, иной разъ и двѣ недѣли. Потому въ Бѣломъ то морѣ ходи опасно, а въ океанѣ и того пуще. Грозёнъ онъ, батюшко, грозёнъ. Несуразное море. Таперчи попутничекъ дуетъ и таково вальготно шкуна идетъ, смотришь черезъ часъ сиверко хватилъ... Ну и укройся.

— А иностранцы, тѣ какъ же?

— Они прямо идутъ, не боятся, потому у нихъ карапь не такой, какъ у насъ.

— Такъ и вы бы строили такіе же?

— Мы... мы, парень, на другомъ положеніи. Потому какъ отцы и дѣды наши, значитъ, такъ и мы. Опять же съ Господомъ не поборешься. Отсюда уже начиналась знакомая пѣсня. Въ другихъ случаяхъ поморы уже основательнѣе ссылались на свою бѣдность, заявляя что она именно заставляетъ ихъ довольствоваться нынѣшними судами.

Весьма понятно, что если-бы мѣстное судоходство поставить въ иныя условія, устроить хорошія верфи, да ввести систему заграничныхъ ллойдовъ—дѣло приняло бы другой оборотъ. Но на сѣверное мореходство мы обращаемъ весьма малое вниманіе, несмотря на то, что мѣстная администрація болѣе шести лѣтъ уже хлопочетъ о разныхъ правительственныхъ мѣрахъ по этому предмету. Прежде люди, стоявшіе во главѣ нашихъ оффиціальныхъ экономистовъ, считали своею обязанностію, оставаться вѣрными преданіямъ петровской эпохи относительно сѣвернаго края. Но начиная съ 1812 года, архангельское судостроеніе, кажется, совершенно заброшено. Прекратилась выдача ластовыхъ премій, уничтожены существовавшія прежде верфи, даже изъ памяти народной исчезли знаменитыя когда то имена Бажениныхъ, Амосовыхъ, Барминыхъ, Зыковыхъ, Поповыхъ и Пругавиныхъ—строителей кораблей стараго бѣломорскаго флота. Здѣсь невольно приходится убѣждаться, что мы слишкомъ много обращали до сихъ поръ вниманія на казовой конецъ, оставляя въ сторонѣ болѣе существенныя, но менѣе видныя стороны нашей общественной и коммерческой дѣятельности.

На Маргаритинской ярмаркѣ въ Архангельскѣ мнѣ удалось побывать по возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря; тѣмъ не менѣе, чтобы навсегда отдѣлаться отъ Архангельска, я набросаю теперь же нѣсколько очерковъ ея. Прежде всего сообщу общія свѣдѣнія о ярмаркахъ Архангельской губерніи.

Если въ четыре послѣдніе года архангельскій заграничь

ній отпускъ вслѣдствіе франко-прусскаго погрома понизился весьма ощутительно (съ 12.000,000 р. на 6.000,000 р.), то внутренніе обороты Архангельской губерніи, и именно ея ярмарочная дѣятельность, вслѣдствіе шестилѣтнихъ урожаевъ расширилась до значительныхъ размѣровъ. Въ 1868 году на всѣ вообще ярмарки Архангельской губерніи привезено товару на 1.600,000 р., а продано на 1.320,000 руб.; въ 1869 г. привезено на 2.231,300 р., а продано на 1.822,000 руб.; въ 1870 г. привезено на 3.000,000 р., а продано на 2.600,000 р.; въ 1871 году привезено (приблизительно) на 3.600,000 р., а продано на 2.950,000 руб. Менѣе чѣмъ въ шесть лѣтъ цифры привоза и продажи удвоились, не смотря на прогрессивное пониженіе одной изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ ярмарокъ—Евдокіевской, бывающей ежегодно въ селѣ Благовѣщенскомъ, Шенкурскаго уѣзда. Ростъ архангельской внутренней торговли выяснится еще болѣе, если взять главнѣйшую ярмарку—Маргаритинскую. Вотъ общія данныя ея за послѣдніе четыре года:

Въ 1868 г. привезено товаровъ на 750,000, продано на 620,000 р.; въ 1869 г.—на 980,000 р., прод. на 800,000 р., въ 1870 г.—на 1.612,000 р., прод. на 1.413,000 р.; въ 1871 г. —2.040,000 р., продано на 1.531,000 руб.

Всѣхъ ярмарокъ въ Архангельской губерніи 18. Изъ нихъ, по своимъ операціямъ, свыше 2.000,000 р.—Маргаритинская; свыше 500,000 р.—Евдокіевская; свыше 200,000 р.—Никольская въ Пинегѣ; свыше 50,000 р.—Усть-Цилемская и Ижемская, въ Мезенскомъ уѣздѣ.

Евдокіевская ярмарка — едва ли не самая старинная въ Архангельской губерніи. Она продолжается съ 25-го февраля по 10-е марта, въ селѣ Благовѣщенскомъ, на рѣкѣ Вагѣ, и, еще при Борисѣ Годуновѣ, приносила до 20,000 руб. дохода въ собственную казну узурпатора. Означенное село было главнѣйшимъ центромъ бассейна рѣки Ваги, еще въ XVIII вѣкѣ, когда оно считалось посадомъ. Это—биржа, опредѣляющая торговые обороты на цѣлый годъ,

устанавливающая цѣны на главнѣйшіе продукты мѣстной промышленности. Тутъ заключаются сдѣлки, кредитующія крестьянъ. Въ 1872 году всѣхъ товаровъ на Евдокіевской ярмаркѣ было продано на 600,000 руб. Стеченіе народа при этомъ, въ селѣ Благовѣщенскомъ, доходило до 10,000 чел.; по свѣдѣніямъ же мѣстнаго статистическаго комитета, приблизительно можно полагать, что на ярмаркѣ перебывало въ разное время до 20 тысячъ человѣкъ. Главнѣйшіе товары, сбываемые здѣсь, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) предметы сельскаго хозяйства, промысловъ и сельско-хозяйственной промышленности; 2) продукты фабричнаго и заводскаго производства, колоніальные и заграничные товары. Изъ первыхъ, важнѣйшее мѣсто занимаютъ рожь, ржаная мука и овесъ, привозимые обыкновенно изъ Вельскаго уѣзда, Вологодской губ., откуда также доставляется ленъ и льняное сѣмя. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, цѣны на эти предметы были слѣдующія: рожь — 70 коп. (къ концу года въ Архангельскѣ цѣна эта поднялась); овесъ 3 р. четверть; льняное сѣмя 1 р. 20 к. пудъ. По второй категоріи товаровъ, главную массу ярмарочныхъ операцій составляли: красные товары московскихъ, костромскихъ, вельскихъ и ярославскихъ купцовъ, металлическія издѣлія, табакъ, чай и сахаръ. Собственно Архангельская губернія доставила на эту ярмарку смолу, пекъ, хлѣбъ, соль, рыбу и пушные товары. Смола здѣсь—продуктъ исключительно шенкурскаго лѣснаго производства. На неё тутъ устанавливается общая цѣна, тутъ же совершаются и закупки ея для заграничнаго отпуска чрезъ Архангельскъ. На ярмарку главнѣйшія отпускныя конторы посылаютъ своихъ агентовъ, которые подряжаютъ мѣстныхъ смолокуровъ на поставку этого продукта ко времени прихода первыхъ иностранныхъ кораблей. Деньги крестьянамъ выдаются впередъ и примѣры обмановъ со стороны промышленниковъ весьма рѣдки. Прежде цѣны на смолу были нѣсколько выше настоящихъ, но съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ главнѣйшихъ фирмъ—Хиллсъ и Тоттъ, въ лицѣ своего агента Чарльза Ренни, перенесла свою дѣятельность изъ Архангель-

ска въ Ригу—они упали весьма замѣтно. Бочка смолы въ 8 пудовъ, съ доставкою въ Архангельскъ и съ очищеніемъ всѣхъ пошлинъ, стоитъ до 3 р. 20 к. Пекъ обходится въ покупкѣ по 50 коп. пудъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, за исключеніемъ Евдокіевской, существуетъ еще Срѣтенская ярмарка съ 2-го по 10-е февраля. Она весьма незначительна и въ настоящемъ году на ней было продано товаровъ не болѣе, какъ на 19,000 рублей (2,400 руб. болѣе чѣмъ въ 1872 г.).

Маргаритинская ярмарка существуетъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ административный и торговый центръ губерніи изъ Холмогоръ былъ перемѣщенъ въ Архангельскъ. Она начинается съ 1-го сентября и заканчивается 1-го октября. Офиціальную санкцію она получила лишь въ управленіе Архангельскою губернію маркиза де-Траверсе, который ходатайствовалъ о правильной организаціи ея, вслѣдствіе просьбы поморовъ, искавшихъ опредѣленнаго и постояннаго рынка для сбыта промысловой добычи. Общая цифра привоза и продажи за настоящій годъ приведена выше. Главная масса доставляемыхъ на ярмарку товаровъ относится къ продуктамъ отечественнаго производства и отечественной промышленности. Такъ, въ 1871 г. русскихъ товаровъ привезено на 1.667,000 руб., а продано на 1.365,000 р. Иностранныхъ товаровъ доставлено на 372,000 руб., а сбыто на 167,000 руб. Самыя крупныя цифры продажи относятся къ хлѣбнымъ, льнянымъ и рыбнымъ товарамъ. Интересно привести цифры продажи и привоза различныхъ продуктовъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Такъ, предметовъ промысловъ на ярмаркѣ продано въ сыромъ видѣ:

	1864 г. Продажа.	1871 г. Продажа.
По рыболовству: рыбы соленой и сушеной.	230,717 р.	258,032 р.
Сала трескового и ворваннаго. .	3,000 „	8,200 „
По охотѣ: Пушнаго товара.	7,000 „	21,000 „
„ Птичьяго пѣра и лебяж. шкуръ.	617 „	3,000 „
„ Шкуръ морскихъ звѣрей . . .	2,055 „	2,990 „
„ Сала.	3,023 „	?
По оленеводству: Оленьихъ шкуръ . . .	215 „	400 „

		1864 г. Продажа.	1871 г. Продажа.	
По сельскому хозяйству:	Ржи	42,000 р.	73,842 р.	
„ „	Муки ржаной	146,307 „	145,000 „	
„ „	Крупчатки	15,000 „	11,190 „	
„ „	Гороху	?	4,300 „	
„ „	Солоду	?	900 „	
„ „	Толокна	?	1,706 „	
„ „	Ячной муки	?	1,059 „	
„ „	Овса	5,600 „	129,000 „	
„ „	Крупъ разныхъ	15,000 „	28,000 „	
„ „	Льну и пеньки	5,342 „	207,600 „	
„ „	Пакли и кудели	?	284,000 „	
„ „	Сѣмя льнянаго	?	43,000 „	
По скотоводству:	Кожъ невыдѣланныхъ	225 „	1,265 „	
„	Солонины и окороковъ	706 „	4,500 „	
Продуктовъ лѣсной, заводской, фабричной и ремесленной промышленности, а также товаровъ колоніальныхъ:				
	Мануфактурныхъ	52,280 „	22,000 „	(цифра несов. вѣрна).
	Бакалейныхъ тов. всѣхъ родовъ	38,000 „	39,000 „	
	Галлантерейныхъ товаровъ	4,000 „	?	
	Металловъ и издѣлій изъ нихъ	6,400 „	11,800 „	
	Минеральныхъ: соли	11,935 „	9,500 „	
	„ „ „ „ „ точилъ, мѣлу, камен. угля, стекла, пороху, посуды, соды, кирпича и проч.	870 „	11.020 „	
	Разныхъ напитковъ	26,662 „	72,409 „	
	Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій	20,540 „	34,000 „	
	Кожаныхъ издѣлій	10,052 „	11,871 „	
	Катанковъ (валенокъ)	400 „	5,300 „	
	Готовыхъ полушубковъ и шапокъ	7,100 „	7,000 „	
	Лѣсныхъ издѣлій	5,237 „	18,000 „	
	Лѣсу и рогожъ	„	143,635 „	
	Машинъ швейныхъ	„	26,605 „	
	Мыла	„	2,892 „	

Понизилась въ теченіи этого времени продажа: рыбы соленой и сушеной, муки, соли и мануфактурнаго товара.

Повысилась продажа: ржи, овса, крупы, сала тресковаго и ворваннаго, кушнаго товару, птичьяго пера и пуху, гороху, солоду, толокна, ячной муки, овса, крупъ, льну и пеньки, пакли и кудели, сѣмя льнянаго, кожъ невыдѣланныхъ, солонины и скоровоны, металловъ и металлическихъ издѣлій, минеральныхъ издѣлій, напитковъ, льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, кожаныхъ издѣлій, валеныхъ сапогъ, лѣсныхъ издѣлій, лѣсу и рогожъ, машинъ швейныхъ и мыла. Продажа нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, какъ напримѣръ, овса, льну и пеньки, пакли и кудели, сѣмя льнянаго, валенокъ и лѣсу, увеличилась въ 10, 20 и 30 разъ!... Результаты, какъ видите, весьма знаменательнаго свойства.

На Маргаритинскую ярмарку доставляются изъ Норвегіи: соль, соленая и сушеная треска, сельдь, мѣха, шкуры морскаго звѣря (тюленей, моржей, лысуновъ, нерпъ и другіе). Съ Мурманскаго и Терскаго береговъ, а также и со всего побережья Архангельскаго: соленая и сушеная треска, палтусина и сельдь, соленая, малосольная и свѣжая семга, тресковое и ворванное сало, мѣха и шкуры морскихъ звѣрей, ихъ сало, птичье перо и пухъ. Съ Новой Земли: рыба соленая и сушеная, шкуры и сало морскихъ звѣрей, мѣха, моржовые клыки, перо и пухъ. Изъ Вятской и Вологодской губерній: хлѣбъ, ленъ, пенька, веревки, льняныя и пеньковыя издѣлія. Изъ Ливерпуля— соль и машины. Остальные товары, за немногими исключеніями, распредѣляются по уѣздамъ Архангельской губерніи.

Въ вопросѣ обезпеченія продовольствія на Русскомъ Сѣверѣ, Маргаритинская ярмарка играетъ весьма важную роль. Тутъ населеніе отдаленнѣйшихъ окраинъ губерніи пріобрѣтаетъ недостающее ему количество хлѣба, въ обмѣнъ на предметы своихъ собственныхъ промысловъ. Только Заречерье продовольствуется хлѣбомъ, привозимымъ Чердынскими (Пермь) торговцами на каюкахъ, которые опускаются по Печорѣ до Усть-Цыльмы и проникаютъ въ ея притоки до отдаленнѣйшихъ пустырей, торгуя съ зырянами, самоѣдами и русскими промышленниками.

Всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ на Маргаритинской ярмаркѣ, по десяти-лѣтней сложности, среднимъ числомъ ежегодно покупается: ржаной муки 485.000 пуд., крупъ 100.000 пуд., ячменя 45.000 пуд., крупчатки 25.000 пуд., пшеничной муки 6.000 пуд., толокна 6.000 пуд., гороху 5.800 пуд., ячной муки 4.000 пуд. Итого 676.800 пудовъ. Къ этому необходимо прибавить овесъ, который подъ опредѣленную цифру подвести нельзя никакимъ образомъ, такъ какъ, напримѣръ, на Маргаритинской армаркѣ въ 1871 г. его продано на 129.000 руб., а за годъ, въ 1870—только 4000 п.

14 Декабря, въ г. Пинегѣ закончилась особенно оживленная и сильно возрастающая Никольская ярмарка, существовавшая здѣсь еще въ то время, когда этотъ городъ былъ селомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Волока и Большаго Погоста. Сюда изъ Запечерья свозится всевозможный пушной товаръ, оленьи шкуры, дичь и печерская рыба. Никольская ярмарка замѣнила собою извѣстный въ незапамятную старину Лампожевскій торжокъ (Лампожня — село близь Мезени), куда за покупкою мѣховъ для западной Европы пріѣзжали и новгородцы, и иностранные гости. Прежде этого, въ отдаленнѣйшей древности, для такихъ же сдѣлокъ въ Лампожнѣ сходились инородцы Сибирскіе, самоядь и югра, — Въ 1871 году на ярмарку эту было доставлено всего товару на 291.950 рублей, продано на 252.305 рублей, осталось на 39.645 рублей. Противъ 1870 года болѣе: доставлено на 55.000 руб., продано на 31.000 руб., Изъ общей суммы на отечественные товары приходится въ доставкѣ 282.350 руб., въ продажѣ 224.935 руб.; на иностранные въ доставкѣ 9.600 руб. въ продажѣ 5.370 руб.; изъ этого числа: бумажныхъ матерій привезено на 4650 руб., продано на 2.380 руб.; шерстяныхъ матерій привезено на 5.200 продано на 3.800 руб.; льняныхъ и пеньковыхъ привезено на 1.375 руб., продано 1.090 руб.; шелковыхъ привезено на 1.760 руб., продано на 1.000 руб.; льну и конопли привезено на 5.350 руб., продано на 1.135 руб.; мягкой рухляди, выдѣланной и невыдѣланной, привезено на 51.150 руб., продано

на 49.200 руб.; кожъ и издѣлій изъ нихъ—12.025 руб., продано на 11.140 руб.; хлѣбныхъ товаровъ привезено на 6,140 руб., продано на 6.000 руб.; рыбы печерской (бѣлой) привезено на 17.000 р., продано на 17.000 руб.; семги и соленой рыбы привезено на 19.150 руб.; продано на 19.150 руб.; лѣсныхъ издѣлій привезено на 1.205 руб., продано на 1.100 руб.; сахару и другихъ бакалейныхъ товаровъ привезено на 3.100 руб., продано на 2.600 руб.; свѣчъ привезено на 1.500 руб., продано на 1.300 руб.; церковной утвари привезено на 2.990 руб., продано на 1.100 руб.; масла скоромнаго привезено на 13.500 руб., продано на 13.500 руб.; сала говяжьяго привезено на 8.000 руб. продано на 8.000 руб.; птицы (дичь) привезено на 63,500 руб., продано на 63.500 руб.; лошадей—на 14.100 руб., продано на 10.500 руб.; сѣна привезено на 2.300, продано на 2.000 руб.; говядины, оленьихъ задковъ и языковъ привезено на 11.500 руб., продано на 11.500 руб.; вина хлѣбнаго, водки и наливки привезено на 22.500 руб., продано на 6.300 руб.; пуху и полупушья привезено на 8.500 руб., продано на 8.500 р. Иностранныхъ бакалейныхъ и колоніальныхъ товаровъ привезено на 2.500 руб. продано на 1.075 руб.; иностранныхъ виноградныхъ винъ привезено на 1.200 руб., продано на 300 руб.; чаю и кофе привезено на 5.900 руб.; продано на 3.995 руб.

Особенно высокія цѣны стояли на пушной товаръ, оленьи мѣха и оленью шерсть. Причины этого роста — громадный падежъ оленей въ самоѣдскихъ тундрахъ и у зырянъ. Разсказываютъ, что у нѣкоторыхъ владѣльцевъ многочисленныхъ стадъ, пало отъ такъ-называемой оленьей чумы (переход. изъ Сибири) по 7.000 головъ скота. Явленія этаго рода случаются весьма часто; года два тому назадъ, у самоѣдовъ Большеземельской тундры пало до 40.000 головъ оленей; въ прошломъ году — 30.000, т. Никакая медицинская помощь невозможна въ этихъ безконечныхъ, неоглядныхъ пустынахъ, на тысячи верстъ раскинувшихся въ царство полярныхъ бурь и снѣговъ. Отчасти цѣны возросли и отъ конкуренціи московскихъ куп-

цовъ, съѣхавшихся на ярмарку и отбивавшихъ товаръ одинъ у другаго съ отчаяннымъ азартомъ. Предметы оленеводства стоили: такъ-называемая постель (вытертый и выспанный олений мѣхъ) штука 2 руб.; новый мѣхъ шт. 2—3 руб.; неблюи 3—4 руб.; пыжики (мѣха маленькихъ оленей) шт. 75 к. — 1 руб. 65 к.; шапки пыжиковыя шт. 90 к. — 3 руб.; пимы (сапоги изъ оленьяго мѣха) пара 1½—3 руб.; малицы (рубашки изъ оленьяго мѣха) шт. 10—23 руб.; совики (верхнія рубашки изъ того же) шт. 10—23 руб.

Изъ другихъ мѣховъ: за лисью шкурку платили 3—75 руб.; за горностаевую—40 к.

Дичь: пара куропатокъ 20—40 к.; рябчики мезенскіе пара 40—75 к.; ижемскіе кедровки пара 35—40 к.; крупная птица (чухари, косачи, пеструхи, марыжи) штука 40—50 к.; перо—пудъ 4 р.

Рыба: семга свѣжая (Печора) пудъ 5 руб. 80—6 руб. 50 к.; семга соленая 4 руб. 20 — 5 руб. 50 к.; осетрина 5 руб. 80—7 р.; пелядп и чиры 3 руб. 20 — 5 руб.; омули 3 руб. 20—4 руб.

Остальное: лошади, за каждую рабочую 40 — 150 руб.; мука ржаная пудъ 1 руб. 50 к.; овесъ четверть 5 руб.; сѣна пудъ 40 к.; мяса пудъ 90 к.—2 р. 5 к.; орѣхъ кедровой пудъ 5 руб. 50 к.; сѣмя конопляное пудъ 5 руб. 50 к.; сало-сырецъ пудъ 3 руб. 60 к.; сало гретое пудъ 4 руб. 60 к.; масло коровье топленое пудъ 7 руб. 20 к.; языки: оленьи, пара 1 руб.; коровьи, пара 40 к.; рогожи штука 25 к.—50 к.; кудель пудъ 2½ руб. — 3½ руб.; ленъ пудъ 8 руб.; веревки пудъ 4 руб.—5½ руб.

Съ Никольской ярмарки вывозится въ Петербургъ: птица, печерская рыба, коровье масло, говяжье сало, оленьи задки и языки; въ Москву: замша, мѣха, оленьи шкуры и оленья шерсть; въ Карпополь—бѣлка; въ Холмогоры—невыдѣланная кожа; въ Архангельскъ: рыба, говядина, сало, масло, птица, (мѣхъ), перо и пухъ. За границу: перо,

полупушье, говяжье сало и лиственничная губа. Эта ярмарка крестьянамъ, занимающимся перевозомъ грузовъ, доставила въ оба конца до 20 т. руб. Цѣны за провозъ гужемъ были также высоки. Въ 1864 г. за провозъ товаровъ съ Никольской ярмарки въ Архангельскъ платилось съ пуда 17 — 20 к.; въ 1871 — 40 — 50 к.; въ Петербургъ въ 1871 — 1 руб. 50 к. — 1 руб. 65 к.

Изъ этого краткаго очерка видно, что промышленная дѣятельность Архангельской губерніи развивается все шире и шире. Производительныя силы ея находятъ въ послѣднее время большій просторъ и можно надѣяться, что, съ проведеніемъ проектированныхъ рельсовыхъ путей, Русскій Сѣверъ займетъ то высокое положеніе, которое принадлежитъ ему по праву. Энергія его населенія, сокровища, таящіяся въ его моряхъ, рѣкахъ и почвѣ, служатъ тѣми важными условіями, которыя впередъ опредѣляютъ его торгово-промышленное значеніе.

Будемъ надѣятся, что путы, связывающія его,—кулачество недостатокъ капиталовъ, иностранная монополія и бездорожье—недолговѣчны. Устранивъ ихъ, мы на дѣлѣ убѣдимся, какъ широко развивается производительность тѣхъ русскихъ селъ, которыя выведены изъ подъ ярма экономической безурядицы. Нашъ смѣлый и честный промышленникъ, окрѣпшій въ борьбѣ съ полярною природой, взросшій на берегу суроваго и бурнаго океана, перестанетъ окончательно нуждаться и бѣдствовать, когда изъ его непригляднаго края лягутъ въ глубь Россіи тѣ завѣтныя пути-дороженьки, о которыхъ мы только мечтаемъ нынѣ. Уже и теперь предпріимчивый ижемецъ появился въ Москвѣ, Галичѣ, Перми и на другихъ отечественныхъ рынкахъ. Артельщикъ-холмогорецъ и онежанинъ—первый человѣкъ въ питерскихъ биржевыхъ артеляхъ. По всѣмъ стариннымъ путямъ Сѣверной Россіи имя архангельца-трескоѣда (на мѣстномъ аргò) пользуется особеннымъ почетомъ—и только неразумная система искусственнаго отвлеченія промышленныхъ силъ русскаго Сѣверо-Востока не къ ближайшему Бѣлому, но къ отдаленному Балтійскому морю, отняла у насъ то, что искони

принадлежало намъ, что было нашимъ неотъемлемымъ достоянiемъ!

Я попалъ на ярмарку въ ясное, холодноватое сентябрьское утро. Собственно говоря, толпы, движенiя, суматохи тутъ не было вовсе. На набережной, невдалекѣ отъ каменнаго ряда гостиннаго двора, тянулись три или четыре линiи деревянныхъ бараковъ, переполненныхъ посудой, мануфактурными и др. товарами. Здѣсь было безлюдно и пусто. Только въ одномъ балаганчикѣ высокая, толстая, апатическая поморка словно во снѣ торговалась съ остервенѣвшимъ отъ скуки прикащикомъ. Какой-то низенькiй, черноватый корелъ болтался изъ стороны въ сторону, да у самой набережной галдѣла о чемъ-то толпа судорабочаго люда.

— Что у васъ всегда такъ пусто на ярмаркѣ? спросилъ я у перваго встрѣчнаго.

—Немного погодя оживится. Да у насъ, если хотите, ярмарки и вовсе нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Вся ярмарка заключается въ сдѣлкѣ между рыбопромышленниками и мѣстными мучными торговцами. Суть-то—въ обмѣнѣ рыбы на муку. Оттого вы и не увидите толпы. Судохозяева бродятъ по лавкамъ, продаютъ свои грузы и покупаютъ хлѣбъ для торговли съ Норвегiей. Центръ ярмарочной торговли—пристань. Пожалуйте сюда попозднѣе и вы наткнетесь на суету, а теперь еще тихо пока. Да нынче, впрочемъ и рыба ловилась плохо. Мурманскiе колонисты бѣдствуютъ; пожалуй на продовольствiе имъ придется зимою казеннаго хлѣба отсыпать. Норвежской рыбы, впрочемъ, привезено вдосталь. Тысячъ на 200 пожи будетъ.

— Да развѣ своей рыбы у васъ мало?

— Да не хватаетъ... мы вѣдь отсюда рыбу съ первымъ зимнимъ путемъ отправляемъ въ Петербургъ и Москву, а также и лѣтомъ въ Вологодскую и Олонецкую губернiи. Цифру-то, знаете, опредѣлить весьма трудно, а только—много идетъ рыбы. Въ Петербургъ преимущественно идетъ семга и

треска. У насъ существуетъ и фирма, исключительно занимающаяся этимъ,—братья Ширкины. Они больше всего и скупаютъ поморскіе грузы.

На набережной мнѣ удалось наткнуться на толковаго зырянина изъ Ижмы; мы съ нимъ быстро разговорились о его родномъ селѣ. Я его попросилъ разсказать мнѣ объ отношеніяхъ зырянъ къ самоѣдамъ и къ крайнему удивленію своему долженъ былъ выслушать совершенно откровенное, простодушное и подробное повѣствованіе о такихъ мошенническихъ продѣлкахъ, которыя болѣе „цивилизованный“ собесѣдникъ вѣроятно скрылъ бы отъ посторонняго. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ я буду говорить объ инородцахъ Архангельской губерніи, будетъ помѣщенъ и разсказъ этаго зырянина, разсказъ не лишенный интереса для людей мало знакомыхъ съ „тундрами сѣвера“, внушавшими такой сильный ужасъ Василиску Перцову. Судя по свѣдѣніямъ, добытымъ мною потомъ изъ другихъ источниковъ, зыряне Мохченской, Красноборской и Усть-Кожвинской волостей, Мезенскаго уѣзда, выдѣлываютъ еще и не такія штуки въ глуши, гдѣ надзоръ за ихъ торговою дѣятельностію невозможенъ, гдѣ робкое, пассивное племя исконныхъ обладателей мезенской тундры—самоѣдъ, представляетъ каждому мало-мальски ловкому, юркому и плутоватому торгашу безграничный просторъ для приложенія къ дѣлу своимъ хищныхъ наклонностей. Нечего и говорить, что отношенія между первыми и вторыми являются исключительно въ видѣ грабежа, насилія, спаиванія. Едва-ли въ настоящее время найдется какое либо средство остановить дальнѣйшее развитіе кабалы, со всѣхъ сторонъ охватившей несчастное полудикое племя, вырождающееся съ поразительною быстротою.

Нужно тутъ только привести нѣсколько свѣдѣній о зырянахъ, о которыхъ мы не станемъ упоминать болѣе. Архангельскіе зыряне вышли изъ Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи, по приглашенію новгородскаго ушкуйника Ластки, получившаго отъ Іоанна IV грамоту на заселеніе рѣки Печоры

и ея притоковъ. Зыряне осѣли по обоимъ берегамъ рѣки Ижмы, первоначально въ томъ районѣ, который теперь включенъ въ предѣлы Мохченской волости. Сюда же переселилось нѣсколько новгородцевъ и семеро самоѣдовъ съ семействами, бросившіе кочевую жизнь. Первая грамота на отдѣльное владѣніе землею была дана новой колоніи царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и въ началѣ зыряне ограничивались только разсчисткою лѣсовъ подъ пашни, сѣнокосами и рыбными ловлями по Печорѣ и по Ижмѣ. Только впослѣдствіи, вступивъ въ ближайшія сношенія съ самоѣдами,—зыряне поняли всѣ выгоды оленеводства, стали обзаводиться оленями, поручая ихъ самоѣдамъ, такъ какъ отваживаться на поѣздки въ неисходную дичь мезенскихъ или, какъ называли тогда, югорскихъ тундръ они еще не рѣшались. Одновременно съ этимъ въ тундры стала черезъ зырянъ проникать и водка. Немного погодя, мы уже видимъ зырянъ положительными распорядителями этихъ пустынь и владѣльцами прежде принадлежавшихъ самоѣдамъ стадъ. Тогда же они принялись и за иной способъ дѣйствій. Самоѣды къ лѣту обыкновенно удаляются на морскіе берега, какъ для спасенія своихъ оленей отъ комаровъ, такъ и для промысловъ. Зыряне, слѣдуя за ними по пятамъ, вытаптывали тѣ моховыя пажити, которыя обезпечивали зимнее продовольствіе для оленей. Количество послѣднихъ стало уменьшаться, да и хозяева ихъ—самоѣды начали послѣ того переходить къ зырянамъ работниками, батраками. Опаиваемые, преслѣдуемые, обворованные и ограбленные зырянами—самоѣды дошли до такого печальнаго положенія, что возрожденіе этого племени стало притчею во языцѣхъ. Они владѣютъ только 1/15 стадъ, принадлежавшихъ имъ прежде. 14/15 находятся у зырянъ и у русскихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, не имѣя никакихъ правъ на владѣніе тундрой—на дѣлѣ ея безконтрольные хозяева, особенно первые, которые по юркости, ловкости и умѣнью дѣлать разные гешефты, едва ли уступаютъ евреямъ. Нынче зыряне мало по малу оттѣсняютъ и чердынскихъ купцовъ, торговавшихъ по всей Печорѣ. Они

развили у себя замшевое производство, захватили всю торговлю края въ свои руки, понастроили по теченію Ижмы богатыя и людныя села, а въ послѣднее время предпріимчивѣйшіе изъ нихъ стали уже показываться и въ Чердыни, и въ Москвѣ, и на Макарьевской ярмаркѣ. Зырянинъ на первый взглядъ покажется вамъ и глуповатымъ, и дубоватымъ, но вы не вѣрьте этой располагающей къ довѣрію внѣшности. Въ концѣ концовъ онъ оказывается такимъ пройдохой, который навѣрное разъ двадцать обернетъ васъ кругомъ пальца, пока вы успѣете замѣтить это.

Кстати будетъ сказать и о роли русскихъ въ тундрѣ. Первое поселеніе русскихъ, имѣвшее административное значеніе,— Пустозерскій острогъ возникъ одновременно съ колонизаціей Сибири, когда Москва для сбора ясачной подати съ инородцевъ устраивала у послѣднихъ первыя свои острожки. Потомъ Пустозерскій острогъ сталъ центромъ воеводскаго управленія и туда назначались въ ссылку опальные бояре, между которыми особенно извѣстны Лопухины, Матвѣевы, Нарышкины, Щербатовы, Голицыны и др. Находясь у устья Печоры, среди непроглядной дичи, въ такомъ захолустьѣ, доступъ въ которое и нынѣ труденъ,—Пустозеркъ представлялъ въ то время надежное мѣсто заточенія для перечисленныхъ нами лицъ. Вдоль по Печорѣ устроились поселенія еще и ранѣе того новгородцемъ Ласткой, образовавшія собственно Пустозерскую и Усть-цылемскую волости. Вся эта страна стала переполняться смѣлыми колонизаторами послѣ 1655 и 1667 года при патріархѣ Никонѣ, когда гонимые и преслѣдуемые расколоучители вмѣстѣ съ своими послѣдователями забирались въ неисходную глушь подальше отъ царскихъ воеводъ и патріаршихъ сыщиковъ. Особенно усилилась эта эмиграція въ Мезенское Поморье—съ высылкою въ Пустозерскій острогъ извѣстнаго попа Аввакума, при которомъ по обоимъ берегамъ Печоры, а затѣмъ и по трущобамъ Канинской и Тиманской тундръ строились раскольничьи слободки, составившія всѣ вмѣстѣ такъ называемую Тельвисочную волость. Пустозерцы и усть-цылемцы

относились къ самоѣдамъ точно также, какъ и зыряне. Они ихъ спаивали, грабили, отгоняли ихъ стада и обращали ихъ въ безвыходное, экономическое рабство.

Пустозерцы, которыхъ мнѣ случилось видѣть тутъ же на Маргаритинской ярмаркѣ,—рослый, красивый, смѣтливый народъ. Смѣлость ихъ на отдаленнѣйшихъ промыслахъ въ Новой Землѣ и др. островахъ Полярнаго океана вошла въ пословицу. Это—мужественная, сильная раса, съумѣвшая остаться не зараженной страшнымъ бичемъ сѣверныхъ пустынь—сифилисомъ. Пустозерцы, которыхъ я видѣлъ на ярмаркѣ, не смотря на теплое время, были въ малицахъ — рубахахъ изъ оленьяго мѣха, надѣваемыхъ на голое тѣло шерстью внутрь. Зырянинъ же, встрѣченный мною,—щеголялъ въ армякѣ изъ сѣраго сукна, и сравнивая ихъ обоихъ, нельзя было не признать за послѣднимъ преимущества юркости и промышленной бойкости, которыя въ концѣ концовъ съумѣютъ закабалить ему и другую болѣе смѣлую, отважную, но менѣе изворотливую расу. Когда я опять, спустя часъ или два, прошелся по ярмарочной площади, она была нѣсколько оживленнѣе. Повсюду попадались рослыя, красивыя поморки, цѣлыя артели судорабочихъ переходили изъ лавки въ лавку, выторговывая коллективно какія нибудь рукавицы для своего товарища или платокъ, предназначаемый въ подарокъ женѣ, сестрѣ, невѣстѣ. Вотъ, напримѣръ, передъ вами какъ изъ земли выросъ бойкій, съ бѣгающими масляными глазками парень. Это Корелъ—разнощикъ мелочной торговецъ по инстинкту. Случайно попавъ на ярмарку, онъ не сидитъ безъ дѣла. Вы его встрѣтите повсюду суетящимся, покупающимъ и тутъ же перепродающимъ, что-то соображающимъ, къ чему то стремящимся безъ устали. Несмотря на такую напряженную, нервную дѣятельность, онъ бѣденъ какъ крыса и зимой ему все-таки придется отправиться въ богатыя поморскія села, просить милостыню у Сорокскихъ или Сумскихъ міроѣдовъ. Вы его встрѣтите такимъ же — и въ отдаленныхъ селахъ Финляндіи, съ коробомъ за спиной, чутко и осторожно шныряющимъ изъ дома въ домъ.

изъ одной мызы въ другую, подъ постояннымъ страхомъ натккнуться на лендсмана и быть затѣмъ препровожденнымъ по этапу обратно. Спросите его, что онъ знаетъ и вы услышите разсказъ о его неудачахъ чуть ли не на всѣхъ отрасляхъ нашихъ сѣверныхъ промысловъ. Онъ и рыбу пробовалъ ловить, онъ и хлѣбъ сѣялъ, онъ и сельдь солилъ, онъ и руду добывалъ—и все въ убытокъ. Судьба дѣйствительно безпощадно преслѣдуетъ это умное, но въ конецъ приниженное племя. Сюда онъ привезъ ножи, ружейные стволы, приготовленные имъ самоучкой изъ болотной желѣзной руды. Эти издѣлія разойдутся отсюда и въ противоположный конецъ Архангельской губерніи къ самоѣдамъ и зырянамъ Мезенскаго уѣзда. Не смотря на грубую работу, они отличаются положительными достоинствами. Вотъ шенкурскій смолокуръ, пригорюнившійся и оторопѣвшій отъ страшнаго паденія цѣнъ на смолу и пекъ, измышленнаго или лучше сказать созданнаго стачкою архангельскихъ нѣмецкихъ конторъ; ему въ послѣднее время приходится плохо. Недоимки ростутъ, хлѣбъ дорожаетъ,—а тутъ, какъ нарочно, русской смолы все менѣе и менѣе требуютъ за границу, да и архангельскіе скупщики лупятъ его при случаѣ и въ хвостъ и въ голову, понижая его заработокъ до нуля. Вотъ поморъ-судорабочій, въ коротенькой сѣрой курткѣ, неизмѣнномъ гарусномъ шарфѣ на шеѣ и въ неизмѣримыхъ бахилахъ — сапогахъ изъ тюленьей шкуры. Онъ и на твердой землѣ ходитъ какъ на палубѣ своего кораблишка, качаясь то вправо, то влѣво. Вонъ толстый, ожирѣвшій, съ крутымъ лицомъ и густой бородою судохозяинъ поморъ въ черномъ сюртукѣ до пятокъ и шляпѣ норвежскаго издѣлія. Этотъ мастодонтъ, это допотопное чудище смотритъ окрестъ сурово, несообщительно. Съ нимъ не разговоришься. Онъ только и разойдется, какъ напьется пьянъ. Тогда и деньги летятъ безъ разбору и классическій Китъ Китычъ является во всей неприкосновенности своего безобразія на крайнемъ Сѣверѣ, также какъ и въ сердцѣ Россіи—въ Москвѣ. Вотъ одѣтый джентльменомъ, но на дѣлѣ остающійся совершеннѣйшимъ варваромъ, верховскій

купецъ, приплавившій сюда на своихъ баркахъ изъ Вологодской или Вятской губерніи мёкъ, хлѣбъ или пеньку. Вотъ архангельскій рыбопромышленникъ, какъ волчокъ суетящійся туда и сюда отъ одного судовщика къ другому. Ему по неволѣ приходится бѣгать и толкаться. Рыбы мало, цѣна на рыбу высока — а денегъ нѣтъ, да и у кого онѣ есть теперь въ Архангельскѣ? И бейся какъ рыба о ледъ. Вотъ необходимое дополненіе каждой толпы—вся слезящаяся, вся дрожащая, вся словно тающая отъ умиленія старушенка нищая. Она гордо называетъ себя титулярной совѣтницей—и проситъ уже не на хлѣбъ, а на кофе, въ полномъ убѣжденіи, что всякій простой смертный, не титулярный совѣтникъ, долженъ признавать за нею неотъемлемое право на этотъ колоніальный продуктъ. Тутъ же посреди сытыхъ и довольныхъ вдругъ мелькнетъ передъ вами блѣдное, блѣдное, съ какими-то синими подтеками лицо больнаго барочнаго рабочаго, которому сегодня же можетъ быть придется отправиться отсюда—домой, за семьсотъ или восемьсотъ верстъ, безъ гроша въ карманѣ, питаясь именемъ Христовымъ. Что онъ принесетъ своей семьѣ?..

Вотъ повергающая въ страхъ и ужасъ кольская мѣщанка, размѣрами своими напоминающая Вавилонскую башню. Она за больнаго мужа командуетъ его шкуной, держа въ безусловномъ повиновеніи буйный и не особено-то податливый экипажъ судна. Вы не смущайтесь ея кажущеюся апатичностью. Посмотрите, какъ она при случаѣ правитъ судномъ или промышляетъ рыбу, и вы подивитесь той мощи славянской женщины, которая не измѣняетъ ей и въ пустыряхъ негостепріимнаго Сѣвера. Странно, что мужчины здѣсь малорослы и далеко не такъ красивы, какъ женщины. Эти Бобелины поморскія содержатъ лѣтомъ морское сообщеніе по всему кемскому и онежскому побережью, возятъ богомольцевъ оттуда въ Соловецкій монастырь, а иногда и дальше пускаются на своихъ утлыхъ корабликахъ. Борьба съ суровою природой развила въ ней тоже мужество, тоже презрѣніе къ опасности, какъ и въ промышленникѣ, охотникѣ и мореходѣ Архангельской губерніи.

Она на дому у себя привыкла и мужа держать въ полномъ подчиненіи, и поморъ, откровенно говоря, побаивается своей бабы, какъ начальства, всегда умѣющаго сократить его слишкомъ свободные порывы, а при случаѣ и собственноручно наказать за неповиновеніе. Баба—большой человѣкъ, говорятъ поморы. Она и дѣйствительно въ ихъ семьѣ оказывается большимъ человѣкомъ!

Но сверните на пристань и вы разомъ поймете, въ чемъ именно заключается архангельская ярмарка. Громадная пристань, врѣзывающаяся глаголемъ въ Двину, — сплошь усѣяна народомъ. Вокругъ нея кормами къ пристани недвижно стоятъ сотни судовъ разныхъ родовъ и названій. Тутъ и кривобокая ела, и уродливая шняка и раньшина, глядя на которую, невольно задаешься вопросомъ: сколько нужно мужества, чтобы пуститься въ этой посудинѣ въ открытое море? Флаги безсильно повисли вдоль мачтъ; судовая прислуга грузитъ муку, отправляемую отсюда въ Норвегію. Ругань и пѣсни стоятъ въ воздухѣ. Рядомъ съ суматохою и толчеею бросается въ глаза совершенно идиллическая картина. На палубѣ маленькаго суденышка свершаетъ мирную трапезу небольшая семья судохозяина. Тутъ тумбообразный отецъ семейства съ сфероидальною супругой, за нимъ два зуйка—должно быть ихъ дѣти—таращатъ глаза на бѣлую, какъ кусочекъ серебра, чайку, неистово, пронзительно кричащую надъ ними. Свѣсивъ за бортъ мохнатую голову, нѣжится въ послѣднихъ теплыхъ лучахъ осенняго солнца большой песъ,взвизгивая отъ непомѣрнаго чувства внутренняго удовольствія. Изъ коморки, пристроенной къ кормѣ сосѣдней шняки, торчатъ чьи то громадныя ноги.. Вотъ характеристическій, ни съ чѣмъ сравнимый, разомъ ошибающій новичка запахъ трески. Это съ ближайшей шкуны сгружаютъ благовонную рыбу — хлѣбъ русскаго сѣвера — въ бочки скупщика. Вотъ гдѣ-то поднялся шумъ и крикъ.—Въ чемъ дѣло?—Какой-то неосторожный матросъ свалился въ воду, но тотчасъ же, фыркая и отряхиваясь, выскочилъ на пристань при общемъ хохотѣ товарищей. Два или три норвежца, коло-

нисты мурманскаго берега, пріѣзжающіе къ намъ наживаться, торговать ромомъ, чтобы, спустя четыре или пять лѣтъ, убраться домой съ кругленькимъ капитальцемъ,—важно снуютъ въ толпѣ, заложивъ руки въ карманы и видимо сознавая свои преимущества надъ загнаннымъ, забитымъ и запуганнымъ русскимъ людомъ.

Запахъ трески сталъ невыносимъ. Я отошолъ и побрелъ впередъ вдоль по набережной. Издали до меня доносилось—„охни, дубинушка, охни—охни, зеленая сама пойдетъ". Цѣлая толпа рабочаго люда работала надъ какою-то баркою у самой пристани. Всѣ они были въ поту, лица порою подергивало судорогами, руки видимо отказывались служить имъ, ноги подкашивались. А дѣлать нечего. Тутъ же, преравнодушно прислонясь къ периламъ набережной, стоялъ десятникъ, монотонно покрикивая на рабочихъ.

— Эй, Ваньке-о! Чиво остановился? Небось хозяйскіе гроши брать — охочъ?.. Ну, братцы, дружнѣй, ну, дорогіе, разомъ... Ввали!..

И опять начиналась та же:

Охни, дубинушка, охни!
Охни, зеленая самая пойдетъ.

Только порою какой нибудь шутникъ разнообразилъ эту монотонную пѣсню душистымъ циническимъ припѣвомъ, неразлучно слѣдующимъ за русскимъ человѣкомъ повсюду. Не весельемъ вѣяла эта шутка. Въ ней невольно вырывался наружу отчаянный вопль наболѣвшей души. Это было проклятье, вымученное изъ обезсилѣвшей груди, вопль жертвы, смѣхъ, хуже слезъ надрывавшій душу.

А не вдалекѣ на берегу Двины цѣлая толпа арестантовъ мѣстнаго исправительнаго отдѣленія разбивала камни. Куски летѣли вверхъ, попадая въ глаза и лица тружениковъ. На ихъ лицахъ было то же болѣзненное выраженіе устали, та же немощь. Толстый купчина слѣдилъ сверху за ихъ работой Посмотрите на это деревянное, равнодушное лицо! Что ему до чужихъ страданій?...

— Сколько вы платите арестантамъ? спросилъ я его.

— Чего-о?... То ись за день?

— Да.

— Шестнадцать копѣечекъ-съ на брата.

— Выгодно!... Только вѣдь пожалуй такая низкая цѣна можетъ повліять на трудъ и вольныхъ. Послѣдніе тоже должны будутъ понизить заработную плату.

— Да-съ, оно бы желательно.

— Т. е., что̀ желательно—ограбить рабочаго?

— Помилуйте-съ, зачѣмъ же?

По моему мнѣнію, раздѣляемому, впрочемъ, весьма многими, слѣдовало бы трудъ заключенныхъ оцѣнивать не такъ дешево. Дѣло въ томъ, что, благодаря этому обстоятельству, свободный рабочій долженъ или брать столько же, или оставаться безъ работы. Другаго выхода нѣтъ! Заработокъ арестантской артели, если сравнить его съ убыткомъ, наносимымъ всему рабочему классу,—окажется крайне ничтожнымъ. Давно слѣдовало бы обратить на это вниманіе. Россійскіе подрядчики вообще готовы воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы зажать въ кулакъ своего кормильца — рабочую артель. Не въ интересахъ же этихъ почтенныхъ дѣятелей принимать такія искусственныя мѣры для пониженія поденной платы. Право, когда подумаешь, чѣмъ живетъ нашъ труженикъ — такъ только руками разведешь отъ удивленія. Другой давно бы, кажется, умеръ отъ истощенія—а онъ кое-какъ перемогается. Что это—привычка-ли, или просто сила, выносливость?... Не знаю какъ кому, а мнѣ, когда на меня обратится этотъ стеклянный, ничего невыражающій взглядъ голоднаго городскаго пролетарія, всегда кажется, что онъ упрекаетъ меня за равнодушіе къ нему. Право, довольно быть честнымъ человѣкомъ, чтобы сознать, что нашъ рабочій на крайнемъ Сѣверѣ—тотъ же нищій.

— Сколько вы заработываете въ годъ? спросилъ я на той же набережной у одного рабочаго, посмышленнѣе другихъ.

— Трудно опредѣлить.

— Почему же?

— Какъ когда. Заработки у насъ только лѣтомъ—лѣтомъ и сыты. А какъ придетъ зима—бѣда. Клади зубы на полку и гривенника въ день не выработаешь. А въ три лѣтнихъ мѣсяца, пожалуй, хотя и рѣдко, можно и по 60 коп. въ день добыть.

И такъ въ 90 дней, по 60 к. за каждый, рабочій получитъ по высшей мѣрѣ 54 р. Положимъ, что и въ остальные мѣсяцы онъ пріобрѣтетъ копѣекъ по 15 въ день, или за 9 мѣсяцевъ 40 р. 50 к.; итого, у него въ годъ будетъ до 95 р. Изъ этого числа сойдетъ на всякаго рода подати—рублей 10. Затѣмъ ему нужно по 5 фунтовъ въ день хлѣба (за то мы исключаемъ всякую другую пищу—рабочій, впрочемъ, семь фунтовъ хлѣба въ день съѣстъ весьма легко) или до 40 пуд. хлѣба въ годъ, на что уйдетъ 40 р. На наемъ помѣщенія, гдѣ бы ему можно было переночевать, въ годъ 15 р.; на сапоги, одежду—15 р. Вотъ ужъ израсходовано 80 р. Изъ остальныхъ 15 р. ему нужно содержать жену и дѣтей, если у него есть они, купить себѣ при случаѣ инструментъ, хоть простую пилу да топоръ, и сдѣлать вообще многое другое. Да наконецъ отъ постоянной работы возьметъ и одурь. Ему нужно въ единственно свободный день въ недѣлю — воскресенье, поразвлечься. Газетъ онъ читать не можетъ, потому что неграмотенъ. Дома отдыхать—тоска. Потому что дома и холодно, и скучно, и неприглядно. Жена, которую онъ любитъ, можетъ быть, не меньше нашего, — ходитъ въ какихъ-то отрепьяхъ, изголодавшіяся дѣти—мозолятъ глаза; куда же дѣться, гдѣ отдохнуть? Единственная тихая и мирная пристань, открывающая ему легкій доступъ къ себѣ, — кабакъ. Тамъ и теплѣе и веселѣе. Вѣдь народный театръ у насъ есть только въ Москвѣ.

Чтожъ, лучше топить свое горе, подколодную змѣю, въ водкѣ, если нѣтъ другаго исхода. А съ водкой развратъ, съ водкой—разрывъ съ семьей, преступленіе...

Много ему нужно силы воли, чтобы при такихъ условіяхъ остаться всю жизнь честнымъ человѣкомъ!

Таковъ рабочій на сѣверѣ, таковъ онъ и вездѣ.

И никакими рацеями вы его не исправите, пока не устроите его бытъ на болѣе человѣческихъ основаніяхъ.

Тутъ нужна не проповѣдь — а дѣло! Совершите же его, если у васъ хватитъ силъ, самоотверженія и любви къ ближнему. А до тѣхъ поръ нашъ рабочій будетъ не гражданиномъ— а подъяремнымъ скотомъ и только. Да ни чѣмъ инымъ, впрочемъ, онъ и быть пока не можетъ!

Вечеромъ въ тотъ же день мнѣ пришлось попасть на засѣданіе военно-окружнаго суда, въ залу городской думы. Судили какого-то несчастнаго офицера, стоявшаго на вытяжку передъ судьями и отвѣчавшаго на всѣ вопросы классическимъ: „не могу знать". Не смотря на крайне скучное дѣло, зала была полна. Говорятъ, что также полна бываетъ она и тогда, когда судятъ пропившагося солдатика „за промотаніе казенныхъ шароваръ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ" или за что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Когда то мы дождемся гласнаго суда! слышалось въ толпѣ, жадно внимавшей разглагольствованію прокурора, гдѣ черезъ каждое слово попадались: аммуниція, фуражъ, паекъ и тому подобные интересные предметы. Страннѣе всего было то, что съ особеннымъ любопытствомъ выслушивали всѣ объясненія обвиненія и защиты—архангельскія дамы. Зала была почти полна ими. До чего должно быть здѣсь скучно, если и „заранѣе обдуманное пропитіе" является въ нѣкоторомъ родѣ предметомъ общественнаго интереса.

— Что такое паекъ?... обратилась одна шелковая дамочка къ своему мужу — слонообразному чиновнику, не сидѣвшему, а такъ сказать водруженному рядомъ.

— Опоекъ, душенька, изъ котораго шьются сапоги, изрекъ элефантъ, и дамочка успокоилась.

— Свидѣтель Герасимовъ! обращается председатель суда къ солдату, стоящему передъ нимъ.

— Здѣсь, вашбродь! выдвигается изъ толпы безсрочно-отпускной предъ изумленныя очи суда. Его торжественно уводятъ.

— Я думалъ меня. Потому я Герасимовъ, оправдывается ошеломленный зритель.

— Ступай, ступай! гонитъ его въ шею офицеръ, играющій роль судебнаго пристава. Ступай вонъ отсюда!

— Слушаю, вашбродь! звучитъ опять въ дверяхъ.

— Нижнее платье!

— Никакъ нѣтъ-съ: штаны!

— Ну да, т. е. нижнее платье! краснѣетъ прокуроръ, кидая сконфуженный взглядъ на дамъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, штаны! препирается съ нимъ свидѣтель солдатъ, стоя на своемъ.

— Экій ты, братецъ, какой!... Вѣдь одно и тоже...

— Окромѣ штановъ ничего не видалъ...

Окончательно растерявшійся прокуроръ умолкаетъ, опуская глаза внизъ.

Всего смѣшнѣе то, что для военныхъ сословій въ Архангельскѣ существуетъ гласное и устное судопроизводство, а для остальныхъ—нѣтъ. Даже не введенъ мировой институтъ. Впрочемъ, говорятъ, что въ Архангельскѣ гораздо болѣе возможно введеніе окружныхъ и мировыхъ судовъ, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Въ общественномъ сознаніи давно коренится недовѣріе къ существующимъ нынѣ старымъ судамъ, а дѣлать нечего. Между тѣмъ въ такомъ торговомъ и промышленномъ городѣ быстрое судопроизводство составляетъ настоятельную потребность населеній. Объ этомъ намъ удалось встрѣтить сотни заявленій въ печати,—но кто на нихъ обращаетъ вниманіе!...

— Выходя изъ залы по окончаніи засѣданія я опять наткнулся на шелковую дамочку и слонообразнаго кокардоносца.

— Что это такое—фуражъ? спрашивала первая.

— Фуражъ, душенька,—сѣно.

— Развѣ солдаты ѣдятъ сѣно?

— Солдатъ ко всему долженъ быть готовъ. На войнѣ не то что сѣномъ, иной разъ и соломой кормятъ.

— Какъ-же они кушаютъ, бѣдные?

— А такъ и ѣдятъ... зубами разумѣется. За то имъ и ордена даютъ.

— Отчего ты, попочка, не военный?

— Потому что штатскій.

И достойная парочка поворотила направо.

На улицахъ было уже темно. Свѣтлый серпъ мѣсяца только что прорѣзался въ вышинѣ. Кое-гдѣ робко, словно жмурясь, мигали три или четыре тусклыя звѣздочки. Пора было сбираться въ заранѣе условленную поѣздку.

Спустя часъ или два, мы уже выѣзжали за околицу города. Направо синѣла и серебрилась Двина, налѣво смутно рисовались въ обманчивомъ блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца какія-то неопредѣленныя глади, какія-то смутныя рощи. Ничего рѣзкаго, ничего выдающагося. Однѣ тѣни медленно и постепенно переходили въ другія, угловатые контуры деревьевъ сливались въ тихія, стройныя формы, окутанныя серебристо-синею мглою. На сердцѣ росла безпредметная тоска, слова не шли съ языка. Всѣ мы призатихли. Колокольчикъ дробно позвякивалъ подъ дугою. Ямщикъ что-то мурлыкалъ про себя, лѣниво похлестывая лошадей. А ночь становилась все темнѣй и влажнѣе. Туманъ уже закутывалъ рѣку и берегъ и стлался передъ нами бѣлою, ровною полосою... Вотъ эта полоса подступила ближе, вотъ она охватила насъ со всѣхъ сторонъ и вмѣсто унылой картины сѣверной глади передъ нами темнѣла спина ямщика, какъ будто нырявшаго въ цѣломъ морѣ однообразной мглы...

— Плывемъ мы или ѣдемъ? спросилъ кто-то.

— Вотъ и отвѣтъ! смѣясь подхватили мы, подкинутые вверхъ безобразнымъ скачкомъ телѣги...

— Подводный камень!

А мгла становилась все гуще и гуще. Тяжело было ды-

шать ею. Мы точно глотали паръ. Платье стало влажно. Звонъ колокольцевъ—тише, мурлыканье извощика казалось доносившимся откуда-то издалека и только хохотъ, задушевный, въ жемчугъ и серебро разсыпавшійся женскій хохотъ рядомъ напоминалъ намъ, что мы еще въ средѣ живыхъ. Наша спутница была неутомима. Она то цѣлымъ каскадомъ искръ сыпала яркія шутки, то напѣвала широкую, за сердце хватающую русскую пѣсню, уносившуюся далеко, далеко, въ высь за эту мглу—гдѣ свѣтятъ тихія, чистыя звѣзды и ласково улыбается міру—ясный бѣлый мѣсяцъ. Порою пѣсня смѣнялась сантиментальнымъ нѣмецкимъ напѣвомъ, говорившимъ не о безконечныхъ гладяхъ, не о выси и шири, а объ уютномъ семейномъ уголкѣ, о вѣчной, столько разъ обруганной всѣми, но все же милой сердцу любви какого-то наивнаго Карла къ какой-то не менѣе наивной Гретхенъ...

„О Гретхенъ, Гретхенъ!.. Словно лучъ въ царствѣ безразсвѣтнаго мрака, словно яркій сонъ любви въ темницѣ, смрадной, душной темницѣ узника—ты вдругъ при этомъ напѣвѣ встала предо мною, чистая, прекрасная, милая, близкая сердцу дѣвушка!.. О, Гретхенъ, Гретхенъ!.. Жертва беззавѣтной любви, ты на минуту вернула мнѣ прежнее юное счастье, ты пахнула на меня ароматомъ пережитыхъ вёсенъ... Ты и эту сырую, мглистую ночь сдѣлала яркой, серебристо-ясной ночью!.. О Гретхенъ, Гретхенъ... А сантиментальный нѣжный напѣвъ звучалъ все тише и тише, все робче и робче, вотъ онъ вспыхнулъ въ послѣдній разъ, дрогнулъ и погасъ, оставивъ по себѣ на душѣ невыносимое, тяжкое ощущеніе боли... А вмѣстѣ съ нимъ поблекъ и милый Гетевскій образъ, словно онъ весь распустился въ этомъ густомъ туманѣ.

— Еще, еще!.. просили мы нашу спутницу.

— Хорошаго по немножку... А то избалуетесь. Вотъ попросите мужа спѣть вамъ малороссійскую пѣсню.

И снова чудные звуки, но уже проникнутыя нѣгою южной ночи, украинскою страстью, украинскою мелодіей. Степная южная пѣсня, она какъ вольная птица медленно и плав-

но описывала круги надъ озаренною солнцемъ, благоухавшею міріадами цвѣтовъ землею. А съ нею новые образы и грезы, новыя картины и думы...

Эта ночь, эта пѣсня казались безъ конца!...

Но вотъ въ туманѣ мелькнулъ огонекъ... другой... третій... послышался лай собаки и мы торжественно въѣхали въ небольшую деревушку—цѣль нашей поѣздки. Направо и налѣво тянулись хорошо отстроенные дома, просторные и чистые. Къ одному изъ нихъ и подъѣхала наша тройка.

— А, милости просимъ!.. Встрѣтилъ насъ старикъ хозяинъ. Въ кои-то вѣки собрались...

— За то цѣлой гурьбой къ вамъ привалили.

Мы расположились въ верхнихъ двухъ горницахъ, какъ умѣли. Стѣны здѣсь были отштукатурены. Мебель съ иголочки, но жесткая какъ камень; большое зеркало съ гирляндою золоченыхъ амуровъ на верху показывало три носа и шесть глазъ. По какой-то необыкновенно грязной гипсовой вазѣ медленно ползали тараканы. На стѣнѣ съ одной стороны висѣлъ генералъ, а съ другой громадная, малеванная лѣтъ сто назадъ картина, изображавшая какъ полногрудая и толстомясая жена Пентефрія соблазняетъ благообразнаго Іосифа въ армякѣ и красной рубахѣ. Замѣчательнѣе всего, что у цѣломудреннаго юноши на поясѣ болталась трубка и кисетъ съ табакомъ. Погруженный въ новыя, изумлявшія меня открытія по египетской древности, я долго стоялъ, смущенный и неподвижный, передъ этимъ чудомъ архангельскаго художественнаго генія.

— Какова картинка! похвастался хозяинъ, засовывая въ ротъ полъ-бороды.

— Прелесть!

— Единственная. По всему поди Архангельскому не найдешь. Мой дѣдъ ее изъ Нижняго привезъ. Ишь Іосифъ-то какой, подлинно благообразный!..

Скоро подали самоваръ, и за чайкомъ началась бесѣда.

Я замѣтилъ, что мѣстные крестьяне живутъ хорошо; т. е. у нихъ просторныя избы, въ избахъ есть кой-какая мебель,

зеркала и тому подобное. Разумѣется, такіе дома попадаются изъ десяти одинъ. Но увы! хозяинъ тотчасъ-же разрушилъ мою иллюзію...

— Ты не гли на это. Это не на Архангельскій заработокъ строено. Нашъ братъ—архангелогородецъ—бродяга мужикъ. Мы больше отхожимъ промысломъ занимаемся. То-ись, во какъ. У меня примѣрно пять сыновей—а при мнѣ всего одинъ. Одинъ въ Москвѣ, два въ Питерѣ—въ артельщикахъ и еще остатошный въ Кронштадтѣ. Такъ и по всей губерніи, куда ни глянь—вездѣ народъ въ отходъ идетъ... Иначе намъ бы и жить нечѣмъ было. Ну, извѣстно, въ столицѣ и заработки другіе. Сыновья то изъ Питера мнѣ по сотнѣ кажиный годъ шлютъ, мы и живемъ, надо правду сказать, хорошо живемъ. А посмотри-ко-сь, каково сусѣди живутъ — небо съ овчинку покажется. Ни у нихъ хлѣба, ни у нихъ скота, недоимки одни и есть. Ну, а ежель кто въ Питерѣ—тому масляница. Въ Питерѣ нашимъ архангелогородцемъ дорожатъ. Потому народъ сильный, честный. У насъ—умный народъ. Поди-ко-сь, по другимъ мѣстамъ и по дорогамъ опасно ѣздить, а у насъ—куда хошь ступай, никто тебя не тронетъ. Повѣрите-ль, что у меня вонъ изба никогда не заперта—а кражи ни разу не случалось. Потому у насъ народъ—себя понимаетъ. По всему уѣзду,—убивство, чтобъ рази въ десять лѣтъ единожды случилось. Ну извѣстно въ Питерѣ, коли ты архангельскій — тебѣ и честь. Даромъ что трескоѣдами ругаютъ—а вездѣ почетъ нашему брату дѣлаютъ. Ты и понимай—каково оно... Оттого и живемъ.

— Ну, а въ городѣ у васъ заработки хороши?

— Въ Архангельскомъ?

— Да.

— Кто на контору работаетъ, да артельщикомъ служитъ, ничего, а то и разговору не стоитъ. Теперь только и есть работа, что лѣтомъ. Копѣекъ шестьдесятъ на буянѣ въ день промыслишь, а больше не моги. А зимушку—лежи на печкѣ, по-

тому нѣтъ тебѣ никакого дѣла. Зимою Архангельскій, городъ, что погостъ. Такая ли пустошь!... Бѣдность—потому.

— Такъ у васъ больше отхожими промыслами занимаются?

— Да. Хлѣбъ, правда, сѣемъ, да понизь, видишь самъ, какъ разольется рѣка всѣ посѣвы смоетъ. Въ водопольѣ—бѣда. Опять и пересѣвай поля. А и урожай-то весь—самъ 3 Больше для засыпки работаемъ. Повинность такая есть—кажиное лѣто въ запасный магазинъ подай полтора четверика хлѣба. Нонѣ вонъ. примѣрно,—урожай былъ. Колосъ отъ колоса—рѣдокъ. Зерно—чахлое... А все лѣто—засуха спервоначалу, потомъ морозы. У насъ, братъ, за день не знаешь, какова у тебя на завтрее нивушка будетъ. Богъ пошлетъ — Богъ и возьметъ, Его святая воля на то. Съ Нимъ, съ Богомъ, не поспоришь. Онъ знаетъ, зачѣмъ испытуетъ... Да... Вотъ—оно.

— Какой вы хлѣбъ больше сѣете?

— Ячмень больше. Рожь не способно. Морозомъ побьетъ. Ячмень—тотъ выносливѣй. Нонче въ Пинегѣ знакомый одинъ посѣялъ ячмень съ Капказу самаго. Знаешь вотъ—гдѣ черкесъ еще свирѣпствуетъ... Такъ и прозывается капказскій, горный ячмень. Чтожъ бы ты думалъ — урожай самъ 13-ый былъ... Вотъ-те и Капказъ. А таперче тоже нонѣшнимъ лѣтомъ корелы лѣски порасчистили да посѣяли хлѣбъ—самъ 8, да самъ 9 урожай. За то по всему Мезенскому, тоже есть у меня тамъ пріятели, хлѣба вовсе не уродилось, въ Кеми тоже. Льду то къ бережку прибило,—ну, морозецъ и фатилъ...

— Не угодно-ли, господа, будетъ на посидки? влетѣлъ въ комнату бойкій парень въ городскомъ пальто и гарусномъ шарфѣ.

— А гдѣ посидки-то? спросилъ старикъ.

— У Антонова.

— Што-жъ... Идите... Коли не видѣли—антиресно. Нашихъ дѣвокъ послушаете.

Мы пошли. Проплутавъ по задворкамъ, намъ, наконецъ, удалось попасть на огонекъ. Цѣлый часъ мы пробыли на по-

сидкахъ и пожалѣли о добромъ старомъ времени. Дѣвицы всѣ были въ безобразнѣйшихъ „карналинахъ". Пѣсни пѣлись холуйственно-городскія. Парни топтались на мѣстѣ, напуская на себя необыкновенную солидность.

Затянула было одна дѣвушка поживѣе другихъ русскую, сѣверную пѣсню,—гдѣ туманъ низко, низко падаетъ на синё море и стелется надъ его безбрежною гладью, гдѣ злодѣй-тоска точитъ и мучитъ дѣвичье сердце... Затянула и оборвалась.

— Чтой-то мужицкія пѣсни пѣть! съ неудовольствіемъ роптали парни.

Какъ мы пожалѣли объ этихъ мужицкихъ пѣсняхъ, объ этихъ самородкахъ чистѣйшей и прекраснѣйшей поэзіи человѣческаго сердца!...

„О чемъ, Маша, плачешь
За быстрой рѣкой?
О чемъ же тоскуешь,
Кого тебѣ жаль?
Если жаль тебѣ матерь
Иль сестеръ родныхъ —
Съ сестрами родными
Не вѣкъ тебѣ жить.
Со мной, моя радость,
Вѣкъ радостной быть".
— Когда безпечальной
Дѣвицей была,
У меня праву руку
Цыганка брала;
Смотрѣла, гадала
Качала головой,
Сказала — потонешь
Въ день свадебный свой.—
„Не плачь, моя радость,
Я выстрою мостъ:
Мостъ предлинный, цугунный
На тысячу верстъ
Я полицу (полицію) поставлю
Впередъ на пятьсотъ:
Назадъ-то я двѣсти,
А сто по бокамъ"...

Визжали носительницы „карналиновъ“ и парни въ нѣмецкихъ „пальтахъ“ и гарусныхъ шарфахъ. Отъ пѣсни пахло махоркой и цедровой помадой — лакейской; и наша милая пѣвица, еще нѣсколько часовъ назадъ пѣвшая намъ украинскія пѣсни,—поникла головой...

Вырождается чистая русская пѣсня!

Города, какъ язва, разбрасываютъ повсюду свой развратъ, свое холопство, свою экономическую чуму—нищету.

Точно изъ душной и смрадной кабацкой обстановки вырвались мы изъ этихъ посидокъ, съ удовольствіемъ оставляя за собою галантерейныхъ пейзанокъ, съ ихъ не менѣе галантерейными шансонетками о „цугунныхъ“ мостахъ и городской полиціи.

— Пѣсню, пѣсню, хорошую русскую пѣсню! словно сговорившись, просили мы у пѣвицы.

И вдругъ словно бѣлая снѣжная степь въ синюю безконечную даль легла передъ нами. Мы, затаивъ дыханіе, слушали эту зимнюю пѣсню, безграничную какъ Русь, охватывавшую насъ неизъяснимымъ волненіемъ. Изъ груди рвались и съ болью гасли въ ней дорогіе звуки... Хотѣлось бы замереть тутъ же, внимая чудному голосу, пѣвшему чудную пѣсню... И разомъ освѣтилось передъ нами наше яркое будущее. Разомъ поняли мы, какъ неосновательны были наши предвѣщанія. Нѣтъ, не изсякнетъ эта пѣсня, не уступитъ она своего мѣста наплывному холуйству. Не можетъ развратиться и погибнуть народъ такъ чувствующій, такъ мыслящій...

Да—блистательно, ослѣпительно хороша твоя будущность, наша дорогая родина. Пусть ты покрыта коростою пусть, въ тебѣ больше кабаковъ, чѣмъ школъ и церквей—найдутся между дѣтьми твоими не обезличенные и честные дѣятели, вѣрные русскому чувству. И развернешься ты во всей красѣ своей и станешь ты твердо, предписывая свѣту свои законы—законы мира, любви и братства народовъ. И на торжество твое сберутся всѣ племена, чтобы за единой трапезой пожать другъ другу руки!...

Да пріидетъ твое царствіе скорѣе, милая и неизмѣнная А до тѣхъ поръ?—А до тѣхъ поръ пусть всякій, если нужно, несетъ свою голову, свою кровь, свои силы за нее, за святую, великую и единую! Всякій, въ комъ бьется честное сердце, всякій, кому дорогъ завѣтъ любви! Только ты, — испытавшая всѣ ужасы рабства, — поймешь истинное значеніе свободы. Только ты—дашь ее другимъ не въ огнѣ и дымѣ пожарищъ, не въ стонахъ и вопляхъ битвы, не во мракѣ темницъ и келій, но среди бѣлаго, яснаго дня, на мирномъ праздникѣ человѣчества. И эта побѣда не будетъ стоить ни капли крови, ни единой жертвы! А до тѣхъ поръ живи и рости, моя дорогая! И да будетъ проклятъ всякій, кто станетъ прикрывать твои язвы, кто подъ личною чести и совѣсти захочетъ вернуть тебя во тьму изъ которой вывела тобя державная воля!

Въ самомъ Архангельскѣ существуетъ нѣсколько артелей: таковы: баластная, буяновая, шкивидорская, карбасная, горная, дрягильная. Городскіе мѣщане, участвующіе въ нихъ, получаютъ въ лѣто до сорока рублей, не болѣе. Зимою заработка нѣтъ вовсе. Вотъ что говоритъ человѣкъ, хорошо знакомый съ этими артелями: „если вы зайдете въ собраніе мѣщанской артели во время ея дувана, вы услышите тутъ и озлобленные споры, и брань, доходящую до драки. Увидите тутъ сборщиковъ податей отъ мѣщанской управы и кредиторовъ; не увидите только довольныхъ лицъ“. Во всѣхъ же этихъ артеляхъ староста значитъ все, самая артель—ничего. Въ собраніяхъ артелей извращается и здравый смыслъ, и право личности. Вся артель въ рукахъ старосты. Никто не смѣетъ и пикнуть. Всякій изъ сочленовъ понимаетъ хорошо, что откажи ему староста зимою въ помощи—несчастному грозитъ нищенство. Староста уже не „выборный“; это власть. Онъ на избравшую его артель смотритъ, какъ на почву, съ которой слѣдуетъ собрать какъ можно болѣе жатвы. Такъ, напримѣръ, въ уставѣ одной артели, старостѣ дано право штрафовать рабочаго; за ослушаніе, оказанное рабочимъ старостѣ, налагается наказаніе. Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможенъ

никакой контроль старосты; „чтобъ удержаться на своемъ мѣстѣ, старостѣ нужно заручиться поддержкой буянскаго управленія, а оно уже всегда можетъ произвести надлежащее давленіе на артель“.

Баластная артель, существующая въ Архангельскѣ для выгрузки баласта съ иностранныхъ судовъ, обязана своимъ сравнительнымъ благосостояніемъ тому, что въ ея дѣла, по уставу, имѣютъ право вмѣшиваться и ограждать произволъ старосты лица, облеченныя извѣстною властью. Еслибъ не это, то и здѣсь староста являлся бы безконтрольнымъ распорядителемъ судебъ артели. И теперь, при каждомъ разсчетѣ, только вмѣшательство полиціи удерживаетъ хищныя поползновенія артельнаго начальства, задавшагося цѣлью и невинность сохранить, и капиталъ пріобрѣсти. Заработки баластной артели значительнѣе всѣхъ прочихъ. Сверхъ того, здѣсь существуютъ артели при мѣстныхъ купеческихъ конторахъ; они спеціальныя, да и въ нихъ выгодно быть только старостою, а не членомъ артели, который, въ сущности, не что иное, какъ рабочій, батракъ старосты.

Въ Архангельскѣ есть нѣсколько обществъ и общественныхъ учрежденій, на дѣятельность которыхъ слѣдовало бы обратить вниманіе, и прежде всего на „общество архангельскихъ врачей“. Цѣль его весьма скромна: оно задалось сообщеніемъ интересныхъ медицинскихъ новостей и свѣдѣній, изученіемъ мѣстныхъ гигіеническихъ условій и облегченіемъ способовъ выписки лучшихъ русскихъ и заграничныхъ изданій, чтобъ успѣшнѣе слѣдить за развитіемъ медицинской науки. Членами общества и его корреспондентами могутъ быть всѣ врачи, ветеринары, аптекари и естествоиспытатели, живущіе въ Архангельской губерніи и внѣ ея. Впрочемъ, всѣ спеціалисты такого рода, работающіе въ другихъ мѣстахъ, избираются въ общество только въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ право на то за свои ученые труды. Общество собирается раза два или три въ мѣсяцъ, причемъ составляются протоколы такихъ засѣданій. Членскіе вносы доходятъ до 4 р. въ годъ. Протоколы пе-

чатаются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и бываютъ небезъинтересны; по крайней мѣрѣ, за послѣдніе годы было ими сообщено немало важныхъ данныхъ о положеніи народнаго здравія въ сѣверной полосѣ Россіи. Суммы общества состоятъ изъ денегъ, опредѣленныхъ для снабженія бѣдныхъ больныхъ даровыми лекарствами при пріютѣ св. Петра, гдѣ устроена больница для приходящихъ, изъ суммъ, отчисленныхъ на выписку книгъ, журналовъ, инструментовъ и апаратовъ и изъ суммъ вспомогательной медицинской кассы. Число членовъ этого общества и средства его незначительны; но это потому, что во всей вообще Архангельской губерніи существуетъ не болѣе восьми врачей, да и тѣ всѣ въ губернскомъ городѣ. Еще не такъ давно общество постановило единогласно, чтобъ всѣ вообще члены его, т. е. всѣ наличные медики вели постоянные списки своимъ больнымъ, съ указаніемъ ихъ болѣзней, а это, въ свою очередь, поведетъ къ интересныхъ статистическимъ выводамъ, когда, по окончаніи года, списки будутъ представлены обществу для ихъ совмѣстнаго разсмотрѣнія. Желательно было бы, чтобъ врачи другихъ городовъ послѣдовали этому благому примѣру и тѣмъ обогатили нашу врачебную статистику, которая едва-ли не бѣднѣе фактами и данными статистики народонаселенія, преступленій и тому под. Потомъ уже я слышалъ, что въ обществѣ явилась мысль о необходимости расширить свою дѣятельность и придать ей болѣе практическое значеніе введеніемъ новаго устава, по которому каждый, желающій пользоваться врачебною помощью, платитъ опредѣленную небольшую сумму въ кассу общества и получаетъ право требовать кого ему угодно изъ членовъ кружка. Насколько удобно будетъ введеніе такого порядка,—укажутъ послѣдствія, во всякомъ случаѣ, за нимъ нужно признать ту заслугу, что онъ представляетъ значительныя выгоды для небогатыхъ людей, а вовсе бѣднымъ даетъ возможность пользоваться постоянною безплатною помощью. Пожалуй, еще „обществу архангельскихъ врачей“ можно поставить въ упрекъ, что ими до сихъ поръ

не составлено „наставленія для пользованія безъ медика специфическихъ мѣстныхъ болѣзней“—наставленія, которое, будучи написано вполнѣ народнымъ языкомъ, принесло бы громадную пользу тѣмъ тысячеверстнымъ дебрямъ и захолустьямъ Архангельской Губерніи, гдѣ, несмотря на значительную населенность (Запечерскій Край, Пинежскій Уѣздъ, Кемскій и Кольскій), нѣтъ, да, по всей вѣроятности, долго еще не будетъ постоянныхъ врачей, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ въ одной изъ прежнихъ главъ. Съ изданіемъ такой книги и съ устройствомъ въ центральныхъ селахъ этихъ захолустій аптечекъ существующій недостатокъ врачебной помощи былъ бы хотя отчасти восполненъ. Потомъ необходимо также отмѣтить и то, что, тщательно изучая мѣстныя специфическія болѣзни, члены „общества“ недостаточно разработываютъ вопросы о санитарномъ положеніи окраинъ губерніи, гдѣ лѣтомъ скопляются тысячи промышленниковъ. Они же могли бы составить и правила, руководствуясь которыми, новоземельскій промышленникъ, охотникъ и рыболовъ могли бы избѣжать скорбута. Впрочемъ, все это зависитъ отъ расширенія средствъ общества, которыя, напримѣръ, еще недавно представляли фондъ всего въ 300 р., а на такую сумму мало можно сдѣлать полезнаго, особенно въ такой равнодушной къ общественному благу средѣ, какова архангельская, гдѣ и крупные капиталисты относятся совершенно индеферентно ко всевозможнымъ обществамъ, общественнымъ интересамъ и вопросамъ. Съ существованіемъ описываемаго учрежденія тѣсно связана лечебница для приходящихъ больныхъ въ Архангельскѣ. Цѣль ея: подавать пособіе больнымъ, неимѣющимъ возможности пользоваться больничнымъ леченіемъ, а также и въ несчастныхъ случаяхъ, нетерпящихъ оглагательства, доставить способъ неимущимъ получать лекарство даромъ. Лечебница эта открыта женскимъ попечительнымъ о бѣдныхъ обществомъ, при находящемся въ его вѣдѣніи пріютѣ св. Петра. Для усиленія средствъ лечебницы, съ людей неособенно бѣдныхъ взимается за полученіе обычнаго врачебнаго

совѣта съ рецептомъ 10 к., а за операцію 25 коп. Медики, присутствующіе здѣсь, не получаютъ ничего. Цифра посѣщеній больными доходитъ до 2,000 въ годъ, а самыхъ больныхъ до 500 человѣкъ. Какъ равнодушно архангельское общество къ такимъ учрежденіямъ, видно, напримѣръ, изъ того, что, въ 1869 году, въ пользу этой лечебницы поступило лишь 10 руб., а въ остальные годы и еще менѣе!

Мы, вообще, не тароваты. Такъ, напримѣръ, въ печатномъ отчетѣ архангельской публичной библіотеки, въ особо заведенной графѣ пожертвованій, значится только шесть копеекъ, поступившихъ отъ какого-то великодушнаго чиновника Мелетьева. Какъ хотите, а это кидаетъ нѣкоторый свѣтъ на складъ города. Равнодушіе къ своимъ общественнымъ учрежденіямъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ среда еще не доросла до этихъ учрежденій, гдѣ гражданственность развита весьма мало, а духъ кастъ преобладаетъ надъ всѣми благородными интересами. Жалко то общество, гдѣ интересы науки и образованія оцѣниваются шестью копѣйками случайнаго пожертвованія! Или мы уже до того привыкли къ опекѣ, что своимъ умомъ не можемъ дойти даже до сознанія необходимости частнаго почина въ такихъ благихъ начинаніяхъ. Впрочемъ, нужно упомянуть, что городская дума лучше отнеслась къ этому и на содержаніе библіотеки выдаетъ ежегодно 300 р.

Съ нѣкотораго времени здѣсь образовалось дамское благотворительное общество, которымъ завѣдываютъ предсѣдательница и попечительницы. Каждая попечительница имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи отдѣльный участокъ, которыхъ считается двѣнадцать; сверхъ того, въ обществѣ есть сотрудницы. Дѣлами общества завѣдываетъ комитетъ. Средства этого учрежденія состоятъ изъ взносовъ членовъ по пяти рублей, предсѣдательница и попечительницы платятъ по десяти руб. Капиталъ общества 7,944 руб. Особенное значеніе имѣетъ выдача обществомъ постоянныхъ ежемѣсячныхъ вспомоществованій отъ 1 до 3 р., по большей части женщинамъ. Такія ежемѣсячныя субсидіи выдаетъ и городская управа, тратящая на этотъ

предметъ, отдѣльно отъ благотворительнаго общества, около 6,000 рублей. Дѣятельность общества является вполнѣ благодарною и производительною въ средѣ дѣтей, для которыхъ общество устроило пріютъ св. Петра, кузнечевское дневное убѣжище и колыбельню. Пріютъ св. Петра помѣщается въ большомъ и хорошо устроенномъ домѣ, при которомъ находится и дѣтская больница. Въ пріютѣ воспитывается до 100 дѣвочекъ и мальчиковъ отъ, 6 до 16 лѣтъ включительно. Первыхъ учатъ рукодѣлью, вторыхъ ремесламъ и какъ тѣмъ, такъ и другимъ преподаютъ всѣ предметы, входящіе въ программу уѣздныхъ училищъ, въ томъ же объемѣ, какъ и въ послѣднихъ. Завѣдываніе пріютомъ возложено на отдѣльную попечительницу, а хозяйственная часть на надзирательницу. Домъ для пріюта былъ пожертвованъ купцомъ Куйкинымъ, уже умершимъ, имя котораго связано почти со всѣми благотворительными учрежденіями Архангельска. Кузнечевское убѣжище первоначально было дневнымъ. Имѣя въ виду, что большая часть просящихъ милостыню дѣтей живетъ въ семействахъ, слѣдовательно, не нуждается въ ночлегѣ, основательница его, Л. К. Заранекъ, открыла убѣжище съ цѣлью дать имъ пріютъ въ теченіи дня, кормить ихъ въ немъ, учить кое-чему и, такимъ образомъ, отвлекать отъ нищеты. Впослѣдствіи кузнечевское убѣжище, благодаря почину попечительнаго общества, обратилось въ постоянное, и въ настоящее время въ немъ уже призрѣвается до 20 дѣтей, причемъ всѣмъ имъ преподаются ремесла. Сверхъ того, въ Архангельскѣ тѣмъ же обществомъ каждое лѣто устроиваются два колыбельные пріюта, въ которыхъ женщины, живущія поденною работою, могутъ оставлять на цѣлый день своихъ грудныхъ дѣтей.

Кромѣ попечительнаго женскаго общества, въ Архангельскѣ еще существуетъ губернское попечительство, въ завѣдываніи котораго находятся два пріюта — константиновскій и архангельскій. Въ первомъ призрѣвается до 100, во второмъ до 70 дѣтей. Средства этихъ пріютовъ не зависятъ отъ жен-

скаго благотворительнаго общества. Такимъ образомъ, существуютъ рядомъ три благотворительныя учрежденія: женское общество, губернское попечительство и благотворительная касса городской управы.

Говоря объ обществахъ, существующихъ въ Архангельскѣ, нельзя умолчать объ обществѣ архангельскихъ охотниковъ, учрежденномъ при коммерческомъ собраніи. Цѣль этого общества—„распостраненіе въ Архангельской губерніи улучшенныхъ способовъ охоты и хорощей породы собакъ, истребленіе хищныхъ звѣрей, распространеніе между любителями охоты, а главное, между крестьянами, усовершенствованныхъ ружей, и, наконецъ, описаніе губерніи въ орнилогическомъ и зоологическомъ отношеніяхъ“. Къ сожалѣнію, гг. охотники нетолько не описываютъ губерніи въ зоологическомъ и орнитологическомъ отношеніяхъ, но и хищныхъ звѣрей преслѣдуютъ лишь въ окрестностяхъ Архангельска, да и то, когда звѣрь самъ покажется на глаза кому-нибудь изъ охотниковъ. Общество охотниковъ состоитъ изъ членовъ-охотниковъ, членовъ-любителей и иногородныхъ членовъ. Членъ-охотникъ вноситъ 12 р., членъ-любитель 6 р., а иногородный 5 р. Въ администраціи общества числится, между прочимъ, редакторъ несуществующихъ записокъ и небывалыхъ еще описаній, на обязанности котораго лежитъ просматриваніе статей (?!) членовъ, приготовляемыхъ для напечатанія въ столичныхъ изданіяхъ или въ трудахъ мѣстнаго статистическаго комитета. Въ уставѣ соединеннаго клуба также есть указаніе, что одною изъ цѣлей его служитъ устройство публичныхъ бесѣдъ и чтеній; но, увы! члены клуба до сихъ поръ еще ни разу не назидались такими бесѣдами и чтеніями.

VI. Поѣздка на лѣсопильные заводы.

Мы въ Архангельскѣ были еще вновнѣ. Осмотрѣвъ городъ, намъ хотѣлось увидѣть его, прелестныя лѣтомъ, окрестности,

заводы и крѣпость. Выбравъ теплое утро, мы наняли извощика, принявшаго насъ за англійскихъ кептейновъ, во множествѣ являющихся сюда во время навигаціи. Онъ заговорилъ съ нами по англійски.

— Ты гдѣ это научился коверкать языкъ Шекспира и Байрона? остановилъ его мой товарищъ.

— Мы съ измалѣтства къ этому пріобыкли, потому этихъ каптиновъ страсть что перевозимъ кажное лѣто. Они очень это любятъ; ему за первый сортъ, ежели по ихнему... Сейчасъ тебѣ шилингъ на чай... только говори съ нимъ поаккуратнѣй.

— Поаккуратнѣй?

— Да. Они наше охаверство не очень уважаютъ. Сейчасъ— слѣзъ и пошелъ прочь. Что говорить! Народъ обходительный, особливо когда пьянъ...

— Однако подгони-ко лошадку...

— Однова этотъ каптинъ меня къ себѣ на карапь звалъ. Счасъ ейную водку на столъ и прочее угощеніе, какъ по ихнему закону полагается. Однако я тогда довольно хорошо натрескался. Ночью, слышь, въ части окно вышибъ, потому въ полицу попалъ. Дорого мнѣ это угощеніе стало. Сраму одного сколько, на другой день съ фараонами выгнали улицу мести... Н-н-у, подлая! Чего у кабака стала? Ишь, каторжная, точно человѣкъ... понимаетъ!.. А что, господа, я полагаю супротивъ нашего Архангельска города не найтить?...

— Почему?

— Потому у насъ ровно... Просторъ. Гладкость эта. Ни тебѣ оврага, ни тебѣ пригорка... Опять же насчетъ ѣздока. Ѣздокъ у насъ лѣтомъ—первый сортъ. Полтину спросишь—слова не скажетъ. Нашъ ѣздокъ любитъ, чтобы поговорить съ нимъ, потому онъ, извѣстное дѣло, баринъ, человѣкъ глупый, ну ты его наставь. Разскажи ему про все. За это самое на чай жертвуютъ, за наставленіе значитъ. У насъ ѣздокъ хорошъ! рѣшительно проговорилъ онъ и погналъ лошаденку.—Вотъ, примѣрно, взмахнулъ онъ кнутомъ направо, на какую-то черненькую и грязненькую слободку,—вотъ примѣрно — Кузне-

чика. А почему она Кузнечиха? Потому что въ ней народъ голый, запивоха народъ... прощеколда. Ну и части ей мало. Какой это народъ—ни поддевки на емъ, ни сапогъ... Самый необходительный народъ—поэтому и прозывается она Кузнечихой. А таперчи проѣхали мы Нѣмецкую слободу—ей честь большая супротивъ прочаго; тамъ живетъ ѣздокъ хорошій.. А въ Кузнечихѣ поди и ѣздока нѣтъ.

— Кто же у васъ въ Нѣмецкой слободѣ живетъ?

— Иностранецъ тамъ пребываетъ. Иностранные люди. У нихъ и родители нѣмцами были... Чего тутъ!... Онъ въ свою кирку ходитъ и все значитъ тамъ въ книжку читаетъ, Попъ евоный свое, а енъ свое... Одначе, у нѣмца ноги тонки! неожиданно заключилъ онъ.

Что это за жалкое мѣсто—Кузнечиха! Послѣ чистенькаго, опрятнаго Архангельска, эта часть его показалась намъ какимъ-то гнѣздомъ нищеты и убожества: кривыя улицы, узкіе переулки, деревянные домишки, покосившіеся, потрескавшіеся, похожіе на физіономію пьянаго забулдыги, сплошь усѣянную синяками и шрамами. Длинные заборы, за которыми скрываются черные пустыри, хижинки въ два и одно окно. Невольно думалось намъ: какъ скверно, должно быть, живется тутъ людямъ! Какъ непріютна, холодна ихъ обстановка! Вотъ выползла изъ какой-то избушки-землянки, старушонка, едва отличаемая отъ тряпокъ, въ которыя она завернута. Что это за необыкновенныя лохмотья, что за ужасныя морщины! Каждая какъ будто проведена цѣлыми годами страданій. Безнадежно на безкровномъ лицѣ глядятъ тусклые глаза, костлявая синяя рука тянется къ намъ за подаяніемъ.

— Ты тутъ и живешь, старушка?

— Тутъ и живу... Д о м ъ у меня то свой... Жилеца пускаю. Хижина была всего въ одно окно.

— Гдѣ же у тебя жилецъ живетъ?..

— А въ горницѣ. Печка значитъ — моя, а окно—евоное. Такъ и живемъ.

— Чай, плохо приходится?

— Плохо, родимый, плохо. Колибъ не свинья—совсѣмъ бы пропасть надо.

— Какая свинья?

— Асвиньей я живу, кормилецъ свиньей. Свинья у меня такая есть, давно ужь у меня живетъ. Свинья-то мнѣ поросятъ носитъ. И такіе-ли ладные поросята!.. Хорошая у меня свинья-то... Красавушка! Нѣмцу въ городъ поросятъ я продаю...

Мы ей подали. Старуха просіяла. Она не знала чѣмъ угодить намъ, наконецъ предложила посмотрѣть свинью. Мы отказались, но попросили позволенія посмотрѣть, какъ она живетъ. „Голо живу, батюшко, а пожалуй, иди, смотри!“ Въ низенькую дверцу, согнувшись въ три погибели, вошли мы. Весь домъ состоялъ только изъ сѣней, одинъ бокъ которыхъ раскололся, давая снѣгу, вѣтру и дождю свободный доступъ внутрь жилья,—да изъ небольшой, шаговъ въ пять, комнатки. Крыша надъ сѣнями была разобрана на дрова. Въ горницѣ все смотрѣло жалко, пусто, грязно. Какое-то трепьё висѣло наверху; худая, костлявая, почти одичавшая отъ голоду кошка шмыгнула при нашемъ появленіи въ уголъ и распушила хвостъ,злобно оскаливаясь на непрошенныхъ посѣтителей. У окна сидѣлъ старикъ, искривленный желтый, лысый, чиня единственную рубаху и оставаясь поэтому въ костюмѣ нашихъ прародителей. Онъ быстро накинулъ на себя, что-то невозможное, дырявое, изношенное, ни чуть не прикрывавшее худаго, узлами да синими подтеками испещреннаго тѣла... Мы раскланялись.

— Не сумлевайся, Иванъ Федоровичъ! успокоила его старуха. Два пятіалтынныхъ они мнѣ пожертвовали. Какъ живемъ, любопытствуютъ.

Старикъ робко взглянулъ на насъ и забился въ уголъ.

— Сколько вамъ лѣтъ, дѣдушко?...

— Чего-съ... я помилуйте... не причемъ... это точно, что живу здѣсь... а тольки... насчетъ чего другаго.

— Сколько лѣтъ тебѣ? крикнула старуха.

— А! Господь вѣдаетъ... Опомнился старикъ... Господь...

— Чѣмъ онъ занимается?

— А комитетъ помогаетъ... Дамы тутъ есть... Милостыньку проситъ... Поколѣетъ скоро, поди...

— Это точно что пора!... оживился вдругъ старикъ. Чужой вѣкъ заживаю... Обидно... довольно обидно... Каждый разъ, какъ ложусь—думаю: авось завтра Господь смерть пошлетъ. А все живехонекъ.

— Онъ—образованный... сообщила намъ старуха.

— Молчи, Феклиста!... Мало ли что въ старые годы было... Мы и по французскому пѣсни пѣли.

И старикъ самодовольно запѣлъ и усмѣхнулся. Дребезжавшій голосъ пѣлъ намъ о любви, о жизни, о свѣтѣ въ этой могилѣ, въ этомъ зачумленномъ углу нищеты и страданій.

— Да-съ, всего было... Всего, и хорошаго и дурнаго видѣлъ... Я изъ чиновниковъ, изъ крапивнаго сѣмени—изволите знать? изъ старыхъ чиновниковъ.

— Они и прошенія пишутъ! видимо хвасталась старуха своимъ жильцомъ, какъ единственнымъ достояніемъ, принадлежащимъ лично ей.

— Это точно, что для пропитанія.

Мы вышли.

— А свинью посмотрѣть не желаете?... Такая-ли красавушка у меня—свинья-то! напутствовала насъ старуха.

— Вотъ и понятіе о красотѣ! изумился мой товарищъ.

— Какого еще доказательства, что красота—условна? замѣтилъ я ему.

— А въ вашей сторонѣ нѣмецъ есть? неожиданно обратился ко мнѣ извощикъ.

— Есть...

— Нѣмецъ вездѣ живетъ, потому ему водъ! утверждалъ онъ, спускаясь внизъ къ мосту, соединяющему городъ съ знаменитой Соломбалой, гдѣ еще недавно были и верфи и гдѣ теперь нѣтъ ничего, кромѣ кабаковъ да арестантовъ, вслѣдствіе упраздненія военнаго порта, событія, пагубно отозвавшагося на Архангельскѣ вообще, а на Соломбалѣ въ особенности!

— Нѣмецъ поди и человѣка можетъ сдѣлать?

— Ну, человѣка-то и ты сдѣлаешь пожалуй, острилъ мой товарищъ.

— Нѣтъ, ты этого не говори. Нѣмецъ все можетъ. Потому самъ я видѣлъ своимъ глазамъ, какъ нѣмецъ шкилетъ покупалъ. А зачѣмъ нѣмцу шкилетъ — чтобъ человѣка сдѣлать... А вотъ самовара нѣмецъ не можетъ, радостно вспомнилъ онъ, снова полуоборачиваясь къ намъ... Самоваръ русскій выдумалъ. Его тулякъ дѣлаетъ... У насъ нѣмецъ онагдысь холеру по вѣтру пущалъ.

— Гдѣ-жъ это?

— А на каланчѣ пущалъ. Съ трубкой значитъ. Возьметъ это наведетъ на звѣзды и считаетъ. Сколь сосчитаетъ—столь и народу помретъ, потому у кажиннаго человѣка—свой анделъ и своя звѣзда. Ему, нѣмцу, отъ начальства такое приказаніе, значитъ, вышло. Онъ должонъ сполнять. Много бы у насъ и народа померло, да вишь начальство смиловалось по штафетѣ, ну и ослобонили.

Впрочемъ, лѣтомъ Соломбала оживленнѣе города. Въ это время, чуть ли не въ каждой ея улицѣ открываются трактиры и харчевни для матросовъ съ иностранныхъ кораблей, посѣщающихъ сотнями мѣстную гавань.

Къ самой набережной привалили сотни торговыхъ судовъ и пароходовъ, грузившихся ссыпными и льняными товарами. Тутъ были и безобразные англійскіе угольщики, и превосходные ливерпульскіе и гульскіе парусники, и разныя засаленныя и прокопченныя Анжелики, Агнесы, Амаліи и Маргариты изъ Гамбурга, Любека, Киля. Большая часть ихъ трехмачтовики. Тутъ же встрѣчались суда и пароходы изъ Лондона, Глочестера, Бристоля, Плимута, Шотландіи, Амстердама, Роттердама, Грюнингена, Антверпена, Бордо, Дюнкирхена, Марсейля, Гавра, Генуи, даже изъ Туниса и Бостона. Толпы народа двигались по направленію къ нимъ и обратно. Посрединѣ гавани нѣсколько пароходовъ грузилось прямо изъ неуклюжихъ карапузыхъ барокъ. Два военные корвета „Самоѣдъ" и „Полярная звѣзда", стояли тутъ же на неподвижномъ зеркалѣ Мурманскаго устья С. Двины.

Мы быстро миновали ихъ—и скоро, оставивъ за собою городъ, выѣхали въ пустынныя и безлюдныя окрестности.

Отсюда вплоть до Маймакскихъ лѣсопильныхъ заводовъ начиналась и шла весьма порядочная дорога, едва ли существующая въ другомъ мѣстѣ. Представьте себѣ деревянный тротуаръ сажени въ двѣ шириною и на нѣсколько верстъ длины; этотъ путь устроенъ хозяевами лѣсопильныхъ заводовъ, вѣроятно изъ забракованныхъ досокъ. Русскій человѣкъ эти же самыя доски или спалилъ бы, или бросилъ безъ всякаго употребленія. По этой скатерти, какъ по полотну желѣзной дороги, мы ѣхали безъ тряски, покойно и быстро, оглядывая однообразныя зеленыя глади съ черными кучами выжженнаго каменнаго угля и шлака, который выбрасываютъ сюда. Безоблачное небо, не смотря на половину августа, палило какъ въ серединѣ лѣта. Откуда-то доносилась пѣсня, своими едва уловимыми тонами вызывая въ душѣ какую-то безпредметную, безпричинную тоску.

Извощикъ тоже поддался этому впечатлѣнію и молча подгонялъ лошадь. Впрочемъ, мой товарищъ оказался человѣкомъ въ этомъ отношеніи неподатливымъ.

— Что за скука! Ну, а каковъ ѣздокъ въ Соломбалѣ? обратился онъ къ возницѣ. Тотъ воспрянулъ, какъ кавалерійская лошадь, почуявшая сигнальную трубу.

— Въ Соломбалѣ—ѣздокъ перемѣнный. Зимой въ Соломбалѣ ѣздокъ плохой, ну, а лѣтомъ—основательный ѣздокъ бываетъ, особливо когда ему потрафляешь. Съ Соломбальскимъ ѣздокомъ — ходи опасно. Потому онъ ѣздокъ горячій, сумнительный, а на счетъ расплаты—первый сортъ.

— Скучно, поди, здѣсь зимою.

— Скучно, что говорить. Зимою здѣшнія мѣщанки изъ легонькихъ—хоть милостыню проси. Оно и въ пѣснѣ про нихъ поется: Соломбальски бабы модны, цѣлый день сидятъ голодны. За то лѣтомъ аршина на три хвостъ по улицѣ распускаютъ.

Наконецъ, прямо противъ насъ показалось какое-то кирпичное строеніе. Не то фабрика, не то заводъ.

— Это что?

— А это купца Бранта лѣсопильня.

— Осмотрѣть ее можно?

— Допущаютъ, потому антиресно. Тамъ пружина дѣвствуетъ. Здор-рово она эти дрова жретъ.

Мы вышли; въ заводъ вели два входа — одинъ внизу къ печи, въ три жерла, надъ которыми устроены указатели степени жара. Котлы только что начали растапливать. Вверху рабочихъ не было вовсе.

— Что у васъ работы вовсе нѣтъ сегодня? Спросилъ я у господина, подозрительно поглядывавшаго на насъ.

— Мой непонмайтъ...

Наконецъ мы столковались съ нимъ по нѣмецки. Оказалось, что на заводѣ перемѣнной артѣли нѣтъ—работаетъ одна артель.

— Вотъ въ Маймаксу поѣдете, тамъ работа безсмѣнная, и день и ночь. А у насъ дѣло только въ началѣ.

— Значитъ у васъ и смотрѣть нечего?

— Пока нечего.

Брантъ — коренная архангельская фирма. Отецъ ея настоящаго представителя былъ одинъ изъ предпріимчивѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей на русскомъ сѣверѣ. Такъ, онъ нѣсколько разъ снаряжалъ экспедицію на Новую Землю, помогъ академику Гофману изслѣдовать наше Запечорье и самъ вмѣстѣ съ нимъ шатался въ глуши этого дикаго края. Онъ организовалъ первую колонію на Мурманѣ, устроилъ въ Архангельскѣ сахарный заводъ, громадное зданіе котораго поражаетъ и теперь своею запущенностью и пустотою. Тамъ нынче не производится никакихъ работъ и только изрѣдка въ немъ просушивается подмоченный ленъ. Нынѣшній представитель фирмы не напоминаетъ отца. Теперь вся дѣятельность фирмы Бранта заключается въ отпускѣ черезъ Архангельскъ ссыпныхъ и

льняныхъ товаровъ, да въ такомъ же отпускѣ черезъ Петербургъ и Ригу...

Наконецъ, мы поѣхали по спуску къ рѣкѣ. На противуположной сторонѣ ея рукава тянулись грамадныя строенія Маймаксы, этого втораго города, кипящаго дѣятельностью и во всякомъ случаѣ болѣе оживленнаго, чѣмъ тихій, пустой Архангельскъ.

Перевозчика не оказалось. Прямо передъ нами медленно тянется по рѣкѣ какая-то неуклюжая, грубо выстроенная лодья, должно быть временъ троглодитовъ или эпохи свайныхъ построекъ. Воображеніе такъ и рисовало на ней первобытнаго человѣка съ каменнымъ топоромъ въ рукахъ, одѣтаго въ звѣриныя шкуры. Оказалось, что на этихъ ковчегахъ, уступающихъ своему библейскому образцу только въ величинѣ, перевозятъ въ городъ песокъ. Пользуясь близостью разстоянія и медленностію хода этого рѣчнаго чудовища, я завелъ съ его экипажемъ, состоявшимъ изъ одного матроса (онъ же и капитанъ судна), разговоръ... „Откуда лодьи эти“?

— Изъ задвенныхъ деревень. Песокъ возимъ.

— Много-ль его помѣстится въ посудинѣ этой?

— Въ карбасикѣ-то, что-ль? Рублей на десять заразъ.

— Сколько же доходу очистится за все лѣто?

— Рублевъ шестьдесятъ, а то всѣ семьдесятъ чистыхъ. Только и есть заработку у насъ.

— А долго-ли судно это служитъ?

— Годковъ пятнадцать, если крѣпко, постоитъ. На постройку его рублевъ полтораста сойдетъ...

И ноевъ ковчегъ повернулъ за уголъ.

— Пе-ре-воз-чикъ! оралъ возница, надсаждая грудь.

— Че-его! пронеслось съ противуположнаго берега.

— Подавай кар-басъ... Инирала везу!... для пущаго эффекта импровизировалъ первый, снабжая все это трехъ-этажными фразами.

— Лад-но не по-ко-лѣ-ете!... донеслось оттуда. И генералъ, какъ видите, не помогъ.

— Дды я и-н-ира-ла ви-зу... Чо-о-ртъ!...

— Хоть самого фартальнаго!... Наконецъ черная точка отдѣлилась отъ набережной Маймаксы и минутъ черезъ пять карбасъ причалилъ къ намъ.

— Иде инiралъ?...

— А что, испугался?

— Мы инiралами не то, чтобъ очень напуганы. Не опасаемся!... У насъ тутъ свой инiралъ—Карла Карлычъ есть.

Всѣмъ разомъ переѣхать оказалось невозможно. Сначала перебрались мы, потомъ перевезли дрожки и наконецъ лошадь. Все это заняло болѣе трехъ часовъ, въ теченiи которыхъ мы шатались по заводамъ.

Маймакса—это груда деревянныхъ строенiй, состоящихъ изъ заводовъ, домовъ для рабочихъ, маленькихъ и кокетливыхъ котеджей нѣмецкихъ-заводскихъ „чиновниковъ", амбаровъ, кладовыхъ, навѣсовъ, старыхъ и нынѣ-брошенныхъ заводовъ и еще Богъ знаетъ какихъ зданiй. Все это занимаетъ цѣлый островъ р. С. Двины, все это перемѣшано, вездѣ кипитъ толчея практической дѣятельности, вездѣ снуютъ лошади съ досками, распиленными на заводѣ и сваливаемыми подъ навѣсы, откуда, въ свою очередь, ихъ сгружаютъ на суда для отправки за границу. Вездѣ—грохотъ, свистъ машинъ, говоръ сотень народа, куда-то идущаго, откуда-то выходящаго. Вездѣ бьются невидимые пульсы, вездѣ по незримымъ артерiямъ разливается горячая кровь дѣятельнаго организма. Мы даже растерялись отъ всего этого шуму и гомону, отъ всей этой суеты и движенiя. Какъ-то озадачивала эта жизнь рядомъ съ безлюднымъ Архангельскомъ.

Здѣсь нѣсколько заводовъ. По такому же, какъ и у Бранта, косому перекату мы поднялись, вошли подъ громадный навѣсъ White Sea C° и остановились, буквально оглушенные и пораженные. Какой-то рѣзкiй, пронзительный свистъ билъ въ одно ухо, громкое звяканье цѣпи и гулкiй шумъ распиловочной рамы—въ другое. Въ глазахъ мѣшались толпы рабочаго люда, снующаго взадъ и впередъ, запыхавшагося, заморенного на

работѣ, кричащаго и ухитряющагося переговариваться въ этомъ адскомъ шумѣ.

Тутъ были и взрослые, и дѣти. Всякій дѣлалъ свое дѣло. Надсмотрщикъ въ вязанномъ шарфѣ,—вѣроятно, знакъ болѣе высокаго соціальнаго положенія, покрикивалъ на рабочихъ, забѣгая то вправо, то влѣво. Спустя нѣсколько минутъ, мы разглядѣли въ чемъ самая суть производства, по крайней мѣрѣ кажущаяся, бьющая въ глаза. Громадная цѣпь влачила нѣсколько колосальныхъ и толстыхъ бревенъ (и какіе великолѣпные лѣсные гиганты были срублены на это!), движимая въ горизонтальномъ направленіи машиною. Бревна придерживались крюками. Передовое бревно, у задняго конца котораго на одновременно движущейся платформѣ стоитъ рабочій, подходитъ къ рамѣ, въ которой вертикально дѣйствуютъ въ обратномъ одна другой направленіи три пилы. Главное вниманіе рабочаго направлено на то, чтобы бревно шло совершенно ровно, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Входя въ раму и подвигаясь по ней, оно распиливается на четыре продольныя части во всю его длину. Двѣ изъ нихъ, среднія, ровныя и толстыя, обработываются окончательно вправо отъ главной рамы, колесообразною пилою, срѣзывающей два еще нетронутые бока доски. Остающіяся за тѣмъ еще двѣ доски, если онѣ достаточно толсты, обработываются тутъ же. Въ противномъ случаѣ, т. е., если онѣ тонки и плохи, ихъ мальчишки тутъ же сбрасываютъ за окно, гдѣ ими растапливаютъ машинную паровую печь Готовыя доски складываются на двухколесные козлы—и здоровыми, сытыми лошадками, верхомъ на которыхъ сидятъ бойкіе мальчуганы, доставляются въ склады.

— Сколько вы получаете за работу? обратился я къ надзирателю.

— Мало.

— А именно?

— Да вонъ—ребята, указалъ онъ на четырнадцати и пятнадцатилѣтнихъ подростковъ,—получаютъ отъ 6 до 8 рублей

въ мѣсяцъ, а взрослые рабочіе по 40 к. въ день, круглый годъ, на своихъ харчахъ.

— Сколько часовъ вамъ приходится работать въ день, если вычесть отдыхъ?...

— А по двѣнадцати. Изъ объясненій надсмотрщика я узналъ, что рабочіе раздѣляются на двѣ артели. Каждая изъ нихъ работаетъ въ теченіи сутокъ по 12 часовъ. Смѣняются онѣ черезъ шесть часовъ. Такъ, въ шесть часовъ утра, напр., идетъ первая артель и работаетъ до двѣнадцати, въ двѣнадцать идетъ вторая и работаетъ до шести, въ 6 идетъ вновь первая и работаетъ до 12 ночи; въ 12 ночи приходитъ опять вторая и работаетъ до шести утра, т. е. работа идетъ кругомъ всѣ сутки. Праздниковъ нѣтъ. Трудъ здѣсь требуетъ особеннаго напряженія силъ и вниманія, почему долженъ быть признанъ въ высшей степени утомительнымъ, а плата за него—несообразною съ дѣйствительнымъ количествомъ затрачиваемой работы. Поэтому жалобы рабочихъ на ничтожность вознагражденія—вполнѣ основательны; но такъ какъ всѣ заводы дѣйствуютъ солидарно, то здѣсь и нѣтъ конкурренціи, благодѣтельной для рабочаго, имѣющаго возможность выбирать, гдѣ для него повыгоднѣе. Поневолѣ и продавай свои силы за безцѣнокъ, за возможность только не умереть съ голода, да уплатить подать.

Вдоволь надышавшись здоровымъ смолистымъ воздухомъ, мы вышли вонъ, невольно удивляясь кучамъ мусора и опилокъ, валявшихся повсюду. Мнѣ кажется, что съ извѣстными приспособленіями и опилки могли бы не пропадать безслѣдно. Изъ нихъ стоило бы только приготовлять кирпичи, для отопленія тѣхъ же паровыхъ печей. Раздумывая объ этомъ, вошли мы во второе отдѣленіе завода, гдѣ находилась собственно машина. Тутъ была относительная тишина. Только изъ помѣщенія рядомъ доносился свистъ и грохотъ производства. Температура была весьма высока, въ ней трудно казалось выдержать и двадцать минутъ, которыя мы провели здѣсь. Кажется, что термометръ показывалъ выше 30°, не выдаемъ, впрочемъ, за вѣрное.

Здѣсь мы встрѣтили русскаго машиниста. На заводахъ такого рода машинистами бываютъ обыкновенно нѣмцы; тутъ, напротивъ, передъ нами стоялъ здоровый, сильный крестьянинъ съ открытымъ, умнымъ лицомъ, внимательно слѣдившій за механизмомъ завода. Оказалось, что и другой, смѣняющій его, крестьянинъ тоже... Но зато какая ничтожная плата дается имъ! Иностранецъ на такомъ же мѣстѣ получалъ бы 80—90 р. въ мѣсяцъ, русскій получаетъ лишь 15 р.,—жалкихъ 15 р., которыми онъ долженъ быть сытъ и одѣтъ; ихъ должно хватить и на подати и на его семейство. А у машиниста, видѣннаго нами, семья оказывалась далеко не малочисленной. Иностранцы всегда поступаютъ такимъ образомъ. Они въ исключительномъ случаѣ пожалуй и возьмутъ русскаго, но будутъ держать его въ черномъ тѣлѣ.

Мы вышли вонъ и отправились бродить по Маймаксѣ. На каждомъ шагу красовались англійскія и нѣмецкія названія конторъ, повсюду порусски изображалось: „здѣсь воспрещается курить“. Не вдалекѣ отъ завода и пристани привалило и грузилось поморское судно.

— Откуда?

— Изъ Сумы.

— А судно чье?

— Антонова. Лѣсомъ грузимся, рогожу беремъ, дранки тутъ же.

— Дорого-ли берутъ съ васъ?

— Хозяинъ про то знаетъ. Должно—дорого, потому третій день себѣ затылокъ чешетъ. Вонъ въ городѣ канатовъ купили, припасу разнаго. У хозяина въ селѣ лавки свои, ну такъ про запасъ значитъ.

Пошли дальше; по обѣимъ сторонамъ уложенной досками дороги тянулись амбары, склады и кладовыя. Дома для рабочихъ виднѣлись вдали. Хотѣли мы зайдти туда, да это оказалось невозможнымъ—по какимъ причинамъ—не знаю. Также запрещенъ входъ въ складъ продовольственныхъ матеріаловъ, откуда, какъ говорятъ, товары отпускаются рабочимъ по сво-

ей цѣнѣ. Это существуетъ, впрочемъ, въ большинствѣ нѣмецкихъ заводовъ, и съ этого давно бы слѣдовало брать примѣръ русскимъ заводчикамъ, которые если и открываютъ лавки для своихъ рабочихъ, то дерутъ съ нихъ неимовѣрныя цѣны. Если мы не можемъ описать помѣщеній рабочихъ, то—вина не наша. И къ чему эта дикая система запрещеній! Хорошее-ли впечатлѣніе вынесетъ туристъ, если ему на каждомъ шагу толкуютъ: „Сюда нельзя-съ... А сюда, такъ тоже нельзя-съ... Мы бы съ нашимъ удовольствіемъ, но какъ значитъ наши хозяева"...

— Ну, а куда можно?—„А вотъ по улочкѣ погуляйте... По улочкѣ—мы этого не опасаемся"... И разговоръ конченъ.

Нѣмецъ хоть тѣмъ хорошъ, что не устроитъ кабака, гдѣ бы рабочій пропивалъ свой скудный заработокъ. Нашъ отечественный заводчикъ свой заводъ, какъ крѣпость бастіонами, окаймилъ бы питейными домами — у всѣхъ дорогъ, ходовъ и выходовъ насажалъ бы разныхъ „Развеселыхъ заведеній", „заведеній для прохлажденія" и тому подобныхъ. Въ примѣръ разнаго рода заводамъ слѣдовало бы поставить рабочія слободы въ Мюльгаузенѣ, по крайней мѣрѣ въ эпоху до нѣмецкаго раззоренія Эльзаса. Какая тамъ чистота и опрятность! Какое мудрое экономическое начало сквозитъ во всякой мелочи, во всякихъ пустякахъ! Сколько дешевостоющихъ и въ то же время красящихъ жизнь удобствъ! Путешественникъ ходитъ тамъ, какъ у себя дома. Ему нигдѣ не указываютъ на запреты. Захочется ли ему осмотрѣть садъ или домъ рабочаго, онъ осматриваетъ ихъ безпрепятственно. Полюбопытствуетъ ли онъ узнать, какъ устроены были и прачешныя,—ходи и гляди. Я не могу забыть, съ какимъ радушіемъ провожалъ меня одинъ старикъ рабочій всюду, куда мнѣ только хотѣлось заглянуть съ назойливою безцеремонностью истаго туриста. Въ Мюльгаузенѣ большая часть домовъ составляетъ уже собственность рабочихъ, въ 1853 году компаніею было выстроено до 600 котеджей—и $^3/_4$ изъ нихъ, то есть 400, въ 1868 году уже находились въ полномъ владѣніи исправныхъ и трезвыхъ тружениковъ, вносившихъ едино-

временно до 350 франковъ, а остальное выплачивавшихъ по мелочамъ. Мюльгаузенскія рабочія слободы всѣ потонули въ маленькихъ садикахъ. Чистые каменные тротуары, веселыя занавѣски на окнахъ, газовое освѣщеніе, школы, все это дышетъ порядкомъ и указываетъ на болѣе разумное соціальное устройство. Впрочемъ, то Мюльгаузенъ.

Лѣсъ у насъ не такъ дорогъ, какъ въ Танненвальдѣ; постройка просторныхъ избъ обошлась бы гораздо дешевле.

Впрочемъ, и то сказать, намъ двѣнадцати-часовой трудъ едва ли оставитъ время на обработку полей или садовъ!

Идя дальше, мы добрались до необитаемой части Маймаксы, гдѣ, повидимому, прежде кипѣла жизнь. Вездѣ тянулись оставленные заводы и ветхіе амбары. На крышѣ одного пустаго строенія красовались два бюста.

— Гёте и Шиллеръ... рѣшилъ безапеляціонно мой товарищъ.

— Полно врать! что за отношеніе между поэтомъ и лѣсопильнымъ заводомъ?

Бюсты такъ и остались загадкою.

Мы воротились. Оказалось, что лошадь все еще не перевезена; пришлось сѣсть у набережной и ждать. Погода была чудная. Солнце обливало рѣку и Маймаксу зноемъ и свѣтомъ. Только порою чуялось въ воздухѣ, что-то осеннее, какой-то легкій холодокъ, пріятно щекотавшій нервы, струившійся въ тепломъ воздухѣ и охватывавшій насъ жаждою дѣятельности, здоровымъ стремленіемъ къ кипучему и производительному труду.

Пока мы ждали лодки, къ намъ присосѣдился сторожъ заводовъ. Это былъ отставной боцманъ, дѣти котораго—офицеры—оставляли своего отца тянуть тяжелую лямку за семь рублей въ мѣсяцъ. Подъ шумокъ заводовъ зашелъ разговоръ о службѣ въ старое и въ наше время.

— Въ мое время, особливо на корабляхъ солдатиковъ да матросовъ на оба бока жарили. Что говорить, я боцманомъ былъ—и разъ мнѣ семьсотъ вкатили, такъ что прямо въ больницу попалъ.

Теперь спасибо Царю: хорошо служить. А тогда: не довернешься—бьютъ, перевернешся—бьютъ, стоишь—бьютъ, идешь—бьютъ. У насъ такіе любители были: велятъ дуть матросика при себѣ, а сами шенпанское пьютъ. Крикъ, значитъ, пріятенъ былъ; что твоя музыка! А что молодымъ то приходилось принять—страсы! Старый солдатъ бывало обколотится, а рекрутамъ—бѣда! Ну, и бѣгали мы, признаться сказать. Какъ въ иностранный портъ зайдешь—гляди въ оба за матросиками. А то тоже исторія была, какъ бить то запретили. У насъ командиромъ корабля фонъ Т* на ту пору случился. Привыкъ драться,—а тутъ-то ему и нельзя ручекъ своихъ потѣшить. Ну, станетъ передъ фронтомъ, рычитъ да кусаетъ себѣ кулаки; до крови бывало объѣстъ. Больно, значитъ, ужъ сердце у него распалится, драться запрещено такъ давай себя. Теперь что! теперь благородно! Теперь солдатъ чувствуетъ, что онъ человѣкъ. Онъ и старается.

— А говорятъ больше преступленій между военными нынче бываетъ.

— Это врутъ.

— Нѣтъ, на цифры показываютъ. Прежде въ штрафныя книги меньше записывали.

— Вотъ оно что. Это я вамъ сейчасъ объяснить могу Прежде солдатъ проворовался—исколотятъ его на обѣ корки и шабашъ. Сгрубилъ—изувѣчатъ и конецъ. А теперь, что сдѣлаешь сейчасъ въ штрафную. Оно побольше и выйдетъ. А у насъ, бывало, и штрафныхъ не велось больше.

— Какъ не велось?

— Да, зачѣмъ пока кулакъ дѣйствуетъ? Закатятъ въ то мѣсто, откуда ноги растутъ, сотни три или четыре,—какая еще тутъ штрафная?.... А нынче, дѣйствительно, солдатъ себя больше соблюдаетъ. Это вѣрно. Таперь ему пощады нѣтъ. Подъ судъ, арестантскія роты, вся служба сначала—бѣда! Теперь все идетъ въ счетъ—анъ и больше выходитъ, чѣмъ прежде. А по правдѣ-то говорить, такъ гдѣ въ мое время сто было проказъ, тамъ нонѣ и десяти не наберешь.

Изъ Маймакскихъ лѣсопильныхъ заводовъ слѣдующія фирмы отпускаютъ доски за границу:

Gribanoff, Fontaines et C° . .	573,540	штукъ досокъ.
Clark.	818,960	„ „
E. H. Brandt et C°	334,656	„ „
White Sea C°	674,400	„ „
А. Поповъ	50,000	„ „
Итого . .	2.451,556	штукъ досокъ.

О числѣ приходящихъ за досками судовъ можно судить изъ того, что одна White Sae C° ежегодно отпускаетъ грузы досокъ на сорока пяти иностранныхъ судахъ.

Лодка съ лошадью подъѣхала. Наконецъ мы сѣли и поѣхали въ Новодвинскую крѣпость.

VII. Упраздненная крѣпость.

Въ 1700 г. разнеслись слухи о намѣреніи Шведовъ раззорить Архангельскъ. Нашимъ сѣвернымъ портомъ особенно дорожилъ великій преобразователь Россіи, какъ первымъ окномъ въ ту Европу, по образу и подобію которой должно было устроиться государство русское. Тотчасъ же Петръ приказалъ заложить передъ Архангельскомъ сильную крѣпость, что и было исполнено въ 1701 году.

Новодвинская крѣпость заложена на правомъ берегу Березовскаго устья С. Двины, въ 20 верстахъ отъ города, на островѣ Линскомъ. Еще недоконченная, она оказала важную услугу порту. Въ 1701 году Шведы задумали напасть на него, для чего и отрядили нѣсколько фрегатовъ. Войдя въ устья Двины, послѣдніе взяли съ берега крестьянина Мудьюжскаго селенія Ивана Рябова и въ качествѣ переводчика служку Никольско-Корельскаго монастыря Дмитрія Горожанинова. Въ это время для предупрежденія опасности устья Двины были запружены потопленными барками, а на

выдающихся пунктахъ берега установлены батареи. Рябовъ условился съ Горожаниновымъ подвести Шведовъ подъ выстрѣлы нашихъ пушекъ, что они и исполнили. Описывать подробнѣе этотъ фактъ—нечего. Онъ извѣстенъ всѣмъ. Въ слѣдующемъ году Петръ посѣтилъ Архангельскъ, долго жилъ близъ строившейся крѣпости на островѣ Марковѣ, въ простомъ деревянномъ срубѣ. Марковъ смытъ былъ водою во время двинскихъ разливовъ, а самый домъ Петра перенесенъ на другое мѣсто, на островъ Линскій. Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что ранѣе Новодвинской крѣпости, въ самомъ Архангельскѣ, было по плану царя Алексѣя Михайловича устроено нѣчто въ родѣ этого—Нѣмецкій гостинный дворъ, укрѣпленный башнями. Распорядителями работъ по этой постройкѣ были иностранные инженеры Петръ Мариллисъ и Виллимъ Шарфъ. Кирпичи какъ для гостиннаго двора, такъ и для монетнаго двора были вывезены изъ Голландіи. Они необыкновенно велики и крѣпки до такой степени, что разбираемое теперь зданіе монетнаго двора долго считалось несокрушимымъ. По крайней мѣрѣ сварившійся кирпичъ не поддавался ни киркѣ, ни лому. Впрочемъ, еще ранѣе, на мѣстѣ Архангельска, называвшагося тогда Пуръ-Наволокомъ, существовалъ деревянный острогъ, въ видѣ продолговатаго четвероугольника о двухъ этажахъ, съ шестью башнями и старинными бойницами или амбразурами. Съ рѣчной стороны острогъ былъ окруженъ землянымъ рвомъ и палисадомъ, внутри же былъ раздѣленъ на три части: верхняя—русскій гостинный дворъ, нижняя—нѣмецкій гостинный дворъ и, средняя—собственно крѣпость.

Дорога въ Ново-Двинскую крѣпость—ужасна. Тамъ живетъ священникъ, да трое или четверо солдатъ пограничной стражи, потому и дорога не ремонтируется вовсе. Да и незачѣмъ! Городъ съ упраздненной крѣпостью не имѣетъ никакихъ сношеній. Мы ѣхали весьма медленно между двумя рядами березъ, за которыми тянулся сплошной унылый лѣсъ. Ни пѣнія птицъ, ни звуковъ жизни. Все тихо и мертво. Только слегка пожел-

тѣвшія вѣтви тянутся вверхъ, да порой слышится шорохъ падающихъ листьевъ. Стукъ отъ копытъ лошаденки, громыханье дрожекъ, да наши голоса какъ-то странно звучали въ этой пустынѣ.

— Прелюдія весьма печальная! проговорилъ мой товарищъ, оглядывая полосу болотистой топи, неожиданно развернувшейся налѣво.

Становилось холодновато. Еще нѣсколько лѣсистыхъ и болотистыхъ пространствъ, еще часъ немилосерднаго встряхиванія по рѣдкимъ клавишамъ запущенной дороги,—и мы въѣхали въ форштадтъ бывшей крѣпости, въ которомъ поселились отставные нижніе чины бывшаго порта со своими семействами. Жаль было и смотрѣть на эту глушь! Нѣсколько мелкаго скота паслось около. Бородатый козелъ посрединѣ улицы уставился въ землю, разсуждая, повидимому, о весьма важномъ предметѣ. Двое ребятъ въ однѣхъ рубахахъ барахтались въ лужѣ съ лохматымъ, вывалявшимся въ грязи псомъ. Въ подслѣповатое окно полуразвалившейся хибарки глядѣло красивое личико молодой дѣвушки, пристально слѣдившей за нами. Странно было видѣть это полное жизни, юное существо въ этой пустынѣ, гдѣ нѣсколько домишекъ, словно толпа отдыхавшихъ на лугу нищихъ, было разбросано вправо и влѣво отъ дороги. Впрочемъ, одно, что красило ихъ, огороды и убогіе садики, прилегавшіе къ каждому жилищу. У порога одного домишка, лицомъ въ землю спалъ ребенокъ; вокругъ него, словно комочки желтоватаго пуху, бѣгали циплята. Солидная хохлатая курица клохтала, отдыхая на спинѣ у дитяти, словно стараясь разбудить дремавшаго... Черезъ нѣсколько минутъ вся эта иддилія осталась позади и только въ душѣ молчаливыхъ туристовъ еще свѣтили, но уже отгорая, кроткія, ласковыя очи хорошенькой дѣвушки; такъ огонекъ мелькаетъ одинокому путнику въ ночномъ туманѣ широкой степи и тепло становится у него на сердцѣ и выступаетъ цѣлый рой милыхъ, дорогихъ воспоминаній... И какихъ воспоминаній!... Какъ смутные очерки лѣсовъ, рощъ и полей, въ мглистомъ сумракѣ рос-

тутъ и ростутъ они—и такъ больно, такъ мучительно сладко вглядываться въ нихъ, узнавать пережитыя были...

И въ опьяненіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму...

Но forward! Вотъ передъ нами развернулся широкій лугъ, по самой серединѣ котораго сѣрѣло какое-то неприветное строеніе, вродѣ сарая или амбара. Спрашиваю у извощика— что это? Тотъ сейчасъ же принимаетъ авторитетный видъ.

— Это я могу. Въ эфтимъ доми проживалъ великій царь Петръ,—десять пудовъ одною рукой подымалъ и ростомъ былъ въ пять аршинъ и три верха (вершка). Супротивъ его по цѣлому свѣту не сыскать. Слыхалъ ты, какъ енъ одинъ цѣлое шведское царство повоевалъ и швецкую царицу въ полонъ взялъ, но одначе пустилъ на всѣ четыре стороны, потому она повинилась. Онъ же швецкаго королевича Карлу на чепи во дворѣ держалъ. У насъ въ простой мужицкой избѣ жилъ, а бороды у него не росло.

— Ты почему это знаешь?

— Мы знаемъ!... Чего тутъ! мы очень знаемъ, что онъ всѣмъ велѣлъ бороды брить, а кто бороды не брилъ — тому башку съ плечъ долой. Однимъ попамъ да монахамъ льготу далъ на двадцать годовъ не брить бороды, потому соловецкій старецъ ему являлся—Зосима, онъ его и приструнилъ.

Мы подъѣхали. Прямо противъ насъ рисовались бѣлые бастіоны и бруствéры крѣпости. Сначала, впрочемъ, надобно было осмотрѣть домъ Петра Великаго. Онъ помѣщенъ подъ деревяннымъ чахломъ, выстроеннымъ глаголемъ. Арки, прорѣзанныя въ чахлѣ, сплошь забиты узенькими досками, для того, чтобы не давать доступу внутрь скоту, пасущемуся кругомъ. Дворецъ преобразователя — простой срубъ, съ грубою рѣзьбой по окраинамъ кровли. Черезъ низенькія двери входишь въ просторныя покосившіяся сѣни. На право отсюда кабинетъ и спальня государя, налѣво зало. Прямо—ходъ въ кухню. Комнаты низки и малы. Повидимому, онѣ только недавно выбѣлены известкою. Стѣны состоятъ изъ круглыхъ

бревенъ, домъ вросъ въ землю. Теперь и бѣдный крестьянинъ живетъ лучше Петра. Невольно думалось, глядя на эту скудость, на эту поразительно-неприглядную простоту: въ какихъ непріютныхъ углахъ работала мысль этого титана! среди какой грубой обстановки задумывались и совершались величайшія дѣянія послѣдняго царя Московскаго и перваго Императора Всероссійскаго!...

Невольное благоговѣніе росло въ душѣ. Эти половицы попирала его нога. Къ этимъ круглымъ бревнамъ прикасалась его голова, когда усталый онъ откидывался, закрывая глаза и на минуту забывая свои великіе планы. Тутъ онъ ходилъ, обдумывая грядущія преобразованія; тамъ онъ шумно пировалъ съ иностранными гостями, празднуя постройку крѣпости для излюбленнаго имъ Архангельска.

Тише говорилось въ этомъ, жалкомъ на видъ, срубѣ, который тѣмъ, не менѣе, казался храмомъ, гдѣ еще до сихъ поръ жила мысль обитавшаго его титана. Такъ пиллигримъ, бродящій по песчаннымъ пустынямъ, входитъ въ руины, гдѣ нѣкогда жили сказочные герои его народа. Въ одно мгновеніе забыто все: и усталости пути, и лишенія и нападенія кочующихъ хищниковъ. На колѣняхъ стоитъ онъ у раскаленнаго солнцемъ каменнаго порога, съ благоговѣніемъ вглядываясь во тьму, царствующую подъ тяжелою каменною кровлей. А кругомъ неподвижные, какъ изваянія, лежатъ въ пескѣ утомленные верблюды, апатически глядя и на грандіозную храмину и на колѣнопреклоненную фигуру молящагося.

Въ этомъ логовищѣ сѣвернаго льва, въ этой обители Петра, теперь играютъ въ жмурки дѣти—и самые проходы пришлось заколачивать отъ непочтительныхъ коровъ, неизучавшихъ исторіи и не понимающихъ значенія великихъ памятниковъ страны.

Sic transit gloria mundi! Но слава Петра не пройдетъ, до тѣхъ поръ пока существуетъ Россія, потому что она скрижаль, на которой вырѣзаны его дѣянія. Разрушатся его дома, развалятся выстроенныя имъ крѣпости, создадутся, быть мо-

жетъ, иные государственные центры и системы,—но незыблемы будутъ тѣ столбы, которые поставилъ онъ въ основу отечества. Поворотъ къ старому невозможенъ, потому что на послѣдней страницѣ прошлаго и на первой страницѣ новаго порядка—желѣзомъ, огнемъ, слезами и кровью вписано имъ его неистребимое завѣщаніе...

Хорошо было бы домъ Петра перенести отсюда въ городъ, все равно онъ находится не тамъ, гдѣ выстроенъ. Островъ Марковъ давно, еще въ началѣ настоящаго столѣтія, смытъ водою. А въ Архангельскѣ его поддержка и присмотръ за нимъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ окружающей пустынѣ. Дворъ того зданія, гдѣ нынѣ помѣщенъ музей, представляетъ всѣ необходимыя условія. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ стѣною, пространство его весьма велико и, наконецъ, самый домъ Петра будетъ такимъ образомъ необходимымъ дополненіемъ музея. Тутъ онъ именно былъ бы на своемъ мѣстѣ. Пароходы „Самоѣдъ" или „Полярная звѣзда" въ одинъ рейсъ могли бы перевезти его лѣтомъ, разобравъ по частямъ предварительно. Совѣтуемъ городскому обществу обратить на это вниманіе—и еслибы голова внесъ въ управу такое предложеніе, онъ бы оказалъ истинную услугу городу, обогащающемуся въ этомъ случаѣ еще одною историческою драгоцѣнностію. При постоянномъ и близкомъ надзорѣ за нимъ, вѣроятно не случилось того, что было съ знаменитыми Петровскими свѣтлицами, выстроенными на Мойсеевомъ островѣ, противъ Архангельска, въ первый пріѣздъ преобразователя на Сѣверъ и въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія изчезнувшими неизвѣстно куда, безъ слѣда. Отъ полунѣмецкаго современнаго Архангельска, положимъ особеннаго патріотизма и ожидать было нечего, но такой казусъ, какъ хотите, удивителенъ!

Островъ Марковъ, на которомъ прежде стоялъ домъ Петра, находился противу самой крѣпости. На немъ былъ редутъ съ ретраншементомъ и черезъ фарватеръ рѣки для перегражденія пути непріятелю натягивались цѣпи. Онѣ и теперь хранятся въ крѣпости.

Самая крѣпость имѣетъ видъ квадрата съ четырьмя бастіонами и однимъ равелиномъ. Изъ домика Петра мы пошли прямо туда. Крѣпость окружена хорошо сохранившимся рвомъ, черезъ который перебрасывался прежде крѣпостной мостъ, подымавшійся на ночь. Теперь устроенъ постоянный. Съ тяжелымъ тоскливымъ чувствомъ смотрѣли мы на сѣрыя линіи хорошо-сохранившейся, когда-то важной, нынѣ упраздненной крѣпости. Воображеніе рисовало пиры Петра, кипучую дѣятельность во время шведскаго нашествія, типы первыхъ ея защитниковъ, безмолвно умиравшихъ на своемъ посту, грохотъ пушекъ, стоны раненыхъ.... А теперь?.. Теперь все тихо, все пусто, все мертво.

Съ тѣмъ же тоскливымъ чувствомъ мы вошли въ открытыя нынѣ, никогда незапирающіяся ворота твердыни. У самаго входа лежатъ два громадныя каменныя ядра. Сырость обхватила насъ въ темномъ проходѣ, заплѣсневѣлые и облупившіеся своды котораго вѣяли столѣтіями. Наконецъ мы выбрались на крѣпостной дворъ. Тутъ прежде всего кидается въ глаза деревянная церковь, съ простою деревянною колокольней, конусообразной формы. Нѣсколько деревянныхъ строеній, домикъ получше другихъ, спрятавшійся подъ тѣнью высокихъ и раскидистыхъ березъ, бѣлые бастіоны съ каменными лѣстницами, зеленые откосы валовъ и пороховые погреба. Все это, кромѣ разобраннаго на дрова, какого-то деревяннаго зданія, было цѣло, но въ то же время, все было пусто, все вѣяло запустѣніемъ. Вся эта крѣпость казалась трупомъ, безпрепятственно гніющимъ на землѣ, ничѣмъ не прикрытымъ, никѣмъ не отпѣтымъ.

Мы вошли въ домъ священника—бывшее помѣщеніе коменданта. Большія комнаты были пусты, громадныя сѣни со множествомъ дверей поставили было насъ въ тупикъ. „Пожалуйте сюда!“ Маленькая фигурка священника показалась изъ какой-то щели.

— Вы и комендантъ здѣсь? пошутилъ мой товарищъ.

— Да; крѣпостные ключи у меня. Какъ оказалось, хозяинъ

былъ чѣмъ то въ родѣ патріарха. У него перевалило за дюжину дѣтей, но и со всѣмъ своимъ громаднымъ семействомъ ему повидимому было жутко въ большихъ, хотя и непригляднихъ комнатахъ стараго комендантскаго дома.

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ. Я сюда попалъ изъ-за Печоры. Въ Ижмѣ былъ.

— У зырянъ?

— Да-съ. Народъ хорошій, трудолюбивый, умный. Вѣкъ бы оттуда не выѣхалъ, да и Ижма получше всѣхъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Какіе храмы, что твой соборъ!

— Зачѣмъ же вы забрались въ крѣпость?

— А дѣтей воспитывать надо. Да что же, мы здѣсь не скучаемъ, поля вотъ засѣваемъ, хлѣбъ самъ-шестъ уродился. Стадо, коровенки, луга свои кругомъ. А по вечерамъ дѣйствительно тоска, ну, да семья большая—ничего! Въ городъ только трудно попадать: лѣтомъ еще когда на лодкѣ, а вотъ зимой—точно отшельникъ. Занесетъ снѣгами, мертво все. Тишина такая!

Пошли осматривать церковь, выстроенную при Петрѣ. Въ ея иконостасѣ видѣли мы своего рода историческую рѣдкость—подарокъ Царя. Это образа, лѣтъ двѣсти тому назадъ нарисованные красками на шелковой матеріи. Они превосходно сохранились, особенно Спаситель и Марія съ младенцемъ. Рисунокъ нѣженъ, переливы тѣней отдѣланы прекрасно. Впрочемъ, оно и понятно. Это—работы приглашенныхъ Петромъ иностранныхъ художниковъ. На боковыхъ дверяхъ такія же изображенія ангеловъ. Священникъ показалъ намъ серебряную утварь, пожертвованную преобразователемъ. На ней рѣзьбы не было вовсе. Все было и просто и прочно, какъ и самъ дарившій. Въ церковь ведутъ двери, стекла въ которыхъ со временъ Петра замѣнены слюдою. Такъ они сохранились до сихъ поръ въ настоящемъ своемъ видѣ. Осмотрѣли и облаченіе ветхое, старинное, простое, нѣсколько евангелій той эпохи и другіе мало интересные предметы.

Въ такой убогой церкви молился Великій. Здѣсь — гроза

всей ветхозавѣтной Руси—смиренно преклонялъ онъ колѣна передъ царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ. Здѣсь онъ, можетъ быть, каялся въ жестокостяхъ, вызванныхъ духомъ эпохи и непримиримою, не поддававшеюся на уступки борьбою. Тутъ, раскрывая свое сердце, онъ можетъ быть, молился за ту Россію, которую безпощадно перекраивала его могучая воля, которую онъ обливалъ кровью и слезами, чтобы прочнѣе сдѣлать задуманное имъ дѣло, чтобы въ самый корень подсѣчь старый порядокъ, сломать царство тьмы вѣковѣчной.

Мы вошли на колокольню. Она, впрочемъ, была недостаточно высока. Передъ нами открылась, однако, панорама Двины съ ея островами. Прямо противъ крѣпости, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, плыло на всѣхъ парусахъ поморское судно. Какъ граціозно оно накренилось къ водѣ, какъ красиво округлились казавшіеся розовыми при свѣтѣ заходящаго солнца паруса. Нѣтъ ничего красивѣе коня среди зеленой степи и корабля, скользящаго по волнамъ!

Дѣйствительно, ничто не могло быть прелестнѣе этой картины. Каждый канатъ, каждая снасть отчетливо рисовались передъ нами. Два-три матроса шевелились на палубѣ. Вотъ изъ каютки, придѣланной къ кормовой части, вышла высокая поморка въ красномъ кумачномъ сарафанѣ; вся она словно вспыхнула въ лучахъ зари. Вотъ пронесся обрывокъ какой-то пѣсни, другой, и третій... Вотъ и вся она звучная, ясная, бьется и плещется въ проникнутомъ холодомъ и свѣтомъ воздухѣ. Вотъ она замерла вдали, а послѣднія ея отзвучія какъ будто еще просятся на сердце... Вотъ шкуна еще разъ блеснула своими розовыми парусами, какъ легкая чайка нѣжно оперенными крыльями... Отсюда мы пошли на валы: за ними ширилась во всѣ стороны зеленая окрестность съ желтоватыми пятнами тронутой осенью листвы. Желтоватыя пятна казались теперь золотисто-розовыми, а вся остальная зелень сіяла изумруднымъ блескомъ. Въ дали, куда только могъ забраться глазъ, — синѣла смутная полоса едва замѣтнаго лѣса. Не знаю почему, когда глядишь на эти отдаленные, сливающіеся, словно въ сумракъ

уходящіе тоны,—душа рвется куда-то въ даль, сердце бьется такъ тихо, передъ глазами встаютъ полузабытыя милыя лица, цѣлыя картины воскресаютъ передъ вами, переполненныя свѣтомъ и юностью, счастьемъ и свободою.... Гдѣ эти лица?... Гдѣ эти картины?.. И тихія, тихія слезы застилаютъ глаза и хочется невольно пѣть или плакать.

Сердце подаетъ другому—далекому вѣсть о себѣ...

— Или ты забыло меня, мое дорогое!...

А вотъ и береза Петра. Старое, раскидистое, корявое дерево отдѣльно стояло посреди зеленаго луга; вершина его отчетливо рисовалась на розовомъ фонѣ неба каждою своею вѣткой, я сказалъ бы: каждымъ своимъ листикомъ. Въ просвѣты, образовавшіеся въ его листвѣ, прорвались два золотые луча и широкою полосою легли по лугу. Вотъ какая-то птица тяжело и грузно поднялась оттуда и полетѣла за рѣку. Вотъ шелохнулись вѣтви—и вновь все неподвижно...

Тутъ отдыхалъ Петръ. Какъ будто и теперь его тѣнь шевелится тамъ въ сумракѣ, подъ этимъ темно-зеленымъ сводомъ...

По зеленому откосу мы сбѣжали въ крѣпостной дворъ. Священникъ предложилъ намъ осмотрѣть старыя тюрьмы, существовавшія въ прежнее время. Мы подошли къ однимъ воротамъ. Изъ-подъ свода ихъ маленькая дверь вела въ каменный мѣшокъ съ небольшимъ окномъ, едва пропускавшимъ свѣтъ. Широкія, толстыя пятна испещряли прозеленѣвшую стѣну. На насъ пахнуло могилою. Подъ ногою хрустѣлъ щебень. Изъѣденныя червями нары лежали, развалившись, на кучахъ мусору. Съ одной стороны стѣна была оббита, но и вмѣсто кирпича—та же зелень, тѣ же пятна, словно лишаи на гниломъ зеленомъ лицѣ мертвеца. „Воздуху, свѣту“!...

— Еще, пожалуйте, вотъ...

Рядомъ съ этой могилой чернѣло отверстіе въ какую-то тьму. Ни границъ, ни формъ ея не было видно. Есть ли тамъ стѣна или нѣтъ, есть ли тамъ полъ или она бездонная?

И тутъ жили и страдали люди. Можетъ быть, эта сырость —

слѣды давно, давно пролитыхъ здѣсь слезъ. Быть можетъ эти линіи на стѣнахъ первой комнаты исцарапаны забытымъ узникомъ изъ бѣшенства, изъ отчаянія? Если только существуютъ гдѣ нибудь привидѣнія—они должны являться тутъ, съ звономъ цѣпей, съ нечеловѣческими, полными ужаса воплями, съ фосфорическими лучами изъ мертвыхъ впадинъ черепа, съ кучами червей, шуршащихъ за этимъ почернѣвшимъ, костянымъ лбомъ, за этими разрыхлѣвшими, словно кѣмъ-то объѣденными костяными скулами, за этими рѣдкими шевелящимися зубами. „Воздуху, свѣту"! Вонъ скорѣе изъ этой могилы!

Я быстро выбѣжалъ отсюда—и розовый закатъ засвѣтился передъ моими глазами эмблемою жизни и счастья.

Пора было воротиться домой. Когда мы проѣзжали форштадтъ, стекла жалкихъ избенокъ горѣли алымъ блескомъ, кровли золотились—и все словно преобразилось подъ жезломъ волшебника. Даже рога у козла принимали золотистый оттѣнокъ; даже сѣрая свинья, терщаяся у забора, казалась розовой. А что за хорошенькая дѣвушка стояла у порога того же дома, въ окнѣ котораго прежде мы видѣли ея милую головку! Ея глаза такъ и сыпали искры, лицо горѣло здоровымъ полевымъ румянцемъ, золотистая коса роскошно ложилась на плеча; полныя круглыя плечи едва сдерживались двумя перехватами сарафана...

Вдали прозвучалъ и замеръ пастушескій рожокъ. Мы поклонились царицѣ пастуховъ, коровъ и огородовъ. Фея засмѣялась въ отвѣтъ—и все очарованіе исчезло. Какая это была глупая и вызывающая улыбка! Неужто и тутъ не обошлось безъ цивилизаціи?...

А пастушескій рожокъ снова запѣлъ съ тѣми переливами, которые такъ хороши на вольномъ воздухѣ поемнаго луга, на просторѣ, лицомъ къ лицу съ всеисцѣляющей матерью-природой.

Вотъ вдали показалось стадо... Рѣзвый теленокъ подскакалъ къ намъ и бокомъ, бокомъ, горизонтально выгибая хвостъ, прогарцовалъ мимо, какъ ловкій адъютантъ, отдающій честь строгому, но справедливому генералу. Солидный песъ

захватилъ было въ зубы заманчивый коровій хвостъ, пожевалъ, нашелъ невкуснымъ и бросилъ...

И опять унылый лѣсъ, и опять болота по сторонамъ.

Ночью мы вернулись въ городъ. Соломбала все еще кипѣла жизнью.

VIII. Поѣздка въ Лявлю и подгородныя села.

Въ тринадцати верстахъ отъ Архангельска есть большое, село—Лявля.

Оно славится живописными окрестностями, и потому мы воспользовались случаемъ осмотрѣть ихъ въ Успенье въ день — храмовой праздникъ Лявленской церкви, когда сюда собираются десятки тысячъ народа, перевозкою котораго безпрестанно заняты наканунѣ и въ самый праздникъ пароходы: Югъ, Десятинный и Вологда.

Что это было за славное утро! Пароходъ плылъ словно по зеркалу, Двина была неподвижна. Направо и налѣво мягкими волнистыми линіями уходили въ туманную даль зеленѣющіе берега ея.

Ни одного диссонанса, ни одного рѣзкаго оттѣнка на всемъ этомъ безграничномъ просторѣ. Двѣ-три тучки будто комья расплавленнаго серебра застоялись въ голубомъ небѣ, отражаясь всѣми своими оттѣнками въ покойной водѣ рѣки.

Пароходъ круто повернулъ налѣво. Оказалось, что здѣсь въ этомъ году образовалась новая мель; вообще фарватеръ рѣки въ высшей степени капризенъ.

Къ расчисткѣ его все еще не приступаютъ, не смотря на то, что ежегодно къ Архангельску приплываютъ здѣсь двѣ тысячи рѣчныхъ судовъ, пароходовъ барокъ и плотовъ. Намъ разсказали на пароходѣ, что вопросы о расчисткахъ Двины, Сухоны и Юга подняты только теперь.

Мѣстности направо и налѣво становились все лучше и лучше. То тамъ, то сямъ изъ волнистыхъ линій зеленѣющаго берега выплывали села. Изрѣдка бѣлый храмъ легкими очертаніями подымался посреди скучившихся вокругъ него деревянныхъ избъ. На его колокольнѣ и куполахъ играло солнце, убирая золотистыми переливчатыми блестками и окна ближайшихъ къ берегу селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, деревни стояли у самой воды, но рѣдко, и то на болѣе возвышенныхъ площадкахъ. Песчаныя отмели сплошь казались золотыми.

Правый берегъ становился все возвышеннѣе. Строеніе его откосовъ указываетъ на страшный напоръ льда, бывающій въ этихъ мѣстахъ. Нѣкоторые выступы на громадномъ протяженіи буквально срѣзаны льдинами. Можно еще разсмотрѣть линіи и полосы, проведенныя острыми краями ледяныхъ глыбъ. Лѣвый берегъ рѣки, напротивъ, представлялъ ровную гладь, уходившую въ мутную синь далей, развертывавшихся какъ въ панорамѣ по мѣрѣ движенія парохода впередъ. Я пристальнѣе всмотрѣлся въ плавучее населеніе парохода. Тутъ было до четырехсотъ человѣкъ, преимущественно женщинъ. Всѣ съ узелками, изъ которыхъ выглядывали на свѣтъ Божій всевозможные пироги, хлѣбы, тюрички съ чаемъ. Въ сторонѣ отъ всѣхъ какой-то въ пухъ и прахъ расфрантившійся писецъ, съ прилизанными височками, носомъ въ видѣ отчаяннаго пируэта, вздернутымъ кверху, и съ усиками самаго непозволительнаго рыжаго цвѣта, угощалъ орѣхами поминутно-краснѣвшую дѣвушку въ бѣдномъ ситцевомъ платьицѣ. Джентельменъ повидимому, чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Свиные, слезящіеся глазки прищуривались, на толстыхъ и рыхлыхъ губахъ бродила отчаянно ловеласовская улыбка. Шляпа сидѣла на затылкѣ и весь ensemble составлялъ такую противуположность съ красивою свѣжестію его подруги, что становилось противно смотрѣть на него.

Рядомъ съ ними два толстые субъекта, подъявъ свои брады кверху, мирно бесѣдовали о китахъ, на коихъ утвержденъ

земной шаръ. По мнѣнію одного, въ числѣ этихъ китовъ былъ и поглотившій Іону, другой утверждалъ, что то совсѣмъ особый китъ, китъ—Левіафанъ, ему и честь-де другая. Дюжины полторы дамъ и дѣвицъ, сидя вокругъ верхней каюты перваго класса, испытующимъ окомъ созерцали молча наряды другъ друга, окидывая презрительнымъ взглядомъ вертѣвшуюся тутъ же дѣвицу легкаго чтенія. Налѣво шелъ разговоръ о торговлѣ. Тутъ же высокій хлыстообразный мѣщанинъ тщетно старался найти равновѣсіе, потерянное имъ въ буфетѣ.

На капитанской площадкѣ, казалось, некуда было упасть и яблоку. И что за смѣсь одеждъ и лицъ! Отъ чистенькаго нѣмчика до оборваннаго родственника незабвеннаго Павла Ивановича Чичикова. Носы вздернутые, носы сплюснутые, носы тонкіе, тупые, носы острые, греческіе, римскіе, готтентотскіе, одни словно обнюхивавшіе что-то, другіе гордо устремлявшіеся вверхъ на лицахъ, застывшихъ въ выраженіи самодовольства; третьи смиренно свѣшившіеся внизъ. Около буфета неизъяснимая толчея. Одни мужественно устремляются туда, работая языкомъ и локтями, другіе медленно выходятъ, ища опоры подъ ногами и тщетно хватаясь за воображаемую балюстраду. Толстый, краснощекій господинъ, съ добродушнымъ выраженіемъ расплывшагося лица, обѣими руками сжималъ бутылку добытаго имъ пива, точно боясь, чтобы она не вылетѣла у него въ недосягаемую высь, такъ привѣтливо висѣвшую надъ нами.

А берега становились все выше и выше, наконецъ поднялись отвѣснымъ гребнемъ, высившимся сажень на тридцать надъ рѣкою. Пароходъ шелъ близко къ правому берегу. Сѣрая стѣна его съ урѣзанными откосами и съ пучками зеленыхъ кустовъ, вырывавшихся почти горизонтально, тянулась передъ нами. На самой верхушкѣ ея, словно кучи пестрыхъ мельчайшихъ козявокъ,—шевелились раньше пріѣхавшіе горожане. Нѣсколько человѣкъ попробовали было взобраться наверхъ, цѣпляясь за кусты, но на половинѣ откоса останавливались, судорожно махали руками и эффектно скатывались

внизъ, къ особенному удовольствію толпы. Сойдя съ парохода мы пошли къ церкви, сначала лугомъ, потомъ тропинкою, извивавшеюся по всхолмленной мѣстности, на одной изъ высшихъ точекъ которой стоитъ небогатый сельскій храмъ. Толпы горожанъ бродили взадъ и впередъ. Живописными группами они расположились въ окрестностяхъ церкви. Вездѣ было замѣтно оживленіе, звучалъ искренній смѣхъ. Тутъ нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ уединились въ тѣни церкви и звонко смѣялись чему-то; тамъ, сверкая яркими платками, яркими платьями и яркими лицами, возсѣдало семейство зажиточнаго мастероваго, быстро уничтожая цѣлыя горы какой-то снѣди. Молоденькое созданіе, съ раскраснѣвшимися щеками и веселыми живыми глазами, сбѣгало внизъ объ руку съ неуклюжимъ юношей въ невыразимо пестрыхъ панталонахъ, гордившимся ими и безобразно откидывавшимъ ноги собственно для указанія необыкновеннаго изящества и красоты этой части своего туалета. Лугъ передъ церковью былъ сплошь усѣянъ отдыхавшими богомольцами. Хорошо отстроенный домъ священника былъ переполненъ гостями.

— Выпьемъ! звучало изъ одного окна.

— Могу!

— Хватимъ что-ль? звучало изъ другаго окна.

— Ддьі совѣстно.

— Дай Богъ здоровье глазамъ—отмигаются.

Въ кучкѣ молодыхъ мастеровыхъ шелъ разговоръ важный, солидный.

— Ты, говоришь, самъ холеру видѣлъ?

— Самъ. Своимъ глазамъ. Чего тутъ!

— Побожись.

— Лопнуть на семъ самомъ мѣстѣ!

— Какая она? вмѣшался третій.

— Черная.

— Съ фостомъ?

— Фоста признаться, съ испугу не замѣтилъ. Кажись, самый махонькій. А тольки спины у ёй нѣтъ.

Немного далѣе холмогорскій пряничникъ (сюда съѣзжаются изъ Холмогоръ, даже изъ Пинеги) торговалъ медовыми птицами съ какими-то необыкновенными крыльями. Тутъ же архангельскій торговецъ разложилъ жестяные ящики съ конфектами, леденцами и т. под. товаромъ. Два крестьянскихъ мальчика несказанно удивлялись роскоши городскихъ лакомствъ, стараясь подальше засунуть въ ротъ кулачки отъ изумленія. Нѣсколько счастливыхъ паръ толковали о „любве и соприкосновенныхъ съ нею предметахъ“ подъ кущами райскихъ садовъ. Мы пошли въ самую Лявлю, отстоящую отъ церкви на версту или двѣ. Дорога подымалась то вверхъ, то внизъ. Направо и налѣво тянулись лѣсочки и изгороди.

По крутымъ спускамъ бѣгало молодое поколѣніе, обрадовавшись теплому солнцу, да чужимъ пестрò одѣтымъ людямъ.

Встрѣтился по дорогѣ крестьянинъ. Этотъ оказался мѣстнымъ патріотомъ.

— Супротивъ нашей Лявли мѣста нѣтъ, да и быть не можетъ, потому у насъ красота.

— Ну, а какъ у васъ народъ живетъ?

— Живемъ мы по хресьянски, художествъ или качествъ какихъ за нами не водится.

— Не о томъ я спрашиваю. Богато-ли живете?

— Богато?... Ишь ты! Нашего богачества не перечесть. Какъ бы тебѣ сказать безъ грѣха: есть у меня въ мошнѣ таракань да блоха, въ хлѣву набито—хвостъ да копыто. А всего капиталу трешникъ, я его и пропью, потому праздникъ, должны мы это чувствовать!

— Строенія у васъ хоть куда.

— У сталавѣровъ дѣйствительно, что! Потому народъ, надо такъ говорить, тверезый. Міроѣды есть тоже... Ты на строеніе не гляди. Ты въ печь смотри, что мужикъ ѣстъ, что внутро свое валитъ. Прежде и богачество было — больше товару Двиной возили—больше работы. Ну, а нонѣ пошли тяготы, подвело животы.

— Хлѣбъ у васъ хорошъ-ли?

— Хлѣбъ самъ-шостъ родился. Да недоимка одолѣла. У меня, братъ, прежъ всего три коровы было, двѣ-то я въ голодный годъ на мясо побилъ, а третью сей годъ для счету у цѣловальника пропилъ. И выходитъ, что я своему роду врагъ, потому у меня нутро распалилось, работишки нѣтъ, все прахомъ идетъ...

Только что мы вошли въ село, передо мною развернулись знакомыя картины. Вижу, на тележкѣ во всю прыть несутся два обнявшіеся парня изъ зажиточныхъ, въ черныхъ суконныхъ сюртукахъ, съ туго подвязанными шарфами на шеѣ. Лица ихъ буквально пылаютъ. „Изсушила, сокрушила!..“ реветъ во все горло одинъ, второй хватаетъ кого-то въ воздухѣ и гонитъ здоровую лошаденку, которая и безъ того стремглавъ летитъ внизъ по крутому спуску. Вонъ крестьянскія дѣвушки, въ городскихъ костюмахъ, щелкаютъ орѣхи, перебалтывая между собою, какъ стая молоденькихъ утятъ. Вонъ изъ кабака выползъ и едва бредетъ впередъ стариченко въ чистой бѣлой рубахѣ. Еще издали онъ оповѣщаетъ свою семью.

— Эй, дѣти... хозяинъ идетъ!... Отворите ворота!... Ноги его тщетно стараются переступить канаву; невозможнаго сдѣлать нельзя, и потому онъ благоразумно останавливается.

— Эй, супруга... хозяинъ домой идетъ, пьяной!... Отворяй!...

Никто не откликается.

— А канавки не перейти! вслухъ разсуждаетъ онъ.—И подлая же канавка какая!..

Въ сторонѣ парни, въ черныхъ сюртукахъ и (до чего дошла цивилизація!) въ калошахъ съ дождевыми зонтиками въ рукахъ—при совершенно сухой и ясной погодѣ—топтались на мѣстѣ, одолѣваемые желаніемъ подойти къ дѣвицамъ. Но дѣвицы неумолимы, и молодые парни только напрасно сдували пухъ съ сукна, да оправляли необыкновенные галстухи, до безобразія душившіе имъ горло. Что дѣлать, прежде всего мода, а требованія ея также строги въ деревнѣ (—зри

дождевые зонтики), какъ и въ большомъ свѣтѣ нашихъ столицъ.

— Много-ли старовѣровъ у васъ? спросилъ я у одного крестьянина.

— А есть.

— Не ссорятся съ православными?

— Зачѣмъ ссориться! Народъ добрый, помогаетъ. Прежде какъ гнали ихъ, такъ расколъ у насъ шибко дѣйствовалъ, потому страдали они очень, такъ жалко ихъ было... Ну, а теперь ничего.

— Хозяйство у старовѣровъ поди лучше?

— Какъ не лучше! Народъ обстоятельный! Впрочемъ, нонѣ и изъ ихнихъ въ кабакъ похаживаютъ, не брезгуютъ. А только рѣдко и по малу пьютъ. По хозяйству они первые люди. И грамотѣ они всѣ сплошь знаютъ.

— А школа есть у васъ?

— Въ нашей волости есть, въ Уймѣ.

— Большая-ли?

— Слышь, считается по бумагамъ—двѣ. Одна—поповская, такъ та такъ себѣ. Ее нѣтъ, на счету она только. А то въ Уймѣ мірская—та на наши деньги; десятка четыре ребятъ, да два десятка дѣвчонокъ учатся. Да больно неспособно, далеко. Ты посуди, милой, деньги со всѣхъ берутъ, а школу верстъ за двадцать откроютъ. Есть таки школы, что ни въ жизнь не пошлешь робенка. А деньги со всѣхъ!

— Ну, а народъ охотно посылаетъ дѣтей учиться?

— Чего не охотно! У насъ такъ — коли отецъ грамотной, такъ самъ робёнка учитъ. Слышь, въ Уймѣ прежде такая школа была—первый сортъ! Дѣтей пропасть ходило... Домина огромаднѣющій былъ. Словно въ церкву придешь А только пороли на смерть. Положутъ и давай учить... Розгой больше учили, потому въ ей, въ розгѣ сила.

—Давно закрыта эта школа?

—Ее палата держала. Какъ теперче палату прекратили — и школу долой.

— Ну, а хлѣбопашество у васъ какъ?

— Хлѣбу у насъ водъ, супротивъ другихъ мѣстовъ. А только все-жь недостаетъ. Прикупаемъ въ Архангельскомъ. Я вотъ въ прошломъ году три четверти купилъ. На кажнаго человѣка-хлѣбопашца придется по 10 пудъ прикупить въ годъ. Опять-же ягодъ у насъ—гибель, въ городъ возимъ. Недостатки нонѣ большіе. Обидѣли нашу губернію господа купцы, мало товару стали посылать; допрежь работы больше было. Нонѣ въ Питеръ ходимъ на работы, въ Архангельскій лѣтомъ. На промысла когда. Рыбку ловимъ — въ городъ возимъ. Сѣно косимъ.

— А сколько пудовъ сѣна даетъ здѣсь десятина?

— Не ровно, когда пятьдесятъ, когда шестьдесятъ, а когда и всѣ девяноста. Бывали годы—по сто двадцать пудовъ снимали. Да оно одно на одно выходитъ: какъ сѣна мало— за него даютъ дороже, а много — хоть не продавай — цѣна ему грошъ. Въ прошломъ 1872 году до 1 руб. 20 коп. пудъ сѣна доходилъ, вотъ оно каково.

— А податей много ли сходитъ съ васъ.

— Подати то больно одолѣли. Стрась. Крестьянинъ мгновенно оживился. Дѣло это, братецъ мой, я хорошо знаю. Вишь ли ты слѣдуетъ съ насъ въ казну, да на мірскія надобности по 10 р. съ души; а только ревизскихъ душъ по волости у насъ считается тысячу триста, а работниковъ всѣхъ и шестисотъ не насчитаешь. Оно и подошло, что я примѣрно, вмѣсто десяти—тридцать рублей плачу, а другіе по 22 р. Значитъ теперче я въ годъ должонъ тридцать рублей заработать — а откуда? Дда!.. Поди-ко ты—потруждайся; все изъ недоимки не вылѣзешь. Ты думаешь отдалъ ты подать, да и шабашъ?... Нѣтъ,—врешъ, страховыя за домъ подай, за лѣсъ пошлину подай, потому оно хоша на пять лѣтъ и безъ пошлины лѣсъ отпущаютъ, да на другую деревню безпошлинный лѣсъ отведенъ такъ далеко, что его привезти дороже стоитъ, чѣмъ въ близкомъ лѣсочку пошлину отдать. Да, окромя

всего—подай вторительную (дополнительную) оброчную подать съ земли! Кольки земли у тебя—столько съ тебя и сойдетъ. А тамъ еще на церкву, да на училища, да на посредственника и счету не найдешь!...

— А на многихъ недоимка есть?

— Да за рѣдкость кто безъ недоимки. Петля!

Мы подошли къ краю берега, отвѣсно опрокидывавшагося внизъ. Тамъ внизу, подъ нами, темно-голубою лентою тянулась широкая Двина. Бѣлый парусъ небольшаго карбаса словно чайка несся впередъ—туда, гдѣ за излучинами рѣки синѣлъ неопредѣленный просторъ далей. И что эта была за синь! Вся прозрачная, мягко облекавшая и далекіе луга, и далекіе лѣса. А тамъ за ними тянулась золотистая песчаная полоса Противоположный берегъ Двины входилъ въ рѣку обмелѣвшими косами и мысами, на одномъ изъ которыхъ чернѣли вытянутыя на берегъ лодки. Прямо передъ нами въ темно-голубыхъ, кое-гдѣ искрившихся струяхъ рѣки желтѣла длинная линія песчанаго острова, за нею тянулись такіе-же, заливаемые въ половодье, клочки земли.

Свѣжимъ, здоровымъ вѣтромъ вѣяло съ рѣки. Мы долго, стояли тутъ очарованные этою внезапно развернувшеюся картиной. Глаза не могли оторваться отъ нея, и, возвращаясь, мы еще долго оглядывались назадъ, желая унести съ собою опредѣленное, ясное воспоминаніе объ этомъ прекрасномъ уголкѣ. Хотѣлось остаться тутъ навсегда, выстроить на гребнѣ этого берега какую нибудь избенку и жить всторонѣ отъ суеты и движенія, отъ эгоизма и толчеи большихъ городовъ. На душѣ росло какое-то мягкое, расплывающееся въ непреодолимыхъ смутныхъ грезахъ чувство...

А какъ хорошо здѣсь должно быть зимою, когда опаловый просторъ рѣки окованной льдомъ засіяетъ подъ алыми лучами сѣверной зари золотисто-розовымъ блескомъ! Какъ хороша сверху кажется эта ярко разцвѣченная низь, всѣ оттѣнки которой медленно, переливаясь, облекаются въ такія краски, какихъ не создать никакою кистью, никакимъ воображеніемъ...

Пора было возращаться домой. Пароходъ пыхтѣлъ у берега ожидая пассажировъ. Издали приближался другой пароходъ съ новыми массами городскихъ жителей. На палубѣ его гремѣла музыка,—чистые звуки которой далеко разносились по всему этому свѣжему, сочному, необъятному простору.

Разумѣется, при возвращеніи не обошлось безъ того, чтобы нѣсколько человѣкъ не были перенесены съ берега на палубу мертвыми тѣлами; до этого довело ихъ чрезъ-чуръ усердное служеніе Вакху.

Противъ самаго Архангельска, на срединѣ рѣки Двины находится большой островъ, гдѣ расположено селеніе Кегъ-Островское. Въ 1693, 1694 и 1702 годахъ, Петръ I-й, во время своего пребыванія на сѣверѣ, любилъ отдыхать здѣсь и самъ пѣвалъ на клиросѣ во время всенощной,въ здѣшней, теперь уже несуществующей церкви св. Пророка Иліи. Это довольно большое селеніе, которое намъ удалось разсмотрѣть въ гуляніе, бывающее здѣсь 20-го іюля. Во время этого праздника особенно бросились мнѣ въ глаза старинные костюмы мѣстныхъ дѣвушекъ. Не могу передать, какую прелесть этотъ костюмъ придаетъ лицамъ крестьянокъ и какую грацію—ихъ движеніямъ.

Кегъ-Островъ—это большое село, съ двумя церквами, домами хорошей постройки, выведенными въ два этажа, но съ неизбѣжнымъ кабакомъ въ самомъ началѣ. Почтеннѣйшее цѣловальничество, открывая въ селѣ кабакъ, обыкновенно принимаетъ на себя обязательство строитъ часовню, платить ежегодно на церковь опредѣленную сумму. Историческій афоризмъ Домиціана, сказавшую знаменитую фразу, что деньги непахнутъ, перешолъ всецѣло въ наши нравы, хотя человѣчество пережило съ тѣхъ поръ немало великихъ, нравственно обновляющихъ эпохъ.

Здѣсь-же, въ Кегъ-Островѣ, я ознакомился съ тѣми производительными предпріятіями, которыя на нашемъ оффиціальномъ языкѣ называются фабриками и заводами. Читая различные отчеты, мы не разъ встрѣчали въ нихъ: въ такой-то гу-

берніи столько-то тысячъ фабрикъ и заводовъ, чуть-ли не по пяти на каждое село. Недоумѣвая, мы напрасно искали разрѣшенія этого вопроса.

Оказалось что заводами считаютъ нижеслѣдующее: стоятъ напримѣръ въ Кегъ-Островѣ по рединѣ улицы двѣ деревянныя перекладины, колесо съ ручкой и скамья для сидѣнья. Что это такое? спрашиваю. Канатный заводъ.—А на много-ли приготовляетъ этотъ заводъ канатовъ? Рублевъ на сорокъ въ годъ. Вотъ вамъ и заводы. Тутъ-же мы осматривали три сельдекоптильни. Они помѣщаются въ деревянныхъ сараяхъ и—какъ все у насъ—поражаютъ невыразимою патріархальностію производства, завѣщанною россійскому народу блаженной памяти царемъ Горохомъ. Вообще надо признаться, что нашъ способъ приготовленія сельдей всякаго рода—никуда не годится. Еще недавно, т. е. лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, сельдяной промыселъ доставлялъ населенію сѣвера до милліона рублей. Теперь его размѣры низошли до 6,000 рублей.

За Кегъ-Островомъ далѣе есть еще нѣсколько деревень. Таковъ старый Кегъ-островъ, Заостровье, Ладино, Великое и другія. Всѣ они пользуются особеннымъ почетомъ въ глазахъ мѣстныхъ археологовъ. Это первые осадки новгородскихъ вольницъ, отстой тѣхъ колонизаторскихъ партій, которыя прошли по всѣму сѣверу, изгнавъ или истребивъ Чудь. Пріемы колонизаціи по видимому не отличались особенною мягкостію, потому что Чудь скорѣе рѣшалась на самосожженіе, на самопогребеніе заживо, чѣмъ на подчиненіе болѣе сильному племени и сліяніе съ нимъ.

Въ Перхачевѣ, деревнѣ, находящейся въ 8 верстахъ отъ Архангельска, по рукаву С. Двины—Заостровкѣ, мы видѣли дома мѣстныхъ купцовъ, нажившихся при конторахъ Архангельскихъ негоціантовъ. Они весьма благоустроены и что всего оригинальнѣе, жизнь ихъ подъ вліяніемъ хозяевъ складывается на чисто нѣмецкій образецъ. Такова была по крайней мѣрѣ обстановка одного крестьянскаго дома. Если мы не можемъ выдумать ничего своего, то обезьянничать—мастера.

Въ 80 верстахъ отъ Архангельска на правомъ, слѣд. гористомъ берегу р. С. Двины находится селеніе Вавчуга, колыбель рода Баженинныхъ, первыхъ русскихъ кораблестроителей. Тутъ была основана первая коммерческая верфь, устроенная именитымъ человѣкомъ гостинной сотни Осипомъ Баженинымъ, которому принадлежало самое село. Осипъ Баженинъ былъ владѣльцемъ лѣсопильной мельницы. Петръ, посѣтившій Вавчугу, былъ восхищенъ красотою окрестностей, развертывавшихся передъ нимъ съ колокольни этого села. Къ тому же тутъ онъ видѣлъ особенныя удобства, чисто мѣстныя, къ развитію кораблестроенія. Исполнителемъ его великой мысли явился Баженинъ и въ 1694 году т. е. спустя годъ послѣ того отсюда былъ спущенъ и отправленъ въ Голландію съ грузомъ русскаго желѣза первый русскій корабль „св. Петръ". Въ 1702 года Царь снова посѣтилъ Вавчугу съ сыномъ, своимъ несчастнымъ Алексѣемъ Петровичемъ, причемъ самъ спустилъ два фрегата „Курьеръ" и „Св. Духъ". На Вавчужской верфи, говоритъ Г. Тышинскій строили не только купеческія суда, но даже военные корабли, фрегаты и другія суда, на коихъ производилась торговля съ Голландіей и Даніей.

Славный родъ Баженинныхъ нынѣ прекратился. Отъ кипучей дѣятельности не осталось и слѣда. Верфи и доки уничтожились и только лѣсопильня и мельница еще существуютъ, перейдя во владѣніе нѣкоего Арх. купца Фомина.

Знаменательно было это время пробужденія народнаго самосознанія! Геній Россіи никогда еще не выражался въ такихъ яркихъ и самостоятельныхъ формахъ. Мы можемъ отдать должное этой великой эпохѣ, потому что недавно пережитая нами эпоха, эпоха освобожденіи 20.000.000 рабовъ едва ли уступаетъ Петровской.

Оставляя прелестную Вавчугу съ ея дивными окрестностями мы, невольно вздохнули.

— Гдѣ нынѣ у насъ на Сѣверѣ эти русскіе дѣятели, кораблестроители, негоціанты. Если они и есть, то русское дѣло—для нихъ „одинъ лишь звукъ пустой".

Гдѣ эти Баженины, Поповы, Бармины, Амосовы, Зыковы, Пругавины.

Одни сдѣлались—чиновниками.... другіе?... Другіе изчезли, не оставивъ послѣ себя и слѣдовъ въ благосостояніи сѣвера и въ народной памяти.

Возбужденные только что пережитыми впечатлѣніями, мы быстро возвращались въ Архангельскъ. Таже сѣрая мглистая ночь охватывала насъ кругомъ, намъ было тяжело и не весело. Скоро направо и налѣво замелькали городскіе огни, и мы были у пристани. Во время дороги мои спутники передавали мнѣ разныя событія и случаи изъ Архангельскаго прошлаго. Слушая ихъ и приводя къ одному знамеиателю все, разсказанное мнѣ прежде, я не могъ не убѣдиться, что въ оскудѣніи экономическихъ силъ Сѣвера, въ пораженіи здѣсь русскаго дѣла виноваты администраторы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Собственно рядъ послѣднихъ, принимавшихъ уже нѣкоторое участіе въ нашихъ собственныхъ интересахъ, начинается съ Арендаренко. До тѣхъ поръ величественные губернаторы этого отдаленнаго края другъ передъ другомъ въ запуски щеголяли величавымъ презрѣніемъ ко всему русскому. Были изъ нихъ господа, искренно убѣжденные, что нашъ Сѣверъ ни къ чему не годенъ, что единственныя морскія богатства его д о л ж н ы эксплоатироваться иностранцами. Маркизъ де-Траверсе, напримѣръ заявлялъ формально, что на Сѣверѣ могутъ жить только пѣтухъ да курица. Требуя закрытія бѣломорскихъ портовъ и гаваней, онъ публично заявилъ въ Архангельскѣ, что край этотъ можетъ процвѣтать лишь къ томъ случаѣ, когда сюда будетъ привлечена колонизація напр. Германскаго племени, ибо „русскіе могутъ быть только чернорабочими, а руководителями ихъ (вѣроятно и губернаторами) должны быть (мудрые учителя наши) иноземцы“. Это-де законъ судьбы, и русскіе всегда останутся подчиненнымъ племенемъ! Можно сказать съ увѣренностію что такимъ образомъ убито солевареніе и другіе промыслы. Невидимый и неслышимый врагъ дѣйствовалъ и ра-

боталъ среди насъ невозбранно, прикрываясь мундиромъ, пользуясь безотвѣтностью забитаго и запуганнаго съ одной, и вороватаго, хищнаго, съ другой стороны, стараго чиновничества. Стыдъ намъ, что въ нашей средѣ являлись такіе дѣятели. Не даромъ же въ Архангельскѣ намъ удалось слышать давнее преданіе о купцѣ Поповѣ, который ослѣпъ отъ слезъ, оплакивая пораженіе русскаго дѣла на дальнемъ Сѣверѣ. Всю жизнь свою этотъ истинный герой посвятилъ борьбѣ за интересы своего отечества, и борьбѣ безнадежной, непосильной. Онъ имѣлъ несчастіе видѣть разрушеніе надеждъ своихъ, измѣну и гнусную подлость въ собственномъ лагерѣ и мерзость запустѣнія въ его родномъ краю. Онъ боролся и съ иностранцами, и съ старымъ чиновничествомъ; но все напрасно!

До чего равнодушны мы къ нашимъ собственнымъ интересамъ—я имѣлъ случай убѣдиться самъ.

Въ Архангельскѣ есть именитое купечество. Каждый изъ членовъ этого почтеннаго сословія на тысячи гласовъ при первой встрѣчѣ съ вами будетъ толковать вамъ о необходимости желѣзной дороги. Но все это оканчивается одними словами. Я обращался къ двадцати, покрайней мѣрѣ, состоятельнымъ купцамъ съ вопросомъ:

— Въ какомъ положеніи дѣло о дорогѣ?

— Не знаю.

— Да вѣдь дѣло идетъ о вашей жизни и смерти!

— Да, Кларкъ хлопочетъ въ Петербургѣ.

— Но какъ хлопочетъ, гдѣ хлопочетъ, чѣмъ разрѣшаются эти хлопоты?

— Не знаю.

— И не любопытствовали знать?

— Любопытствовалъ, признаться, да вѣдь ничего не подѣлаешь—списываться лѣнь.

Ну и толковать нечего, разумѣется! Архангельское купечество по этому вопросу не умѣло сплотиться, не умѣло дѣйствовать энергично и дружно. Настойчивости, сознанія общности интересовъ у нихъ ни на грошъ, понятно что и резуль-

таты—ничтожны. Еще болѣе—когда въ Архангельскъ, по волѣ всевластныхъ судебъ, попалъ одинъ литераторъ и, возмущенный явною несправедливостію, оказываемою Сѣверу его отчужденіемъ отъ желѣзнодорожнымъ путей, сталъ писать о проэктированномъ рельсовомъ пути въ газетахъ,—что бы вы думали сказало на это мѣстное купечество?—Лучшіе люди, разумѣется, сочувствовали, а остальные обижались тѣмъ, что не купецъ разсуждаетъ о торговлѣ. Какъ, не торгуя, самому писать о коммерціи—помилуйте!... Понятно, что это могло бы убить въ человѣкѣ всякое желаніе вести разъ начатое дѣло далѣе.

Ужасно положеніе тѣхъ, которые хотятъ служить честно общественнымъ интересамъ. Ужасно потому, что они всегда будутъ встрѣчать раздраженіе и злость тамъ, гдѣ они ожидаютъ встрѣтить сочувствіе и только сочувствіе. Даже между товарищами по его профессіи онъ не найдетъ братства. Если онъ не прибѣгаетъ къ уловкамъ, не виляетъ хвостомъ, не становится на заднія лапы, не преклоняется передъ чужими знаменами, а главное если, онъ честенъ—его постараются загрызть, и если не загрызутъ то не отъ не достатка желанія, а просто отъ недостатка зубовъ.

XI. Соловецкое подворье.

Наступалъ іюль мѣсяцъ. Море въ этотъ періодъ было особенно тихо и покойно. Намъ пророчили самую благополучную поѣздку въ Соловки. Судя по разсказамъ, въ іюлѣ не бываетъ ни качекъ, ни бурь. Бѣлое море гладко какъ зеркало. Правду говоря, мы сами рвались изъ Архангельска потому, что скучнѣе этого города трудно себѣ представить что нибудь. Отсутствіе общихъ интересовъ весьма печально отзывается во всемъ.

Мы пригляделись здѣсь ко всему. Капризная погода, переходившая отъ лѣтняго зноя къ осеннему холоду, бѣлѣсоватыя, безъ тьмы и безъ свѣта, ночи, сѣверный вѣтеръ, дувшій по три недѣли за разъ безъ устали, столь же продолжительные дожди—все это надоѣло намъ до крайности. Мы стали подготовляться къ отъѣзду.

— Покупайте себѣ шубы.

— Какъ шубы? Въ іюлѣ-то мѣсяцѣ?

— Ладно. Что съ того? У насъ все не какъ у людей. Шарфами запаситесь.

— Это для чего же?

— Ночью на морѣ страшные холода стоятъ. Невыносимо. Вѣдь не захотите же въ каютѣ постоянно сидѣть?

— Еще бы. Однако, шубъ не купимъ.

— Провизіи возьмите съ собой, для Соловокъ.

— Да развѣ тамъ купить нечего?

— Разумѣется. Хотите — идите ѣсть на трапезу, только предупреждаю, что монастырская пища—тяжела до крайности. Нужны для нея привычные желудки.

Пошли мы закупать провизію и подивились. Дороговизна ужаснѣйшая. Дешева оказалась только рыба.

— Совѣтую прихватить лимоновъ и прочаго. На случай качки.

— Да вѣдь вы же говорите, что качки не бываетъ здѣсь въ іюлѣ?

— Такъ-то такъ—да неровенъ часъ.

Короче, мы сдѣлали запасовъ на цѣлый мѣсяцъ.

Прежде посѣщенія монастыря, мы хотѣли ознакомиться съ его подворьями. Такихъ въ Архангельскѣ два; одно, большое, находится на набережной р. Двины, у самаго Гостиннаго двора. Оно выстроено въ два корпуса, двумя этажами на улицу и тремя во дворъ. Повсюду тутъ видѣнъ хозяйскій разсчетъ. Нижній этажъ занятъ лавками и кладовыми, которыхъ до 100. Въ нихъ сложены—грузы желѣза, керосина и др. предметы. Каждая лавка сдается по найму на годъ отъ 50 и до 100 рублей. Въ концѣ зданія—въ томъ же нижнемъ этажѣ помѣщается и часовня Соловецкаго монастыря, весьма не пред-

ставительная, но доставляющая обители кружечнаго сбору ежегодно болѣе 3,000 рублей. При нашемъ входѣ, передъ нами поднялся высокій, худощавый монахъ, на попеченіе котораго возложена исключительно часовня. Это истощенное, блѣдное, аскетическое лицо поразило насъ своимъ контрастомъ съ только что оставленнымъ шумнымъ потокомъ жизни люднаго рынка. Тамъ все говорило о настоящемъ днѣ, здѣсь все обнаруживало исканіе града грядущаго, и отрицаніе града здѣ пребывающаго. Отъ этихъ старинныхъ сумрачныхъ иконъ, отъ этой тяжелой сводчатой комнаты вѣяло невыносимою, тоскливою борьбою живой человѣческой души со всѣми ея земными радостями и привязанностями; лица образовъ сурово смотрѣли изъ-за золоченныхъ рамъ своихъ и только кроткій, улыбающійся ликъ Богоматери, съ Божественнымъ младенцемъ на рукахъ, навѣвалъ чудное спокойствіе на вѣрующее сердце. А во взглядѣ этого ребенка и теперь уже свѣтился тихій, ласковый, умиляющій призывъ: „пріидите сюда вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“. Низко склонялись всклоченныя головы крестьянъ-богомольцевъ. Гдѣ-то въ углу отъ сознанья яснаго счастья рыдала старуха, прошедшая тысячи верстъ, въ чаяніи помолиться надъ мощами Соловецкихъ угодниковъ. У самыхъ дверей часовни двѣ сгорбленныя нищенки протягивали къ намъ закорузлыя, тощія руки. И для этихъ нѣтъ—здѣ пребывающаго града, и эти вѣруютъ—въ Іерусалимъ грядущій!.. И отрадная вѣра спасаетъ ихъ отъ отчаянія, отъ тяжелаго сознанія ужаса своего положенія...

О ты—горній, грядущій Іерусалимъ! Не одно истрадавшее, облитое кровью сердце бьется великою вѣрою въ твое пришествіе. Не одинъ грустный взглядъ измученнаго устремляется въ синюю, бездонную высь, слѣдитъ за серебристо-бѣлыми ея облаками, словно испытуя, гдѣ сверкаютъ стѣны этого града, гдѣ сіяютъ купола его, гдѣ зыблются и шепчутъ, зеленѣютъ и цвѣтутъ благоуханные сады Эдема...

Намъ, кого жизнь придавила, своею тяжелою пятою, намъ, оставляющимъ капли лучшей крови своей на каждомъ камнѣ

мостовой, намъ, чье ложе было не разъ измочено слезами, чьи рыданія слышала равнодушная, темная ночь, намъ разбитымъ, намъ раздавленнымъ, намъ, униженнымъ — ты ярко сіяешь въ лазурной высотѣ надписью, начертанною Божественнымъ спасителемъ на вратахъ твоихъ:

„Пріидите сюда всѝ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы"!

Мы вошли во дворъ подворья. Весь второй этажъ четыреугольника занятъ квартирами, отдающимися въ наемъ отъ 200 р. въ годъ и выше. Какъ намъ говорили это—однѣ изъ лучшихъ квартиръ въ городѣ. Высокія, большія комнаты, свѣтлыя окна, чистые входы—хоть бы и въ столицу. На дворѣ разбрелись богомольцы самыхъ разнообразныхъ типовъ. Вотъ высокій, угловатый вятчанинъ-хлѣбопашецъ, вотъ прицмокивающій, красивый шенкурецъ, тутъ цѣлая толпа пермяковъ, а тамъ олончане, словно чему-то удивляющіеся, чего-то непонимающіе. Между ними сновали бабы, растерянныя, суетливыя.

А вотъ среди общаго движеніи—равнодушный ко всему съ трубочкой въ зубахъ отставной ундеръ. Шинель его въ лохмотьяхъ, одна нога въ лаптѣ, другая въ какихъ-то опоркахъ, на головѣ вмѣсто шапки какая-то невообразимая кошка,—но вглядитесь въ это спокойное лицо, и вы поймете, какъ мало смущаютъ его треволненія и бѣдствія его жизни. Была бы засыпка табаку, краюха хлѣба въ сумѣ,—а тамъ хоть трава не рости. Двѣ, три медали болтаются на груди его, въ рукахъ костыль, а рядомъ съ нимъ ребятишко, маленькій, курносенькій, быстроглазый.

— Сынъ, что ли? спросили мы его.

— Какое! такъ... На дорогѣ его поймалъ—безъ роду, безъ племени. И онъ погладилъ его шаршавую голову жесткою, крупною рукою... При мнѣ и кормится...

Вотъ гдѣ-то запричитала баба. Толпа кидается къ ней.

— Что съ тобою, бабушка?

— Маточки... отцы родные... охъ, бѣда пришла... Что я подѣлаю, горегорькая сиротинушка...

— Да что тебѣ?

— На базарѣ должно быть платъ потеряла.

— Дорогой платъ-отъ, что ли?

— Дорогой, кормилецъ, дорогой. Три свѣтлушечки дала за него. Шестьдесятъ копѣекъ... Охъ, голубчики!

— Ну, полно выть, выдвигается одинъ вологжанинъ. Что платъ-отъ? Новый купишь и шабашъ?

— Да въ емъ, отецъ, въ платѣ-отъ деньги мои кровныя... Ахъ, родимые... пятьдесятъ цѣлковичковъ, да белетъ. Голубчики вы мои... Легше бы скрозь землю...

Толпа молчитъ. Лица бородатыхъ слушателей смущены... Каждому близко къ сердцу такое несчастіе.

— Свои деньги, что-ль?

— Два десятка своихъ, а остатошные посбирала на Соловецкихъ угодничковъ. Какъ они теперь... Соловецкіе угоднички? Не по-ми-лу-ютъ... Голубчики, отцы-ы ро-одные!...

— А ты не горюй, вступается монахъ, ты не горюй. Вѣра твоя спасетъ тебя... Усердія одново довольно.

— Да, какже я до угодничковъ доберусь то, корми-илецъ?

— На пароходѣ даромъ свеземъ.

— Родной ты мой... А белетъ-отъ?

— Какъ нибудь... Не горюй... Поди въ часовню—помолись, какъ рукой сниметъ.

— Сниметъ?

— Сниметъ, какъ не снять. Загалдѣла толпа. Ступай, матка, въ часовню... Сниметъ разомъ.

И старуха, плача, поплелась въ часовню.

Тутъ въ первый разъ мнѣ кинулось въ глаза различіе между монахами Троицко-Сергіевской лавры и Соловецкаго монастыря. Когда я ѣздилъ въ первую, меня въ подворьѣ встрѣтилъ монахъ въ рясѣ ліонскаго бархата, съ золотою часовою цѣпочкой на груди и кольцами на рукахъ. Тутъ же всѣ попадавшіеся на встрѣчу монахи носили толстаго черного сукна рясы и грубые крестьянскіе сапоги.

— Что у васъ, всѣ такѣ одѣваются? спросилъ я у перваго монаха.

— Какъ это то-есть? недоумѣвалъ тотъ.

— Да такъ, лучше не носите одежды, какъ въ другихъ монастыряхъ?

— Нѣтъ, у насъ этого не положено. Потому намъ другой одежды не требуется. Мы вѣдь больше изъ крестьянъ. Въ прочихъ обителяхъ—можетъ дворяне есть, ну такъ тѣ прібыкли. А намъ и то хорошо!...

Вотъ мимо проходятъ двѣ дѣвушки — богомолки. Глаза черные, темныя косы низко опускаются по спинѣ. Высокая соболья бровь оттѣняетъ загорѣлый, но красивый лобъ. Совершенно не сѣверный типъ!

— Откуда, молодка?

— А съ Пилтавской губерныи.

Такъ и есть—знойный, горячій югъ!...

Вотъ какой-то мѣщанинъ, какъ оказалось потомъ ярославецъ, въ сѣромъ драповомъ халатѣ, тащитъ на плечахъ безногаго уродца. Тоже богомольцы. А тамъ за ними, словно фонъ картины, цѣлые десятки однообразныхъ сѣрыхъ армяковъ, въ перемежку съ синими сарафанами.

— Можно осмотрѣть, гдѣ помѣщаются богомольцы?

— А пожалуйте, вотъ по той лѣсенкѣ.

Мы поднялись—и вошли. Большія, выбѣленныя комнаты, съ нарами по серединѣ. Все чисто. Воздухъ свѣжъ, вентиляція устроена хорошо. Кучка богомольцевъ галдѣла о какихъ-то пошехонскихъ старушкахъ, дѣлающихъ чудеса на Ивановъ день. Въ углу слѣпой пѣлъ пѣсню объ Алексіѣ-Божьемъ человѣкѣ. Гнусливый, носовой напѣвъ смѣшивался съ густымъ храпомъ спавшаго на нарахъ судорабочаго. Въ другой комнатѣ—были женщины. Тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ гвалтъ неописанный. Двѣ, ветхія деньми старушонки съ утиными носами, рѣзко выдѣлявшимися на съежившихся въ кулачокъ личикахъ, перекорялись одна съ другою, изъ за какого-то калача. Старая бѣдняга-чиновница гордо сидѣла въ углу

одна, не смѣшиваясь съ чернью. Побывавшая во всѣхъ городахъ и, разумѣется, во всѣхъ острогахъ, странница разсказывала о пупѣ земномъ, лично видѣнномъ ею въ Ерусалимъ-Голгофь-Гефсиманской, объ огнѣ, исходящемъ изъ нутренняго нутра Пенорскихъ святителей, о стрѣлѣ, язвящей, но не пронзающей, о разныхъ пророческихъ явленіяхъ, о живомъ двуглавомъ орлѣ, находящемся, будто бы, въ золотой клѣткѣ, въ царскомъ дворцѣ въ Питерѣ; о стоглавъ-зміѣ, чуть было не пожравшемъ её, потому что она, отправляясь въ Ерусалимъ-Голгофъ-Гефсиманскую, помыслила о земномъ — о кофіѣ, тутъ же откровенно признавалась она.

— Какъ же ты, матушка,—водой чать ѣхала въ святыя мѣста?

— Въ Ерусалимъ-Голгофь?

— Да.

— Все по сушѣ... Пѣшечкомъ все, на этихъ самыхъ ноженькахъ, родная.

— А моря не встрѣчала?

— Было, признаться, одно море, гдѣ фараонъ съ воинствомъ на колесницѣ—потопъ. Одначе, какъ мы подошли, такъ оно сейчасъ и отхлынуло. Мы по бѣлому, бѣлому песочку, съ золотыми и бруллъянтовыми камнями, такъ и прошли. Какъ на бережокъ вышли—вода опять сошлась. Чудо!... И сколько чудесъ этихъ—не перечтешь. И все—чудеса разныя. Въ одномъ мѣстѣ водой дѣвствуетъ, въ другой—огнемъ, а въ третьемъ—ароматомъ на тебя пущаетъ... Да, сподобилась я, грѣшная, за мое сиротство горькое, да за добродѣтель мою. Смиреніе—велико дѣло передъ Господомъ!

Мы вышли отсюда.

Нужно было справиться о цѣнѣ переѣзда въ Соловки, на пароходахъ этого монастыря.

Въ конторѣ подворья намъ дали билеты на каюты 1 класса.

Каюта перваго класса, на 4-хъ человѣкъ, стоитъ въ Соловки и обратно 12 р., втораго класса 8 р., мѣсто въ общей каютѣ перваго класса (въ два конца за все)—6 р., во второмъ—4 р., третьеклассныя мѣста на палубѣ—3 р.

У Соловецкаго монастыря есть два парохода—„Вѣра" и „Надежда".

Другое подворье помѣщается въ Соломбалѣ у пароходной пристани; это двухъ-этажное зданіе, съ отдѣльнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщается часовня. Мы еще будемъ имѣть случай разсмотрѣть его. Третье подворье находится въ Сумскомъ Посадѣ, кемскаго уѣзда. Было еще четвертое, въ г. Вологдѣ, но оно уже давно продано частному лицу.

Выходя изъ воротъ Соловецкаго подворья, мы случайно увидѣли подъ самой крышей, выходящій на дворъ стѣнѣ его, маленькія окошечки. Оказалось, что практичные монахи, устроили тамъ маленькія комнатки которыя и сдаются въ наемъ разнымъ чиновницамъ мелкаго ранга. Тутъ ютится благородная и высокоблагородная нищета. Тутъ гнѣздится бѣдный людъ, утѣшающій себя тѣмъ, что умереть въ Соловецкомъ подворьѣ, все равно, что умереть въ самомъ монастырѣ. Значитъ, все поближе къ царствію небесному.

— Многоль у васъ богомольцевъ скопляется оновременно? спросилъ я, уже выйдя изъ подворья у подвернувшагося мнѣ монаха.

— Человѣкъ по 900 бываетъ.

— И все крестьяне.

— Крестьяне.

— Изъ какихъ больше губерній.

— Вятской, Пермской, Олонецкой, Вологодскй, Новгородской, да почти со всей Россіи идутъ сюда.. Какъ начнется судоходство, народъ и валитъ. Теперь еще поотошло. Все же въ годъ тысячъ двацать пять перебываетъ, до тридцати доходитъ..... Вы тоже къ намъ?

— Да.

— Поѣзжайте; есть гдѣ помѣститься. У насъ мѣста святыя! Аѳонъ Русскій—наши Соловки.

И такъ, въ Русскій Аѳонъ!

СОЛОВКИ

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПОѢЗДКИ СЪ БОГОМОЛЬЦАМИ *).

I. Пароходъ „Вѣра".

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ „Вѣра". Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ недвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу, и наконецъ исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: какая-то старая дѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазками. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи и приближеніи грядущаго града съ „батюшкой"— красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро-добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не

*) Въ нашихъ очеркахъ мы не касались святынь Соловецкихъ, а рисовали только бытовую сторону этой замѣчательной общины и типы богомольцевъ, посѣщающихъ ее.

главную отличительную черту всѣхъ чисто великорусскихъ физіономій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ монаховъ. Странно было видѣть моряковъ въ клобукахъ, точно и быстро исполнявшихъ распоряженія своего капитана—небольшого, худощаваго инока, зорко оглядывавшаго окрестности. Не слышно было приказаній вовсе. Движенія его руки определяли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновенье, она ринулась въ недосягаемую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человѣкъ.

Это—прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безцѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ „Вѣра“ совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самаго края кормы на кругѣ свернутаго каната, и невольно заглядѣлись на широко растилающуюся позади даль, окаймлявшую зеленовато-сѣрый просторъ Двинскаго лимана.

Направо и налѣво даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ словно въ воздухѣ висѣли бѣлыя колоколенки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще

болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флёромъ. Песчаныя промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы, то узкими, какъ остріе, чертами, то широками, какъ ярко блистающіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чаекъ, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлые силуэты колоколенъ. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мглистая полоса... она все ширилась и ширилась... искра за искрой пропадала надъ нею; бѣлая линія съуживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда вглядишься въ эту даль. Одна слабая точка, да и та, кажется, высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

А впереди были облака, вода и небо.

На самомъ краю его, какъ невѣдомый, чудный гористый край, постоянно мѣняя свои очертанія, вздымалась серебряная, матово-серебряная, съ золотисто-голубыми тонами полоса облаковъ... Воображеніе дорисовывало между этими фантастическими вершинами призрачныхъ горъ — глубокія, лѣсистыя долины, на тихихъ берегахъ бѣлые города, маленькіе, всѣ потонувшіе въ зелени. Такъ и манило туда, туда, далеко — въ эти поэтическія пустыни.

А капитанъ-монахъ опасливо глядѣлъ на эту, все выроставшую изъ-за моря кайму. Зоркіе глаза его какъ будто высматривали что-то грозившее пароходу. Не бурю ли?

Чтò за дѣло! Пока еще лазурь уходившаго въ недосягаемую высь неба была безмятежна, упругія волны смиренно лизали бока парохода, безконечный просторъ дышалъ красою мира и покоя.

Откуда - то съ берега вѣтромъ донесло какъ будто звуки пастушьяго рожка... Да, это они. Цѣлый рой воспоминаній, красокъ, образовъ, голосовъ словно вспыхнулъ въ памяти. Такъ разомъ поднимается вверхъ встревоженный рой пчелъ. Какою-то прелестью уединенія вѣяло отъ этихъ звуковъ... Мы словно зачарованные внимали имъ. И тихая грусть незримо, неслышимо проникала въ сердце...

А берега казались все ниже и ниже, концы ихъ направо и налѣво все отходили отъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ просторомъ лимана.

— Скажите, какая огромность! — послышалось за мною, и все очарованіе исчезло. Флюсъ въ юбкѣ наслаждался природой.

За одно это выраженіе я готовъ былъ выбросить ее за бортъ.

II. Отецъ Іоаннъ — командиръ парохода.

Я поднялся наверхъ къ капитану.

Отсюда видъ становился еще шире. Казалось, что еще мигъ — и полусмытые берега лимана пропадутъ вовсе. Мимо насъ быстро проплыла поморская шкуна. На одну минуту въ глазахъ мелькнули двѣ невысокія мачты, три паруса и какой-то коренастый малый въ шерстяной фуфайкѣ, копошившійся на палубѣ. На кормѣ шкуны преспокойно спала поморка, въ аломъ кумачномъ сарафанѣ.

И снова пустынная ширь зеленевато-сѣрой воды.

Капитанъ парохода крайне заинтересовалъ меня своею на-

ружностью. Небольшого роста, весь какъ будто состоящій изъ нервовъ и жилъ, онъ ни на одну минуту не оставался въ бездѣйствіи: то онъ сбѣгалъ внизъ къ рулю и самъ поворачивалъ его, избѣгая переносныхъ мелей, то опять зорко оглядывалъ окрестности, командуя экипажу. Бѣлая парусинная ряса во всѣ стороны развѣвалась вѣтромъ, черный клобукъ торчалъ на затылкѣ, длинные, каштановые волосы обрамливали еще молодое, но серьезное и умное лицо, всѣ черты котораго обнаруживали мужество, силу и смѣтливость.

— Сколько поднимаетъ „Вѣра“?

— Пятнадцать тысячъ пудовъ.

— А на ходу пароходъ каковъ?

— Да безъ баласта девять узловъ въ часъ дѣлаетъ. Вотъ придемъ въ монастырь, поставимъ его въ доки, да перемѣнимъ винтъ, такъ еще быстрѣй пойдетъ.

— Дорого онъ достался монастырю?

— Тысячъ за двѣнадцать; восемь израсходовано на приспособленіе его къ Бѣлому морю. Разумѣется, ежели сообразить, что рабочіе у насъ даровые, то цѣнность „Вѣры“ окажется еще выше.

— Такъ вы въ настоящее время не отправляете пароходы для передѣлки за-границу?

— Нѣтъ... Теперь мы и сами научились пароходы строить. Пароходъ „Надежду“ мы сами выстроили. Вотъ для „Вѣры“ винтъ отдѣлаемъ въ монастырѣ, въ собственныхъ горнахъ. Она еще недавно у насъ плохонько ходила. Винту не доставало хорошихъ приспособленій. Можетъ быть слышали, что пароходъ Бѣломорско-Мурманской компаніи „Качаловъ“ стоялъ въ нашихъ докахъ для починки; ну, мы высмотрѣли въ немъ новое устройство винта, и сейчасъ же сдѣлали сами составной винтъ для „Вѣры“.

— Какъ вы попали на пароходъ? Странно какъ-то видѣть монаха, командующаго судномъ.

— Да, вѣдь я съ четырнадцати лѣтъ по морю хожу. И за границею и здѣсь.

— Ба! Я, вѣдь, значитъ о васъ-то и читалъ. Вы возили Диксона по Соловецкому монастырю?

— Я, самъ.

— Такъ вы и есть о. Иванъ?

— Я.

— Читали вы, что онъ пишетъ о васъ въ „Свободной Россіи"?

— Нѣтъ.

Я ему разсказалъ. Очеркъ Диксона оказался не совсѣмъ вѣренъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы отъ самого отца Іоанна узнать исторію его жизни, полной самыхъ неожиданныхъ контрастовъ и приключеній. Онъ четырнадцати лѣтъ кончилъ курсъ въ Кемскомъ шкиперскомъ училищѣ. На поморскія шкуны и теперь не легко попасть воспитаннику этой школы. Наши поморы-судохозяева обходятся пролетаріями-лѣтниками, готовыми изъ-за хлѣба, да изъ-за податей наняться на суда. О Іоанну дѣваться было некуда. Долго не думая онъ поступилъ матросомъ на ганноверскій галіотъ, который нуждался въ русскомъ, такъ какъ по случаю датской войны онъ ходилъ подъ нашимъ флагомъ. Способный юноша только-что сталъ свыкаться съ службою, какъ во время сильной бури, въ Нѣмецкомъ морѣ, галіотъ разбило о скалы и изо всего экипажа спаслось только трое матросовъ. Однимъ изъ нихъ былъ нашъ соотечественникъ. Возвращаться домой ему не хотѣлось. Въ немъ кипѣли молодыя силы; сердце неудержимо рвалось впередъ, глаза смѣло глядѣли въ загадочныя дали будущаго. Добравшись до первой гавани, онъ поступилъ на нѣмецкое судно, обошелъ на немъ вокругъ свѣта, и вернулся въ Германію, отлично узнавъ нѣмецкій языкъ. Тутъ подвернулся англійскій китоловъ, и о. Іоаннъ отправился въ южныя полярныя моря бить китовъ, потомъ ходилъ въ Ламаншѣ, въ Ирландскомъ морѣ, велъ жизнь кипучую, отважную до дерзости, полную огня и страсти. Вернувшись въ Лондонъ, онъ уже говорилъ по-англійски, какъ англичанинъ, хотя съ нѣсколько простонароднымъ выговоромъ. Потомъ опять рядъ

скитальчествъ, рядъ морскихъ похожденій—то матросомъ, то шкиперомъ купеческаго корабля, то кочегаромъ на пароходѣ, то помощникомъ капитана на немъ же. Чего онъ не переиспыталъ въ это время! Онъ побывалъ подъ всѣми широтами, перезнакомился со всѣмъ, и образовалъ изъ себя отличнаго моряка-практика. Бродяжничая такимъ образомъ по свѣту, онъ на какой-то набережной, въ Плимутѣ, услышалъ унылую русскую пѣсню, и сразу точно что-то оборвалось въ его сердцѣ. Вспомнилась далекая родина, забытая семья, скалистыя берега Поморья, гдѣ еще ребёнкомъ онъ справлялся съ морскимъ карбасомъ, смѣло правя рулемъ противъ пѣнистыхъ валовъ. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ покоя. Родныя пѣсни его преслѣдовали повсюду. Задумается ли на палубѣ въ безсонную ночь, и, кажется, что кто-то его кличетъ изъ далека; захочется ли пѣть — неудержимо рвутся изъ груди знакомые старые мотивы, столько лѣтъ забытые и въ одинъ мигъ воскресшіе въ его памяти. Чужбина ему стала ненавистна. Онъ чуть не дотосковался до чахотки, вернуться же было опасно. Россію онъ оставилъ самовольно, безъ паспорта прожилъ заграницею болѣе двѣнадцати лѣтъ— и настолько зналъ наши законы, что сильно опасался за себя. Долго еще онъ маялся такимъ образомъ и, наконецъ рѣшился. Будь, что будетъ, а онъ вернется домой—хоть въ тюрьму. Острогъ на родинѣ казался ему милѣе привольнаго скитальчества по безпредѣльнымъ морямъ и океанамъ чужбины. Не долго было до исполненія. Онъ взялъ мѣсто на одномъ изъ пароходовъ, шедшихъ въ Архангельскъ изъ Ливерпуля, и, припавъ къ родной землѣ поцѣловавъ ее и обливъ горячими слезами, добровольный изгнанникъ явился къ начальству. Мудрое начальство сейчасъ его—въ острогъ, къ ворамъ и разбойникамъ, въ одну съ ними камеру. Потомъ онъ узналъ прелести россійскихъ этаповъ. Прикованный съ шестью другими бродягами на одну цѣпь, онъ въ такомъ видѣ прошелъ въ Кемь, откуда уѣхалъ первоначально. Тамъ опять душный, смрадный острогъ, допросы, слѣдствія, цѣпи, и это — человѣку, привыкшему бороздить безконечные

океаны, освоившемуся съ кипучею, полною огня дѣятельностію. Тутъ отецъ Іоаннъ, вѣроятно, искренно раскаялся въ патріотизмѣ. Здѣсь же онъ далъ обѣтъ цѣлый годъ въ качествѣ простаго рабочаго-богомольца проработать св. Зосимѣ и Савватію въ Соловецкомъ монастырѣ, если удастся избавиться отъ грозившихъ ему арестантскихъ ротъ. Судъ праведный, разумѣется, приговорилъ его къ ротамъ, но нашлись люди, принявшіе въ немъ участіе, и онъ былъ освобожденъ оттуда. Тотчасъ же, по обычаю, усвоенному населеніемъ Сѣвера и согласно своему обѣту, онъ отправился въ монастырь „работать на св. Зосиму и Савватія". Въ монастырѣ его поселили въ казармѣ богомольцевъ-рабочихъ и цѣлую зиму онъ проработалъ, не разсказывая о себѣ ничего. Трудъ ему доставался самый тяжелый, какой бы онъ едвали вынесъ, еслибы не одушевлявшая его мысль—отблагодарить Зосиму и Савватія за спасеніе отъ окончательной гибели. Тутъ онъ и таскалъ тяжести, и пилилъ доски, и рубилъ дрова, и занимался въ кожевнѣ, и былъ мусорщикомъ. Наконецъ подошелъ іюнь мѣсяцъ и монахи, еще не зная въ немъ моряка, выбрали его въ матросы. Пароходъ „Надежда" вышелъ изъ соловецкой гавани въ море. На самой серединѣ пути въ Архангельскъ разразилась страшная буря. Команда потерялась. Управлявшій кораблемъ и плохо знавшій свое дѣло монахъ путался, пассажиры своимъ смятеніемъ и отчаяніемъ еще увеличивали затруднительность положенія. А буря все усиливалась и усиливалась. Пароходъ потерялъ мачты, снасти изорвало въ клочки. Гибель казалась неизбѣжной. И вотъ, когда послѣдняя надежда была потеряна, когда одни шептали молитвы, заживо погребая себя, а другіе погрузились въ мертвую апатію — вдругъ на пароходѣ грянула громовая команда: все дрогнуло, матросы бросились по своимъ мѣстамъ. Всѣ обернулись къ капитану и на его мѣстѣ увидѣли отца Іоанна, самоувѣренно выступившаго на борьбу со стихіей. Онъ вдохнулъ свое мужество въ самыхъ робкихъ: энергическая дѣятельность смѣнила тупой ужасъ; новый командиръ цѣлую ночь, самъ стоя у руля, боролся съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ,

и уже въ полдень на другой день пароходъ тихо и благополучно входилъ въ архангельскій портъ. Такимъ образомъ отецъ Іоаннъ спасъ четыреста жизней и первое паровое судно монастыря.

Монахи не любятъ выпускать изъ рукъ полезныхъ людей, и о. Іоаннъ остался вольнонаемнымъ командиромъ монастырскаго парохода, съ жалованьемъ въ 300 р. и полнымъ содержаніемъ отъ обители. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ благочестивые иноки начали склонять дорогого имъ человѣка принять постриженіе. Хотя о. Іоаннъ и не высказывался никому, но понятно само собою, какую борьбу должна была выдержать эта страстная натура прежде, чѣмъ произнести обѣты отрѣшенія отъ жизни, добровольнаго самопогребенія. Наконецъ, онъ сдѣлался послушникомъ. Другіе до перваго постриженія ждутъ 8, 9 и 10 лѣтъ, а ему оно дано было въ первый годъ: ужъ очень нужный человѣкъ, какъ бы не одумался, да не ушелъ. Тотчасъ же вслѣдъ за постриженіемъ жалованье ему было сбавлено, ибо то, что онъ прежде дѣлалъ за деньги, теперь онъ долженъ былъ исполнять по обязанности. Затѣмъ обитель дала ему второе постриженіе, послѣ котораго онъ имѣлъ случай везти на своемъ пароходѣ великаго князя Алексѣя Алексанровича. Когда Его Высочество предложилъ ему, кажется, 200 р. въ награду за трудъ, онъ отвѣтилъ: „монаху деньги не нужны; мнѣ было бы пріятно имѣть какую-нибудь память отъ васъ". И скорѣе согласился принять простые серебряные часы, чѣмъ деньги.

Когда я ѣхалъ въ Соловецкій монастырь, о. Іоаннъ уже получалъ только 100 р. въ годъ и 25 р. за навигацію въ видѣ награды. Всѣ эти деньги онъ тратилъ на выписку книгъ и инструментовъ по свой спеціальности. Послѣ уже я узналъ, что онъ получилъ третье постриженіе. Итакъ, іеромонахъ Іоаннъ крѣпкими узами связанъ теперь съ обителью. Да какъ послѣдней и не стараться залучить къ себѣ такого человѣка? О. Іоаннъ положительно лучшій морякъ во всемъ Бѣломорскомъ флотѣ. Жаль только, что его знанія пропадутъ даромъ,

если онъ бросить работать на томъ поприщѣ, гдѣ его способности такъ блестяще примѣняются теперь.

Ему станутъ платить вѣроятно очень немного.

— Я теперь работаю не на себя, а на св. Зосиму и Савватія!—И въ его голосѣ слышалось глубокое религіозное волненіе, что̀ ему, впрочемъ, не мѣшало зорко оглядывать окрестность, все болѣе и болѣе расширявшуюся передъ нами.

— И вамъ не хочется воротиться въ міръ?

— Въ мірѣ пагуба, въ мірѣ нѣсть спасенія.

И это говорилъ полный жизни, мужества и кипучихъ силъ молодой человѣкъ. Да, вѣра—великое дѣло, она дѣйствительно движетъ горами! Кто бы могъ подумать, что подъ этою смиренною рясой хоронится жизнь, богатая такими сказочными переходами, событіями!

— И вамъ не скучно въ монастырѣ? добивался я.

— Молитва и работа не допускаютъ скуки. Скучаютъ только тунеядцы.

Въ лицѣ о. Іоанна Бѣломорскій флотъ лишился человѣка, котораго ему не замѣнить нынѣшними своими капитанами. Это невознаградимая потеря.

Пока я размышлялъ о странной судьбѣ этого монаха, лѣвый берегъ Двины пропалъ вовсе, и въ сторонѣ передъ нами словно выросъ изъ однообразнаго сѣраго простора, мѣрно, ритмически катящихся валовъ, Мудюжьскій островъ, съ зеленой щетиной сосноваго лѣса и стройною круглою башней стараго маяка. Здѣсь тянется опасная мель. Тутъ же предполагается устроить станцію для спасенія погибающихъ при крушеніи судовъ.

Скоро мы были въ открытомъ морѣ...

III. На палубѣ.

Палуба парохода была загромождена народомъ.

Богомольцы кучами сидѣли у бортовъ, у входовъ въ каюты, на свернутыхъ канатахъ, бочкахъ, ящикахъ, сундукахъ и узлахъ. Борты были унизаны головами. Всюду стоялъ неумолкаемый шумъ. Около трехсотъ человѣкъ говорило, смѣялось, молилось и пѣло.

Изъ четырехъ-угольнаго отверстія трюма вырывались на свѣтъ Божій цѣлые снопы голосовъ. Тамъ словно въ купели Силоамской собралось множество слѣпыхъ и хромыхъ, глухихъ и болящихъ, всѣхъ чающихъ движенія воды. Калѣки въ невообразимой тѣснотѣ гомозились одни на другихъ. Сверху все это казалось цѣлою кучею тряпья, изъ-подъ котораго выглядывали изможденныя, измученныя лица, худыя, словно закостенѣвшія руки, и голыя, струпьями и придорожною грязью покрытыя, ноги. Чѣмъ дальше къ угламъ, тѣмъ все это больше уходило во тьму и наконецъ, совсѣмъ пропадало, только гулкій разноязычный говоръ позволялъ догадываться, что тамъ копошатся и отдыхаютъ кучи разнаго голутвеннаго и недужнаго люда.

И наверху народу было, что называется, не въ проворотъ.

Больше всего вятскихъ крестьянъ. Понурые, испостившіеся, они сидѣли артелями, безмолвно поглядывая другъ на друга, и только нѣкоторые подавали признаки жизни, съ трудомъ пережевывая черствый хлѣбъ. Олончане шумѣли больше всего. Между ними пропасть бабъ, и всѣ какія-то иконописныя, съ сухою складкою узкихъ губъ, на старческомъ, застывшемъ въ одномъ выраженіи отрицанія прелестей суетнаго міра, лицѣ. Кое-гдѣ бродили заматорѣлыя въ бродяжествѣ странницы, тѣ общмыганныя, юркія на все готовыя странницы, которыя по землѣ русской и въ одиночку и цѣлыми вереницами тянутся отъ однихъ угодниковъ къ другимъ, то на перепутьѣ нѣжа свои усталыя ноженьки въ

купецкихъ благолѣпныхъ хороминахъ, то попадая въ темницы тѣсныя къ татямъ и разбойникамъ. Трудно сказать, что и въ настоящее время безъ этихъ ходячихъ четьи-миней дѣлали бы мастодонты и плезіозавры нашего торговаго міра. По захолустьямъ и теперь для шестипудоваго негоціанта нѣтъ выше наслажденія, какъ, попарившись въ банѣ, послушать за чайкомъ такую словоохотливую странницу, которая, по ея собственному признанію, отъ юности отвратила лицо свое отъ житія блуднаго, отъ міра прелестнаго, возлюбивъ наипаче всего мати-пустыню прекрасную и обители святыя, благочестіемъ иноковъ и памятію угодниковъ своихъ, словно каменіемъ драгоцѣннымъ, украшенныя...

Были тутъ и странники. Это народъ—строгій, серьёзный, неподвижный, съ устоемъ. Изъ-подъ черной, свалявшейся на головѣ, скуфейки зорко глядятъ острые, насквозь васъ пронизывающіе глаза; клочья сѣрыхъ, запылившихся волосъ выбиваются и на лбу и по сторонамъ лица. Сѣрую изъ грубаго крестьянскаго сукна ряску охватываетъ широкій ременный поясъ. Въ рукахъ—посохъ, ноги—босы, а изъ-подъ ряски иногда выглядываетъ власяница. Только крупныя, алыя губы дышатъ чѣмъ-то инымъ, не аскетическою замкнутостію порвавшей всѣ свои связи съ міромъ жизни, а чувственнымъ, жаднымъ, неудержимымъ стремленіемъ къ этому самому міру, къ этому самому блудному и піаному житію. Но пусть только этотъ гражданинъ лѣса и проселочной дороги замѣтитъ на себѣ посторонній взглядъ: въ одинъ мигъ погаснутъ глаза, на лицѣ разомъ отпечатлѣется стереотипная, иконописная сухость и строгость, губы какъ-то подберутся внутрь и богатырская грудь станетъ впалой, и голова словно войдетъ въ плечи, и цѣпкія, крупныя руки благочестиво сложатся въ крестное знаменіе. Они на пароходѣ при другихъ, на улицахъ большихъ городовъ, въ монастырскихъ подворьяхъ сторонятся отъ странницъ, обзывая ихъ чортовыми хвостами, блудницами вавилонскими. Тутъ, разумѣется, говоритъ зависть. Страннику никогда не усвоить того юркаго, увлекательнаго

языка, никогда не сумѣть съимпровизировать на мѣстѣ разсказы о чудесахъ и подвигахъ, о великихъ видѣніяхъ въ нощи, о князьяхъ власти воздушныя, на которые такъ щедры и изобрѣтательны странницы.

Между народомъ бродили и монашки-подростки. Это дѣти, одѣтыя въ костюмъ монастырскихъ послушниковъ. Возрастъ ихъ колеблется между 9 и 15 годами. Тутъ въ нихъ еще замѣтна какая-то робость, неумѣлость, но мѣсяца черезъ два— въ монастырѣ ихъ не узнать. Это большею частію сыновья зажиточныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, а также Вологодской, Вятской, Пермской и Олонецкой; отцы ихъ дали обѣтъ послать дѣтей въ монастырь на одинъ годъ для работы на Соловецкихъ угодниковъ. Какъ обитель воспользовалась этою живою силою, будетъ разсказано ниже. Тутъ же нельзя не выразить тяжелаго впечатлѣнія, производимаго этими молодыми, смѣющимися лицами, этими бойкими деревенскими парнишками, отъ которыхъ такъ и вѣетъ веселостію, но одѣтыми въ полу-монашескую черную одежду, знаменующую полнѣйшее и непримиримое отрицаніе жизни со всѣмъ ея свѣтомъ и тепломъ, со всѣми ея радостями и печалями. Монашки-подростки, прожившіе на Соловецкихъ островахъ годъ, побывавшіе затѣмъ дома и теперь возвращавшіеся обратно въ обитель добровольно, съ цѣлію остаться тамъ навсегда, носили уже на себѣ совершенно иной отпечатокъ. Ни одного рѣзкаго движенія, ни одного лишняго взгляда, на ихъ свѣжихъ лицахъ ни луча, ни смѣха. Они до непріятнаго подражали взрослымъ инокамъ. Та же спокойная, строгая осанка, та же размѣренность движеній, тѣ же опущенныя рѣсницы. Видна дисциплина самая безпощадная. Еслибы возможно— малые сіи были бы бо̀льшими аскетами, чѣмъ ихъ идеалы-взрослые и вполнѣ освоившіеся съ своею ролью монахи.

Только архангельскія мѣщанки безъ умолку трещали о своихъ дѣлишкахъ, занявъ лучшія мѣста между мачтами и у бортовъ. Тутъ живо переходили изъ рукъ въ руки чайнички, чашки съ чаемъ, кофеемъ, пироги и всякая снѣдь. Увы!

Еслибы онѣ знали, какую тяжелую участь приготовляли себѣ впереди.

Общая картина палубы была весьма эффектна.

Яркіе наряды женщинъ, группы скученнаго народа, все это облитое знойными лучами яркаго лѣтняго солнца, все это двигавшееся, суетившееся, шумѣвшее. Въ кормовой части на платформѣ помѣщались пассажиры „почище", восторгаясь картиною открывшагося впереди моря и повѣрявшіе другъ другу свои впечатлѣнія.

Я вошелъ туда.

Въ одной группѣ шелъ разговоръ о расположившихся внизу крестьянахъ. Мнѣ и прежде кидались въ глаза ихъ лохмотья и особенно измученныя, даже здѣсь выдѣлявшіяся какою-то натугою, лица. Казалось, цѣлыя поколѣнія нищенства, кабалы и неволи создали такія осунувшіяся черты, такіе равнодушные терпкіе взгляды. Рука невольно тянулась въ карманъ за подаяніемъ.

— Вы дѣйствительно думаете—убогіе?—разсуждалъ вятскій купецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые готовы задушить своего рабочаго человѣка, чтобы только выжать изъ него лишній грошъ въ свой карманъ.

— Да, поглядите на нихъ, такъ голодомъ и несетъ.

— Потому что они добровольно голодали всю дорогу, именемъ Христовымъ питаясь. А знаете, что между ними есть такіе, что несутъ въ монастырь по 100, по 150 рублей, завернутыхъ въ тряпкѣ. Спросите вонъ у монаха.

Спросили.—Бываетъ, да рѣдко... Все же случается. Одинъ пришелъ такой-то—триста рублей принесъ.

— Да вѣдь это нищіе!—вырвалось у меня.

— Нѣкоторые изъ нихъ только Христа ради нищіе. Такой нищій какъ придетъ, такъ мало-мало десять цѣлковыхъ вывалитъ, а нерѣдко и пятьдесятъ, и сто. Усердіе къ святынѣ! Поди у другого и дома ѣсть нечего—а тоже на благолѣпіе обители отъ души жертвуетъ свою лепту. Есть, что коровенку свою продаютъ ради этого,

— Хороша лепта для крестьянина—цѣлый капиталъ!

— И какой еще капиталъ, семья на ноги встанетъ.

— Для Бога, господа, больше трудятся... Для Господа-Бога. Приверженность эту чувствуютъ.

— Разспросите вонъ у того, у кривого-то,—обратился ко мнѣ вятчанинъ,—какъ на него въ Орловскомъ уѣздѣ разбойники напали. Смѣху, то-есть, подобно. Передъ тѣмъ одинъ мѣщанинъ ѣхалъ—того ограбили и убили. Ну, а этого, какъ поймали, сейчасъ: „куда идешь?"—Въ Соловки... „Врешь, сучій сынъ. Кажи мошну". А у насъ, знаете, коли кто идетъ къ угодникамъ, такъ все село поминальныя записки даетъ, о вѣчномъ или срочномъ тамъ поминовеніи. Этакихъ документовъ у другого цѣлый возъ. Тотъ сейчасъ разбойнику кажетъ мошну, смотрятъ—дѣвствительно, что въ Соловки идетъ человѣкъ... Ну, говорятъ, ступай, помолись за насъ грѣшныхъ, потому ты, значитъ, о душеспасеніи... А атаманъ ихній вынимаетъ изъ кошеля своего двадцать-пятную,—на, говоритъ, запиши и меня, чтобы по гробъ моей жизни, потому какъ я во многомъ грѣшенъ... Въ Анзерскомъ, говоритъ, скитѣ запиши на вѣчное поминовеніе и отдай пять рублевъ, ну, а двадцать угодникамъ въ кружку. Закажи молебны о здравіи и въ кружку... А одначе сапоги съ него сняли, босымъ такъ и пустили.

— Извѣстно, народъ отчаянный... Легкій народъ.

— У насъ тоже крестьянинъ одинъ былъ—богачъ. Пообѣщался въ Соловки, въ видѣ нищаго то-есть. Такъ всю дорогу въ тряпкахъ и прошелъ. Милостыню просилъ. На грошъ хлѣба не покупалъ—все именемъ Христовымъ. А какъ въ обитель пришелъ, сейчасъ пятьсотъ... Ну, только домой воротился и закурилъ, и закурилъ... Потому, говоритъ, мнѣ все нонѣ простится... Великій я, говоритъ, передъ Богомъ подвигъ сотворилъ... Вотъ они нищіе какіе. Другой, можетъ, какіе грѣхи этимъ замаливаетъ.

— У Господа милостей много! Особливо ежели черезъ угодниковъ,—согласился монахъ.

Пароходъ начинало слегка покачивать... У многихъ уже вытянулись лица.

Воплощеніе насморка и флюса стонало у кормы, меланхолически поглядывая на окружающихъ.

Мы приближались къ бару.

— Ну, будетъ качка!—замѣтилъ мимоходомъ матросъ, проходя къ рулю.

Я оглядѣлъ небо. Весь сѣверо-западъ затягивало жемчужными, золотившимися по краямъ тучками. Волны становились крупнѣе и крупнѣе... Кое-гдѣ змѣились гребни бѣлой пѣны и отдаленный гулъ все ближе и ближе подходилъ къ пароходу.

Вамъ бы лучше въ каюту,—пригласилъ монахъ меланхолическую дѣву, весьма внимательно разсматривавшую что-то за кормою. Она наклонилась еще ниже, цѣпляясь за края борта.

— Уведите ее! приказалъ рулевой монахамъ-послушникамъ. И еще недавно увлекавшаяся прелестями моря, а теперь первая жертва его—пассажирка подъ руки была уведена съ палубы.

IV. Сибирячка.

Проходя между народомъ на палубѣ, я невольно остановился у одной группы. Ее составляли: въ центрѣ—слѣпецъ-старикъ, который и сидя опирался о посохъ. Жаркій лучъ солнца золотился на голомъ черепѣ, охватывая за-одно и незрячіе глаза, и дѣтски-наивно улыбающееся сморщенное лицо. Изъ-подъ открытаго ворота посконной рубахи во всѣ стороны торчали углы костей. Рядомъ съ нимъ, пониже, на какомъ-то жиденькомъ узелкѣ помѣщалась небольшая худенькая дѣвушка съ робкимъ лицомъ и точно разъ когда-то испугавшимися и въ одномъ выраженіи страха застывшими глазами.

Синій крестьянскій сарафанъ висѣлъ на костлявыхъ плечикахъ. Она только-что начала сосѣдкѣ своей разсказывать о многотрудномъ пути, который довелось пройти сй до Архангельска.

— Я сама изъ Иркутскаго-города, въ Сибиряхъ это.

— Нну! У меня братанъ тамъ, на поселкѣ. Что-жъ ты это сюда, по усердію или по обѣщанію родителевъ?.. Тутъ больше по родительскому приказу бываютъ....

— Нѣтъ сама. Потому я съ измалѣтства по обителямъ.

— А меня грѣшную только сей годъ Господь сподобилъ. Тебя какъ же это одну мать пустила?

— Много тутъ было... горя разнаго. Пять годовъ это дѣло задумано. Все съ отцомъ совладать не могла.

— А у тебя отецъ-то кто?

— Мѣщанинъ торгующій.

— Ну!? Чтожъ ты это съ сытой то купецкой жизти... Поди на пуховикѣ спала......

— Судьба знать!

— Давно ли ты оттуда?

— Семой мѣсяцъ.

— И все одна? Или со старикомъ?

— Нѣтъ. Старика-то я подъ Шадринскомъ нашла. Не родной.

— Извѣстно, кому какая судьба. Поди сестры, коли есть, по праздникамъ пироги ѣдятъ, да съ утра до ночи на красу свою дѣвичью любуются. А ты на—поди! Босая всю путину прошла?

— Отъ Томскова-городка босая, потому какіе башмачонки были—совсѣмъ развалились.

— Ну, это тебѣ все зачтется. Много ты можешь согрѣшить теперь, потому твой подвигъ великъ. У Бога все на счету.

— Ужъ сколько и били меня, какъ сказала, что въ Соловки хочу.

— Родители?

— Они. А и пошла-то я, чтобъ, значитъ, родительскіе

грѣхи замолить. Первый разъ я не спросясь пошла, безъ виду. Ну, меня верстъ за двѣсти отъ Иркутскаго и пымали... И по этапу домой приволокли. Потомъ я опять ушла—отецъ на лошади догналъ. И на цѣпи сталъ держать. Мѣсяца три не спущали, однако ради дня ангела—ослобонили. Ну, я черезъ два дня опять въ дорогу—братъ пымалъ. Сколько одного бою было—страсть. На смерть били.

— Ахъ, ты—болѣзная. Ишь какъ тебя Господь сподобилъ! Все, милая, зачтется!

— Тогда я и сказала родителямъ: сколько ни калѣчьте, а воли моей съ меня не снимете. Потому было мнѣ видѣніе. Святой Зосима во сняхъ являлся и ободрялъ на подвигъ... Отцовскіе грѣхи, говорилъ, замоли... Три раза было видѣніе. Тогда и задумала я идти—къ отцу. Сказала ему — позеленѣлъ: одначе смолчалъ. Ступай вонъ, говоритъ, чтобъ и духу твоего не пахло. На утріе опять къ нему,—онъ за волосы и давай меня топтать... До безчувствія было. Переждала я еще день и опять про то же, — вдругорядъ оттаскалъ. Я въ третій... Какъ сказала я въ третій, тутъ его за сердце и забрало. Заплакалъ. Снялъ икону, благословилъ, какъ слѣдуетъ. Иди, говоритъ, къ святымъ угодничкамъ и за насъ помолись. На другой день сряжаться стали. Далъ онъ мнѣ два ста рублей на дорогу, да три ста угодничкамъ, паспортъ и все такое... Ну, а на третьи сутки опять побилъ.

— Ну и родитель у тебя!

— Потому обидно, что безъ его воли пошла.

— Что-жъ ты все пѣшомъ?

— Все. Деньги, какія дали—несу угодничкамъ.

— А кормилась въ дорогѣ какъ?

— Именемъ Христовымъ... Побиралась.

— Много, много нонѣ согрѣшить можешь, и все съ тебя за это снимется. Ну, а старичокъ слѣпенькій сродственникъ тебѣ, что ли?

— Какой родичъ! Подъ Шадринскомъ на дорогѣ нашла. Онъ съ мальчикомъ ходилъ, да мальчикъ бросилъ его, убѣгъ...

Ну, я и подумала, что Господь мнѣ его послалъ, чтобъ я еще потрудилась. Такъ и прошли вдвоемъ. И назадъ поведу до Шадринскова.

— А тамъ какъ?

— На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ взяла — тамъ и оставлю

— Посередь поля?

— А то какъ же, гдѣ Господь послалъ?

— Да онъ помретъ!

— Ужъ это какъ Богъ. Потому, гдѣ взяла—туда и предоставить его должна. Иначе какъ?

— А тамъ опять къ родителямъ?

— Да, годикъ пережду. Потомъ въ Іерусалимъ-градъ.

— А ты бы замужъ... Поди женихи были?

— Были!... И худенькое личико дѣвушки все перекосило ненавистью. Были... Какъ не быть, погубители!

— Что-жъ, ты не пошла?

— И не пойду. Наглядѣлась, какъ батюшка маму бьетъ... Всѣ они такіе. На тиранство одно идти, что ли.

— Безъ этого ужъ нельзя... Одначе тоже съ опаской бей!...

— Лучше христовой невѣстой, по святымъ мѣстамъ ходючи, да родительскіе грѣхи замаливаючи...

V. Монашекъ-подростокъ.

„Тятенька мой торговою частью занимаются, тоже и подрядами когда случится. Разъ онъ одинъ подрядецъ взялъ—мостъ строить. Дѣльцо было бы выгодное, коли-бъ не пришлось съ чиновниками дѣлиться, а то какъ раздашь половину всего— такъ смотришь у себя въ карманѣ и на лѣсъ не хватитъ. Оченно заскучали тятенька, одначе мостъ выстроили, изъ гнилья правда, да все же мостъ. Хорошо... Прошло это, напримѣръ, полгода, вдругъ левизоръ изъ самаго Питера. Тутъ

тятенька и очунѣли. Къ тому, къ другому, къ третьему—куда тебѣ! Давай, говорятъ, Богъ, чтобы своя голова уцѣлѣла на плечахъ... Дѣлай, какъ знаешь. „Помилуйте, объясняетъ тятенька, да вѣдь вмѣстѣ брали?“—Про то, отвѣчаютъ, одинъ Господь всемогущій знаютъ, да только они никому не скажутъ. Зря не болтай и ты, потому за безчестье съ тебя большія еще деньги слупимъ, а то подъ судъ!...“ Очень это ошарашило родителя. „Ну, теперь, говорятъ, никто какъ Творецъ небесный!“ Назавтра примѣрно назначено свидѣтельство. Съ утра тятенька обѣгали всѣ храмы Божіи и вездѣ молебны съ водосвятіемъ заказали, потомъ и обѣтъ дали: „коли минуетъ, значитъ, чаша сія, такъ быть единоутробному сыну моему у Соловецкихъ угодниковъ одинъ годъ, пусть тамъ работаетъ на святыхъ предстателей нашихъ“. Ну, сейчасъ поѣхали къ мосту; а тамъ уже вся коммиссія собралась. Питерскій левизоръ-то пѣтушкомъ, такъ и поскакиваютъ. На нашихъ чиновниковъ и не похожъ, потому въ ёмъ и фигуры нѣтъ. У насъ квартальный изъ себя значительнѣе, потому онъ себя съ форсомъ держитъ. А этотъ только что чистенькій, да гладенькій. Тятенькѣ ручку подалъ, тятеньку это, значитъ ободрило.

— Тятька у тебя, поди, большой плутъ былъ?

— По торговой части, по нашимъ мѣстамъ, безъ этого не обойдешься. Потому дѣлиться нужно. Другому вся цѣна грошъ съ денежкой, а ты ему пять сотенныхъ подай, потому жадность эта у нихъ очень свирѣпствуетъ. Особливо ежели съ купцомъ дѣло имѣютъ.

— Народъ!

— Народъ нонѣ наровитъ, какъ бы тебѣ съ сапогами въ ротъ залѣзть.

— Кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?

— Ну-съ, хорошо. Осмотрѣлъ левизоръ мостъ и очень доволенъ остался. У насъ изъ ели мостъ-отъ строенъ, а тотъ удивляется—какая молъ лиственница отличная! Отлегло отъ сердца у тятеньки... И закурили же они тогда.

— Какъ съ этого случаю не закурить!

— Ну-съ, хорошо. Закурили они. Двѣ недѣли изъ дому пропадали, маменька даже въ полицію объявку подали. Тамъ успокоили. Будьте благонадежны, говорятъ, тутъ окромя запою ничего нѣтъ. Супругъ вашъ, опричь трактировъ, нигдѣ, въ такихъ чтобъ мѣстахъ не бываютъ. Наконецъ, вернулись тятенька и сейчасъ меня. „Собирайся,—говорятъ,—въ монастырь—великое есть мое усердіе, и значитъ, чтобъ ты тамъ—годъ, тихо, смирно, благородно, потому, можетъ быть, еще такой случай будетъ, такъ угодничковъ Божьихъ обманывать не годится... Пригодятся! Великіе они за насъ грѣшныхъ молитвенники и предстатели. Помни это!“ И таково ли все ласково, а допрежь того на всякой часъ тычокъ былъ.

— У васъ, у купцовъ, насчетъ этого оченно неблагородно.

— Невѣжество, что говорить.

— Одначе и не учить нельзя.

— А только бей съ разумѣніемъ. Любя бей. Наказуй по человѣчеству.

— Что говорить! Извѣстно—господа купцы, поди, не одну скулу вывернутъ.

— Ну-съ хорошо... Снарядили меня, подрясникъ тонкаго сукна сшили, скуфейку бархатную — все, какъ слѣдуетъ, и отправили. Какъ пріѣхалъ я въ монастырь, словно въ рай попалъ. Благолѣпіе, смиренство, насчетъ обращенія — благородно. Точно я опять на свѣтъ родился.

— Работалъ?

— Какъ же! По письменной части занимался... Какъ пришло время къ отцу ѣхать и заскучалъ я... А тутъ отцы-иноки: оставайся у насъ потому въ мірѣ трудно, въ мірѣ не спасешься. У меня, говорю, невѣста есть.—„Оженивыйся печется о женѣ, а не оженивыйся о Господѣ“... Думалъ я, думалъ, наконецъ, и порѣшилъ въ монастырѣ оставаться. Тятенька сами пріѣзжали. Ничего, не попрепятствовали: живи, говоритъ, потому за твои молитвы Господь меня не оставляетъ.

— Много у васъ изъ купцовъ? вмѣшался я.

— Изъ купцовъ во всемъ монастырѣ — человѣкъ шесть наберется.

— А остальные?

— Изъ крестьянъ все... сами увидите нашу обитель пресвѣтлую.

Монашекъ-подростокъ говорилъ медовымъ, пѣвучимъ голоскомъ, поминутно закатывая глаза вверхъ.

— Много у васъ, поди, чудесъ?—вступила въ разговоръ синяя чуйка.

— Чудесовъ у насъ довольно.

— Что говорить! А тятенька вашъ какой губерніи будутъ?

— Изъ Сибири.

— Далеконько... Одначе и у насъ по Волгѣ насчетъ подрядовъ—вольно. Дѣло чистое. Съ казной—не съ человѣкомъ... Никого не грабишь, а деньги сами идутъ.

— Какъ кому Господь.

— Извѣстно, безъ него куда уйдешь... По всей жизти такъ-то.

— Одначе и угоднички помогаютъ. Въ болѣзтяхъ примѣрно!

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

— Вѣрно твое слово!

VI. Казни египетскія.

Качка становилась все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, будетъ потѣха,—замѣтилъ морякъ-монахъ другому, машинисту, только что выскочившему изъ камеры, гдѣ помѣщался котелъ. На этомъ тоже была скуфейка, только онъ снялъ рясу. Все его лицо было словно обожжено зноемъ и окурено дымомъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, холодный воздухъ, навѣваемый все крѣпчавшимъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— А что̀, сиверко?

— Да, вишь, оно—боковая и килевая.

— Искушеніе!

Почти вся палуба была покрыта мучениками. Вопли и стоны раздавались всюду. Больные быстро теряли силу; послѣ первыхъ двухъ пароксизмовъ они неподвижно лежали, не имѣя силы даже повернуться „съ одного галса на другой“, какъ объясняли моряки-монахи. Нѣкоторыхъ перекатывало съ одной стороны парохода въ противоположную.

— Господи!.. Око всевидящее!...

— Ой, труденъ путь.

— Только-что чайку попила, и таково ли пріятно попила!..

— Помру, отцы родные!

— Монашки благочестивые, бросьте вы меня, рабу, въ море, потому нѣтъ моей моченьки.

— Грѣхи мои тяжкіе!... За всякій-то грѣхъ теперь... ой...

— Собрать на молебенъ надо бы. На Зосиму и Савватія!.. молебенъ угодничкамъ,—предлагали монахи,— по силѣ возможности.

Публика, разумѣется, струсила еще больше. Молебенъ — значитъ есть опасность. Старухи завыли какъ сумасшедшія. Юноша въ гороховомъ пальто, полчаса назадъ бодро пожиравшій магнезію, на томъ резонномъ основаніи, что съ кислотами желудка магнезія образуетъ нерастворимыя соединенія и предотвращаетъ рвоту, катался теперь по палубѣ, призывая на помощь святого Тихона Задонскаго и обѣщаясь, по прибытіи въ монастырь, заказать три молебна съ водосвятіемъ. Куда дѣвалась и химія: онъ чуть ли не громче всѣхъ требовалъ молебна, сознаваясь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

— Полноте трусить! никакой опасности нѣтъ,—утѣшалъ его отецъ Иванъ.

Какъ нѣтъ опасности! Ой св. Зосимъ и Саватій... Помоги мнѣ грѣшному. А я еще магнезіи. Вотъ и нерастворимыя соединенія. Святый Боже! Нельзя ли повернуть обратно въ городъ,—пожалуйста поверните обратно!

Наступала ночь, а волненіе все усиливалось. Паруса собрали: вѣтеръ, пожалуй, изорвалъ бы ихъ въ лоскутья. Валы поднимались выше бортовъ корабля. Пароходъ то вздымался на ихъ гребняхъ, то вдругъ его сбрасывало внизъ, въ клокочущую бездну. Бывали моменты, когда онъ становился почти перпендикулярно. О. Иванъ дѣлался все озабоченнѣе. Вотъ одинъ валъ опрокинулся на палубу и прокатился по ней отъ кормы къ носу.

— Сгоняй народъ въ каюты и трюмы.

Въ одну минуту палуба была очищена. На ней остались только о. Иванъ да матросы, которыхъ сбивало съ ногъ каждымъ порывомъ неудержимо ревущаго нордъ-оста... Отверстія трюмовъ и люки каютъ были закрыты.

— Будетъ буря!...—замѣтилъ сквозь зубы о. Иванъ.

— „Никто какъ Богъ... Молебенъ бы“—робко проговорилъ рулевой.

— Стой у руля, да гляди, куда правишь. Ишь разыгралась какъ!...

Я сошелъ внизъ, въ каюту втораго касса.

— На дно идемъ! слышались всхлипыванія батюшки протопопа.

— Господи! Скажи ты мнѣ, Христа ради, давно мы по дну плывемъ?—обратилась ко мнѣ микроскопическихъ размѣровъ старушка...

— Ну, что, какъ ваша магнезія? Спросилъ я у юноши.

— Не-по-мо-гаетъ! А по химіи выходитъ хоро... Святители!... Ой грѣшенъ я, грѣшенъ! И опять онъ заползалъ по полу.

— Батюшка, приставала къ попу толстая барыня. Кай меня.... Что-жъ ты,—не много погодя повторяла она:—какой ты попъ, коли каять не хочешь?

— Несообразная! подумай, какъ я тебя каять буду, коли у меня ни ряски, ничего нѣтъ. Кайся вслухъ, при всѣхъ. Церковь это допускаетъ.

— Да у меня, можетъ, какіе грѣхи есть! Господи, неужели-жъ безъ исповѣди и помереть?

— Коли въ Соловки, къ угодничкамъ ѣдемъ, такъ все одно что съ исповѣдью...

— Ты говоришь, нонѣ треска дорога будетъ?

— Племянникъ сказывалъ, быдто въ Норвегѣ рыба дешевле,—слышалось въ углу.

— Господи! и сколько-то я грѣшила.... Люди добрые, простите меня...

— За что̀ простить-то?...—потѣшалась въ углу чуйка, на которую качка не дѣйствовала.

— Какъ послѣ мужа—вдовой значитъ—такъ съ военнымъ офицеромъ спуталась.... Ахти мнѣ горькой.... Пять годовъ спутамшись была.

— Го-го-го!... хохотали въ углу. А давно ли это было, мать?

— Тридцать годковъ, голубчики, тридцать годковъ... Простите вы меня!

— Господь проститъ... Го-го-го... Какъ же это ты, мать, съ офицеромъ?

— По дурости, да по неразумію... Года наши такіе... Опять же въ великій постъ ноне согрѣшила—яичкомъ искусилась...

— Пять годовъ—говоришь, съ офицеромъ? любопытствовала таже чуйка.

— Пять годовъ, родненькій.

— Ну, если пять—ничего.

— За это тоже, поди, на томъ свѣтѣ не похвалятъ...

Старуху точно обожгло.

— И сама я знаю, голубчики, что не похвалятъ... Наставьте отцы, какъ мнѣ мой грѣхъ замолить.

— А какъ китъ-рыба насъ въ океанъ-море потащитъ?—пристала ко мнѣ другая старушка.

— О, Господи, бѣда это наша пришла.

— Вѣруй въ Бога—главное!—наставлялъ попъ.—Вотъ сказано:—не вѣсте ни дня, ни часа... Всѣ, всѣ здѣсь помремъ. Дѣточекъ только своихъ жалко... Какъ-то вы одни си-

ротами останетесь. Кто-то пріютитъ васъ!.... Вотъ оно—вольнодумство наше...

— Да неужли-жъ мы въ самомъ дѣлѣ потонемъ?—встрепенулся вдругъ молчаливо сидѣвшій въ углу купецъ.

— Ужъ потонули, голубчикъ, ужъ потонули.

— Ббоже мой!... Какъ же я тапереча буду... Праведники!

— Ужь потонули... всѣ потонули... На тридцать верстовъ можетъ подъ землю ушли...

VII. Море.

Утромъ, на другой день по отплытіи изъ Архангельска, когда я вышелъ на палубу парохода, во всѣ стороны передо мною разстилалась необозримая даль сѣровато-свинцоваго моря, усѣяннаго опеленными гребнями медленно катившихся валовъ. На небѣ еще ползали клочья разсѣянныхъ вѣтромъ тучъ. Свѣжій попутничекъ надувалъ парусъ. Тяжело пыхтѣла паровая машина и черный дымъ, словно развернутое знамя, плавно разстилался въ воздухѣ, пропитанномъ влагой...

На передней части парохода стоитъ ветхій деньми старецъ. Волоса его, рѣдкіе, серебристые, развѣваетъ вѣтеръ, лохмотья плохо защищаютъ тѣло, впалая грудь чуть дышетъ, но взглядъ его неотступно прикованъ къ горизонту. Что онъ тамъ видитъ—въ этомъ безграничномъ просторѣ влаги, сливающемся съ еще болѣе безграничнымъ просторомъ неба? Вотъ онъ снимаетъ шапку и медленно творитъ крестное знаменіе. Онъ молится. Для него это море—громадный храмъ, въ туманной дали котораго, тамъ, гдѣ-то на востокѣ, возносится незримый, невѣдомый алтарь.

Да, море дѣйствительно храмъ. И ревъ бури, и свистъ вѣтра, и громовые раскаты надъ нимъ, это только отголоски, отрывочно доносящіеся къ намъ звуки нѣкоторыхъ трубъ его

органа дивно гремящаго тамъ въ недоступной, недосягаемой высотѣ—великій, прекрасно охватывающій все небо и землю гимнъ.

Вотъ, сквозь клочья сѣрыхъ тучъ прорвался и заблисталъ на высотѣ широкій ослѣпительный лучъ солнца—и подъ нимъ озолотилась цѣлая полоса медленно колыхающихся волнъ... Вотъ новыя тучи закрыли его.

Божество незримо, но присутствіе его здѣсь чувствуется повсюду.

VIII. Вятскіе хлѣбопашцы.

— Откуда Господь несетъ, кормильцы?

— Изъ Вячкой.

— А изъ уѣзда какого?

— Орловска...

— Знаю, хлѣбородная сторонушка.

— Ничаво... хлѣбъ родится... дюже хлѣбъ родится.

— Вятка хлѣбу матка,—сказано.

— Не то что наша Архангельская губернія.

— Поди, много хлѣба продаютъ.

— Какъ не продавать!... Сами для себя, бываетъ, съ мякиной мѣшаемъ да ѣдимъ... Почти весь въ продажу идетъ.

Я, разумѣется, не повѣрилъ.

— Какъ Богъ святъ, да мы, милой, рѣже вашего архангельца-трескоѣда видимъ цѣльный хлѣбъ-отъ. Вѣрно твое слово, что хлѣба у насъ не впроворотъ, а только другихъ промысловъ у насъ нѣту, недоимки одолѣли.., Ну, а хлѣбъ — дешевъ, а хлѣбъ дешевъ—и мужикъ дешевъ. Коли-бъ цѣна на рожь стояла настоящая, мы бы половину хлѣбушка съѣли сами, а другую продали, А то, вѣрь, крещеная душа, какъ передъ истиннымъ Богомъ, Царемъ небеснымъ, два лѣта назадъ по двоегривенному маклакамъ за пудъ сдали. Впередъ значитъ...

— Хоша бы и по двоегривенничку — да и то денегъ не видимъ. Съ зимы влѣзли въ долгъ, словно въ петлю, ну и бьемся въ ёй... Да ты еще хлѣбъ предоставь на мѣсто къ купцамъ. Вымолотишь его—осень—распутица, пути нѣтъ, жди зимы; какъ зима хватитъ, навалишь хлѣбушка въ сани и везешь. Морозы, вьюга... сколько животовъ на дорогѣ поколѣетъ—страсть! Пріѣдешь въ Орловъ—въ контору—свѣта Божьяго не видишь. Все-то лицо потрескается, скрозь губы кровь идетъ, носъ горой раздуетъ. Моли Бога, что самъ цѣлъ остался.

— А въ городу,—подхватилъ первый, — опять прижимка. Какъ привезъ, глядь—цѣну сбили, отдашь хлѣбъ ни за грошъ, да и пойдешь домой ни съ чѣмъ.

— А и урожаи когда—не легше, потому дешевле купцы эти за хлѣбъ даютъ.... аспиды.

— А ты не ругайся; въ кое мѣсто идемъ?

— Больно нутро распалилось, потому у меня прошлой зимушкой чуть съ голодухи вся семья не поколѣла. Тоже, поди, чувство имѣемъ. Невесело — на бабу, да на дѣтокъ малыхъ глядѣть. Душа рвется. Не псы какіе, слава Богу.

— Вотъ и понимай, какова наша матка—Вятка.

— Какъ же вы, братцы, въ Соловки теперь?

— А мы по обѣщанію шли. Изъ одного мѣста всѣ—авось полегчаетъ. Монахи, спасибо, на праходъ даромъ пустили. Очень оголѣли мы ужъ. Какіе достатки были—все ушло.

— Какіе у насъ достатки!

— Жизнь наша,—скажу я тебѣ,—самая подлая. Сытости въ насъ настоящей нѣту, седни—не померъ и ладно. А завтра можетъ и помремъ. Давай молитвы читать, робята; къ такому мѣсту плывемъ...

IX. Бродяжка.

Монастырь былъ уже недалеко.

Въ носовой части парохода слышалось молитвенное пѣніе. Звуки мягко и плавно разносились въ безграничности морского простора. У самой кормовой каюты рапсодъ-олончанинъ пѣлъ объ Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ, и нѣсколько богомольцевъ и богомолокъ благоговѣйно внимали ему. Это былъ слѣпецъ: голый черепъ, длинная, сѣдая борода, прямыя и правильныя черты лица дѣлали его похожимъ на библейскаго патріарха, сидящаго у входа въ свой шатеръ, посреди выжженной солнцемъ пустыни....

Зеленыя лица показались изъ каютъ, осунувшіяся, измученныя качкой. Люди едва передвигали ноги,—но теперь пароходъ шелъ уже спокойно, миновавъ полосу морской бури. Попутный вѣтеръ надувалъ парусъ, и золотой крестъ на гротъ-мачтѣ неподвижно свѣтился надъ этимъ плавучимъ міромъ.

Въ центрѣ одной изъ палубныхъ группъ сидѣла старушка, вся сморщенная, вся сгорбленная, вся немощная. Казалось, потухающіе глаза съ трудомъ могли видѣть наклонявшіяся къ ней лица; въ одеревенѣвшихъ чертахъ ея выражалось полнѣйшее равнодушіе ко всему; синяя крестьянская понява, босыя ноги, костыль и убогая сума.

— Бродяжка, я, голубчики, бродяжка я съизмалѣтства. По градамъ и весямъ все странствую, святое имя Христово прославляя. Отца не помню, а матушка, та—далеко отсюда, на большой рѣкѣ, въ большомъ городу—мѣщанкой была... И какой это городъ, кормильцы, не знаю, и какая это рѣка—не вѣдаю. Помнится только зеленое, зеленое поле, а за полемъ синіе лѣски.... Старый храмъ Божій съ тонкой такой колоколенкой, по надъ самой рѣкою прихилился и въ свѣтлыя воды смотрится.... Еще помню узкій проулочекъ, по обѣ стороны дома—избенки на курьихъ ножкахъ, и наша избушечка тутъ что

калѣка старая, что я же теперь, вся сгорбилась да перекосилась сердешная... И яблонь бѣлую помню... И смородину помню... густая была... по задворкамъ лѣпилась на самомъ припекѣ... Еще помню матушку—добрая... А потомъ дорога какая-то, старцы убогинькіе... Тамъ опять пути-дороженьки... Ну и перепутала все!.. Давно это было!... Все я на ноженькахъ на своихъ... Все одна странствовала. Всю землю крещеную обошла и вездѣ Божіимъ угодничкамъ молилась. Въ Ерусалимѣ - градѣ была, слыхала тамъ, какъ грѣшники во адѣ мучаются, Гробу Господнему поклонилась. Турку тамъ увстрѣла, а турка добрый, головы христіанской не рубитъ, а самъ же тебѣ и хлѣбушка подастъ; хлѣбъ у нихъ бѣлый и тонкій, что лепешка, все одно. Еще я тамъ много городовъ видѣла, и всѣ на припекѣ, на солнышкѣ всѣ... Таково ли паритъ — страсть! море знаю, какъ къ Ерусалимъ-граду ѣхать... много насъ тамъ было, и померло много. Такъ Гробу Господню и не поклонились, сердешные!.. Монаховъ эллинскихъ на горѣ Аѳонѣ-святой тоже помню. Суровые... смотрятъ на тебя ненавистно; а въ обителяхъ ихъ, сказываютъ, благолѣпіе неизреченное... Чудеса тамъ на каждой травушкѣ. Извѣстно, мѣсто излюбленное. И въ Кеевѣ была... Градъ святой Кеевъ—тамъ въ пещерахъ тысящи праведниковъ лежатъ, и всѣ въ вѣнцахъ осіянныхъ, у всѣхъ въ рученькахъ вѣтвь пальмовая, а въ ноженькахъ — каменіе самоцвѣтное. И идешь ты по пещерамъ этимъ, и свѣту нѣтъ— а все видно, потому отъ вѣнцовъ сіяніе изливается. И въ темницахъ была я со тати и со разбойники безвинно... За благочестное странствіе свое томилася.

— Да, нонѣ строго! Всякъ человѣкъ при своемъ мѣстѣ состоять долженъ, всякому мѣсто его указано...

— Купцы въ большомъ городу за меня, старицу безсчастную, вступилися... Ну, власти земныя и выпустили рабу, и опять пошла я по землѣ крещеной... И въ Сибири была.

— А смертоубивцевъ видѣла?

— Бывало все, кормильцы... все бывало. По Волгѣ разъ... давно, въ лѣсу злого человѣка увстрѣла—молода была тогда, ну

онъ и изобидѣлъ меня... очень онъ меня изобидѣлъ... Опять потомъ подъ Смоленскомъ... Все я, раба, снесла, все претерпѣла.

— Много ты, мать, походила?

— Много, кормилецъ, много!... Таково ли еще ходила, какъ молода была... Легше вѣтру буйнаго. И все-то поля, поля зеленыя, и все-то снѣга, снѣга глубокіе, бѣлые... Все-то лѣса — тѣнь безпросвѣтная... Тутъ только верхушки шумятъ надъ тобой... тишь... идешь ты, и боязно тебѣ, чтобъ на недобраго человѣка не попасть... А медвѣдь что!—и человѣка онъ ѣстъ—а странниковъ и странницъ не трогаетъ, потому на это ему предѣлъ положенъ...

Нѣсколько чаекъ спустились на снасти мачтъ... Бѣлыя, ослѣпительно сверкающія подъ лучами солнца. Рѣзкій крикъ послышался надъ нами, словно плачущій.

— Скоро и Соловки наши будутъ.

X. Острова.

Впереди засинѣли какія-то смутныя очертанія.

Большая часть богомольцевъ столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на колѣняхъ и молились, другіе пѣли псалмы. Религіозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ.

На лицахъ странницъ выражалось самое искреннее умиленіе. Однѣ плакали, другія обнимались.

— Сподобилъ Господь святынямъ помолиться.

— Угодничкамъ, Соловецкимъ праведникамъ.

— Собрать бы на молебенъ, братцы?

— Слѣдуетъ,—ободрялъ батюшка, и сталъ собирать деньги въ камилавку.

А острова все выростали. Неопредѣленно синѣющія массы становились зеленоватыми. Края ихъ очерчивались все рѣзче

и рѣзче; изъ неопредѣленныхъ облачныхъ формъ они принимали ясные контуры. Что-то словно искра сверкало тамъ, лучась и точно колыхаясь въ синевѣ неба.

— Это—куполъ, братцы; святой соловецкій куполъ.

— Краса!—замѣтилъ угловатый олончанинъ стоявшей съ нимъ рядомъ странницѣ.

Вотъ зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взглядъ различалъ уже верхушки высокихъ сосенъ.

Прямо съ островов̕ъ неслась къ намъ съ рѣзкими, словно привѣтственными криками громадная стая чаекъ. Точно сотни серебряныхъ платковъ развѣвались въ воздухѣ. Чайки кружились близъ парохода, забѣгали впередъ и вновь отставали. Одна изъ нихъ, описавъ громадный кругъ, смѣло уцѣпилась за крестъ гротъ-мачты, другая, словно камень, упала на палубу, и точно у себя дома заходила между богомольцами. Третья очутилась на рулѣ парохода, и стала чистить носомъ подъ широко распущенными крыльями.

— Чудеса этто, братъ.

— Птица и та отъ угодничковъ—встрѣчаетъ странничковъ христовыхъ... Тутъ не просто дѣло... Ишь она, что собака къ людямъ, ластится.

— И сподобилъ же Господь увидѣть...

А чаекъ все прибывало и прибывало. Вблизи показались въ водѣ какія-то круглыя, словно нырявшія, головы. Они вмѣстѣ съ волнами то поднимались, то опускались. Ихъ было цѣлое стадо, юровье, какъ называютъ здѣсь.

— Глядь, робя, морская звѣря проявилась. Нерпой прозывается.

— Поди, человѣка дюже жретъ?

— Не... Онъ кроткій, за это ему отъ Господа два вѣка жисти положено.

— А вонъ, бѣлыя головы-то... Это бѣлекъ... молодая нерпа... дитё малое, неразумное.

— Тссъ!.. Сколь много чудесъ у Господа...

На кормѣ монахи пѣли молитвы. Волны все становились

меньше и меньше. Солнечный свѣтъ льется мягкими полосами на крупныя вѣковыя сосны утесистыхъ береговъ. Море приняло зеленовато-голубой, почти прозрачный цвѣтъ. Громадные валуны и скалы кое-гдѣ лежатъ посреди тихихъ, никакимъ волненіемъ невозмущаемыхъ водъ. А верхушки этихъ оторвано ныхъ обломковъ острова уже зазеленѣли, и жалкая пока травка узорчатыми гирляндами спускается внизъ по сѣрымъ поверхностямъ гранита къ цѣлымъ массамъ водоросля, оцѣпившимъ внизу эти глыбы.

Пароходъ тихо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины. То желтыя, песчаныя отмели, то зеленые откосы, то утесы, вертикально обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая!

Но вотъ одинъ поворотъ, и „Вѣра“ входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно граціозный призракъ волшебнаго вешняго сна, поднимается бѣлостѣнный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые купола и золотые кресты которыхъ легко и полувоздушно рисуются на синевѣ безоблачнаго неба.

Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносится только крикъ морскихъ чаекъ.

Всѣ глаза устремлены на это мѣсто поклоненія... Всѣ словно ждутъ чуда и боятся пропустить его. Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается передъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

„Нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое!“ — шепчетъ рядомъ со мною старикъ и опускается на колѣни, поникая сѣдою, какъ лунь головою.

И сколько головъ опустилось въ эту минуту, сколько рукъ творило крестное знаменіе!....

XI. Монастырь. Гостинница. Святое озеро.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охватывало всего, когда я спускался съ пароходнаго трапа на плиты набережной. Прямо поднимались старинныя изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя стѣны. Это—постройка циклоповъ. Нѣсколько башенъ высокихъ, съ остроконечными павильонами на верхушкахъ, были сложены изъ тѣхъ же колоссальныхъ камней. На высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ... Древностію, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторыя сооруженія напоминали эпоху господина Великаго-Новгорода... Отъ каждаго камня вѣяло былиною, каждая пядень земли попиралась героями нашей ветхозавѣтной исторіи. И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны. Только вокругъ обители все вѣетъ новою жизнью; громадное, трехъ-этажное зданіе гостинницы, доки, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъёмныя машины, деревянное зданіе страннопріимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками; только небольшія бѣлыя часовенки на лугу передъ обителью производятъ непріятное впечатлѣніе. Эти карточныя, прямолинейныя будочки рядомъ съ каменными громадами, пережившими цѣлыя столѣтія и поражающими до сихъ поръ своимъ величіемъ, такъ и вѣютъ буржуазнымъ вкусомъ нашего вѣка, проникшимъ даже и въ эту аскетическую обитель, схоронившуюся въ бѣломорской глуши отъ всего живого и движущагося.

Изъ-за этихъ стѣнъ, созданныхъ какъ будто самою природою, золотятся кресты церквей и мягко рисуются ихъ зеленые куполы. Рядомъ съ монастыремъ тянется зданіе лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый,

свѣжій, весь проникнутый изумруднымъ блескомъ, тѣнистою дремой и влажнымъ покоемъ лѣсъ. Такъ и манило туда.

Но что́ поразило насъ болѣе всего—это чайки. Ихъ тутъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, покрайней мѣрѣ. Крикъ ихъ не умолкалъ ни на минуту. Ихъ, еще сѣрые, птенцы неуклюже бѣгали въ травѣ у самыхъ стѣнъ монастыря и гостинницы—каждый выводокъ въ своемъ точно опредѣленномъ участкѣ. Тутъ, въ центрахъ этихъ участковъ матки высиживали яйца, нахально кидаясь къ богомольцамъ за подачкою. Чайка сама шла въ руки.

— Господи! Да они нашихъ куръ смирнѣе...

— Отъ Бога имъ повелѣно обитель стеречь.

— Столько ли еще чудесъ тутъ повидаешь... Главное, чтобъ съ чистымъ сердцемъ.

Наконецъ, насъ позвали въ гостинницу, содержимую очень хорошо монастыремъ. Это — красивое трехъ-этажное зданіе. Черезъ просторныя сѣни мы вступили въ корридоръ, посрединѣ котораго была большая комната, куда насъ всѣхъ пригласили. Тутъ каждый, прежде чѣмъ получить нумеръ, долженъ былъ записать, сколько и какихъ именно молебновъ ему требуется; приэтомъ уплачиваются и деньги по установленной таксѣ. Простой молебенъ сто́итъ 35 к., молебенъ съ водо́святіемъ 1 р. 50 коп. Заплативъ деньги и получивъ взамѣнъ ихъ марки, мы поднялись наверхъ. Крестьянамъ и кто одѣтъ не совсѣмъ чисто отводится нижній этажъ, гдѣ въ большихъ комнатахъ помѣщается въ каждой около 20 или 25 человѣкъ. Средній этажъ, отдѣланый безукоризненно, съ высокими и просторными комнатами, предназначается чиновникамъ—отъ тайнаго совѣтника и выше до коллежскаго регистратора включительно—и купечеству, которое поприличнѣе. Наверху въ небольшихъ комнатахъ, по 4—5, помѣщаются разночинцы. Понятно, что всѣ эти градаціи отличаются по платью.

Комнаты средняго этажа оклеены обоями, въ остальныхъ просто выбѣлены. Вездѣ диванъ, стулья, столъ и кровать съ матрацами. Болѣе ничего не полагается. Разумѣется, тотчасъ

же по прибытіи богомольцы потребовали самоваровъ. Въ каждомъ корридорѣ, въ комнатѣ іеромонаха, завѣдывающаго имъ, имѣется нѣсколько громадныхъ вдѣланныхъ въ стѣну самоваровъ, откуда кипятокъ разливается въ большіе чайники на потребу странникамъ...

Видъ изъ оконъ гостинницы на монастырь и бухту—великолѣпенъ. Особенную прелесть придаютъ ему прозрачность воздуха, туманная кайма отдаленныхъ лѣсовъ и необыкновенная, почти южная, синева неба... Чудный уголокъ выбрали себѣ соловецкіе монахи. Тутъ бы хотѣлось видѣть многолюдное населеніе съ звонкимъ смѣхомъ дѣтей, рѣзвящихся въ зелени луговъ, съ улыбками и пѣснями красивыхъ женщинъ, съ косарями не въ клобукахъ и рясахъ.

— Что̀ теперь, братцы, дѣлать слѣдуетъ?

— Отецъ іеромонахъ (корридорный), куда теперь?

— Теперь первымъ дѣломъ въ Святое озеро—купаться.

— Святое?... Чудодѣйствуетъ значитъ?

— Великая отъ него сила и въ недугахъ исцѣленіе.

И цѣлая ватага вышла изъ гостинницы. Я послѣдовалъ за ними.

Окаймленное лѣсомъ Святое озеро—почти чернаго цвѣта. Одною своей стороной оно примыкаетъ къ стѣнамъ обители. На немъ устроены двѣ купальни—мужская и женская. Мы вошли... Кто-то заговорилъ; его остановили.—Не знаешь, кое это мѣсто? Тутъ, можетъ, кольки святыхъ купалось?...

Воцарилось общее молчаніе. Всѣ раздѣлись.

— Крестись, робя... Главное съ вѣрою... Господи, благослови... Нну—вали, шутъ съ тобой! И темныя тѣла грузно плюхнули въ воду. Всѣ плескались серьёзно, точно исполняя религіозный обрядъ. Одинъ взялъ въ пригоршень воды и благоговѣйно выпилъ ее, другой крестился по груди въ водѣ, третій читалъ молитву. Вода была далеко нечиста. Мутная, но мягкая... Въ дверяхъ купальни показался монахъ.

— Благослови, батюшка! Потянулись къ нему голыя руки.

— Мнѣ не дано еще... Господь благословитъ. Каково плавали?

— Потрясло... Дюже трясло.

— Это отъ Господа. Чтобъ грѣхи свои вѣдали и помышленія нечистыя у вратъ обители сложили.

— Рай земной теперича обитель святая ваша... Помогаетъ, говорятъ, вода-то?

— Отъ нутряныхъ болѣстей хорошо дѣйствуетъ, — твердилъ монахъ.

— Возьму-ко-сь... въ бутылочку для хозяйки. У нея нутро палитъ.

— Не воспрещено, возьми.

Монахъ вышелъ. Всякій, оставляя воду, крестился; какъ-то непривычно было видѣть голыхъ богомольцевъ, клавшихъ земные поклоны на узкомъ помостѣ, окружавшемъ бассейнъ.

Освѣженные, мы вышли, и тотчасъ же намъ кинулся въ глаза синій, темно-синій и какой-то блестящій на этотъ разъ морской просторъ, ласково охватывающій этотъ островъ. Прямо передъ монастыремъ изъ зеркальной глади поднимались небольшіе островки и утесы, увѣнчанные часовнями и елями.

XII. Іеромонахъ-огородникъ.

Возвращаясь послѣ купанья, я случайно наткнулся на монастырскіе огороды. Между грядами копался главный огородникъ, малорослый, горбатый, колченогій, но съ удивительно добрымъ выраженіемъ неказистаго лица. Ватный черный клобукъ былъ вздернутъ на затылокъ, и какъ-то на бекрень. Монахъ любопытно оглядывалъ насъ, видимо одолѣваемый охотою поразговориться съ живымъ человѣкомъ. При мнѣ онъ съ тремя даровыми работниками изъ годовыхъ богомольцевъ дѣя-

тельно трудился надъ грядами. Тутъ росли: лукъ, капуста, картофель, огурцы, морковь, рѣдька. Это подъ 65° с. ш., а еще говорятъ, что огородничество невозможно въ Архангельской губерніи. Несмотря на неблагопріятное лѣто—холодное и сухое, овощь шла превосходно.—Мы разговорились.

— Я вячкой. Изъ крестьянъ. Крѣпостнымъ былъ—теперь іеромонахъ. Вотъ, огородомъ заправляю... Что-жъ, поживите у насъ, мы гостямъ очень ради. Очень мы гостей любимъ, потому одичаешь безъ человѣка вовсе... Помолитесь угодничкамъ. Было время, у насъ и пѣли хорошо. Хоръ на славу былъ—да непригоже монастырю этимъ заниматься. Новый настоятель уничтожилъ пѣніе это. Теперь, какъ батька сказалъ: прекратить, такъ и бросили. Самое пустынное пѣніе у насъ нонѣ...

— Зачѣмъ же было уничтожать пѣвчихъ?

— Не подобаетъ монаху о красѣ клирнаго молитвословія заботиться. Просто, пустынно пѣть надо. Чтобы слухъ не занимало. Въ міру—дѣло другое...

— Каковы огороды у васъ?

— Огороды у насъ первый сортъ. Ничего въ городу не покупаемъ. Все, чтó нужно монастырю, здѣсь есть. Отъ сиверка мы лѣсомъ защитились. Одначе и Господь помогаетъ, потому у насъ хозяева такіе, угодные ему—Зосима и Савватій. Хорошіе хозяева, блюдутъ свой домъ и стадо свое охраняютъ.

— Неужели вамъ и въ міръ никогда не хочется?

— Правду скажу тебѣ, не какъ иные прочіе, чтò отъ міра открещиваются, а сами душой къ нему стремятся, — не привлекаетъ насъ міръ, а почему, хочешь знать? Потому что всѣ мы изъ крестьянъ и было у насъ въ міру, въ Рассеѣ, житье куда горькое. Что въ немъ—въ міру-то—грѣхъ одинъ. Ежели помышленія блудныя и одолѣютъ, сдѣлаешь сотни двѣ земныхъ поклоновъ—все отойдетъ... А бѣсъ соблазняетъ... какъ не соблазнять, все бываетъ. А только Господь хранитъ, потому велика его милость и покровъ его надъ нами.

— Неужели въ монастырѣ мало монаховъ изъ духовныхъ или изъ чиновниковъ?

— А, пожалуй, и двадцати не насбираешь. Да и не надо грамотныхъ намъ. Работать не работаютъ, а смута одна отъ нихъ... Грамотности не требуется. Соблазну меньше, мы вѣдь здѣсь по простотѣ.

— А всѣхъ-то сколько?

— Съ послушниками—поди, сотъ пять будетъ. Много насъ; сказано—обитель святая... Други милые, вы поотдохните немножко,—ласково обратился онъ къ работникамъ. Чайки только одолѣваютъ насъ. Расподлая птичка. Страсть, какъ она огороды клюетъ. Мы было вересомъ обсаживать стали—не помогаетъ. Лисицъ у насъ много, повадились тѣ яицы у чаекъ ѣсть; что-жъ бы ты думалъ? Чайки-то подкараулили и выклевали глаза у лисицъ.

— Будто?

— Вѣрное мое слово. Она птичка умная. У ней у всякой свое мѣсто есть, которая съ яйцами или птенцами. Всякая мать свою округу имѣетъ, а другія уважаютъ это. Сторонняя чайка ни за что на ея землю не зайдетъ, издали перекрикиваются.

— А съ чего это онѣ пароходъ встрѣчаютъ.

— Тучей летятъ. Это они не праходъ, а богомольчей; какъ заслышутъ свистокъ, такъ и летятъ: потому богомольчи прикармливаютъ ихъ, они и любятъ. Нонѣ, батька, велѣлъ лисицъ разводить, чтобы чаекъ уничтожить, потому одолѣли.

А между тѣмъ, несмотря на нелюбовь монаховъ, чайки придаютъ этому монастырю особенно поэтическій оттѣнокъ. Бѣлыя стаи ихъ безпрестанно кружатся въ воздухѣ, описывая громадные и красивые круги надъ старинными стѣнами. Рѣзкій крикъ ихъ, когда къ нему попривыкнешь, а это бываетъ въ первый же день, кажется даже пріятнымъ для уха. Онъ немолчно раздается въ монастырѣ и днемъ и ночью. Въ немъ есть что-то радостное, задорное, возбуждающее. Да и что за красивая птица сама чайка! Серебристо-бѣлая, граціозная,

она великолѣпна, когда, широко разбросивъ крылья, сверкаетъ высоко надъ вами, кокетливо ныряя въ синемъ небѣ. Хохлатые, большеголовые, сизые и сѣрые птенцы ихъ также не лишены нѣкоторой красивой неуклюжести. Они по цѣлымъ часамъ стоятъ, уставясь носомъ въ землю и разсуждая о чемъ-то весьма глубокомысленно.

Мы невольно любовались хорошо содержимыми огородами.

— У насъ еще въ Макарьевской и Савватьевской пустыняхъ огороды есть. Арбузы, дыни, персики и разную нѣжную ягоду въ теплицахъ разводимъ; потому краснобаевъ у насъ мало, зато работниковъ да знающихъ людей много. Всякій свое дѣло несетъ. Со всѣхъ концовъ Россіи къ намъ сходятся, ну мы и присматриваемся, что гдѣ лучше, такъ и дѣлаемъ.

Обращеніе іеромонаха-огородника съ рабочими-мірянами было почти нѣжно. Эту черту потомъ мы замѣчали у всѣхъ монаховъ. Они дѣйствительно братски относятся къ забитому и загнанному крестьянину. Оно и понятно. Почти всѣ монахи вышли изъ этой среды; произнося обѣты отрѣшенія отъ жизни, они не могли окончательно порвать всѣ связи съ своимъ прошлымъ. Имъ не разъ поминается томительная безкормица далекаго, снѣгомъ занесеннаго села, гдѣ съ утра до ночи надъ непосильною работою изводятъ свои силы ихъ матери, братья и сестры. Отсюда любовь къ богомольцу-рабочему. Несладка жизнь послѣдняго дома, и его пребываніе въ монастырѣ—мирный отдыхъ. Повсюду его встрѣчаетъ братская ласка, привѣтное слово, улыбка. Ихъ иначе не называютъ, какъ други, голубчики кормильцы. Крестьянинъ оживаетъ здѣсь и бодро смотритъ впередъ, мечтая, рано или поздно, войти въ эту добрую рабочую семью въ качествѣ ея полноправнаго члена. Кромѣ того, надо отдать справедливость соловецкимъ монахамъ,—они и сами ѣдятъ хлѣбъ въ потѣ лица своего. Они трудятся, какъ дай Богъ трудиться каждому мірянину. Монахъ, напримѣръ, огородникъ своимъ рабочимъ подаетъ первый примѣръ труда; онъ не ограничивается ролью наблюдателя, но самъ прикладываетъ руки къ дѣлу, возится въ грязи и въ концѣ-

концовъ сдѣлаетъ больше всякаго богомольца. Такъ у нихъ вездѣ. Поэтому хозяйство ихъ цвѣтетъ, и монастырь помимо своего аскетическаго значенія, имѣетъ всѣ признаки хорошей рабочей общины. Даже намѣстники работаютъ, какъ простые чернорабочіе, исполняя разныя „послушанія", не говоря уже о разныхъ іеромонахахъ, которые, кромѣ мантіи, надѣваемой въ церковь и за трапезу, ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ иноковъ.

XIII. Кузница и горны.

— Хозяйство у насъ основательное. Монастырь—хозяинъ хорошій. Все свое. Посмотри, посмотри, намъ даже оно и пріятно, если любопытствуютъ. Все во славу обители святыя. Посмотри литографію нашу, да кожевню, заводы, да мало ли чего у насъ нѣтъ. Не перечтешь. А это вотъ наша кузница будетъ.

Кузницей заправляютъ два монаха. При нихъ съ десятокъ годовыхъ богомольцевъ.

— Чтó это за двухъ-этажное зданіе?

— Для огородниковъ. Вонъ тамъ дома—тоже въ два этажа выведены—годовые богомольцы живутъ.

Мы отправились осматривать кузницу.

Скрыпя, отворилась желѣзная дверь. Насъ обдало запахомъ каменнаго угля. Громадное черное помѣщеніе кузницы, словно подземелье, охватило насъ мракомъ, который не могли разсѣять даже закоптѣвшія, продѣланныя въ стѣнѣ окна. Въ темнотѣ передъ нами высились какія-то массы, неподвижные силуэты, столбы. Полъ весь былъ заваленъ кучами угля. Въ самомъ глухомъ углу, тлѣвшій въ горнѣ огонь тускло сверкалъ. Лѣтомъ работы бываетъ мало—монастырь занятъ богомольцами.

маленькая коморка шаговъ пять въ длину и три въ ширину. Тутъ на узенькой кровати спалъ старикъ-монахъ. Мы его разбудили. „Можно осмотрѣть школу?“.

— Сейчасъ!—заторопился тотъ... Ключи... Гдѣ это ключи дѣвались?

Школа устроена для мальчиковъ, которые на зиму при монастырѣ остаются. Ихъ учится здѣсь до ста. Тутъ въ этихъ коморкахъ они и живутъ.

— Ну, однако, и тѣсновато имъ.

— Да, вѣдь, они тутъ только ночуютъ. Утро—на работѣ, потомъ трапезуютъ, опосля по дворамъ бѣгаютъ, въ лѣса уходятъ—кто во что. А вечеромъ въ школу.

— И давно эта школа открыта у васъ?

— Въ шестьдесятъ-второмъ. Архимандрита Пареенія—усердіемъ. Я тутъ сторожемъ состою.

Мы вошли въ школу. Большая комната, черныя нары, каѳедра. На стѣнахъ развѣшаны старинныя карты. На окнѣ самодѣльный, но вѣрный глобусъ, по словамъ монаха, сдѣланный однимъ изъ мальчиковъ.

— На карту посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и сдѣлалъ шаръотъ по картѣ.

Мы посмотрѣли, и дѣйствительно подивились. Сколько для крестьянскаго мальчика надо было потратить соображенія и труда, чтобы сдѣлать этотъ глобусъ. И подумать, что всѣ его способности должны пропасть безплодно — въ стѣнахъ монастыря: грустное чувство охватывало насъ при этой мысли.

На стѣнѣ была табличка уроковъ: оказалось, что ежедневно на классъ посвящается отъ 2—3 часовъ времени. Привожу росписаніе уроковъ цѣликомъ:

1. Понедѣльникъ: Законъ Божій. Чтеніе св. писанія. 2. Вторникъ: Исторія ветхаго и новаго Завѣта. 3. Среда: объясненіе Богослуженія. 4. Четверкъ: упражненіе учениковъ въ чтеніи молитвъ подъ руководствомъ всѣхъ наставниковъ вмѣстѣ. 5. Пятница: исторія церкви и государства русскаго. Географія. Ариѳметика. 6. Воскресенье: письмоводство.

И такъ, только два часа въ недѣлю опредѣлено на русскую исторію, географію, ариѳметику. Затѣмъ все остальное время занято чисто духовными предметами. Понятно, что такая школа, при ласковомъ обращеніи съ учениками монаховъ, приготовляетъ изъ дѣтей будущихъ кандидатовъ въ обитель. Тутъ они проникаются до мозга костей аскетизмомъ и духомъ монастырской общины. Возвращаясь домой, въ свои города, села и деревни, они спятъ и видятъ, какъ бы опять поскорѣе попасть въ монастырь, и уже навсегда.

— Наказываютъ монахи учениковъ?

— Чудно это дѣло, братецъ мой: безъ розги обходятся— а дѣти шибко учатся. Чтобъ это кто лѣнился—николи! Дѣтки такое усердіе имѣютъ, что другъ передъ дружкой стараются.

— Много идетъ ихъ въ монастырь потомъ?

— Всѣ, почитай; рѣдкій не вернется въ обитель... Потому духъ этотъ почіетъ въ нихъ.

— И молодыми поступаютъ?

— Да, подросточками. Годковъ по шестнадцати, по семнадцати *)...

Кромѣ этого класса, есть еще младшій, гдѣ учатъ молитвамъ, чтенію и письму. Цѣлесообразно вообще направляетъ монастырь свою дѣятельность. Мальчикъ является сюда забитымъ и запуганнымъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома—грязь, нищета, пьянство отца; дома онъ слышитъ общія жалобы: недоимка одолѣла, становой притѣсняетъ, старшина куражится, староста пропилъ казенныя деньги—всякъ отвѣчай за него своимъ карманомъ; дома деревенскій мальчикъ ростетъ какъ волченокъ, чуя за собою постоянную травлю, видя, что та же травля одинаково преслѣдуетъ и взрослыхъ.

*) Въ послѣднее время мѣры, принятие Св. Пр. Синодомъ, посократили значительно случаи поступленія въ монастырь такого громаднаго количества послушниковъ, какъ прежде.—*Прим. авт.*

Въ монастырѣ онъ разомъ сталкивается съ инымъ міромъ, съ иною привольною жизнью. Тутъ его никто не бьетъ. Съ нимъ обращаются мягко, даже нѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него, какъ на свое дитя. Потребность любить пробуждается въ старческомъ сердцѣ аскета, и онъ серьезно привязывается къ крестьянскому мальчику, какъ къ родному. Товарищи, войдя въ общій тонъ обители, обращаются съ нимъ ласково. Онъ всегда сытъ: изобильный обѣдъ, ужинъ; хлѣба, мяса и рыбы въ волю; ѣшь до отвала. Первое время, дѣйствительно, онъ только ѣстъ да спитъ. Одѣтъ онъ опрятно и чисто. Бѣлье ему мѣняютъ въ недѣлю по два раза, нѣтъ своего подрясника—ему выдадутъ новый изъ монастырской рухляндной кладовой. На работѣ его не томятъ. Работай, сколько можешь, сколько есть усердія, потому что эта работа не на хозяина, а на св. Зосиму и Савватія. Грязи, нищеты не видать нигдѣ. Пьяныхъ и подавно. Жалобъ на судьбу, недоимку, подать и повинности не слыхать; короче—приволье, рай земной, обѣтованная земля для крестьянскаго забитаго ребенка.

Понятно, что несчастный мальчуганъ въ восторгѣ отъ обители. Это для него—идеалъ земнаго счастія и благополучія. Чего еще искать, куда еще идти? А тутъ на помощь является школа, гдѣ каждый день ему твердятъ о великомъ подвигѣ спасенія, о грѣховности міра, о невозможности сохранить душу свою внѣ предѣловъ обители. Умъ его настраивается на монашескій ладъ. Онъ совершенно становится монахомъ. Проподаетъ рѣзвость движеній, гаснетъ смѣлый взглядъ, рѣсницы опускаются внизъ, шаги становятся размѣренными, самая рѣчь подъ вліяніемъ школы дѣлается похожею на церковно-славянскую. Годъ такой жизни—и будущій монахъ готовъ. Что его удержитъ въ мірѣ? Любовь къ семьѣ? Но въ этой семьѣ онъ видѣлъ брань, колотушки, холодъ и голодъ. Стремленіе къ брачной жизни? Онъ еще не доразвился физически до этого. Онъ и идетъ въ монастырь, считая величайшимъ для себя счастіемъ попасть туда. Обитель становится

его отечествомъ, его вѣрою, его жизнью. Это—самый лучшій монахъ. Онъ много работаетъ и мало разсуждаетъ. Не умѣетъ руководить и приказывать—зато слѣпо повинуется самъ. Отсюда понятно недоброжелательство монаховъ къ чиновникамъ, дворянамъ, купцамъ, поступающимъ въ обитель. Эти, пожалуй, не подчинятся строгой дисциплинѣ, на которую тѣ смотрятъ, какъ на легкое бремя, и даже не какъ на бремя, а какъ на легкую и пріятную обязанность. Эти станутъ разсуждать, станутъ сѣять соблазны въ ихъ средѣ. Да, наконецъ, и въ прошломъ этихъ прозелитовъ столько свѣтлаго, что они никогда не съумѣютъ порвать съ нимъ свои связи. Отсюда тоска, заражающая другихъ, недовольство и, наконецъ—чего монахъ особенно не любитъ—оставленіе монастыря, растриженіе.

Впрочемъ, въ Соловкахъ послѣднее случается очень и очень рѣдко.

XV. Самородки.

Въ трапезной Соловецкаго монастыря я видѣлъ картины художниковъ-самоучекъ. Первыя ихъ произведенія обнаруживали яркій талантъ, послѣднія бывали безжизненны, сухи, бездарны. Явился-было одинъ мальчикъ, подававшій большія надежды. Его ученическіе эскизы дышали смѣлостію, чутьемъ художественной правды. Даже монахи были поражены ими. Обитель послала подростка въ Москву, въ художественную школу. Тамъ юный талантъ окончилъ курсъ и вернулся въ монастырь. Рисунки этого періода его жизни—хороши. Но по всѣмъ послѣдующимъ можно прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ аскетизма, мертвенности, неподвижности, застоя жизни, гасъ его талантъ. Линіи рисунка выпрямляются, выраженіе лицъ становится все болѣе сухимъ, иконописнымъ. А хоть тотъ же

мальчикъ, сообразившій, какъ по ландкартамъ сдѣлать глобусъ? Развѣ не скрывался въ немъ талантъ? Къ сожалѣнію, и онъ погибъ для жизни и науки! Вотъ, напр., разсказъ одного монаха.

— Привезъ къ намъ инокъ брата своего, зырянскаго мальчика. Оставилъ въ монастырѣ. Пугливъ мальченко былъ. Привели его въ классъ, показали азбуку—къ вечеру онъ ужъ и знаетъ ее. А черезъ два дня самъ читать сталъ. И что ему ни показывали, все понималъ разомъ. Книги читать началъ— не оторвешь бывало. Мѣсяца черезъ четыре лучше монаховъ все священное писаніе зналъ. Память такая, что прочтетъ страницу, и все разскажетъ слово въ слово. Взялъ библію на славянскомъ языкѣ и на латинскомъ, словарь взялъ (одинъ монашекъ, изъ поповъ, помогъ ему), черезъ три мѣсяца ужъ и латынь зналъ. Задачи какія ариѳметическія—разомъ понялъ. Учителя своего втупикъ ставилъ. Задастъ бывало учителю задачу, тотъ бьется-бьется надъ ней, а зырянинъ смѣхомъ рѣшитъ. Любознательности у него гибель было. Ничего мимо не пропуститъ. Такихъ способностей я на вѣку своемъ не видывалъ. Просто умъ помутится, какъ поговорить съ нимъ. Такой ли острый парень! Ну, только и предсказывали мы ему, что долго не проживетъ. Потому Господь не даетъ такимъ долгаго вѣка. Пробовали его отъ книгъ отваживать, на черную работу посылали—мигомъ покончитъ работу и опять за книгу. Мастерство завелъ—деревянные часы своимъ умомъ сдѣлалъ. Потомъ монастырь весь, до малѣйшей подробности изъ хлѣба слѣпилъ. Все для подъема воды колеса разныя придумывалъ. Братъ, бывало, отниметъ у него книгу—выпроситъ со слезами и опять читаетъ. Такъ года два или три шло. Просто мы диву дались. Однако знали, что не къ добру это... Уговаривали его бросить—засмѣется въ отвѣтъ, да и только. А въ это время пріѣхало къ намъ важное лицо, ему и показали этого мальчика, потому—чудо. Только въ нашей обители и могутъ проявиться такіе. Подивился и тотъ: часа два говорилъ съ мальчикомъ, задавалъ задачи, какія у насъ

и не снились никому; думали смутится парень—ничего. Все рѣшаетъ, и быстро такъ. Велѣли ему ѣхать въ Питеръ, тамъ его въ какое-то училище опредѣлили. Что же бы вы думали—въ три года онъ на двѣнадцати языкахъ говорилъ! Къ брату писалъ оттуда. А потомъ слухъ прошелъ, что послали его въ Парижъ, на всемірную выставку, тамъ на выставкѣ этой и померъ.

— Отчего же онъ умеръ?

— Потому въ монастырѣ у насъ—строго. Въ Питерѣ братъ тоже своимъ его препоручилъ, въ оба за нимъ глядѣли. Ну, а въ Парижѣ во вся тяжкія пустился, отъ женщинъ, отъ блудницъ вавилонскихъ этихъ, и сгорѣлъ. Вотъ она судьба! А остался бы въ монастырѣ, доселѣ былъ бы живъ во славу обители. Очень мы его жалѣли. Извѣстно, міръ—въ немъ спасенія нѣтъ. Кто изъ монастыря туда уйдетъ—сгніетъ, какъ червь. Богъ такимъ не даетъ долгаго вѣка, — не посрамляй обитель святую.

Стою я какъ-то у берега Святаго озера. Было это вечеромъ, на третій день моего пріѣзда въ Соловки. Солнце уже заходило. День не становился темнѣе, потому что въ это время здѣсь ночи нѣтъ. Но изъ лѣсу уже ползла сырая мгла. На водѣ погасли искры, и вся ея гладь лежала какъ тусклая сталь, только съ береговъ опрокинулись въ нее силуэты темныхъ сосенъ. Прямо передо мною черезъ озеро поднимались стѣны монастыря. Гулкій звонъ колоколовъ только что замеръ въ воздухѣ, а ухо, казалось, еще слышало послѣдніе удары. Сердце невольно рвалось куда-то...

Вижу, ко мнѣ робко подходитъ молодой монахъ изъ послушниковъ. Мы заговорили.

— У меня къ вамъ дѣло есть.—И онъ замялся.

— Сдѣлайте одолженіе: радъ служить, чѣмъ могу.

— Правда, что вы пишете въ газетахъ и журналахъ? Мнѣ братъ одинъ сказывалъ.

— Правда.

— Ахъ, давно я хотѣлъ повидать кого-нибудь изъ писате-

лей. Я тоже (онъ покраснѣлъ) стихи пишу. Только не знаю, что̀ выходитъ. Дрянь, должно быть... А можетъ и есть что̀.

Меня поразила симпатическая наружность этого юноши. На блѣдномъ лицѣ его ярко сверкали крупные черные глаза, волоса роскошными прядями обрамливали высокій лобъ, только какое-то болѣзненное чувство тоски лежало въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи проглядывало что-то робкое, какая-то неувѣренность въ себѣ.

— Какъ вы сюда попали? наконецъ спросилъ я.

— Это невеселая исторія, началъ онъ. Стоитъ ли только разсказывать?... Любилъ я дѣвушку одну... Ну и она тоже... Чудо дѣвушка была. Года два такъ шло. Вдругъ родители взяли, да и выдали ее за какого-то пьяницу-чиновника силкомъ, потому они тоже чиновники были, ну, а я изъ мѣщанъ. Чуть я не утопился тогда. Прошло мѣсяца три—она возьми, да и убѣги ко мнѣ. Отняли съ полиціей. Побоевъ сколько было!... Вынесла, бѣдная, немало и... заболѣла чахоткою, — черезъ силу проговорилъ онъ какимъ-то надорваннымъ голосомъ. Проболѣла недолго. Весною, съ первымъ листикомъ и Богу душу отдала... И въ гробу точно живая лежала... Что было со мною—не знаю. Сталъ я ходить на ея могилу; только и счастія было, что поплачешь надъ ней... Ну, а какъ пришла зима, да занесло все снѣгомъ, такая меня тоска тогда обуяла, что порѣшилъ я бросить все, и уйти въ монастырь. Лѣтомъ и пошелъ сюда пѣшкомъ... А какое созданіе славное было... Знаю, что большой грѣхъ думать объ этомъ, да такъ ужъ съ вами душу отвелъ.

— Вы учились гдѣ-нибудь?

— Гдѣ учиться. До четвертаго класса гимназіи дошелъ, да оттуда отецъ силой взялъ—въ лавку надо было.

—Что̀ же вы пишете?

— Стихи. Я, признаться, и въ міру стихи писалъ. Да то— другое дѣло.

— Пробовали вы посылать куда-нибудь?

— Куда?... И то хоронюсь. Неприлично это монаху.

— Неужели вы думаете постричься окончательно?

— А то какъ? Тамъ мнѣ нечего дѣлать. Здѣсь хоть за ея душу молиться стану.

Онъ прочелъ мнѣ свои стихотворенія. Они были необработаны, риѳма не совсѣмъ удачна, размѣръ не соблюденъ — но какая сила выраженія, какіе яркіе образы! Талантъ такъ и звучалъ въ каждой строкѣ ихъ. Они были проникнуты чувствомъ великой скорби. Только порою въ нихъ отчаянно прорывался бурный, бѣшеный порывъ измученной души. Тоску они навели на меня. Жаль было видѣть такое дарованіе, схоронившимся въ монастырѣ.

Всѣ мои убѣжденія были напрасны.

— Перстъ Божій! — твердилъ онъ. — Да и что изъ меня будетъ тамъ... Въ мірѣ нѣтъ спасенія.

XVI. Кожевня и кирпичный заводъ. — Экономическое положеніе монастыря.

Нужно отдать Соловецкому монастырю справедливость. Это хорошій работникъ и хозяинъ. Начиная съ намѣстниковъ и членовъ собора, здѣсь работаютъ всѣ и каждый. Часто іеромонахъ справляетъ черную работу и не претендуетъ на это. Онъ только совершаетъ „послушаніе". Сюда стекаются изъ разныхъ концовъ Россіи. Тутъ есть монахи съ Кавказа, изъ-за Волги, изъ Западнаго края, изъ Крыма, изъ Сибири, изъ Турціи. Всякій приноситъ съ собою какое-либо знаніе, кто по хозяйству, кто по механикѣ. Оттого въ монастырѣ вездѣ, гдѣ возможно, ручной трудъ замѣненъ машиною, и непремѣнно мѣстнаго изобрѣтенія. Даже вода въ гостинницы и монастырь не разносится носильщиками, а поднимается въ каждый этажъ посредствомъ ловко и удобно устроенныхъ воротовъ. Никто не долженъ находиться въ бездѣйствіи—вотъ принципъ этой аскетической рабочей коммуны.

— Да вѣдь у васъ люди полѣниваются работать?

— А надзиратели-то наши.

— Какіе надзиратели?

— Св. Зосима и Савватій невидимо присутствуютъ. Ихъ не обманешь—все видятъ. На нихъ вѣдь работаемъ, они наши хозяева. Повсечасно памятуемъ это. Опять же не забываемъ, что только труждающійся да ястъ...

Монахъ идетъ на работу безпрекословно. Ни недовольства не выскажетъ, ни о замѣнѣ его другимъ не попроситъ. Этому особенно способствуетъ то, что $^5/_6$ всего числа иноковъ больше крестьяне и только $^1/_6$ изъ другихъ сословій. Первые и внѣ стѣнъ монастыря привыкли работать, и работать впроголодь.

— Разъ какъ-то я стѣну работалъ и затомился, такъ затомился, что руки поднять не могу. А хотѣлось стѣну вывести, не откладывая до другого раза. Ну, и сталъ я на колѣни, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, помолился святому Зосимѣ-Савватію, и вдохнули хозяева наши силу въ меня. До самаго до вечеру безотходно проработалъ. Стѣну и окончилъ.

Монахи имена святыхъ Зосимы и Савватія произносятъ, какъ одно имя: Зосимсавватій.

Понятно отсюда, какъ развилась въ Соловецкомъ монастырѣ такая производительность, какая не снится и Архангельску. Здѣсь строятъ пароходы, чинятъ ихъ, литографируютъ, дубятъ кожи, приготовляютъ кирпичи; тутъ есть фотографія, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, восковщики, механики, скотоводы, сыровары, строители, архитекторы; тутъ есть магазины, великолѣпныя хозяйственныя помѣщенія, кладовыя, квасныя и пекарни; монастырю принадлежатъ два парохода и морская шкуна, на которой монахи ловятъ рыбу и промышляютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, кузнецы, гончары, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы, даже золотопромышленники. Короче,—отрѣзанный въ теченіи 8-ми мѣ-

сяцевъ ото всего остальнаго міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего нигдѣ не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, крупъ и каменнаго угля.

Эта кипучая дѣятельность производитъ поразительное впечатлѣніе на людей, видѣвшихъ такія обители, каковы Троицко-Сергіевская, Юрьевская и др., не труждающіяся и не обремененныя, но все же вкушающія отъ плодовъ земныхъ въ изобиліи.

Соловки прежде вываривали до 400,000 п. соли на бѣломорскихъ берегахъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ; кромѣ того, въ первомъ они разработывали желѣзо, серебро на Мурманѣ и отправляли промысловыя партіи на Новую Землю. Такимъ образомъ, эта рабочая община исторически выработала свои настоящія формы. Разумѣется, благосостоянія, удивляющаго теперь богомольцевъ, они не достигли бы своими средствами исключительно. Тутъ отчасти важное значеніе имѣли приношенія богатыхъ крестьянъ архангельскихъ, олонецкихъ, вологодскихъ, вятскихъ и пермскихъ, и особенно обиліе даровыхъ рабочихъ рукъ. Добровольныхъ работниковъ-богомольцевъ остается въ монастырѣ на годъ не менѣе четырехсотъ человѣкъ. Считая каждый рабочій день въ 30 к. (minimum), мы получимъ сумму, остающуюся въ пользу монастыря, — 120 р. въ день или 43,800 р. въ годъ. Считая число мальчиковъ во 100, и принимая, что рабочій день каждаго изъ нихъ станетъ 10 к., или всѣ 10 р. въ день и 3,650 р. въ годъ окажется, что даровой трудъ приноситъ обители—47,450 р. Ежегодно по разсчету монастыря у нихъ перебываетъ до 15,000 богомольцевъ. Считая, что каждый изъ нихъ принесетъ въ монастырь по 10 р. (minimum), а обойдется монастырю въ 2 р. (maximum), получимъ 120,000 р. Часовня обители, находящаяся въ Архангельскѣ, подворья, гдѣ квартиры, лавки и кладовыя отдаются въ наймы, приносятъ ежегодно 10,000 р., да пароходы около 15,000 р. Итого, кромѣ неопредѣленныхъ, чрезвычайныхъ пожертвованій, вкладовъ и т. п., монастырь

имѣетъ ежегоднаго, правильнаго, неизбѣжнаго дохода около 200,000 р. Процентовъ съ принадлежащихъ ему капиталовъ монастырь, какъ мы слышали, получаетъ 25,000 р. Прибавьте, что для себя Соловки покупаютъ только хлѣбъ въ Архангельскѣ и каменный уголь въ Англіи, что все необходимое производится здѣсь и въ такомъ излишкѣ, который допускаетъ продажу на сторону, достигающую до 30,000 р., и вы тогда сообразите, насколько богата эта община. Тѣмъ не менѣе истинныя средства ея выше показанныхъ нами. Монастырь своею работою содержитъ себя самъ. Онъ могъ бы легко обойтись и безъ всѣхъ этихъ рессурсовъ, которые только увеличиваютъ его фонды, неподвижные, не пускаемые въ обороты, его лежачій капиталъ. Если бы обратить въ деньги движимое и недвижимое имущество монастыря, т. е. самые острова, составляющіе его собственность (грамоты Мароы Посадницы, Іоанна IV Грознаго и пр.), строенія, скиты, пароходы, суда, доки, всѣ его производительныя заведенія фабрично-заводскаго характера, его церкви, ризницу, часовни, его табуны и стада, его подворья въ другихъ мѣстахъ, то получилась бы сумма, навѣрно превышающая 10.000,000 р. И все это цвѣтетъ, всѣ производства совершенствуются и расширяются. Вотъ краткій очеркъ экономическихъ средствъ монастыря. И это развилось въ глуши, посреди негостепріимнаго Бѣлаго моря, безъ всякаго участія грамотныхъ, образованныхъ классовъ, среди горсти крестьянъ, пріявшихъ иноческій чинъ и съумѣвшихъ въ теченіи четырехъ столѣтій обратить голые соловецкіе камни въ чудные оазисы, поразительные своею оригинальною красотою, богатствомъ и производительностію.

Прежде средства монастыря были еще значительнѣе. Несмотря на улучшеніе путей сообщенія на сѣверѣ устройствомъ пароходства по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ,—обѣднѣніе нашего крестьянства дошло до той степени, что оно отразилось и на доходахъ монастыря. Прежде не только богомольцевъ было больше (до 25,000 ч.), но и приношенія дѣлались чаще и крупнѣе. Такъ еще недавно, какъ мы слышали, цифра

такихъ приношеній доходила до 280,000 р. Разумѣется, всѣ эти данныя только приблизительно вѣрны, но ихъ достаточно для общихъ заключеній.

— Оскудѣваетъ усердіе къ святой обители! — жаловался мнѣ старый сѣдой монахъ, опираясь на костыль.

— Духъ времени.

— Не духъ времени, а духъ вольномыслія, духъ погибельный, духъ зла...

— Работать ныньче много приходится, все дорого, а средствъ мало. Обѣднѣли.

— А обѣднѣло все потому, что ослабѣло усердіе къ благолѣпію храмовъ Божьихъ. Вѣра оскудѣваетъ. Отъ князя власти воздушныя все. Послѣднія времена приходятъ. Крестьяне и тѣ скупятся на приношенія.

— Да, вѣдь, и они до голода доходятъ...

— Прежде слѣпая вѣра была — оттого и нищеты той не замѣчалось. Нынѣ разумомъ своимъ величаются и оскудѣваютъ.

— Что-жъ, послѣдній кусокъ нести въ монастырь?

— Зачѣмъ послѣдній... Господь подастъ: ты принесешь свой даръ обители, домой вернешься—а тебѣ, можетъ, за это ангелъ Господень нивѣсть какое богатство подастъ.

— Ну, на это мало надежды.

— Враны пророка питали въ пустынѣ.

Кожевня помѣщается въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ; какъ и большая часть здѣшнихъ производительныхъ заведеній, она бываетъ въ дѣйствіи только восемь зимнихъ мѣсяцевъ. Четыре мѣсяца навигаціи, когда монастырь посѣщается богомольцами, она стоитъ безъ дѣла. Въ кожевнѣ работаютъ одинъ монахъ и шестеро рабочихъ изъ богомольцевъ; выдѣлываютъ здѣсь до 8000 штукъ однѣхъ нерпичьихъ кожъ; кромѣ того, тюленьи, моржовыя, оленьи и коровьи. Тутъ же и кельи работающихъ въ кожевнѣ людей. Кожевня приноситъ монастырю немалый доходъ, какъ и все устроенное у себя монахами. Валовой оборотъ ея равняется 50,000 р.

Отсюда мы вышли и углубились въ лѣсъ.

— Все это,—объяснялъ путеводитель,—когда-то сплошнымъ болотомъ было. Монастырь осушилъ острова и теперь, кромѣ нѣсколькихъ луговъ, нарочно оставленныхъ, нигдѣ топкаго мѣста не найти. Луга и тѣ посередь островов больше, да въ Анзерахъ. Вездѣ прорыты канавки!

Меня тутъ поразило обиліе незабудокъ и такихъ цвѣтовъ, которые не встрѣчаются въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ, не смотря на то, что они гораздо южнѣе Соловокъ. Роскошная растительность послѣднихъ носитъ на себѣ отпечатокъ сѣверной природы. Тутъ есть, между прочимъ, великолѣпные лѣса, изъ-подъ почвы которыхъ постоянно прорѣзываются гребни гранитныхъ утесовъ.

Монастырь имѣетъ свой кирпичный заводъ. Тутъ ежегодно заготовляется до 400,000 шт. кирпича, и какого кирпича! Прочность его необыкновенна, и отъ времени онъ пріобрѣтаетъ крѣпость желѣза. Каждый кирпичъ вѣситъ 16-ть фунтовъ, и гораздо крупнѣе нашихъ. Изъ него выстроены всѣ позднѣйшія зданія, какъ, напримѣръ, гостинница—громадный трехъ-этажный домъ, возведенный въ три мѣсяца, причемъ надъ постройкой трудился самъ архимандритъ. Кирпичъ для этого строенія заготовлялся три года. Въ кирпичномъ заводѣ работаютъ около 20-ти человѣкъ съ пятью монахами. Онъ прекрасно содержится.

Нельзя отрицать, что жизнь въ монастырѣ для годовыхъ богомольцевъ-рабочихъ имѣетъ свою полезную сторону. Часто, т.-е. почти всегда, крестьянинъ является сюда ни къ чему не подготовленнымъ. Работая здѣсь, онъ присматривается къ разнымъ хозяйственнымъ приспособленіямъ, упрощеніямъ, и дома у себя старается примѣнить видѣнное. Когда я проѣзжалъ Олонецкую губернію, то въ большомъ селеніи Юксовичи удалось мнѣ видѣть необыкновенно чистыя конюшни, особенно весьма выгодный и практическій способъ содержанія скота и нѣкоторые необычные въ крестьянскомъ хозяйствѣ пріемы. Разспросивъ старика-крестьянина, я узналъ, что село обязано

этимъ—Соловецкому монастырю, въ которомъ перебывала, въ качествѣ добровольныхъ рабочихъ, бо́льшая часть населенія этого круга.

Особенно выгодно пребываніе въ монастырѣ отзывается на мальчикахъ, если, разумѣется, оставить въ сторонѣ склонность къ аскетизму и монашеству, выносимую отсюда. Они пріѣзжаютъ домой ремесленниками, или вообще производителями другого рода. Знанія эти даютъ имъ возможность упрочить свое экономическое положеніе; здѣсь же они привыкаютъ къ опрятности и строгому порядку,—двумъ добродѣтелямъ, рѣже всего встрѣчающимся въ нашемъ крестьянствѣ.

XVII. Каналы, лѣса и дороги.

Монахи умѣютъ пользоваться мѣстностію.

По склону, едва замѣтному, нѣкогда бѣжалъ ручей изъ одного внутренняго озера въ другое. Тонкая струя воды — и только. Казалось, она ни къ чему и не пригодна. Какой-то послушникъ расчистилъ берегъ ручья, углубилъ его ложе и выровнялъ его: незначительный истокъ обратился въ узенькій каналъ.

Я поднялся вверхъ по его теченію; монастырь и тутъ не упустилъ случая воспользоваться силою воды и устроилъ въ одномъ мѣстѣ точильню, на другомъ пунктѣ водоподъемную машину. Точильня состояла изъ большого ворота, движимаго водою. Діаметръ его 1½ сажени. Воротъ стоитъ вертикально. Его дугу охватывали ремни, которые затѣмъ, перекрещиваясь, раздѣлялись на два, къ каждому изъ нихъ было прикрѣплено большое точильное колесо. Вслѣдствіе движенія воды въ каналѣ, воротъ вращался, и въ свою очередь посредствомъ ремня вертѣлъ два точильныхъ колеса. Передъ послѣдними устроены были скамьи, на которыхъ при насъ сидѣли точившіе ко-

сы и топоры монахи. Механизмъ до крайности простъ, удобенъ и выгоденъ. Въ день такая точильня можетъ выточить болѣе 300 косъ, 450 топоровъ—и сколько хотите ножей. Ея одной достаточно на городъ средней руки. Надъ точильнею—домъ, чисто содержимый и весьма опрятный. Зимою, когда канава замерзаетъ, воротъ приводится въ движенiе механическою силой. Эта точильня—изобрѣтенiе крестьянина, прожившаго здѣсь годъ и, кажется, оставшагося въ монастырѣ навсегда.

Солнечный свѣтъ мягко обливаетъ зеленую мураву сухого луга. Безоблачное небо синѣло надъ нами, напоминая необыкновенно прозрачною лазурью своей дальнiй югъ. По окраинамъ словно замерли гигантскiя сосны и бѣлыя березы, протянувъ недвижныя вѣтви въ свѣтъ и тепло яркаго лѣтняго дня. Мы шли все вверхъ по теченiю канала.

Новое зданiе каменное, большое:—это водоподъемная машина.

Мы вошли. Родъ сарая; посрединѣ несложнымъ механизмомъ вода подымалась вверхъ на высоту четырехъ аршинъ, лошадь съ бочкою подъѣзжала подъ кранъ, которымъ заканчивался жолобъ, и струя отвѣсно падала сверху. И легко, и просто и удобно. А главное—сокращаетъ рабочую силу, замѣняя ее механической. Въ сарай влетѣла чайка и спокойно сѣла на край жолоба.

— Кто это строилъ у васъ?

— Монахъ одинъ... Изъ крестьянъ. Хорошо придумалъ.

— Да, хорошо.

— Все отъ угодниковъ. Ихъ заступленiемъ; не оставляютъ обители—домъ свой... Потому, здѣсь вси труждающiеся и обремененные. Шелковъ, да бархатовъ, какъ въ иныхъ прочихъ монастыряхъ, не носимъ.

Дѣйствительно, соловецкiй монахъ—всегда и вездѣ является въ одной и тоже рясѣ изъ толстаго и грубаго сукна. Простое холщевое бѣлье, крестьянскаго покроя. сапоги-бахилы изъ нерпичьей кожи—одинаковы у всѣхъ, у намѣстника и у

простого послушника. Черныя, грубыя мантіи дополняютъ костюмъ. Роскоши нигдѣ не замѣтно.

И какой здоровый, коренастый народъ—соловецкіе монахи! Все это люди сильные, незнакомые съ недугами. Оригинальную картину представляетъ здѣшній инокъ, когда съ засученными по локоть рукавами, клобукомъ на затылкѣ и подобранной спереди рясой, онъ большими шагами выступаетъ, съ крестьянской перевалкой и присѣданіями, по двору обители. Это тотъ же самый хлѣбопашецъ, только переодѣтый въ рясу. Съ однимъ изъ такихъ подвижниковъ мы отправились въ лѣсъ.

По обѣ стороны дороги лежали громадные валуны. За ними недвижно стояли лѣсные гиганты. Оттуда вѣяло свѣжестію и прохладой. Мы вошли въ эту тѣнистую глушь. Высоко надъ нами переплетались могучія вѣтви, мягкій дернъ устилалъ всѣ промежутки между деревьями. Что это были за прямые стволы! Порою изъ-подъ почвы выступала острымъ краемъ сѣрая масса гранита. Кое-гдѣ цѣлыя скалы торчали въ глуши, плотно охваченныя молодою порослью. Земля была холмиста. На верхушкахъ пригорковъ поднимались купы сосенъ, протягивая далеко на югъ свои вѣтви. Сѣверная сторона этихъ великановъ была обнажена. Деревья, росшія внизу, распростирали во всѣ стороны одинаково свои сучья. Ихъ не достигалъ грозный сѣверный вѣтеръ. И какія чудныя озера были разбросаны въ глуши этихъ лѣсовъ, чистыя, прозрачныя, какъ кристаллъ. Невольно приходило въ голову сравненіе ихъ съ красавицей, лѣниво раскинувшейся въ зеленой ложбинѣ. Кругомъ нея стоятъ ревнивыя сосны — а она нѣжится въ лучахъ яркаго солнца, отражая въ бездонной глубинѣ своихъ чудныхъ очей и это синее небо, и эти жемчужныя тучки!... Тутъ все дышетъ идиліей, все навѣваетъ блаженныя грезы, все говоритъ о далекомъ миломъ краѣ, гдѣ намъ было такъ хорошо, весело и отрадно, о прекрасномъ безконечно прекрасномъ краѣ, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, о свѣтломъ краѣ воспоминаній, имя которому—юность!...

И какъ становится досадно, когда встрѣчаешь кругомъ только сѣрыя, аскетическія лица!..

А прозвучи здѣсь громкая, вдохновенная пѣсня, проникнутая всею нѣгой потрясеннаго страстію сердца, этотъ призывъ неудержимо рвущейся куда-то, человѣческой души — и какъ волшебно прекрасенъ показался бы этотъ идилическій міръ, съ его лѣсною глушью и свѣтловодными озерами!..

На этихъ поразительно живописныхъ берегахъ какъ мила была бы любящая пара, вся проникнутая довѣріемъ къ будущему, золотыми мечтами юности, радужными надеждами на счастье...

И развѣ это счастіе не было бы лучшею молитвою, чистѣйшимъ славословіемъ, хвалебною пѣснію сердца?...

Побродивъ съ часъ по лѣсу, мы опять вышли на дорогу, ведущую назадъ къ монастырю. Соловецкія дороги замѣчательно хороши. Прямыя, плотно убитыя щебнемъ, достаточно широкія, онѣ во всѣхъ направленіяхъ перерѣзываютъ острова, свидѣтельствуя о предусмотрительной энергіи монаховъ. Какъ любилъ я бродить по нимъ, когда спадетъ полуденный зной и тихая прохлада вѣетъ изъ лѣсу, съ зеркальнаго простора озеръ, съ синѣющаго безбрежнаго моря... Да, это прекрасный уголокъ земли, лучшая часть нашего далекаго сѣвера. Къ сожалѣнію, теперь здѣсь нельзя остаться даже на лѣто больному, потому что острова Соловецкіе принадлежатъ монастырю и тамъ негдѣ жить постороннему.

„Рай—наши Соловки!"—говорятъ монахи.

„Господь своимъ инокамъ продоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь на землѣ еще видѣли, что будетъ даровано праведникамъ тамъ, на томъ свѣтѣ".

„Одно плохо, хлѣба не родитъ наша пустынь блаженная!"—дополняли третьи, болѣе практическіе.

XVIII. Отецъ Авраамъ *).

Я забрелъ въ Благовѣщенскій соборъ рано утромъ. Меня тамъ почти оглушилъ шумъ многихъ голосовъ, раздававшихся отовсюду. Двадцать-три іеромонаха одновременно служили молебны. Стоя близъ служившихъ, нельзя было различить отдѣльныхъ словъ. Это былъ какой-то хаосъ выкрикиваній, звуковъ, пѣнія. Поминутно являлись новые богомольцы и семи-восьми человѣкамъ заразъ, отбирая у нихъ поминанія, священникъ торопливо служилъ молебны. Деньги за молебны запрещено давать въ руки іеромонахамъ. Сначала покупается билетъ на молебенъ (простой 35 к., съ водосвятіемъ 1 р. 50 к.); съ нимъ богомолецъ является въ соборъ, предъявляетъ его священнику, который уже затѣмъ начинаетъ службу...

— Сколько вы такимъ образомъ отслужите молебновъ въ одно утро?

— Всѣ вмѣстѣ—пятьсотъ случается. Бывало, и по шестисотъ удавалось. Все зависитъ оттого, сколько богомольцевъ.

Говорившій со мною былъ приземистый, коренастый монахъ, только-что снявшій ризу. На крупномъ четырехъ-угольномъ лицѣ его бойко и умно смотрѣли нѣсколько вкось прорѣзанные глаза; густые сѣдые волосы обрамливали львиною гривою лобъ. На скуластомъ лицѣ отражалось выраженіе крайняго самодовольства. Еще бы! Приходилось отдохнуть послѣ сорока молебновъ.

— Вы не изъ Архангельска ли?—спросилъ онъ у меня:— Знаете Ф. и Д.? Онъ назвалъ знакомыхъ.

— Какъ же,—хорошо знаю.

— Ну, такъ пойдемъ ко мнѣ чай пить. Побесѣдуемъ, давно я не бывалъ въ Архангельскѣ.

Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе. До тѣхъ поръ мнѣ не удавалось видѣть внутреннюю обстановку оби-

*) Имя измѣнено.

тели, наблюдать монаха у себя дома, на-распашку. Пройдя двумя дворами, обставленными высокими зданіями келій, я воспользовался случаемъ поразспросить его о хозяйствѣ монастыря, и перечислилъ при этомъ только-что видѣнныя мною мастерскія.

— Ну, а чугунно-литейный заводъ видѣли? И восковой, и смолокурню не осматривали?... Все у насъ есть. Главное— Господь невидимо покровительствуетъ. Чудодѣйственная сила во всемъ, куда ни посмотри. И коренастый монахъ съ гордостью оглянулся кругомъ.

Мы вошли въ келью.

Бѣдная, выбѣленная комната. Прямо между двумя окнами налой. Два табурета, столъ, комодъ и кровать. Кстати вспомнилъ я, какъ соблюдаютъ обѣты бѣдности іеромонахи другихъ монастырей; сравненіе было не въ пользу послѣднихъ...

— Что̀, у васъ всѣ такъ живутъ?

— Нѣтъ, самодовольно, отвѣтилъ старикъ. У меня по просторнѣй, да и посвѣтлѣе. А, впрочемъ, житіе пустынное, настоящее монашеское житіе. Развѣ мы нѣмецкіе пасторы или польскіе ксендзы, чтобы роскошничать?... Пасторъ и польскій ксендзъ, а по нашему — попъ, и я попъ, а между нами разница, потому мы не отъ міра сего.

Отецъ Авраамъ безцеремонно снялъ рясу, шаровары и сапоги, и очутился въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ. Въ одинъ мигъ монахъ преобразился въ вологодскаго крестьянина. Такъ онъ и присѣлъ къ столу.

Засѣли мы за чай. Пошла бесѣда. Я спросилъ о библіотекѣ монастыря.

— Книгохранилище наше теперь опустѣло. Всѣ рукописи старинныя въ Казанскій университетъ мы отправили.

— Зачѣмъ вы ихъ отдали?—спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? да вѣдь у насъ они, что камни лежали. Кому ихъ разбирать. Вѣдь у насъ—пользоваться не умѣютъ. Теперь же тамъ хоть что-нибудь извлекутъ. Мы и послали на

свой счетъ. Теперь читаю кое-что, вижу и изъ нашихъ рукописей есть. Оно и пріятно, что нашлись умные люди.

— Неужели-жъ у васъ никого не было?

— Некому у насъ въ монастырѣ. И члены-то собора нашего, и мы всѣ—мужики. Крестьянское царство тутъ. Наше дѣло работать въ потѣ лица своего. Шестьсотъ манускриптовъ послали мы. Все старинныя самыя рукописи... Тутъ бы ихъ или мыши, или черви съѣли. Не до того намъ. И некому, говорю тебѣ— некому!

— Ну, а библіотека ваша пополняется?

— Нѣтъ. Читать некому. Все же есть кое-что. Недавно я вопросомъ о соединеніи церквей занялся. Много источниковъ нашелъ. Интересно было послѣ работы почитать.

И отецъ Авраамъ принялся излагать настоящее положеніе этого вопроса, такъ что я сталъ втупикъ. „Ошибся,— думаю,—этотъ вѣрно изъ духовныхъ“.

— Давно вы въ монастырѣ?—спрашиваю.

— Сорокъ лѣтъ. Я изъ мужиковъ вѣдь. Изъ самыхъ изъ крѣпостныхъ. Какъ-то помѣщикъ честно отпустилъ меня помолиться въ Соловки. Я какъ попалъ сюда—и выходить не захотѣлъ. Потомъ бѣжалъ, скрывался, ну, немного спустя и очутился здѣсь. А монаха—не возьмешь, шалишь! Пришелъ сюда—неграмотный былъ, ну, а теперь кое-что могу понимать.

Изъ разговора оказалось, что отецъ Авраамъ вологжанинъ. На родинѣ у него и теперь сестры, которымъ онъ помогаетъ.

Бесѣда его обнаруживала большую начитанность и знаніе. Умъ проглядывалъ въ каждомъ выраженіи, въ каждомъ приводимомъ имъ аргументѣ. Это—находчивый и бойкій діалектикъ. Ко всему этому неизбѣжно примѣшивалось чувство нѣкотораго самодовольства. Вполнѣ, впрочемъ, законное чувство: „подивись-ка ты, ученый, какъ тебя со всѣмъ твоимъ университетскимъ образованіемъ простой мужикъ загоняетъ“. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ при случаѣ ссылался на свое происхожденіе, выражая кстати, что достаточно пустить въ

монастырь двадцать пять дворянъ, чтобы вся производительность, все благосостояніе обители рушились: — дурной примѣръ—соблазнъ. „У насъ столъ грубый, одежда грубая, — тѣ начнутъ заводить свои порядки — и все пойдетъ прахомъ. Оттого мы неохотно принимаемъ въ нашу среду чиновниковъ“.

— А что, одолѣваетъ скука? Хочется въ міръ, отецъ Аврамъ?

— Отчего?... Никогда не томитъ. Не зоветъ туда. Ну, впрочемъ, два мѣсяца было. Доселѣ не забылъ. Я ужъ лѣтъ пятнадцать въ монахахъ состоялъ. Лѣтомъ какъ-то разъ стою у пристани и пріѣхали къ намъ богомолки, да богомольцы. Кто-то изъ нихъ и запой пѣсню. Такъ я и дрогнулъ. Точно съ той пѣсни что у меня въ сердцѣ оборвалося... Даже похолодѣлъ весь... Едва-едва въ келью добрался. Какъ пластъ на полъ упалъ, да до вечера и пролежалъ такъ... На другой день еще хуже... Все пѣсни въ головѣ... Хожу по лѣсу, начну псаломъ—а кончу пѣсней. Бью поклоны въ соборѣ, а въ глазахъ не иконы—поле зеленое, село родимое... Садъ барскій, да рѣка синяя внизу излучиной тянется... а по за рѣкой степь, наша степь и по ней низко-низко туманъ виснетъ, не колышется, только въ ширь ползетъ, разстилается. Слезы бывало по лицу такъ и катятся... До того доходило, что бѣжать изъ монастыря думалъ.... Да, слава Господу, опамятовался. Пошелъ къ архимандриту и въ самую тяжкую работу попросился Мѣсяца полтора работалъ такъ, что вечеромъ, какъ придешь домой въ келью, такъ не доходя кровати, въ углу свернешься, шапку подъ голову, и до утра—словно мертвый... Отошло тогда... Больше не бывало. Извѣстно, Господь испытывалъ.

— А бывали такіе, что не выдерживали такихъ испытаній?

— Бывали, какъ не бывать! Малодушіе это, ну, дьяволъ и пользуется шепчетъ въ уши и передъ глазами живописуетъ. Не соблюдешь себя, и сгинешь какъ червь. Одинъ въ монастырѣ у насъ на что пустился, чтобы рясу сбросить: донесъ слѣдователю, что-де онъ убійство совершилъ. Ну, его въ острогъ въ Архангельскъ, стали справки собирать—ника-

кого такого убійства и не бывало. Ну, его изъ монастыря и выключили. Что жъ-бы ты думалъ—съ вина человѣкъ черезъ годъ сгорѣлъ...

— Кстати, правда ли, что разсказывалъ архимандритъ Александръ о своей поѣздкѣ на англійскіе корабли во время осады монастыря?

— Должно быть у Максимова читали? Просто англичане потребовали сдачи монастыря—имъ и отказали. У насъ одному монаху въ виду непріятеля пришлось за порохомъ въ Архангельскъ отплыть.

— И удалось?

— Еще бы. Крестъ за это получилъ. Ему дали лодку и отпустили. Въ три дня онъ въ городъ попалъ. И погоня была. Ко дну пустили бы, еслибы поймали. Онъ и причастился передъ поѣздкой. Вѣдь на смерть шелъ. Впрочемъ, и монастырь-то защищался не для сбереженія своихъ сокровищъ. У насъ однѣ стѣны оставались. Всѣ драгоцѣнности, деньги, документы, даже ризы съ образовъ были отправлены въ Сійскій монастырь на храненіе. А англичане сильно добирались до насъ. Стрѣляли. Бомбы внутри зданій разрывались. Ну, и Господь показалъ свое чудо не токмо человѣка не убило и не ранило—ни одной чайки, ни одного яйца птичьяго не тронуло. Чайки же и задали англичанамъ. Какъ тѣ стали палить—онѣ и поднялись. Тысячами налетѣли на непріятеля, да сверху-то корабли ихъ и самихъ англичанъ опакостили... Умная птица!

— Ну, а мужество духа, бодрость, дѣйствительно были обнаружены монахами, какъ писалъ Александръ?

— И этому не вполнѣ вѣрь. Перетрусили нѣкоторые до страсти, упали на землю и выли. Да и какъ не спужаться—мы народъ мирный, наше дѣло молитва да трудъ, а не страженіе. Такого страха и не увидишь нигдѣ. Да вотъ спроси у о. Пимена—онъ былъ въ то время.

Я обратился къ только-что вошедшему о. Пимену. Это

былъ высокій, худой монахъ съ длинною сѣдою бородой, сгорбленный, едва передвигавшій ноги. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно монахи очень тогда „спужались".

— Вотъ какое у нихъ мужество было. Человѣкъ пятьдесятъ порѣшительнѣе было.

— Что же, когда изъ Архангельска возвратились съ порохомъ?

— Къ тому времени англичане ужъ домой убрались. Раньше-то мы не запаслись. Заднимъ умомъ крѣпки.

— Какъ не спужаться,—продолжалъ старикъ. Поди, если попадетъ—ноги тоже протянешь. Бонба, она не пожалѣетъ, у ней разуму нѣтъ... Нешто она понимаетъ, въ кого летитъ. У ней всѣ виноваты.

Разговаривая съ монахами, я не разъ убѣждался, какъ фанатически привязаны они къ своей обители. Простые послушники съ озлобленіемъ отзываются о каждой попыткѣ мѣстной администраціи вмѣшаться въ ихъ дѣла. Монахи, когда имъ предлагали отсюда ѣхать настоятелями въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали. Это своего рода тоска по родинѣ. Добровольно изъ нихъ не выѣзжаетъ никто. А между тѣмъ къ этому средству еще недавно прибѣгали архимандриты, чтобы отдѣлаться отъ надоѣвшихъ имъ, или почему бы то ни было непріятныхъ имъ монаховъ.

„Въ другихъ обителяхъ, правда, богато живутъ, рясы шелковыя носятъ, да у насъ все лучше. У насъ настоящее пустынножительство..."

Обитель для нихъ отечество. Она замѣняетъ имъ все— семью, родину.

„У васъ въ Расеѣ," — говорятъ монахи. „Завтра назадъ въ Россію ѣдете?"—„Ну, какъ у васъ въ Россіи народъ живетъ?"—„То въ Россіи, а то у насъ".

Лучше всего то, что на основаніи такихъ выраженій одинъ изъ архангельскихъ губернаторовъ оффиціально обвинилъ соловецкихъ монаховъ... въ сепаратизмѣ и въ замыслахъ отдѣ-

литься отъ Россіи!!! Это фактъ, подтвержденіе которому можно найти въ дѣлахъ мѣстной губернаторской канцеляріи 1866—1868 гг.

XIX. Соловецкая тюрьма и ея арестанты.

Соловецкій монастырскій острогъ вмѣстѣ съ Суздальскимъ едва ли не послѣдніе остатки стараго времени, ужасовъ, когда-то пугавшихъ нашихъ предковъ и получившихъ на страницахъ исторіи свое мѣсто.

Сколько крови пролилось на эти сырыя, холодныя плиты, сколько стоновъ слышали эти влажныя, мрачныя стѣны! Какимъ холодомъ вѣетъ отсюда, точно въ этомъ душномъ воздухѣ еще стелется и расплывается отчаяніе и скорбь узниковъ, тѣла которыхъ давно истлѣли на монастырскомъ кладбищѣ. Невольный трепетъ охватывалъ меня, когда я вступалъ въ ограду этой исторической темницы. Князья, бояре, митрополиты, архіереи, расколоучители, крамольники томились когда-то за этими черными, насквозь проржавѣвшими рѣшетками, Сотнями свозили сюда колодниковъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Тутъ всегда страдали за мысль, за убѣжденіе, за пропаганду. Цари московскіе часто ссылали сюда своихъ приближенныхъ. Петръ наполнялъ кельи этого острога людьми, не преклонявшимися предъ его желѣзной волей. Измученные, часто прямо отъ пытки, съ вырѣзанными языками и ноздрями, сюда отправлялись искатели истины, за заблужденія на пути этого исканія. Одиночество, суровыя условія жизни ожидали ихъ здѣсь, вплоть до могилы или новаго мученичества. Расколоучители иногда отсюда посылались внутрь Россіи, гдѣ ихъ живьемъ сожигали въ деревянныхъ срубахъ. Это была наша старорусская инквизиція. Соловецкая тюрьма, когда къ ней приближаешься, кажется такою же громадною, многоэтажною гроб-

ницей, откуда вотъ-вотъ покажутся, открывъ свои незрячія очи и потрясая цѣпями, блѣдные призраки прошлаго. Суевѣрный страхъ охватываетъ васъ, когда вы входите въ узкую дверь темницы, за которой тянется вдаль черный корридоръ, словно щель въ какой-то каменной массѣ.

Снаружи, передъ вами, ряды узкихъ оконъ. Порою въ нѣкоторыя выглянетъ блѣдное-блѣдное лицо... Нѣтъ, это галлюцинація!.. Тройные ряды рамъ и рѣшетокъ едвали пропускаютъ свѣтъ въ одинокую келью заключеннаго.

Кто попалъ въ Соловецкій острогъ, тотъ позабытъ цѣлымъ міромъ. Онъ схороненъ заживо. О немъ не вспомнитъ никто. Пройдетъ двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ—онъ увидитъ только лицо своего сторожа. Тутъ содержатся преступники противъ вѣры. Теперь здѣсь лишь два арестанта. Кромѣ того, живутъ въ тюрьмѣ двое „не въ родѣ арестантовъ“ по оффиціальной номенклатурѣ.

На меня тюрьма произвела отвратительное впечатлѣніе. Эта сырая каменная масса внутри сырой каменной стѣны переноситъ разомъ за нѣсколько вѣковъ назадъ. Жутко становилось мнѣ, когда я подходилъ къ ней. На лѣсенкѣ у входа сидѣло нѣсколько солдатиковъ. Для двухъ арестантовъ содержатся здѣсь двадцать-пять солдатъ съ офицеромъ.

— Что̀, братцы, можно осмотрѣть тюрьму?

Всѣ переглянулись; молчаніе. Явился старшой. Оказалось, что арестантовъ видѣть не позволяется... Они помѣщены въ верхнемъ корридорѣ; но остальные корридоры видѣть можно.

Я вошелъ въ первый. Узкая щель безъ свѣта тянулась довольно далеко. Одна стѣна ея глухая, въ другой—нѣсколько дверей съ окошечками. За этими дверями мрачныя, потрясающе мрачныя темничныя кельи. Въ каждой окно. Въ окнѣ по три рамы, и между ними двѣ рѣшетки. Все это прозеленѣло, прокопчено, прогнило, почернѣло. День не броситъ сюда ни одного луча свѣта. Вѣчные сумерки, вѣчное молчаніе.

Я вошелъ въ одну изъ пустыхъ келій. На меня пахнуло

мракомъ и задушающею смрадною сыростію подвала. Точно я былъ на днѣ холоднаго и глубокаго колодезя.

Я отворилъ двери другой кельи — и удивился. Въ этой черной дырѣ комфортабельно помѣстился жидокъ—фельдшеръ мѣстной команды. Онъ былъ какъ у себя дома. Въ третьей жилъ фельдфебель. Второй корридоръ этажемъ выше—то же самое.

— Тутъ никого нѣтъ?

— Есть, только „не въ родѣ арестантовъ". Добровольно сидятъ.

„Кто рѣшится жить добровольно въ такой ужасной трущобѣ?" и я вошелъ къ одному изъ этихъ странныхъ узниковъ. Передо мною оказался высокій высохшій старикъ. Какъ лунь, сѣдая голова едва держалась на плечахъ. Глаза смотрѣли безсмысленно, губы что-то шептали. „Арестантомъ то же былъ когда-то. Ему ужъ сто-два года"—пояснилъ солдатъ.— Что же, онъ освобожденъ?

Оказалось, что лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ этого старика посадили въ Соловецкую тюрьму и позабыли о немъ. Только лѣтъ двадцать назадъ вспомнили—и онъ былъ освобожденъ. Когда ему объявили объ этомъ — было уже поздно. Старикъ помѣшался за это время. Его вывели изъ тюрьмы, онъ походилъ-походилъ по двору, глупо и изумленно глядя на людей, на деревья, на синее небо, и воротился назадъ въ свою темничную келью. Съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ ея. Его кормятъ, даютъ ему одежду, иногда водятъ его въ церковь. Онъ подчиняется всему, какъ ребенокъ, и ничего не понимаетъ. Гдѣ-то у него оставалась семья, но во все продолженіе своего заточенія, ни онъ о ней, ни она о немъ ничего не слышали. Какая печальная жизнь! Что можетъ сравниться съ этимъ!

Другой узникъ, помѣщавшійся рядомъ и тоже добровольный, былъ высокій, крѣпкій, красивый человѣкъ, съ окладистою русою бородою. Это бывшій петербургскій палачъ, пожелавшій, по окончаніи своего термина, постричься въ мо-

настырѣ. Соловецкіе монахи не отказались принять его, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ предварительно, пока они присмотрятся къ нему, нѣсколько лѣтъ прожилъ у нихъ въ тюрьмѣ. Какое странное сближеніе: палачъ и монахъ. Этотъ узникъ совершенно доволенъ своею судьбою. Онъ замаливаетъ старые грѣхи, вѣруя въ искупленіе. Сила, чисто рабочая сила его не пропадетъ для монастыря даромъ. Изъ него будетъ хорошій каменотесъ или носильщикъ, а Соловкамъ ничего больше и не надо.

— Ну, а наверхъ рѣшительно нельзя?—спросилъ я у солдатика.— Оказалось, что строго запрещено новымъ архимандритомъ.

— При старомъ капитанъ, что сидятъ здѣсь, ходили вездѣ. Ихъ и въ кельи монашескія пущали, по лѣсамъ, по лугамъ. Ну, а какъ новый вступилъ, сейчасъ ихъ высокоблагородіе заперли, и никого къ нимъ не пущаютъ... Они ничего, ласковы, я допрежъ съ ними въ лѣсъ хаживалъ вмѣстяхъ.

— Что-жъ онъ дѣлаетъ?

— Чудной человѣкъ и больше ничего. Изъ себя жида изображаютъ. Субботу соблюдаютъ и разное такое. Одначе съ архимандритомъ горды очень—не покоряются. Тѣ ихъ обращаютъ назадъ, въ православіе, но одначе капитанъ не слушаются и на своемъ стоятъ.

— Скучаетъ, вѣрно,

— Какъ не скучать! Книжки тоже читаютъ.

Какъ оказалось, это человѣкъ весьма образованный... Властные люди, которымъ тюрьма открыта, видѣвшіе его, говорили, что онъ помѣшанъ, и что его слѣдуетъ держать въ психіатрической лечебницѣ.

— Они подъ святыми воротами, при старомъ архимандритѣ, проповѣди богомольцамъ держали. Оченно это быстро говорятъ и руками машутъ, замѣтилъ мой проводникъ.

— А кромѣ него кто еще тамъ есть?

— Купецъ одинъ... Хорошій человѣкъ... Обходительный...

Больше я ничего не могъ узнать объ арестантахъ Соловецкаго острога.

Когда я вышелъ отсюда и меня со всѣхъ сторонъ охватилъ теплый воздухъ лѣтняго дня, когда впереди опять раскинулась передо мною синь морская, а въ вышинѣ лазурь безоблачнаго неба, я невольно почувствовалъ все безконечное счастіе свободы... Какое блаженство пройти по этому зеленому лугу, углубиться въ этотъ тѣнистый, словно замершій надъ зеркаломъ извилистаго озера, лѣсъ. А тамъ — въ этихъ черныхъ кельяхъ острога, въ этихъ погребахъ...

Да, только узникъ изъ-за рѣшотокъ своей тюрьмы пойметъ неизмѣримое, божественное счастіе свободы. Какъ оттуда онъ долженъ смотрѣть на едва доступный его взгляду клочокъ голубого неба! Съ какою мучительною болью слѣдитъ онъ за жемчужною каймою облака, набѣгающаго на него, за серебряной искрою чайки, ныряющей въ высотѣ, за робко мигающей оттуда звѣздочкой ясной зимней ночи. О не дай Богъ никому пережить эти ужасные годы одиночества и неволи. Легче—смерть!

XX. Въ трапезной.

Я освѣдомился у монаха объ историческихъ подземельяхъ Соловецкаго монастыря.

— Какія подземелья? Погреба наши, что ли? Квасная, кладовая...

— Нѣтъ, тюрьмы подземныя.

— Этого у насъ вовсе нѣтъ. Слухъ одинъ пущенъ, что есть будто. У насъ есть одинъ братъ, очень эту старину любитъ. Ничего и онъ не нашелъ. Потомъ слышно было, что никакихъ такихъ мѣстовъ у насъ нѣтъ и званія. Ты, поди, у газетчиковъ читалъ. Врутъ!

Наконецъ мы отправились въ трапезную. Длинный корридоръ весь былъ расписанъ фресками, возбуждавшими въ крестьянахъ-богомольцахъ безпредѣльный ужасъ.

— Б-оже мой!... Глядь-ка изъ глотки-то змѣй ползетъ...

Разговоръ шелъ, повидимому, между фабричными, которые и здѣсь оставались вѣрны своей безшабашной манерѣ говорить.

— Чудеса, братецъ мой. А чортъ во какой... Ишь... Господи, спаси и помилуй!

— А вонъ пламя адово...

— Змій, исходящій изъ гортани, обозначаетъ грѣхи, — объяснялъ монахъ:—сей грѣшникъ пріиде ко схимнику, дабы покаяться во грѣсѣхъ своихъ. И видѣ схимникъ, что по наименованіи грѣховъ изъ гортани кающагося излетаютъ гады и всяческая мерзость—скорпіи и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые. Напослѣдокъ оттуда показася глава змія погибельнаго, но грѣшникъ не покаялся искренно, и змій обратно въ гортани сокрыся. Изъ сего научитеся не таиться предъ пастыремъ во дни покаянные.

— Удавитъ онъ его, братцы, змій этотъ...

— Не, онъ тихо...

— А змій сей обозначаетъ великій грѣхъ противу духа святаго...

— Поди, кто о благолѣпіи храмовъ не заботится, тоже не похвалятъ?—спрашиваетъ странница у монаха.

— Заботься по силамъ. Черезъ силу тоже не подобаетъ, ибо и о дѣтяхъ малыхъ подумать надлежитъ, а кто имѣетъ избытокъ, тому точно жутко будетъ за равнодушіе ко храму,—объяснялъ монахъ.—Древле на церковь десятина шла, нынѣ—на волю каждому предоставлено.

Богомольцы продолжали изумляться и пугаться изображеній адскихъ мукъ и дѣлать свои соображенія о томъ, кого больше будутъ жарить на томъ свѣтѣ...

— Всякому по дѣламъ его, значитъ... Все зачтется... Премудрость это, братцы!

Наконецъ мы вошли въ трапезную. Это громадная ком-

ната въ сводахъ, поддерживается необыкновенной толщины колонной. Она вся расписана. Яркія краски, позолота, лазурь, такъ и бросаются въ глаза зрителю. Впрочемъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточнаго великолѣпія. Нѣкоторые русунки отличаются талантливостію. Таковы работы отца Николая, молодого художника-монаха — 25 лѣтъ. Чрезвычайно хороша его картина „Снятіе со креста". Въ ней изящно и тщательно отдѣланы женскія фигуры. Многія картины обнаруживаютъ хорошее знакомство съ анатоміей.

Столъ для богомольцевъ поставленъ отдѣльно. На счетъ монастыря каждаго кормятъ три дня. Затѣмъ нужно ѣхать, если на дальнѣйшее пребываніе въ обители не дано особаго разрѣшенія высшею властью. Богомольцу даютъ обѣдъ и ужинъ. За обѣдомъ, на которомъ присутствовали мы, все шло тихо, чинно и спокойно. Передъ каждымъ — оловянная тарелка, деревянная ложка, вилка и ножъ. На каждые четыре человѣка подается одна общая миска съ варевомъ. Сначала всѣ, стоя у своихъ мѣстъ, ждутъ колокола. При первомъ ударѣ всѣ молятся и садятся, но ѣсть еще не начинаютъ. Лишь при третьемъ ударѣ ложки опускаются въ миски, и вдоль всѣхъ столовъ послушники разносятъ небольшіе куски благословеннаго бѣлаго хлѣба. Каждая перемѣна блюдъ возвѣщается колоколомъ. Хорошенькіе монашки-подростки, похожіе на дѣвочекъ, разносятъ миски съ кушаньемъ. По окончаніи обѣда всѣ строятся у своихъ столовъ въ два ряда и поется благодарственная молитва. Затѣмъ опять раздача благословеннаго хлѣба и вновь пѣніе псалма. Во время обѣда читается св. Писаніе. Крестьяне обѣдаютъ внизу съ служителями, женщины же отдѣльно отъ всѣхъ. Какъ видите, и здѣсь относительно сословій соблюдается табель о рангахъ. При мнѣ на обѣдъ было подано: соленая сельдь, окрошка изъ щуки со свѣжими огурцами, супъ изъ палтуса, уха изъ свѣжихъ сельдей, пшенная каша съ масломъ и молоко. Кромѣ того, передъ каждымъ лежалъ громадный кусокъ хлѣба, фунта въ 2¹/₂. Мяса, разумѣется, не подается никогда, и монахи быстро привыкаютъ

къ этому, тѣмъ болѣе, что большинство—крестьяне и дома у себя рѣдко видѣли мясо. Сѣверный крестьянинъ питается трескою и прочими рыбами изъ рода gadus, хлѣбомъ, брусникой, морошкой, солеными грибами (волнухами) и у моря — сельдью.

— Хорошо ѣдятъ монахи!

— Кажись такую бы жисть—не ушелъ бы изъ монастыря.

— А ты больше — о душе спасеніи... Подумай о душѣ... Ишь тебя явства смущаютъ... А въ нихъ, въ явствахъ этихъ— блудъ.

— Если съ вѣрой—какой блудъ? Безъ молитвы, да безъ вѣры—блудъ. А я съ чистымъ сердцемъ...

— То-то... О душѣ подумай, главное. Потому ей то — душѣ очченно жутко ежели да безъ Господа-Бога.

— Одно слово—всевидящее око... И все какъ на ладонѣ... Должны мы, кажется, это понимать и чувствовать...

— А мы не понимаемъ. Потому въ насъ грѣхъ вселился... И за это насъ слѣдоваетъ во какъ... Гли, гли — бѣсы бабу хворостятъ... во-какъ. Поди, подлая, проштрафилась... Извѣстно—она баба и въ ей умъ бабій... Однако и ихъ на томъ свѣтъ не похвалятъ... Ишь хворостятъ какъ, а ей больно и она кричитъ...

— Кается...

— Поздно... На томъ свѣтѣ не спокаешся... Тамъ раздѣлка будетъ...

— А вотъ ежель на Паску помереть—безпремѣнно въ рай пойдешь—такой придѣлъ положенъ...

— А ежель еретикъ на Паску помретъ?

— Его въ жупелъ. Потому онъ поганый и въ Бога не вѣруетъ...

— Одначе и еретики есть молятся.

— Глаза отводятъ—извѣстно. Потому въ Рассеѣ всѣмъ имъ царь приказалъ: у меня значитъ чтобъ молиться, а ежели нѣтъ—ступай вонъ.

— Извѣстно народъ некрещеный. Въ пѣтуха вѣруютъ.

— Ну? въ пѣуна?...

— Ванька Шалый сказывалъ, у нихъ замѣсто креста, пѣтухъ на церквахъ...

— Ахъ ты злое сѣмя!... Въ пѣтуха!.... Ну!... Какже это нашъ царь батюшка терпитъ? Разнесетъ онъ ихъ поди за это....

— Турка, сказываютъ, въ луну вѣритъ...

— То луна — планида небесная, не пѣтухъ. Въ ёй, въ лунѣ—премудрость... А пѣтухъ что, ему только бы горло драть, потому онъ дуракъ и ничего понимать не можетъ...

— На счетъ куръ тоже... блудливъ поганый!...

— Въ пѣтуха!... Какихъ небразованныхъ нацый на свѣтѣ нѣтъ... Нѣмецъ такъ говорятъ въ колбасу больше вѣруетъ, оттого его Карла Карлычь прозываютъ и большой онъ, этотъ нѣмецъ, плутъ...

— Нониче народъ плутъ. Время такое!...

— Жуликъ народъ!...

— Куда таперче?...

— Спать, братцы, давай, потому мы, какъ слѣдуетъ, утромъ, рано вставши, помолились, потомъ въ церкви были, опосля потрапезовали. Теперь спокой требуется...

XXI. Поѣздка въ Муксальму. Гигантскій мостъ. Ферма.

Соловецкій архипелагъ, отданный Мароою Посадницею въ вѣчное и безраздѣльное владѣніе монастырю, право котораго признано было и Іоанномъ Грознымъ, состоитъ собственно изъ острова Соловецкаго и изъ островов Анзерскаго, Муксальмы, Зайцева и др. мелкихъ. На Муксальмѣ скотъ и молочныя фермы обители. Доѣхать туда можно весьма удобно въ монастырскомъ экипажѣ за пятьдесятъ копѣекъ.

Утро было чудное. Только-что поднявшееся солнце свер-

кало въ листвѣ зеленаго лѣса изумруднымъ, лучистымъ блескомъ. Въ вѣтвяхъ березъ задорно перекликались птицы. Роса на каждомъ просвѣтѣ отливалась брилліантовыми искрами. Кругомъ все дышало жизнью и привольемъ. Кое-гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги, словно колонны, подпирающія своды голубого неба, поднимались вѣковыя сосны. Сквозь чащу трепетали подъ свѣтомъ лѣтняго яркаго дня небольшія озера. Громадные валуны, вырытые когда проводились эти дороги, лежали по краямъ ихъ, уже охваченные молодою порослью. Порою, изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей, не торопясь, выбѣгали тетерки. Въ лѣсахъ, поляхъ и лугахъ Соловецкихъ островов никто не имѣетъ права убивать дичи. Вслѣдствіе этого олень здѣсь на десять шаговъ подходитъ къ человѣку, лисицы и тѣ не убѣгаютъ отъ него. Минутъ пять рядомъ со мною бѣжала на Анзерскомъ островѣ куропатка, и взлетѣла только тогда, когда я вздумалъ ее погладить. Разумѣется, такое довѣріе къ человѣку развилось вѣками. Монахи гордятся этимъ и называютъ свои лѣса — скотнымъ и птичьимъ дворами. Не было примѣра, чтобы они давали кому-нибудь разрѣшеніе охотиться здѣсь. Понятно, что все это производитъ сильное впечатлѣніе на богомольца, объясняющаго себѣ подобныя явленія чудомъ, невидимымъ вмѣшательствомъ сверхъестественной силы.

— Кротость—это... значитъ и звѣрь чувствуетъ, что здѣсь ему милость.

— Нешто звѣрь чувствуетъ?

— Господь черезъ него, незримо!

— Ну и чудеса, братцы мои!

— Молись, знай. Этакихъ чудесъ здѣсь по всякій часъ довольно, потому обитель святая.

— Древле враны пророка въ пустынѣ питали, а нонѣ... Гляди, олень не бѣжитъ...

Виды направо и налѣво становились все живописнѣе. Описывать здѣшнія озера—невозможно. Извивы на зеленыхъ берегахъ, ихъ зеркальныя прозрачныя воды, ихъ волшебные острова полны такой прелести, что я стоялъ по цѣлымъ ча-

самъ въ какомъ-нибудь безлюдномъ уголкѣ, не отрывая глазъ отъ этихъ чудныхъ картинъ. Да! дѣйствительно, въ красотѣ этихъ озеръ и лѣсовъ, Богъ явилъ величайшее изъ чудесъ своихъ. Каждое такъ и просится на полотно. На небольшомъ клочкѣ земли природа развиваетъ передъ вами всѣ свои богатства. Какія сочетанія цвѣтовъ и линій! Посмотрите, напримѣръ, хоть на это озеро. Оно и все-то протянулось саженъ на тридцать, но въ зеркалѣ его водъ отражаются серебряные, словно расплавленные, комья небесныхъ тучекъ, голубая синь и неровная зубчатая линія лѣсныхъ вершинъ. Какимъ блаженнымъ миромъ и спокойствіемъ вѣетъ на странника этотъ маленькій, весь потонувшій въ зелени черемховыхъ кустовъ островокъ. А этотъ острый камень, словно громадная игла, выступающій изъ воды? На крайней точкѣ его покойно усѣлась бѣлая чайка и цѣлые часы сидитъ она тутъ, словно нѣжась въ лучахъ полуденнаго солнца. У самаго берега точно повисли въ водѣ неподвижныя рыбки. Едва-едва шевельнутъ онѣ плавниками и снова замираютъ надолго. А вонъ по самому дну пробирается хищная щука. Вся она передъ вами какъ на ладони. Чудныя озера!

Всѣхъ озеръ на Соловецкихъ островахъ около четырехсотъ. Большая часть ихъ сообщается между собою. Безъ нихъ прекрасныя картины этого райскаго лѣтомъ уголка были бы однообразны и безжизненны. Да, дѣйствительно, ежели отрѣшаться отъ жизни и бѣжать въ пустыню,—то именно въ такую, какъ эта. Тутъ все, что можетъ замѣнить и общество, и суету, и движеніе. Измученная душа труженика воскресаетъ и—словно почка долго нераспускавшагося цвѣтка — раскрывается для счастія и свѣта... Какимъ бы чуднымъ пріютомъ любви могли быть эти острова, гдѣ своды молодыхъ деревъ словно манятъ въ прохладную, тихую, ничѣмъ и никѣмъ невозмутимую глушь. Эти роскошныя купы деревъ посреди озеръ, эти челны, неподвижные на ихъ водахъ, это уединеніе... тишина!... Невольно забываешься и рисуешь себѣ иную южную природу, пока печальный псаломъ монаха не возвратитъ къ дѣйствительности.

И великъ и страшенъ становится этотъ аскетизмъ рядомъ съ прелестною, полною жизни природою...

Наконецъ, мы выѣхали изъ лѣсного царства. Даль широко раздвинулась передъ нами. Скоро мы уже были у берега синяго, глухо шумѣвшаго моря. Передъ нами тянулся мостъ, если только такъ можно назвать эту работу титановъ. Островъ Муксальма находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ Соловецкаго. Между ними — нѣсколько мелкихъ островковъ въ разныхъ направленіяхъ. Монахи всѣ эти острова соединили между собою — заваливъ море до самаго дна каменьями и покрывъ этотъ искусственный перешеекъ щебнемъ и пескомъ. Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время — безсильны передъ этою каменною стѣною. Сколько труда надо было потратить на такую стихійную работу — страшно подумать. Это кажется скорѣе дѣломъ природы, чѣмъ твореніемъ рукъ человѣческихъ. Мостъ тянется зигзагами. Въ самой серединѣ его перерывъ для прохода судовъ. Тутъ устроенъ деревянный, разводящійся мостикъ.

Мы были поражены. По краямъ этого сооруженія навалены громадные валуны, цѣлыя скалы. О нихъ разобьется всякая ледяная масса, прежде чѣмъ тронетъ ихъ съ мѣста. И все это сдѣлано безъ помощи машинъ — одною рабочею ручною силою. Трудно вѣрить, не видѣвъ, что горсть крестьянъ-монаховъ могла создать это чудо труда и генія. И между строителями, замѣтьте, не было ни одного техника. Простые крестьяне устроили все сами.

— Господь намъ помогъ; архимандриту видѣніе было. Молились мы передъ этимъ долго. Мѣсяцъ постъ строгій соблюдали и начали постройку. Самъ настоятель помогалъ намъ. Намѣстники камни тащили... Ну, и явилъ Господь чудо свое! Вотъ оно въ явь! Кто дерзнетъ усомниться, кто помыслитъ, что нынѣ изсякла чудодѣйственная сила Его?

— И долго строили вы?

— Не мы строили; Зосима и Савватій и легіоны ангеловъ

съ ними. Бывало подымаемъ камни: въ такое время, простое, никакъ и не шевельнешь ихъ, а тутъ легко, потому невидимая сила была. Схимникъ нашъ одинъ пѣніе въ воздухѣ слышалъ. Небесныя рати Творца своего славословили. Въ лѣто все кончили. Да! вѣра—великое дѣло. Сказано—горами движетъ. Чрезъ простыхъ рыбарей Господь силу свою являлъ древле, а нынѣ мы, иноки неграмотные, носители откровенія его!

Два крестьянина, бывшіе съ нами въ экипажѣ, при этомъ вышли и стали молиться, припадая къ землѣ.

Монастырскія лошади бойко бѣжали по массамъ камня. Нѣсколько изгибовъ и поворотовъ — и мы въѣхали на Муксальму, зеленѣющую, покрытую пастбищами. При насъ на мостъ вошло цѣлое стадо превосходныхъ коровъ, телятъ, — всего штукъ двѣсти. Ихъ отправляли пастись на свѣжіе луга Соловецкаго острова.

Мы посѣтили птичій дворъ, ферму, гдѣ осмотрѣли великолѣпно содержимыя конюшни, которыя чистятъ и моютъ ежедневно. Отъ этого такъ необыкновенно красивъ и самый скотъ соловецкій. Теплая комната для сквашиванія молока—опрятна до педантства. Въ кладовой мѣдныя, хорошо вылуженныя посудины для молока сіяютъ какъ зеркало. Здѣсь не доятъ коровъ въ деревянныя ведра, а въ металическія. Прохладная горница для храненія молочныхъ продуктовъ и рядомъ ледникъ—верхъ хозяйственнаго удобства и чистоты.

Не знаешь, чему удивляться. Мы привыкли видѣть нашего крестьянина въ вѣчной грязи, тутъ приходится убѣдиться, что эта грязь только результатъ его нищеты. Тѣ же крестьяне въ Соловкахъ раціонально ведутъ свои хозяйства и по любви къ порядку напоминаютъ собою чистокровныхъ нѣмцевъ. Намъ подали сливокъ густоты необычайной.

На чемъ ни останавливался взглядъ — все было безукоризненно, все поражало своимъ удобствомъ и цѣлесообразностію.

— Монастырь—хорошій хозяинъ! — замѣтилъ одинъ крестьянинъ.

— Хозяева у насъ точно хороши — не отъ міра сего, — вступился монахъ. Такихъ хозяевъ, какъ Зосима и Савватій, ни у кого нѣтъ. Блюдутъ они свои помѣстья и о насъ, рабахъ своихъ, заботятся!...

Общій видъ фермы совершенно напоминаетъ крестьянскія хозяйственныя постройки. Только, разумѣется, разница въ приспособленіяхъ, размѣрахъ и уходѣ.

— Гдѣ же у васъ быки?... Только коровъ мы и видѣли.

— А быковъ, въ началѣ іюня, какъ подымется трава, мы выпускаемъ пастись, гдѣ хотятъ. Такъ до конца лѣта о нихъ и не заботимся. Одичаютъ совсѣмъ. Ну, ихъ и ловимъ потомъ, по порошѣ. Что твоя охота!

Когда мы ѣхали назадъ, — въ морѣ передъ нами чайки ловили рыбу. Цѣлый рядъ ихъ сидѣлъ на выступѣ громаднаго валуна. Вотъ на гребнѣ одной волны мелькнула серебристая спинка сельди и въ одно мгновеніе крайняя чайка кинулась, выхватила ее изъ волнъ, высоко взвилась и, сдѣлавъ кругъ въ воздухѣ, вернулась и сѣла уже послѣднею. Вторая, немного спустя, повторила этотъ же маневръ и такъ до конца, не нарушая очереди и порядка...

XXII. Доки и лѣсопильный заводъ.

Пароходъ „Вѣру“ ставили въ доки для перемѣны винта.

Соловецкіе доки — уже не грубое сооруженіе, не работа громадной физической силы, а основанное на научныхъ выводахъ и, при всей огромности своей,—изящное созданіе человѣческаго генія.

Монахи съ гордостію указываютъ на него и невольно чувствуешь, что въ этомъ случаѣ гордость ихъ вполнѣ законна.

— Наши, изъ крестьянъ, строили!—объясняютъ они вамъ.

— А кто наблюдалъ за постройкой?

— Тоже монашекъ изъ мужичковъ.

— И техниковъ не было?

— Зачѣмъ намъ техники: у насъ Зосима и Савватій есть. Чего не поймемъ, они наставятъ.

Не описываю самаго устройства доковъ; скажу только, что и за-границей я не встрѣчалъ сооруженія болѣе прочнаго и красиваго. Бока его обшиты гранитомъ, все до послѣдней мелочи изящно, несокрушимо и удобно. Края доковъ состоятъ изъ 8,000 балясинъ въ два ряда, промежутки между которыми завалены каменьями и засыпаны землею. Подъ гранитною обшивкой ничего подобнаго, разумѣется, не видно. Въ докъ проведены каналы изъ Святаго озера и изъ резервуара мельницы св. Филиппа. Когда откроютъ шлюзы, вода стремится по этимъ двумъ путямъ съ ужасающей быстротою. До входа въ бассейнъ дока двѣ эти водныя массы встрѣчаются въ небольшомъ углубленіи: тутъ они кружатся и пѣнятся съ такой быстротой и шумомъ, что у зрителей захватываетъ дыханіе. Говорятъ, что отъ брошеннаго сюда бревна остаются только щепки. Потомъ весь этотъ водоворотъ стремится въ шлюзы и съ громомъ наполняетъ бассейнъ доковъ. Когда вода поднимется до опредѣленной высоты, ранѣе введенный въ постоянный бассейнъ, пароходъ ставится въ брусья и потомъ вода спускается.

— Вѣдь этакъ Святое озеро можетъ изсякнуть.

— Нѣтъ. Святое озеро соединяется съ другими. У насъ всѣ озера связаны между собою каналами и подземными протоками. Иначе какъ объснить, что въ маленькихъ озеркахъ пропасть щукъ завелось? Черезъ Святое озеро и резервуаръ св. Филиппа въ доки идетъ вода восьмидесяти озеръ... Мы еще какъ приспособили:—каналъ, который проводитъ воду въ шлюзы, движетъ также и машину лѣсопильнаго завода.

— Какъ строился докъ?

— Днемъ и ночью строили безпрерывно. Днемъ богомольцы, подъ присмотромъ монаховъ; а ночью одни монахи, сами. А за всѣми работами крестьянинъ-монахъ смотрѣлъ.

— Тяжела работа была?

— Нѣтъ, многимъ въ это время разныя явленія были. Подкрѣпляло это. Мы вѣдь такъ: какъ затомимся — сейчасъ молитву хозяину обители, ну — какъ рукой и сниметъ; или псаломъ хоромъ споемъ—и опять за работу.

Пароходъ былъ вдвинутъ и поставленъ въ теченіи двухъ часовъ. Все это время іеромонахъ и намѣстники тянули бичеву и работали наравнѣ съ простыми богомольцами. Меня поразило здѣсь отсутствіе бранныхъ словъ и пѣсенъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, работа у русскаго человѣка не спорится. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ—„ухни, дубинушка, ухни; ухни, зеленая сама пойдетъ", а здѣсь—псалмы. Понукали лѣнивыхъ мягко и снисходительно. Не было слышно ни безтолковаго крика, ни неидущихъ къ дѣлу совѣтовъ и замѣчаній. Все совершалось въ строгомъ порядкѣ. Вводомъ парохода въ докъ распоряжался командиръ „Вѣры", отецъ Иванъ.

— Ну, а постороннія суда въ докахъ у васъ бывали?

— Какъ же, мы недавно пароходъ „Качаловъ" бѣломорско-мурманской компаніи чинили. Какъ-то разъ шкуну одного помора, кажись, Антонова, разбило. Ну, онъ явился къ намъ: плачетъ парень: только, говоритъ, на постройку судна сбился, какъ Господь гнѣвомъ своимъ посѣтилъ. Мы поставили его въ доки, починили, пожалуй лучше, чѣмъ прежде — сдѣлали, и отдали ему—пусть Богу молится.

— Ничего не взяли?

— Ни единой полушки. Что брать, ежели Господь человѣка посѣтилъ.

— А свое что-нибудь строили въ докахъ?

— Какъ же, теперь пароходъ „Надежду" сами здѣсь соорудили. Винты для пароходовъ дѣлаемъ. Скоро и машины станемъ производить. Дай срокъ—все будетъ.

— Ну, а съ чего намѣстникъ работаетъ тамъ вмѣстѣ съ простыми матросами?

— У насъ первое дѣло—примѣръ. Какъ гостинницу строили—самъ архимандритъ камни таскалъ. Кирпичи на тачкахъ

возилъ. Трудъ — дѣло святое, всякому подабаетъ. Не трудишься, такъ и хлѣба не стоишь.

— Экое богачество, удивлялся рядомъ крестьянинъ. Видимо, что Промысломъ Господнимъ все.

— И чтó чуднò, братецъ мой, никого не приставлено, а все, какъ слѣдоваетъ, идетъ.

— Вотъ, монашикъ, по ихнему въ большихъ чинахъ состоитъ,—а тоже канатъ тянетъ.

— Дома-то, какъ почну разсказывать — уши развѣсятъ. Поди, на тотъ годъ полъ-села сюда вдарится.

Тутъ же мы побывали и въ сараяхъ лѣсопильнаго двора. Вездѣ чистота, порядокъ. Работа кипитъ, но шума не слышно и суеты не видать. Монахи работаютъ рядомъ съ богомольцами, подъ общимъ надзоромъ небольшаго приземистаго іеромонаха, тоже не ограничивающагося однимъ наблюденіемъ.

Весь этотъ монастырь показалъ мнѣ то, чѣмъ могло бы быть русское крестьянство по отношенію къ труду и производительности, еслибы попеременно его не давило то иго монгольское, то безвыходное крѣпостное состояніе.

XXIII. У благочиннаго.

Благочинный церквей Соловецкаго монастыря, отецъ Өеодосій, оказался моимъ архангельскимъ знакомымъ. Я посѣтилъ его келью. Та же простота обстановки, что и у остальныхъ монаховъ.

— Часто, я думаю, поминаете Архангельскъ, — все же тамъ веселѣе, чѣмъ тутъ?

— Нѣтъ, монаху мѣсто въ монастырѣ. Какъ жилъ я въ соловецкомъ подворьѣ, въ Архангельскѣ, такъ не зналъ, куда и дѣваться отъ скуки. Ходилъ, бывало, по кельѣ, а на улицу

и выглянуть боялся, потому тамъ міряне. На монаха, что на дикаго, смотрятъ: куда-де затесался? Ну, и сторонишься. Въ монастырѣ я только и отдохнулъ. Мы вѣдь всѣ такъ. Думаете, тѣ иноки, что на подворьѣ въ городѣ живутъ—довольны своею участью? Нѣтъ, они лучше на самую тяжелую работу въ монастырь пойдутъ, чѣмъ тамъ оставаться. Бѣда это, особливо коли день праздничный. Народъ ходитъ, и все-то на тебя, что на звѣря заморскаго смотритъ. Да и соблазна тамъ больше. Здѣсь ничего не видишь—и не искушаешься, а тамъ трудно.

— Все же есть такіе, что въ городъ бы съ радостію поѣхали?

— Есть-то есть... Да мы ихъ туда не пустимъ... Что за монахъ—если онъ въ міръ стремится. Надѣлъ рясу, да принялъ постриженіе, такъ и сиди въ кельѣ—работай да молись, а о мірѣ и позабудь думать, потому тебя заживо похоронили, ты это и памятуй. Нѣтъ, такого народа мы не пошлемъ туда. Въ городъ изъ монастыря идутъ самые надежные люди, чтобы обители нашей не посрамили. И то нынѣ имя монаха, словно клеймо Каиново, стало.

— Разскажите мнѣ о чинахъ монашескихъ. Я слышалъ, что у васъ постриженіе дается не легко.

— Да... У насъ послушниками по семи-восьми лѣтъ бываютъ. Рясофорными монахами—восемь лѣтъ, а до манатейнаго монаха и пятнадцать лѣтъ прослужишь. А правъ повышеніе никакихъ не даетъ: развѣ что жалованье побольше. Іеромонахи, которые особенныя должности занимаютъ, получаютъ рублей по 50-ти въ годъ, остальные отъ 40 до 25 р.; простые монахи по 10, 6, 5 рублей, ну, а рясофорные, поди, и рубля въ треть не получатъ.

— А архимандритъ?

— Прежній получалъ 4,500 р., новый отказался, только 3,000 р. взялъ. Онъ у насъ простую жизнь любитъ. Во всемъ себѣ отказываетъ. Ну и строгъ тоже. Хорошо это... Дурно,

ежели пастырь слишкомъ стадо свое распуститъ. Большое нестроеніе изъ сего происходитъ...

— Правда ли, о. Θеодосій, что богомольцевъ у васъ съ каждымъ годомъ меньше становится?

— Это правда. Но все же нынѣ хотя ихъ и меньше, а **кадка** для приношеній полна.

— Какая **кадка**?

— А у св. Зосимы стоитъ.

— Т.-е. кружка?

— Нѣтъ кадка, т. е. цѣлый боченокъ. Ужъ мы ее и опростали въ этомъ году разъ—а вновь наполняется.

— А отъ казны монастырь получаетъ что-нибудь?

— Да, 1,200 р. въ годъ беремъ.

— При вашихъ доходахъ это вѣдь совершенно лишнее.

— Отчего же не брать, все въ пользу св. обители.

— Монастырь самъ легко бы могъ въ казну платить подати.

— Подати?.. Это зачѣмъ же! Неслыханное дѣло, чтобы монахи подати платили. Мы не отъ міра сего.

— Богомольцы къ вамъ однимъ путемъ черезъ Архангельскъ направляются?

— Нѣтъ. Идутъ и черезъ Кемскій уѣздъ. Теперь вотъ 600 человѣкъ въ Сумѣ сидитъ—шкунъ ждутъ, чтобы въ монастырь переправиться. Ничего, пусть посидятъ. Все жители Сумы **покормятся**.

О. Θеодосій въ простотѣ души смотрѣлъ на богомольцевъ, какъ на доходную статью. Такъ, впрочемъ, смотритъ на нихъ большинство монаховъ. До Сумы, какъ оказалось, эти богомольцы шли пѣшкомъ изъ Петербурга и Новгородской губерніи. Ежегодно сюда направляются изъ Архангельска до 12,000 ч. (это преимущественно крестьяне Вологодской, Вятской и Пермской губ., также и архангельцы), изъ Онеги до 690 ч. (олончане, новгородцы), изъ Кеми до 1,300 (кемляне, корела, петербуржцы и псковичи).

— Я слышалъ, что въ докахъ за работу вы дорогонько берете?

— Мы беремъ дорого? Нѣтъ, у насъ аглечане были и тѣ удивлялись дешевизнѣ. Мы за то, чтобы ввести въ докъ и вывести изъ дока судно, съ разными исправленіями, беремъ 100 р., и за то, чтобы снять судно съ мѣста крушенія, тоже—100 р., А намъ только развести пары, да выйти лишь изъ гавани обходится въ 70 р. Вы говорите, что у насъ дорого. А вонъ, какъ Бѣломорская компанія содрала съ военнаго корвета „Полярная Звѣзда“ за самыя ничтожныя исправленія 6000 р., это ужъ грабежъ. У насъ бы за то же больше 500 р. не взяли. На то они, впрочемъ, нѣмцы, а нѣмцамъ законъ не писанъ. Мы бѣднымъ судохозяевамъ-поморамъ и даромъ чинимъ суда, памятуя заповѣдь Христову. Про насъ много лишняго разсказываютъ.

— Ну, а относительно работъ у васъ какъ? Всѣ ли обязаны трудиться?

— Всѣ безпрекословно. Да оно и не трудно, потому вѣдь мы изъ мужичковъ. У насъ такъ искони ведется. Царь Петръ сюда духовника своего Іону присылалъ. Что-жъ?—вѣдь онъ въ Соловкахъ поваромъ былъ. Примѣрно, я—благочинный, ну, а пошлютъ меня камень тесать, я и пойду. Бывали примѣры! Потому это не работа, а „послушаніе“. На св. Зосиму и Савватія работаемъ. Коли кому работы не назначатъ, такъ онъ самъ начнетъ либо ложки дѣлать деревянныя, либо образки рисовать. Продастъ все это, а деньги въ казну нашу вложитъ.

— Есть у васъ урочные часы для работы?

— Нѣтъ, всякому предоставлено по мѣрѣ силъ, кромѣ общихъ работъ. Оно и лучше—больше и усерднѣе трудятся. Палка намъ не нужна, сами работаемъ.

Зазвонили къ вечернѣ. Мы вышли. Намъ пришлось проходить по лѣстницѣ архимандрита. Тутъ терлась упомянутая прежде меланхолическая дѣва.

— Сударыня, пожалуйте внизъ... Зачѣмъ вы здѣсь? Уходите, уходите. Тутъ нечего дѣлать...

— Архимандритъ страсть не любитъ, — замѣтилъ онъ мнѣ,—ежели у него на лѣстницѣ бабьё торчитъ. Большое къ женскому полу отвращеніе чувствуетъ.

XXIV. Могила Авраамія Палицына.—Похороны богомольца.

Въ лугахъ Соловецкаго монастыря стоятъ громадные стога́ сѣна. Его здѣсь хватитъ года на два. Предусмотрительные монахи запасаются надолго. Почемъ знать: сѣверная природа капризна; легко можетъ случиться, что на слѣдующій годъ сѣна и не хватитъ.

— Много у васъ лошадей? „Ста два поди есть. Ничего, мы ихъ кормимъ. Овса тоже даемъ. Только вотъ сѣно олени ѣдятъ баско".—Что-жъ, ихъ стрѣляютъ?—„Не, у насъ звѣря стрѣлять нельзя. А для рабочихъ на зимнее продовольствіе мы ихъ въ сѣти ловимъ".—Какъ, оленя въ сѣти?—„Да, въ сѣти: разставимъ сѣть, да и загоняемъ стадо; иногда случается штукъ пятьдесятъ, семьдесятъ, сто попадаетъ. Потомъ ихъ бьютъ, ну и на обѣдъ рабочимъ свѣжинка идетъ. Извѣстно рабочій человѣкъ не то, что нашъ братъ, монахъ. Міранинъ, онъ къ одной рыбѣ не привыкъ. Его кормить нужно, онъ и будетъ потомъ въ Рассеѣ говорить, что мы рабочаго человѣка бережемъ. Какъ убьютъ оленей да посолятъ, смотришь, на зиму и хватитъ."

Мы въ это время шли мимо большого кирпичнаго строенія съ открытыми окнами. Это оказался хлѣбный магазинъ.

— Муку да капусту мы только и покупаемъ. Тысячъ двадцать пудовъ въ годъ случается, а то и всѣ тридцать. Хлѣбъ у насъ тутъ въ зернѣ. Мельницы свои, слава Богу... На сухомъ мѣстечкѣ здѣсь и складено. Вѣтеркомъ провѣваетъ — оно и не портится. Ты вотъ говоришь—звѣря стрѣ-

лить, а вѣдаешь ли: что однова богомолецъ пошелъ оленя стрѣлить въ лѣса наши, такъ ангелы его оттуда лозой выгнали. Самъ разсказывалъ, старики говорятъ. У насъ мѣсто святое, излюбленное. Тутъ ни звѣря, ни птицы не тронь—кровь вопіетъ.

— Гдѣ-то здѣсь вы могилу Авраамія Палицына открыли?

— Неужли не видалъ еще? Пойдемъ?

Мы вошли въ ограду монастыря и тутъ, у самой стѣны громаднаго собора, монахъ показалъ мнѣ небольшую могилу, тщательно укрытую желѣзнымъ колпакомъ.

— Почему же извѣстно, что это и есть могила Палицына?

— Потому у насъ есть старецъ одинъ Серафимъ, онъ это и знаетъ. Надписи на камнѣ разобралъ.

— Къ чему же было забивать желѣзными листами камень въ такомъ случаѣ?

— А чтобъ не портился...

Дальнѣйшихъ доказательствъ подлинности этой могилы не оказалось.

Когда я изъявилъ желаніе поговорить съ о. Серафимомъ о могилѣ—онъ оказался больнымъ. На другой день тоже. Такъ я и уѣхалъ.

Могила этого героя была открыта, какъ говорятъ, въ прошломъ году. Вокругъ нея монахи построили ограду весьма мизернаго вида. Единственное, что еще производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, это возносящіяся тутъ же старинныя стѣны собора, вѣющія цѣлыми столѣтіями пережитаго былого, связанныя съ цикломъ многочисленныхъ легендъ. Говорятъ, надъ могилою Палицына нынче служатъ молебны.

Заговоривъ о памятникахъ, нельзя умолчать еще о двухъ, выстроенныхъ близъ доковъ. Это небольшія колонны изъ цѣльнаго гранита. Одна воздвигнута въ память защиты Соловецкаго монастыря отъ англичанъ, другая—въ память построенія соловецкой гавани. Художественными достоинствами ни та, ни другая не отличаются. Вообще, монахи соловецкіе лишены артистической жилки. Всѣ ихъ часовенки, памятники не отли-

чаются вкусомъ и изяществомъ. Это просто или вычурныя постройки, удовлетворяющія мѣщанскимъ требованіямъ, или прямолинейныя колонки, выполненныя по рутинному рисунку.

Во дворѣ монастыря находятся кучи ядеръ, брошенныхъ сюда англичанами. Говорятъ, что на многихъ изъ нихъ вовсе не англійскія клейма. Думаю, что такой слухъ несправедливъ. Хотя монахи и преувеличиваютъ подвиги свои во время такъ-называемой осады монастыря, но тѣмъ не менѣе бомбардировка его—несомненное и важное историческое событіе.

На другое утро, только-что я открылъ глаза, какъ прямо въ лицо мнѣ ударилъ знойный, ослѣпительный лучъ солнца. Этотъ яркій, лѣтній день нельзя было не назвать пышнымъ, рѣдкимъ на сѣверѣ. Я началъ бродить по окрестностямъ монастыря, только-что осмотрѣвъ его литографію и слесарню— заведенія, устроенныя здѣсь въ большихъ размѣрахъ и весьма раціонально. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ руководятъ дѣломъ исключительно крестьяне-монахи.

Зайдя въ одинъ тѣнистый уголокъ, я наткнулся тамъ на высокаго болѣзненнаго олончанина, какъ оказалось, изъ Повѣнецкаго уѣзда. Разорванная рубаха, плохенькій армячекъ, лапти, осунувшіяся черты блѣднаго, истощеннаго лица, — все это вѣяло лютою нищетою, тяжелою борьбой изъ-за куска насущнаго хлѣба. Даже обильная монастырская трапеза не повліяла на него. Я разговорился съ нимъ.

— На годъ бы остался здѣсь... Потому баско тутотко... Да, семьишка въ деревнѣ. Кто ее кормить станетъ?

— А теперь они какъ?

— Да, вишь, я въ Онегу на лодкѣ доплылъ. Муку отъ купчей возили. За одно ужъ къ соловецкимъ угодникамъ: не пошлютъ ли святители наши какого облегченія... Тяжко намъ нонѣ, такъ ли тяжко, что хоть въ омутъ. И хлѣбца-то цѣльнаго по праздничкамъ не увидишь. Вотъ оно каково житьишко наше горькое—неурожаи одолѣли.

— Хлѣба̀ у васъ плохи?

— Хлѣба̀ у насъ парень-колосъ, что́ волосъ, глянешь

верно—всего одно... Вотъ они наши хлѣбà. На промыслы бы какіе, такъ міроѣды поѣдомъ ѣдятъ насъ. Такова ли жадность у нихъ. Не подступайся. Изъ кабалы и не выходимъ. Только лѣтомъ чуть уплатишь подати—зимой жрать нечего...

Къ говорившему подошли товарищи. Что это были за лица! Блѣдные, жалкіе, искалеченные, съ мутными, потухшими глазами, тяжело дышавшіе люди казались отмѣченными тѣми рѣзкими чертами, которыя холера кладетъ на свои жертвы. Поступь ихъ была неровна, понуренныя головы, безсильно повисшія руки, вдавленныя отъ лямокъ груди производили на свѣжаго человѣка самое тяжелое впечатлѣніе.

— Вы всѣ черезъ Онегу шли?—спросилъ я... Они переглянулись. Я повторилъ вопросъ.

— Онегой...

— Вы сюда какъ? въ Онегу кàкъ попали?

— Спервоначалу лямились... Потомъ и пошли въ Онегъ-рѣку къ Соловкамъ. Напредь уговоръ былъ.

— Трудна была, поди, работа?

— Чего трудна... Ровная... Средственная работа. — Казалось, они потеряли даже сознаніе тяжести этого неустаннаго, обезсиливающаго, лошадинаго труда.

— Заработка мало осталось?

— Прохарчились очень. Нонѣ харчъ дорогъ. Рубля по четыре остаточныхъ пришлось.

— Тоже, вѣрно, и въ кабакъ снесено немало?

— Безъ кабака не обойдешься. Никакъ безъ кабака не обернуться. Таперчи какъ у всѣхъ животы подведетъ, такъ и рѣжетъ, а кого и лихоманка съ огневицей хватитъ. Какъ безъ кабака? Прогрѣетъ внутри, другимъ человѣкомъ станешь.

— Безъ кабака—пагуба. Почитай всѣ бы легли... Ахъ, родители наши, зачѣмъ на такое голодное житьишко произвели насъ.

— Молитва передъ св. Иринархомъ помогаетъ въ эфтихъ случаяхъ,—вмѣшался молодой монашекъ.

— Какой Иринархъ?

— Подъ спудомъ почиваетъ.

— Святой?

— То-есть, они еще не святые, не утверждены Синодомъ, одначе многія чудеса бываютъ. Особливо ежели кто съ вѣрою... Зубная боль теперь—тоже помогаетъ. У насъ и молитва такая есть. Но главное, чтобъ сердце чисто. Онамедни вдова одна благочестивая молебенъ отслужила, что-жъ бы вы думали?—нынѣ извѣщаетъ изъ Архангельска, что ей пенцыонъ вышелъ.

Я пошелъ за ограду зеленѣвшаго тутъ же кладбища. Все было тихо и покойно. Птицы задорно перекликались въ изумрудной листвѣ, широкіе лучи солнца обливали мягкимъ свѣтомъ насыпи и могильные кресты. Цвѣты пестрѣли въ прогалинахъ. Откуда-то доносилось молитвенное пѣніе. Я пошелъ на голоса.

Къ свѣжей, вырытой только-что могилѣ подходили іеромонахъ и іеродіаконъ. Четыре послушника выносили за ними изъ кладбищенской церкви деревянный гробъ, еще не закрытый.

Хоронили богомольца, умершаго на первый день своего пріѣзда въ монастырь, въ мѣстной больницѣ; темное, словно изголодавшее, лицо, синіе земляные круги подъ глазами, странно заострившійся носъ. Волосы были расчесаны. Онъ лежалъ въ чистомъ бѣльѣ, покрытый саваномъ. Монастырь на свой счетъ одѣлъ его во все новое. Даже валенки на ногахъ, подшитые кожей, были свѣжіе. Только гробъ оказывался не по росту трупу. Колѣни покойнаго были какъ-то согнуты.

— Кто это?—спросилъ я у послушника.

— Господь его вѣдаетъ... Рабъ божій Василій.

— И больше о немъ ничего не извѣстно?

— Ничего.

Привезли его на пароходѣ больного, чуть не холерой, отъ дурной пищи, отъ холода и сырыхъ ночлеговъ во время дороги. Несчастный, прошедшій цѣлыя тысячи верстъ, питаясь

подаяніемъ, умеръ у порога тѣхъ святынь, которымъ онъ думалъ поклониться. Умеръ въ забытьи, не сознавая, гдѣ онъ. Говорятъ, бредилъ, звалъ жену, дѣтей, ласкалъ ихъ, говорилъ съ ними...

На соловецкомъ кладбищѣ одною могилою больше; гдѣ-нибудь въ далекой глуши, въ неисходномъ захолустьѣ, однимъ кормильцемъ меньше. И долго будетъ ждать осиротѣвшая семья хозяина, и часто будетъ выходить на дорогу убогая жена его—не покажется ли милый странникъ вдалекѣ, покрытый пылью и грязью.

Изъ могилы поднимутся цвѣтики алые, покосится черный крестъ надъ нею;—а родимая семья все не будетъ знать, что сдѣлалось съ ея кормильцемъ. И цѣлые ночи на-пролетъ станутъ плакать дѣти съ своей больною матерью, при тускломъ, словно вздрагивающемъ свѣтѣ лучины... Какъ горячи ихъ молитвы!...

А надъ нимъ — тяжелая зеленая насыпь и эта темная мозолистая рука уже не будетъ ласкать бѣлобрысыя закорузлыя головенки дѣтей, словно рой пчелъ кружившихся около отца когда-то...

Наконецъ и ждать его перестанутъ. Только бродя подъ окнами съ сумою станетъ ныть жена его о томъ, какъ бросилъ ее съ малыми дѣтками хозяинъ, и ушелъ къ Соловкамъ, а оттуда невѣдомо куда. Дѣйствительно—невѣдомо куда!

Умершій прибылъ въ обитель одинъ. Паспорта при немъ не оказалось. Должно быть оставилъ его въ сумѣ, а сума попала къ какому-нибудь Ѳомушкѣ-блаженному или къ Макридѣ-странницѣ. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, что за человѣкъ померъ. Звалъ его кто-то Василіемъ — за Василія и схоронили.

Вмѣстѣ съ землею яму заваливали и каменьями. Тутъ ужь такая почва. Я до конца достоялъ здѣсь, и грустныя думы, и скорбныя воспоминанія мелькали въ головѣ.

Хотѣлось плакать надъ этою жалкою, безразсвѣтною жизнью.

И досадно стало на яркое, равнодушное ко всему солнце, на этихъ задорно перекликавшихся птицъ, на всю эту роскошь яснаго дня.

— Былъ человѣкъ, и нѣтъ человѣка! замѣтилъ послушникъ.

— Всѣ помремъ! Вѣрно твое слово... согласился другой.

XXV. Въ больницѣ и у схимниковъ.

— Велика ли у васъ больница?

— Что, больница! Что въ ей... Одинъ грѣхъ. Господь гнѣвомъ своимъ посѣтилъ, а міряне къ земнымъ медикамъ прибѣгаютъ. Точно они сильнѣе Царя Небеснаго. Охъ—невѣріе! Чтó медика призывать, чтó идолу поклоняться—все едино.

— Такъ у васъ, значитъ, доктора нѣтъ?

— Постъ и молитва—вотъ доктора. Больница есть, но для мірянъ больше. Истинные монахи гнушаются этимъ. Отцы церкви къ докторамъ не прибѣгали и погибельныхъ лекарствъ не вкушали, а, простираясь предъ алтаремъ, молили Господа объ исцѣленіи и исцѣлялись. Такъ и нынѣ у насъ многіе иноки въ случаѣ недуга какого поступаютъ. Постъ и молитва! Мудренъ больно народъ сталъ, противъ Бога идетъ. Чтò означаетъ болѣзнь? Гнѣвъ Господень означаетъ; ибо сказано, что безъ воли его ни единый волосъ не спадетъ. Забываемъ заповѣди! Не писано ли на горѣ Синаѣ—„не сотвори себѣ кумира“, а мы кому поклоняемся—магамъ и волшебникамъ!

— Ну, доктора—не маги.

— Какъ не маги, ежели зелья составляютъ, ежели съ силою небесною бороться мнятъ? При Фараонѣ волшебники тоже жезлы свои обратили въ зміевъ, но змій Моисеевъ пожралъ ихъ всѣхъ. Чтò доктора! Господь смилуется и пошлетъ исцѣленіе. Вотъ, напримѣръ, было у насъ: инокъ заболѣлъ, горяч-

ка, тифъ-ли—Господь знаетъ. Въ черныхъ пятнахъ сталъ весь. Что-жъ? Призвалъ трехъ монаховъ и просилъ молебенъ у себя отслужить и помолиться за него. Три дня по утрамъ въ кельѣ его служили, а на четвертый онъ всталъ и работать пошелъ. Вотъ наши доктора—Зосима, Савватій, Филиппъ и Ирмогенъ. Такъ это медики не отъ міра сего. Въ Архангельскѣ тоже мальчикъ одинъ-было заболѣлъ, ну мать за него обѣщаніе дала:—если оправится, такъ на годъ въ Соловки. Сейчасъ, какъ встрепанный, вскочилъ. Потому, здѣсь наука небесная—чудодѣйствіе, а не суемудріе и вольномысліе языческое, не измышленіе сатанино... Нечего ее и смотрѣть, больницу эту.

Богомольцы-крестьяне подтверждали это недовѣріе къ лекарямъ.

— Въ емъ, въ лекарѣ, настоящей штобъ силы ни на эстолько нѣтъ. Кого Господь захочетъ сказнить, что̀ лекарь подѣлаетъ? Мужиченко одинъ у насъ былъ, заболѣлъ это... Ну сельскій дохтуръ сичасъ. Разное давалъ ему; сказываютъ мастью какой-то обкладали... Всталъ мужиченко съ виду и здоровъ, что жъ бы ты, милой человѣкъ, полагалъ—не прошло и мѣсяца, какъ съ вина сгорѣлъ. Вонъ они—доктора. Что въ ихъ—мечтаніе одно... Прахъ!...

— Духъ самомнѣнія,—продолжалъ монахъ.—Есть у насъ монашки: какъ заболятъ, сейчасъ лекарства глотать. Но я все же такимъ говорю: что̀ творите? Бѣса въ нутро свое пущаете.

— А ежель да съ молитвой,—вмѣшался другой крестьянинъ:—ежель съ вѣрою, напримѣръ, псаломчикъ?..

— Сіе тому подобно, ежели бы ты на разбой или святотатство съ молитвой шелъ. Сіе усугубляетъ, но не отвращаетъ. Истинно глаголю вамъ, не пецытеся о тѣлесахъ вашихъ, но о душѣ непрестанно помышляйте. Не вѣруйте въ медиковъ земныхъ, но на медика небеснаго уповайте...

Другой уже монахъ указалъ намъ больницу. Она вся заключалась въ двухъ маленькихъ комнатахъ. На 600 человѣкъ, составляющихъ постоянное зимнее населеніе обители, этого

мало. Воздухъ здѣсь спертъ и пропитанъ міазмами. Большинство больныхъ—богомольцы. Было при мнѣ двое трудныхъ.

Бѣлье на кроватяхъ безукоризненно чисто, лекарствъ не замѣтно, хотя и есть аптека.

Управляетъ больницею фельдшеръ-монахъ. Сначала онъ былъ нанятъ обителью, а потомъ монахи убѣдили его, ради душеспасенія, принять постриженіе. Оно и выгоднѣе для монастыря. Нужный человѣкъ пріуроченъ навсегда, да и денегъ ему не приходится платить. Что касается до денежнаго интереса, тутъ монахъ забываетъ, что онъ не отъ міра сего.

Я видѣлъ монаховъ соловецкихъ въ Архангельскѣ, заключающихъ договоръ о поставкахъ хлѣба, каменнаго угля, управляющихъ подворьями, и все тотъ же рисовался предо мною русскій мужикъ, тонко замѣчающій подходцы благопріятеля и умѣющій соблюсти свою выгоду. Тутъ онъ только трудится не для своего кармана, а для обители. Но мы уже видѣли выше, что монастырь для него отечество, семья родная. Внѣ монастыря ему все чуждо и дико. Чѣмъ сильнѣй и богаче монастырь, тѣмъ сильнѣе и богаче онъ самъ.

— Какъ вы лечите?—обратился я къ монаху, присматривавшему за больницею.

— А мы больше на Божью волю уповаемъ. Нечего надѣяться на медиковъ земныхъ.

На одной изъ кроватей больницы лежалъ горячечный больной. Онъ метался, дико оглядывая окружающихъ. Мокрые волосы прилипли ко лбу; иногда, судорожно вздрагивая и скрыпя зубами, онъ что-то говорилъ про себя. Мы уловили одну минуту сознанія, когда онъ удивленно взглянулъ на насъ и потомъ обернулся къ окну, откуда видѣлся ему клочокъ голубого неба, съ яркими искрами чаекъ, носившихся въ его лазури. Какая-то невыразимая грусть сквозила въ его неподвижномъ взглядѣ. Онъ словно прощался со всею завидною волей, съ свободнымъ воздухомъ родныхъ далекихъ полей, съ милымъ угломъ, гдѣ живутъ его близкіе и дорогіе. На одно мгновеніе блеснули слезы и опять онъ заметался. Въ бреду

онъ поминалъ дѣтей, жену, поименно звалъ ихъ... и право намъ казалось,—онъ былъ счастливъ въ эти минуты.

— Выздоровѣетъ?—спросили мы у фельдшера-монаха.

— Какъ Господь. Молебенъ отслужимъ, авось и полегчаетъ...

Вообще же нужно замѣтить, что, благодаря необыкновенно здоровому воздуху Соловецкаго архипелага, здѣсь мало больныхъ. Чаще всего монахи умираютъ отъ чахотки. Я видѣлъ нѣсколько еще шевелившихся, но уже близкихъ къ смерти монаховъ. У нихъ землистый цвѣтъ лица, худоба, впалая грудь, воспаленныя очи... Видно, не легко дается подвигъ самоотреченія и аскетизма, пустынножительство недаромъ обходится своимъ адептамъ.

— У насъ вѣдь лѣтомъ только и лежатъ въ больницѣ. Зимой мало—человѣка два. Монахъ въ больницѣ не станетъ лежать, ему въ кельѣ лучше.

Изъ больницы мы вышли въ корридоръ, по одну сторону котораго шли маленькія кельи. Тутъ мы наткнулись на полнѣйшее воплощеніе смерти. Это былъ схимникъ. Онъ только-что вышелъ изъ собора, и, едва передвигая ноги, брелъ домой. Весь въ черныхъ покровахъ, усѣянныхъ изображеніями гробовыхъ крестовъ и адамовыхъ головъ, въ капюшонѣ, полузакрывавшемъ лицо, онъ производилъ крайне мрачное впечатлѣніе. Изъ-подъ савана, надѣтаго на него, глядѣли совершенно неподвижные, безцвѣтные глаза. Это были глаза не только безъ блеска, но и безъ взгляда... Медленно онъ прошелъ мимо насъ, и только-что мы успѣли оправиться, какъ съ другой стороны на темномъ фонѣ полусумрачнаго корридора показалась другая фигура... длинная-длинная. Только этотъ былъ еще ужаснѣе. Дайте мертвецу острый, но холодный взглядъ—и передъ вами будетъ встрѣченный нами призракъ.

— „Нѣтъ спасенія... Бѣсы, дьяволы... Геенна огненная... Пламя, пламя адово... Плачьте, скорбите!...“ бормоталъ онъ, проходя мимо насъ.

— Помѣшанный!—шепнулъ намъ монахъ.

Мы выбѣжали вонъ...

Воздуху, свѣту!...

XXVI. Мельница св. Филиппа. Прогулка по стѣнамъ. Въ башнѣ.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ св. Филиппъ, замученный потомъ Іоанномъ Грознымъ, устроилъ въ стѣнахъ обители мельницу, существующую и теперь на томъ же мѣстѣ, но, разумѣется, въ иномъ видѣ. Я отправился туда.

На дорогѣ мнѣ попалаеь неизмѣнная дѣва съ флюсомъ. За краткое пребываніе въ монастырѣ, она до того успѣла надоѣсть монахамъ, что тѣ бѣгали отъ нея, какъ отъ чумы. Несчастная, кромѣ того, имѣла претензію изъясняться съ крестьянами въ рясахъ на французскомъ діалектѣ. Такія дѣвицы только и возможны въ захолустьяхъ самыхъ глухихъ провинцій. Меланхолическая дѣва и моего проводника не оставила въ покоѣ.

— Изыди, сатана! да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! ожесточился благочестивый инокъ.—Яко отъ лица огня! Иди вонъ, что смущаешь крещеную душу. Я вѣдь тебя не трогаю. Повѣрите ли—обратился онъ ко мнѣ, когда дѣвица удалилась—отбиться отъ нея нельзя. Такъ лѣзетъ и лѣзетъ. Экая, прости Господи, несообразная. Вчера къ монаху одному въ келью забралась, едва ее оттуда выгнали—неймется. Ахъ, ты распоплая душа. Страсть, какъ въ нихъ любопытство свирѣпствуетъ.

— На Аѳонѣ лучше, тамъ ихъ совсѣмъ не пущаютъ. Что въ ихъ—прахъ одинъ. Нешто она человѣкъ... Хвостомъ вертятъ передъ тобою, очами помаваютъ, плечами водятъ... Ахъ, тварь!... Бываютъ, впрочемъ, и между ними скромныя, молятся, не лѣзутъ... А и смѣшныя же есть. Года три тому изъ Онеги

къ намъ одна англичанка пріѣхала. Ей кто-то сказывалъ, что монахи женскій полъ не своей вѣры убиваютъ. Такъ она все русскую изъ себя представляла: крестится по нашему, поклоны отбиваетъ. Смѣхота!

— Говорятъ, кемлянокъ вы особенно не любите?

— Правда, потому развратныя онѣ... Сто бѣсовъ въ каждой сидитъ.

Наконецъ мы вошли внутрь монастырской башни, гдѣ помѣщается мельница св. Филиппа. Монахи размалываютъ здѣсь рожь, покупаемую въ Архангельскѣ.

Въ темнотѣ что-то вращалось и гудѣло. Слышались какіе-то исполинскіе взмахи, рокотъ воды и глухой, разсыпчатый грохотъ. Я остановился въ дверяхъ, не осмѣливаясь идти дальше, и хорошо сдѣлалъ. Когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, я увидѣлъ, что здѣсь вертикально вращался громадный вòротъ, каждый зубецъ котораго могъ бы убить неосторожнаго зрителя. Кромѣ того, прямо внизъ отвѣсно шелъ громадный провалъ. Вышина—ужасная. Упасть, такъ и костей не соберешь. Мельница водяная. Тутъ свой резервуаръ, онъ приводитъ вòротъ въ движеніе. Мука здѣсь стоитъ въ воздухѣ; ею дышешь, она покрываетъ лицо, руки, платье. Помостъ дрожитъ подъ вами и вы невольно смущаетесь, а тутъ, какъ нарòчно, словно въ успокоеніе, объясняетъ вамъ провожатый:

— Не извольте сумлѣваться; тутъ двадцать сажòнъ глубины. Одного монашика внизъ бросило—и косточки смололо... Да вы подайтесь впередъ, тутъ можно.

Разумѣется, вмѣсто того, чтобы податься впередъ, я со всевозможною быстротою подался назадъ—прямо въ двери, а оттуда во дворъ. Изъ резервуара этой мельницы вода выводится частію и въ доки. Въ самые же резервуары проведены каналы изъ внутреннихъ озеръ острова. Сила воды становится понятна, когда открываютъ шлюзы. Она съ ревомъ бѣшено стремится впередъ, съ такою быстротой, что движеніе ея невозможно уловить глазами. Слышишь только его и чувствуешь.

— Хорошо у васъ тутъ устроено.

— Я подумываю кое-что сдѣлать самъ; тутъ вода требуется, а я, признаться, хочу, чтобы безъ воды дѣйствовало.

— Что-жъ, паровую?

— Гдѣ!.. Нѣтъ, мысль у меня есть... На мадели я пробовалъ, хорошо выходитъ.

— Какъ же это?

— А чтобъ заводить мельницу, какъ часы заводятъ.

Я посмотрѣлъ въ глаза провожатому, не сумасшедшій ли... Нѣтъ; онъ говорилъ чрезвычайно просто, точно дѣло шло о погодѣ.

— Гдѣ же у васъ модель?

— Мадель?.. Исторія тутъ вышла... Сдѣлалъ я ее, да подумалъ, что это гордыня во мнѣ, суемудріе, духъ вольномыслія... Ну, по маломъ разсужденіи, помолился я Богу и сжегъ мадель... Одначѣ мнѣ потомъ объяснилъ монашекъ одинъ, тоже изъ нашихъ крестьянъ, что въ этомъ грѣха нѣтъ—ежели собственно для обители, потому все на пользу... Опять дѣлать стану. — Какъ ни просилъ я его описать мнѣ механизмъ этой необыкновенной, заводящейся мельницы — толку добиться не могъ. Начнетъ — собьется, наконецъ бросилъ.

— Языкъ-то у меня, парень, суконный, понимать—таково ли ясно понимаю: зажмурю глаза, такъ до послѣдняго колеса все вижу, какъ и что... Ну, а сказать не могу. Не моего ума дѣло. Я и часы могу, тоже самъ обучился. Только тонкой работы не могу. А поправить—хоть сейчасъ. Всякую пружину понимаю, а грамотѣ второй годъ учусь — и ни въ зубъ. Нѣтъ дарованія значитъ. Кому отъ Бога не дано—грѣхъ и стараться, потому противъ его воли выходитъ.

Мы вошли на галлерею, устроенную наверху на стѣнахъ. Она тянется вокругъ монастыря. Прекрасенъ видъ синяго моря изъ узкихъ бойницъ этого хода. Даль раздвигалась въ безконечный просторъ, направо и налѣво зеленѣли окраины лѣса—а прямо недвижное голубое зеркало. Ни волнъ, ни зы-

би... Чайка—и та отражалась въ немъ до послѣдняго перышка... Не хотѣлось отрываться отъ этой чудной картины.

— Сегодня въ церкви архимандритъ служитъ, приходите пѣнія нашего послушать. Напѣвы у насъ простые, пустынные напѣвы, но однако—стройно, душа паритъ... А теперь, прощайте... Дѣла есть.

Мы разстались; долго я стоялъ у бойницъ. оглядывая окрестности. Говорятъ, подъ этимъ ходомъ есть еще ходъ, но совершенно темный. Безъ бойницъ, безъ оконъ, безъ луча свѣта. Воображаю, что это за черная щель! Добиться входа туда я не могъ. Едва ли и сами монахи бывали тамъ, ежели преданіе о немъ не миѳъ. О подземныхъ соловецкихъ тюрьмахъ писали не разъ—а ихъ не оказалось вовсе.

Безконечная морская даль такъ и манила къ себѣ. Здоровый свѣжій воздухъ охватывалъ меня на высотѣ. Дышалось легко, бодро... Сердце мое приростало къ этому прелестному острову. Еслибы не аскетизмъ его обитателей, я, кажется, былъ бы готовъ остаться здѣсь навсегда.

Черезъ полчаса я бродилъ уже внизу вдоль стѣнъ. Это было внутри монастырскаго двора. Подхожу къ башнѣ, вижу низкій, сводчатый входъ. Дверь отворена. Я вошелъ. Мракъ, сырость, плѣсень охватили меня со всѣхъ сторонъ. Тутъ была тьма; только гдѣ-то на высотѣ, словно остріе ножа, свѣтилась какая-то щель. Я осторожно переступалъ по влажнымъ каменьямъ, пока не забрался внутрь. Тутъ стояли какія - то не то бочки, не то чаны. Видѣть нельзя было ничего. Передъ глазами сверкали огнистыя спирали, распадаясь на тысячи блестокъ; извивались золотыя змѣи, словно плавали какіе-то яркіе круги, сегменты... Я дышалъ сыростію... Становилось нестерпимо.

Сообразивъ, что зашелъ далеко, я обернулся ко входу — его не видно. Что за чудеса! Я, едва переступая, пошелъ къ нему—мракъ повсюду. Гдѣ же двери? Какое-то холодное, отвратительное чувство страха скользнуло въ грудь мою. Мнѣ казалось, что я заживо схороненъ въ склепѣ.

Я шелъ впередъ, протянувъ руки и зажмуривъ глаза. Все равно, ежели бы и открылъ ихъ — ничего бы не увидѣлъ. А такъ казалось покойнѣй. Подъ ногу попался влажный и скользкій камень, я поскользнулся и упалъ. Наконецъ, шаговъ черезъ десять я ладонями оперся о какой-то мокрый бархатъ и тотчасъ же отдернулъ руки съ отвращеніемъ. Это внутреннія стѣны сводовъ поросли мохомъ и лишаями.

Мое положеніе становилось сквернымъ. Прошло болѣе часа, пока я былъ въ башнѣ. Я и безъ того усталъ, бродя все утро—а тутъ некуда и прислониться. Наконецъ я крикнулъ. Еще разъ... громче. Ни отзыва, ни отвѣта... Я сообразилъ, что звуки терялись въ этихъ влажнымъ сводахъ. Нужно во что бы то ни стало найти выходъ. Я пошелъ опять, вновь поскользнулся и на этотъ разъ уже цѣлыми ладонями и лицомъ попалъ въ холодный, мокрый бархатъ стѣны. Изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ что-то съ противнымъ плюханьемъ шарахнулось въ воду. Не крысы ли? И какъ нарочно вспомнилъ я въ эту минуту рыжихъ, тощихъ, съ лысинами, вѣчно что-то нюхающихъ водяныхъ крысъ... Крикнулъ громче—то же молчаніе. Оступился и по колѣно попалъ въ какую-то щель, переполненную водою... Что-то мягкое какъ будто скользнуло по моей рукѣ, что-то склизкое, гадкое заползаетъ за воротникъ; вонъ, въ углу, шевелятся какія-то, еще болѣе темныя, чѣмъ этотъ мракъ, очертанія, складки чего-то длиннаго, чего-то живого, чего-то словно протягивающаго руки...

Я крикнулъ еще.

— Боже мой... Кто тутъ?

— Отоприте, ради Бога, дверь этой западни.

— Бѣги за ключемъ, у Симіона онъ, знаешь...

Когда я вышелъ изъ этого склепа на свѣтъ, на воздухъ, весь мокрый, въ зеленыхъ пятнахъ плѣсени, дрожа отъ холода, я далъ себѣ слово не лазить въ такія скважины безъ провожатаго. Я приглашаю васъ пожаловать въ это черное царство холодной и влажной плѣсени, накоплявшейся здѣсь

нѣсколько столѣтій, мокрыхъ крысъ и этихъ бархатныхъ стѣнъ, чтобы уяснить себѣ мое отвращеніе. На нервы дѣйствовало.

XXVII. Поѣздка на Сѣкирную гору. Савватьевская пустынь. Сѣкирный скитъ. Еще разсказъ объ осадѣ. Видъ съ высоты. У строителя въ кельѣ.

„Соловецкіе острова — вѣнецъ, а Сѣкирная и Голгоѳа — адаманты вѣнца сего", говорили мнѣ монахи объ этихъ мѣстностяхъ. „Одно важное лицо посѣтило ихъ въ 1870 г., такъ сказывало, что такихъ мѣстовъ по всей землѣ нѣтъ".

— Ну, ужъ и по всей землѣ!

— Вѣрно говорю. Наши монахи этого не понимаютъ. Имъ бы только польза была, до красы дѣла нѣтъ. А вы вотъ хоть сегодня поѣзжайте...

И монахъ тотчасъ распорядился наймомъ лошадей. Проѣхать туда стоитъ не дорого, 50 коп. съ человѣка. Всего насъ отправилось на Сѣкирную гору до тридцати богомольцевъ; поѣздъ, какъ видите, вытянулся довольно длинный. Дешевизна сообщеній въ Соловкахъ—невѣроятна. До Сѣкирной горы и обратно 16+16 верстъ. Разумѣется, при этомъ необходимо принять въ соображеніе, что монастырь пользуется своими сѣнокосами, трудомъ даровыхъ ямщиковъ, и самыя лошади не куплены имъ, а пожертвованы крестьянствомъ сѣвернаго края.

Какъ только мы выѣхали на лѣсную дорогу, глаза стали разбѣгаться во всѣ стороны. Пейзажи одинъ прелестнѣе другого развертывались передъ нами, какъ будто въ волшебной панорамѣ. Не успѣешь вглядѣться въ одинъ, какъ вдругъ передъ вами раскинется еще болѣе красивый, подъ свѣтомъ этого яркаго, солнечнаго дня. Дорога тянулась по горамъ.

Она пробита на ихъ откосахъ: часто на лѣво передъ вами возносится крутая, заросшая гигантскимъ лѣсомъ, стѣна, а направо обрывается внизъ такая же щетинистая стремнина. Сосны, одна величавѣе другой, выростали на каждомъ поворотѣ дороги. То, словно канделябры, онѣ раздѣлялись у самой вершины на три или четыре прямыхъ и параллельныхъ стволу отрасли, также стройно возносящіяся въ высь. Другія, точно въ лазури неба, раскидывали свои вѣтви, и какая внушающая благоговѣніе тишина стояла подъ этими сводами! Что за чудная глушь, какой здоровый несравненный воздухъ!... А озера! Не могу еще не остановиться на нихъ. Я бывалъ въ Финляндіи, южной Германіи, въ Альпахъ, но не видѣлъ такихъ чудныхъ озеръ, при крайне назначительной длинѣ и ширинѣ ихъ. Особенно врѣзалось въ мою память одно. Длинное и узкое, извиваясь, легло оно въ изумрудныхъ берегахъ. Небольшой лѣсокъ словно опрокинулся въ его глубину. На немъ только одинъ островокъ — но какой! Его и не видно: глазъ замѣчаетъ только три высокихъ сосны, какъ будто выросшія изъ самой середины этихъ серебристо-голубыхъ водъ. Но живописныя линіи берега, кучи валуновъ, поросшихъ уже травою, отраженіе жемчужныхъ тучекъ, спокойное, словно все изъ расплавленнаго металла, зеркало водъ—нужно видѣть самому. Никакое перо не дастъ понятія о чудной красотѣ соловецкихъ пейзажей. Въ другомъ мѣстѣ видъ распадается на два художественныхъ момента. Дорога взлетѣла на самый гребень горы... Тутъ сосны рѣже. Сквозь нихъ налѣво синѣетъ неизмѣримая яркая даль моря, а направо между стволами серебрится нѣсколько постепенно пропадающихъ въ отдаленіи озеръ, словно окутанныхъ легкою, придающею имъ таинственную прелесть, дымкою. Но верхъ красоты и совершенства—Бѣлое озеро. Стоишь- и не насмотришься. Затаиваешь дыханіе, точно боишься, чтобы волшебный призракъ не исчезъ изъ глазъ. Представьте себѣ зеленую котловину, на дно которой брошенъ серебряный щитъ. Въ немъ отразились всѣ берега—и какіе берега! Въ немъ опрокинулись и малень-

кіе, то лѣсистые, то покрытые травою граціозные островки. Нельзя выразить такъ глубоко охватывающаго васъ впечатлѣнія. Эти переливы свѣта и тѣни, эти нѣжныя мягкія краски, эти изящныя линіи не имѣютъ ничего себѣ подобнаго.

Всѣ эти озера — рыбныя. У берега часто словно замерла въ водѣ темная лодочка. Спуститесь внизъ къ самому берегу и вы увидите, какъ въ кристальной влагѣ недвижно висятъ, пошевеливая лишь изрѣдка плавниками и жмуря розовые глаза, лини, караси и другіе обитатели этого поэтическаго дворца. Одно, что поражаетъ здѣсь, это—отсутствіе птичьяго гомона, пѣнія и стрёкота... Это—спящая царевна. Какой витязь пробудитъ ее къ жизни?

Такимъ образомъ, оставивъ экипажъ, то сбѣгая съ горы, то подымаясь на откосы, я добрался до Савватьевской пустыни. Скитъ святого Савватія не очень красивъ. Просто — казарма. Тутъ монахами разбиты изящные цвѣтники; клумбы рѣдкихъ для сѣвера растеній сверкаютъ яркими кистями пышныхъ и благоухающихъ цвѣтовъ, изъ открытыхъ дверей церкви доносилось сюда молитвенное пѣніе. Я вошелъ туда. Давка была страшная. Здѣсь столпились всѣ, поѣхавшіе на Сѣкирную. Одни служили молебны, другіе просто глазѣли. Оказалось, что іеромонахъ, священнодѣйствовавшій здѣсь, читаетъ только по складамъ. Имена съ поминальныхъ листковъ разбиралъ онъ съ величайшимъ трудомъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ на меня налетѣлъ такъ-называемый строитель (настоятель) скита.

— Запишись, запишись, запишись.—И онъ потащилъ меня куда-то за рукавъ. Я остолбенѣлъ.

— Ну, что-жъ, записывайся. Какъ хочешь—на годъ, на три года, на пять лѣтъ, или на вѣчныя времена.

— Что такое?

— Вѣчное поминовеніе—всего шесть рублей. Давай деньги да записывайся скорѣе... Ну, такъ на три года, что ли? Ну, хоть на годъ. Два рубля. Чего думаешь? Для спасенія души... Господь тебя помилуетъ за это.

Я едва отдѣлался отъ навязчиваго монаха и выбрался изъ церкви.

Пока служились молебны, я прилегъ въ травѣ на берегу большого озера. Что это былъ за мирный уголокъ! Тоже много островковъ. На одномъ изъ нихъ въ свою очередь—микроскопическое, словно алмазъ вправленный въ зеленую эмаль, озерко. Далеко-далеко за другимъ берегомъ синѣютъ лѣса, пропадая тамъ, гдѣ-то на югѣ. Послѣднюю черту ихъ трудно отличить отъ дымчатой полосы облаковъ, выступившихъ на краю неба...

Лежа тутъ въ травѣ, посреди цвѣтовъ, я невольно грезилъ о далекомъ дѣтствѣ. И цѣлый рой картинъ, одна ярче другой, воскресалъ въ памяти, и сладкая, свѣтлая грусть прокрадывалась въ сердце... Хорошо, очень хорошо было здѣсь. Беру на свою совѣсть совѣтовать каждому рѣшиться на далекій путь, чтобы побывать на островахъ Соловецкихъ, да только не три дня, а недѣли двѣ-три...

Уже желтовато-розовые тоны кое-гдѣ окрасили края облаковъ, когда я поднялся опять.

Не ожидая спутниковъ, я пошелъ впередъ по дорогѣ. Долго пришлось бродить по полянамъ и наконецъ на одномъ поворотѣ я сталъ, какъ вкопанный.

Передо мною, нѣсколько вдали, высокая гора.

Дорога прямою колеей взвивается на неё; лѣсъ направо и налѣво раздвинулся и образовалъ гигантскую аллею, доходящую до самой вершины горы и тамъ на крайней точкѣ, на высотѣ воздушной, словно вися въ лазури недосягаемаго неба, сіяетъ Сѣкирный скитъ, заканчиваясь легкимъ, необыкновенно красивымъ абрисомъ колокольни,—все это до того призрачно, все это словно плаваетъ въ пространствѣ: кажется, дунетъ вѣтеръ и разомъ унесетъ это обаятельное видѣніе.

Что поражаетъ болѣе всего — это неожиданность такихъ художественныхъ моментовъ. Идешь, ничего не ожидая, и вдругъ передъ тобою раскинется такая картина, что въ первую минуту не сообразишь, гдѣ ты, что съ тобою; не миражъ ли

этотъ величавый, воздушный силуэтъ монастыря, повисшій въ вышинѣ голубого неба?

На Сѣкирную гору взбираться трудно. Лошади догнали меня внизу, и тутъ всѣ сошли съ дрожекъ. Всѣ едва полѣзли въ высь. Разумѣется, не обошлось и безъ смѣшныхъ эпизодовъ. Толстая барыня, собиралась умирать на первой половинѣ пути и, не доходя до монастыря, сѣла на выступъ гранитной скалы; такъ она и не окончила своего путешествія. Она было попросила крестьянина, шедшаго съ нами, подсобить ей, но несчастный подъ тяжестію ея скатился внизъ и сама она едва-едва удержалась за стволъ дико растущей черемухи.

Наконецъ, мы взобрались на Сѣкирную гору. Новыя красоты, новыя очарованія!

Съ перваго шагу здѣсь я наткнулся на интересную сцену. „Блаженный“, бывшій съ нами, запрыгалъ на площадкѣ и забормоталъ какую-то чепуху. Народъ обступилъ его и крестился на юродиваго. „Сила чудодѣйствуетъ...—Поди, пророчить начнетъ!“

Нѣкоторые клали земные поклоны, другіе шептали молитвы, одна странница плакала отъ умиленія.

— Ахъ ты, голубчикъ нашъ,—причитала она:—все-то за ны грѣшныя труждаешься. А мы-то и не понимаемъ, и не чувствуемъ этого. Помолись хоша ты за наши душеньки бѣдныя, скажи ты намъ что-нибудь, открой судьбу!

— Летала птица, безъ хвоста синица, а волкъ съ хвостомъ,—бормоталъ блаженный.

— Господи!... Какъ ему Вседержитель открываетъ. Птица-то—душа наша грѣшная, а волкъ—бѣсъ... Что же, голубчикъ, бѣсы съ душенькой нашей дѣлать будутъ? Что они съ ней, разнесчастной, во адѣ сотворятъ?

Но тутъ юродивый пустился въ такія подробности, что бабъ отъ него какъ помеломъ смело.

Къ счастію, попался монахъ и пророка убрали невѣдомо куда. „Промышляютъ этимъ, трудиться лѣнь — ну и безумствуетъ. А дураки кормятъ“,—замѣтилъ монахъ...

— Это вѣрно—народъ глупъ. Потому въ немъ настоящаго разума нѣтъ,—согласился ближе стоящій крестьянинъ.

— А ты—Богу молись... Онъ тебѣ и пошлетъ разума.

Я попросилъ у монаховъ напиться квасу.

Одинъ изъ нихъ тотчасъ же повелъ меня къ себѣ. Трудно сказать, какъ радушно принялъ онъ меня въ своей кельѣ. „Вотъ тебѣ, голубчикъ, булку... хорошая булка!"...

— Сколько у васъ здѣсь монаховъ живетъ?

— „Семеро, родной, всего семеро... Что-жъ ты булочку-то не возьмешь?"

Нужно было взять, отказъ бы оскорбилъ его. Желая чѣмъ-нибудь отблагодарить, я спросилъ у монаха, не дѣлаетъ ли онъ ложекъ—занятіе, которымъ, въ видѣ отдыха, пользуются соловчане. Ложки оказались. Я взялъ нѣсколько и положилъ на столъ деньги.

— Что ты, что ты, милый... Такъ, такъ возьми себѣ; я вѣдь не изъ корысти. Гость—Божій даръ. Мы гостю рады!

— Судя по тому, какъ монахъ хотѣлъ наговориться со мною—видно, что ему дѣйствительно рѣдко приходится видѣть постороннихъ въ своей кельѣ.

Келья была шаговъ въ пять длины и въ три — ширины. Нары, покрытыя рогожей—вмѣсто кровати, некрашенные табуретъ и столъ.

— Скучно, поди, вамъ семерымъ сидѣть здѣсь.

— Благодать у насъ а не скука; работаемъ, кормилецъ, работаемъ. Некогда и скучать. Зимой только, какъ рано темнѣетъ, ну, дѣйствительно, иной разъ и радъ бы въ обитель. А все ничего. Роптать грѣхъ.

Разговоръ сошелъ на осаду Соловецкаго монастыря англичанами и я опять имѣлъ случай убѣдиться, какъ крѣпко держатся здѣсь преданія объ этомъ событіи. Монахъ мой говорилъ о немъ необыкновенно быстро, размахивая руками и какъ будто вновь переживая всѣ случайности той эпохи,

— Подошелъ непріятель и оробѣли, обмерли всѣ мы. Батюшки, думаемъ, что мы робить станемъ, какъ онъ въ насъ

палить начнетъ. У него ружье, у него мортиръ-пушка. Расшибетъ онъ насъ, думаемъ. Кто плачетъ, кто въ щель забился и сидитъ не дышетъ, потому, какъ непріятеля не бояться, на то онъ и прозывоется врагъ. Ахъ, ты Боже мой—всѣ-то истомились да измучились... А евоные корабли все ближе, да ближе. Только и собралъ насъ архимандритъ Александръ и говоритъ: ежель что — не сдаваться, потому Россея и прочее такое. Пусть врагъ что хочетъ дѣлаетъ, а вы стойте... Боже мой... Сейчасъ солдатъ впередъ поставилъ.

— А у васъ и солдаты были?

— Какіе солдаты! Они только солдатами назывались. Анвалиты были. Десять анвалитовъ при нашемъ острогѣ жили, кто хромой, кто безрукій, кто безногій. Ружья у нихъ не палятъ. Они ихъ замѣсто палокъ носили. У кого и ружья не было. Ну, Александръ и говоритъ: „братцы, выручай, потому какъ вы христолюбивое воинство и церковь васъ въ молитвахъ своихъ поминаетъ и не забудетъ, ежели врагъ окровянитъ васъ тапereче... Помните, говоритъ, что святыню защищаете!“ Мы слушаемъ—бѣда. Всѣ помремъ—думаемъ. Вотъ хорошо; немало это прошло—съ парохода аглецкаго лодка. Страсть!

— Ну, а пушки вѣдь и у васъ были?

— Какія пушки! Съ кораблей Петря Великаго. Пушченки самыя необходительныя... Вотъ съ аглецкой лодки епутата требуютъ.

— Парламентера вѣрно?

— Его, его самого... У насъ въ это время въ тюрьмѣ полковникъ одинъ сидѣлъ. По-аглецки хорошо говорить умѣлъ. И предложилъ онъ намъ, что пойдетъ въ епутаты. Намъ и возьми сомнѣніе. Какъ измѣнить, вѣдь онъ рестантъ. Господь знаетъ, на душѣ у него. Долго мы объ этомъ говорили и порѣшили, чтобы онъ на берегъ съ солдатикомъ шелъ, а солдату приказъ былъ данъ, что ежели только тотъ измѣнить—сейчасъ его штыкомъ приколи,—рестанта этого. Ну, хорошо...

— Да какъ же бы понялъ солдатъ? Вѣдь тѣ бы по-англійски говорили.

— Ахъ, братецъ мой, пусть его говоритъ, но ежели, то-есть, рестантъ бѣжать задумаетъ — тутъ ему и капутъ. Ну, только полковникъ и пошелъ. На палочку бѣлый платъ навязалъ, и начали они говорить промежду собой. Англичане приказываютъ: подавайте ключи отъ монастыря,—кто у васъ тутъ комендантъ? Сейчасъ архимандритъ Александръ выходитъ. Я говоритъ, этой крѣпости комендантъ и все могу, мнѣ власть дана... Ну, тѣ требуютъ ключи!—Они не у меня, берите ихъ сами.—У кого же?—У двухъ стариковъ?—У какихъ стариковъ. У простенькихъ старичковъ, у Зосимы и Савватія, на ракахъ лежатъ, на мощахъ—возьмите, если можете. Ну, тѣ, какъ прослышали про стариковъ нашихъ и испужались. Сейчасъ назадъ на пароходъ. И давай оттуда палить, спужавшись!... Тутъ мы всѣ и сѣли, потому онъ палитъ—страшно это очень. Ежели бы еще попалилъ—померли бы всѣ, мы вѣдь люди мирные, не отъ міра сего!

— А еслибы онъ согласился взять ключи съ мощей?

— Съ мо—ощей?... самодовольно протянулъ монахъ. Съ мо—ощей? Бери, другъ любезный Бери у нашихъ старичковъ. Они бы тебѣ показали силу свою... Сейчасъ бы корабли ко дну пошли и праха отъ непріятелевъ бы не осталось, потому—святыня. Ни одинъ бы не уцѣлѣлъ.

— А правда, что Александръ самъ на корабли къ нимъ ѣздилъ?

— Врутъ; потому я тутъ былъ, и хошь очень испужался, а все помню.

Изъ этихъ легендарныхъ разсказовъ все таки можно было убѣдиться, что многое вымышлено въ крестянскихъ разсказахъ о защитѣ Соловецкаго монастыря, хотя замѣчательное мужество архимандрита Александра не подлежитъ сомнѣнію. Такъ составляется легенда. Словоохотливый монахъ вѣроятно задержалъ бы меня долго, еслибы я не изъявилъ желанія взобраться на колокольню скита.

Всѣ разсказы о видахъ отсюда оказались блѣднымъ, ничего неговорящимъ очеркомъ великолѣпной дѣйствительности.

Всѣ четыре окна колокольни были рамками несравненныхъ картинъ.

Весь Соловецкій островъ раскидывался далеко внизу съ своими лѣсами, озерами, полянами, церквами, скитами, часовнями и горами. Какіе нѣжные переливы красокъ, какіе мягкіе изгибы линій! Тутъ темная зелень сосноваго лѣса, тамъ изумрудный просторъ поемнаго луга и повсюду серебряные щиты изящныхъ озеръ! Эти — точно искры на зеленомъ бархатѣ. Берега острова рѣзко очерчивались передъ глазами, какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ былъ отдѣльной изящной картиной. Тамъ группа скалъ, обрывъ, тутъ длинный мысъ, поросшій щетиною темнаго лѣса. Тамъ зеленая отложина нечувствительно сливающаяся съ моремъ; тутъ послѣднее глубоко врѣзывается въ землю, образуя въ ней внутреннія озера, едва замѣтными проливами связанныя съ громаднымъ водянымъ просторомъ. Сначала глазъ былъ пораженъ только цѣлымъ ансамблемъ этого чуднаго неописуемаго ландшафта, но потомъ мало-по-малу стали выдѣляться его детали. Эти золотящіяся лѣсныя дороги—они, словно змѣи, извиваются въ чащѣ, то пропадая въ ней, то вновь выбѣгая прихотливыми линіями. Вотъ бѣлыя церкви. Онѣ разсѣяны повсюду. Какъ малы и какъ изящны онѣ отсюда. Вотъ по лѣсамъ блестятъ и лучатся золотыя искры. Всмотритесь — это кресты затерявшихся въ глуши часовенъ. Вотъ на зеленой бархатной лужайкѣ раскинулось стадо оленей. Глазъ едва различаетъ ихъ съ этой высоты. Но какъ хороши гребни этихъ холмовъ, этотъ чудный воздухъ, это безбрежное море кругомъ. Какая это точка лучится на самомъ краю пейзажа?

— Это гора Голгоѳа и скитъ Голгоѳскій.

Засіяла розовая заря. Сотни озеръ, раскинутыхъ внизу, вспыхнули разомъ. Глазъ нельзя было отвести отъ нихъ: точно со всѣхъ концовъ запылали безчисленные костры, по всѣмъ лѣсамъ, полямъ и лугамъ острова. Вершины лѣса были тоже охвачены этимъ нѣжнымъ сіяніемъ. Море вокругъ райскаго уголка сіяло пурпуромъ, золотомъ и лазурью. Казалось, небо

съ его жемчужными тучками, море съ его неугомонными волнами и земля съ ея божественными дарами оспаривали пальму первенства другъ у друга... Вокругъ всего острова лежала таже огнистая полоса... Бѣлыя церковки стали розовыми, пурпурными, золотыми... Кто бы не сталъ поэтомъ лицомъ къ лицу съ такою идеальною красавицей, какова эта неотразимо-прекрасная природа!

По одной изъ дорогъ ползетъ муравей-лошадь. Она тоже горитъ, какъ золотая искра... Вотъ она скрылась за лѣсомъ. Вотъ въ одномъ озерѣ шевелится черная точка. Это челнокъ. Кто сидитъ въ немъ—не видно, но точка движется и пропадаетъ въ черномъ заливѣ...

Нельзя было насмотрѣться.

Изъ противоположныхъ оконъ видно только море. Тутъ Сѣкирная гора почти отвѣсно обрывается внизъ. Пурпурно-золотой просторъ движется передъ вами. Вы не видите волнъ, но замѣчаете только волненіе. А тамъ—точно въ огнистомъ вѣнцѣ—подымается группа островов „Кузова". А еще дальше—туманное пятно и нѣсколько искръ. Оно словно виситъ въ голубомъ небѣ. Это кемскій берегъ и Кемь. Иногда, говорятъ, она вся видна отсюда—за 60 верстъ разстоянія.

Какой чудный лѣтній пріютъ можно было бы создать здѣсь, гдѣ теперь живутъ только семеро монаховъ, равнодушныхъ къ этой сіяющей, ослѣпительной красотѣ!

Мы уже собирались уѣзжать, какъ насъ пригласилъ къ себѣ строитель скита...

Это—красавецъ. На видъ ему сорокъ, а въ дѣйствительности шестьдесятъ лѣтъ. Онъ оказался воронежскимъ крестьяниномъ. Въ немъ вполнѣ выразился типъ бодраго, веселаго и живого труженика.

У насъ быстро завязался разговоръ. Темою послужило недавнее монастырское неустройство, вызвавшее присылку изъ Петербурга слѣдственной коммисіи. Въ это время особенно гналъ настоятель моего теперешняго собесѣдника, честная

душа котораго не мирилась съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ излюбленномъ имъ монастырѣ.

— За что же онъ гналъ васъ?

— А за то, что посмѣтливѣй другихъ выхожу. Онъ меня чуть было не удалилъ отсюда настоятелемъ въ Онежскій крестный монастырь. Едва-едва я отдѣлался. Лучше бы померъ, чѣмъ туда пошелъ. Я этотъ монастырь хорошо знаю. Строилъ его послѣ пожара.

— Вы строили?

— Я самый. Вы смотрите небось, что грамоты не знаю. Это у насъ ничего. Гостинницу нашу видѣли?

— Еще бы. Громадное зданіе и, какъ видно, выстроено архитекторомъ перваго разбора.

— Этотъ архитекторъ—я самый и есть. Моихъ рукъ дѣло. Скиты тоже строилъ. Гостинницу въ одно лѣто вывели. Самъ архимандритъ кирпичи таскалъ.

— Ну, этого быть не можетъ, чтобъ въ одно лѣто.

— Справьтесь. Кирпичи предварительно три года заготовляли, а гостинницу въ четыре мѣсяца вывели всю и отдѣлали.

Я вспомнилъ отзывъ Диксона объ этой постройкѣ простого неученаго воронежскаго крестьянина: „направо отъ насъ большой отель, такой красивый, чистый и свѣтлый, что любой отель на итальянскихъ озерахъ не веселѣе и не привлекательнѣе его"; пришлось невольно подивиться этой богато одаренной натурѣ.

— Отчего же вы не захотѣли ѣхать въ Онежскій крестный монастырь настоятелемъ?

— Я—монахъ, а тамъ господа больше. По 70 р. рясы носятъ. Прости, Господи, осужденіе мое. Развѣ это иноки? Роскошествуютъ, мамона тѣшутъ. Не по нашему. У насъ—пища грубая, жизнь пустынная. Никуда бы я отсюда своей волей не ушелъ.—Лицо отца Митрофана сіяло словно озаренное, когда онъ описывалъ преимущества Соловецкаго монастыря.

— Ну, а въ городъ, въ Архангельскъ, хотѣли бы?

— Монаху въ городѣ не житье, назадъ рвемся. Дико намъ между людей. Опять же и соблазны на каждомъ шагу...

Мы заговорили объ образованныхъ монахахъ.

— Спаси Богъ отъ нихъ, отъ образованныхъ. Мужичокъ— нашъ работничекъ и кормилецъ, а образованный смуту сѣетъ, да неустройству всякому глава. Отъ нихъ и обителей паденіе и посрамленіе чина иноческаго предъ міpянами. Намъ безъ образованныхъ хорошо живется: мы и безъ нихъ устроили у себя все, что нужно. Образованные у насъ ничего не подѣлали. Все наша братія, сѣрое крестьянство, съ помощію Всевышнаго и угодниковъ Зосимы и Савватія, созидала. Видалъ на берегу у насъ большой подъемный кранъ съ рычагомъ?— Крестьянинъ строилъ. Набережную видѣлъ? — Крестьянская работа; гавань тоже, доки,—все мужицкія головы задумали, да мужицкія руки сдѣлали. Отлично мы и безъ образованныхъ справляемся. А заведись ихъ поболѣе, чѣмъ теперь— все прахомъ пойдетъ. Особливо ежели изъ дворянъ монахи. Тѣ хорошо жить любятъ, тѣло свое покоить, да рученьки-ноженьки, нѣжить. Ну, ослабонишь его отъ работы—смотришь и другимъ примѣръ дурной. Нѣтъ, счастье намъ, что мы попросту живемъ. Давай Богъ мужичковъ намъ побольше, они все тебѣ сдѣлаютъ. Вотъ маякъ построили. Да возьми хоть меня. Я мужикъ неученый, азбуки вѣдь не знаю; а я тебѣ безъ архитекторовъ дворецъ выстрою. Вотъ и эту обитель на Сѣкирной горѣ я строилъ.

Мы всходили на сѣкирный маякъ, но тотчасъ же сошли внизъ. Нужна была привычка. Гора и безъ него высока, а на ней это сооруженіе—высоты ужасной. Голова кружилась, все мѣшалось передъ глазами.

Уже на возвратномъ пути съ Сѣкирной горы я узналъ, что въ числѣ монаховъ этого скита находится фотографъ Сорокинъ, которому новый архимандритъ запретилъ заниматься фотографіею, находя ее неприличной для монаха. Не мѣшало бы только знать, что одинъ изъ нашихъ митрополитовъ, при-

знанный святымъ, занимался химіей и въ области ея производилъ спеціальныя изслѣдованія. Теперь Сорокина тѣснятъ и его удерживаетъ въ монастырѣ только то, что тутъ же пострижены два его брата, а мать—инокиня холмогорскаго женскаго монастыря. Фотографа смиряютъ разными способами, то посылая его на работы, то уединяя въ скиты, гдѣ всего-на-всего живутъ 4—7 монаховъ.

А пейзажи Соловецкаго острова дѣйствительно заслуживаютъ фотографическихъ снимковъ.

Возвращаясь домой въ гостинницу, мы вновь любовались тѣми же чудными картинами, но уже при розовомъ освѣщеніи заката, трепетавшемъ и въ листвѣ березъ, и въ струяхъ озёръ, и въ туманной дали лѣсной чащи и въ муравѣ поемнаго луга. А внизу въ глубинѣ горныхъ долинъ уже курился паръ, окутывая могучіе стволы сосенъ сѣрыми однообразными клубами... Грустное чувство охватывало душу, когда мы думали о скоромъ отъѣздѣ отсюда.

Каждый холмъ, каждая гора здѣсь увѣнчаны часовнями, зеленые куполы и золотые кресты которыхъ мягко рисуются среди окружающаго ихъ пейзажа.

На половинѣ пути—часовня съ вырытымъ въ ней колодцемъ. Вода здѣсь холодна, какъ ледъ. Тутъ останавливаются и отдыхаютъ странники. Мѣсто чрезвычайно красиво, особенно когда на пролегающихъ скатахъ раскинутся пестрыя толпы богомольцевъ и слышится отовсюду говоръ разноязычной толпы....

XXVIII. Еще нѣсколько подробностей.

Когда мы вернулись, была уже ночь. Сѣверная лѣтняя ночь—тотъ же день, только безъ солнца. Меня мучила безсонница и я долго сидѣлъ у окна, глядя на прекрасную на-

бережную, гавань и пароходы соловецкіе. Вся окрестность наполняется несмолкающими криками чаекъ; глухой прибой морскихъ валовъ казался фономъ, на которомъ выдѣлялся птичій гамъ.

Я думалъ обо всемъ, видѣнномъ мною на этихъ нѣкогда пустынныхъ и безлюдныхъ островахъ. Я сравнивалъ ихъ нынѣшнее благосостояніе съ положеніемъ такого торгово-промышленнаго центра, какъ Архангельскъ. Пришлось отдать преимущество монастырской общинѣ, какъ это ни странно. Въ Архангельскѣ, несмотря на его милліонные обороты, заграничный отпускъ, торговлю хлѣбомъ, смолою, льномъ и пенькой, нѣтъ и десятой доли того, что поражаетъ васъ на каждомъ шагу въ Соловкахъ. Въ Архангельскѣ, несмотря на то, что онъ весь въ рукахъ новыхъ хитроумныхъ улиссовъ-нѣмцевъ, не найдете ни доковъ, ни такихъ гостинницъ, ни такой набережной. Я уже не говорю о томъ, что здѣсь есть такія промышленныя учрежденія, о которыхъ и не снилось городу.

„Нашъ крестьянинъ глупъ, нашъ крестьянинъ безпеченъ, нашъ крестьянинъ неряшливъ, нашъ крестьянинъ не способенъ къ самодѣятельности, не изобрѣтателенъ“—на тысячи ладовъ проповѣдуетъ пресса и въ серьезныхъ статьяхъ и въ беллетристическихъ очеркахъ нашихъ литераторовъ-жанристовъ. Отчего же, скажите на милость, здѣсь онъ и уменъ, и смѣтливъ, и заботливъ, и изобрѣтателенъ, и чистъ въ своей домашней обстановкѣ, и самостоятеленъ, и готовъ тотчасъ отбросить старое, подмѣтивъ что-нибудь получше, поновѣе у другихъ? Отчего здѣсь онъ не является троглодитомъ,—какое троглодитомъ—тою гориллой, какою вы его рисуете на столбцахъ газетъ, на страницахъ журналовъ? Взгляните на него здѣсь, — какой у него самосудъ, какъ онъ справляется съ своими нуждами, съ своими обязанностями. Тутъ онъ имѣетъ возможность пьянствовать и не пьянствуетъ; имѣетъ возможность не работать, а работаетъ хорошо, хотя и не чувствуетъ надъ собой палки или не боится голода. Тутъ онъ, наконецъ, преисполненъ сознаніемъ собственнаго своего достоинства, какъ

членъ могучаго соціальнаго тѣла, и не поступится передъ вами ни однимъ своимъ правомъ, также какъ не забудетъ ни одной своей обязанности. Отчего это?

Дверь въ мою комнату слегка пріотворилась.

— Не спите?.. Побесѣдовать развѣ?

— Заходите, о. Гавріилъ.

Это былъ корридорный.

— Какъ это чайки нонѣ разоралисъ. Экая птица безпокойная. А умная птица. Весной, тапериче, двѣ чайки сначала прилетятъ, посмотрятъ, посмотрятъ—обойдутъ весь островъ и улетятъ назадъ. Смотришь черезъ недѣлю, за ними—видимо-невидимо. Цѣлыя тучи!.. Соглядатаевъ, какъ Іисусъ Навинъ, пущаютъ. Что и говорить, птица бойкая!.. А зимой у насъ вороны.

— Что же ворóнъ лѣтомъ не видать?

— А чайка гоняетъ... заклевываетъ. Она птица смѣлая. Съ леккимъ сердцемъ птица. А жретъ сколько—страсть. Много и звѣрья разнаго. Лисицъ мы въ зиму штукъ тридцать имаемъ. У насъ звѣрь ручной, онъ не бѣжитъ: имай его; самъ въ руки дается. На горѣ Сѣкирной, у о. Митрофана, куница есть, что твоя кошка: заберется въ рукавъ къ нему, на шею сядетъ. Затѣйница! У насъ звѣрь чувствуетъ, что тутъ ему льгота предоставлена. Мы одного нѣмца таково ли по шеямъ накостыляли—страсть. Забрался онъ въ лѣса наши, да давай звѣря стрѣлять. Онъ, паршивый, того и понять не можетъ, что ему на часъ забава,—а у насъ навсегда звѣрь пуганный будетъ. Экая у нихъ жадность, право.

— Зимою у васъ рабочимъ скучно, поди?

— Лучше зимою. Крестьянину у насъ—лафа. Кормятъ его такъ, какъ онъ дома по великимъ праздникамъ не ѣдалъ: безъ мяса и рыбы за столъ не сядетъ. Пироги имъ даютъ. Одѣваютъ ихъ чисто, тепло. И такъ онъ къ чистотѣ этой пріобыкнетъ, что потомъ и дома у себя тоже наблюдаетъ, чтобы округъ грязи не было. Работать не заставляемъ, а сколько усердія есть. Ежели человѣкъ бѣдный, обитель и деньгами

поможетъ. Ну, а кто человѣкъ зажиточный, работать не хочетъ, а такъ восчувствуетъ желаніе провести въ монастырѣ годъ—заплати сто рублей и живи. Келью дадимъ отдѣльную, платье, столъ. Радуйся да замаливай грѣхи вольные и невольные... А грѣховъ у насъ много. И за всякій грѣхъ отвѣтъ держать придется...

Къ счастію, оказалось, что мой собесѣдникъ—не охотникъ говорить проповѣди.

— Гдѣ у васъ рыбу ловятъ?

— Сельди вездѣ, даже въ гавани. Треску мы промышляемъ въ Сосновской губѣ, близъ Соловецкаго острова,—ярусами, семгу въ Анзерахъ. Нонѣшній годъ семга не баско ловится. Прошлый уловъ хорошъ былъ. Года на полтора заготовили, да еще продали сколько.

Вотъ еще характеристическій фактъ. Въ то время, какъ кемскій крестьянинъ извлекаетъ весьма ничтожныя выгоды изъ сельдяного промысла, потому что не умѣетъ солить сельди, крестьянинъ, монахъ соловецкій, великолѣпно приготовляетъ свою сельдь, не уступающую норвежской и голландской. За что они ни возьмутся, все у нихъ выходитъ удачно, все ведется съ знаніемъ дѣла, упорно, неотступно, пока полный успѣхъ не увѣнчаетъ ихъ усилій.

— Слышалъ я, что вы и на Мурманскій берегъ свою шкуну отправляете?

— Да, нынѣ командиромъ этой шкуны у насъ молодой парень. Прежде онъ на кемскихъ судахъ ходилъ, ну и пришелъ къ намъ богомольцемъ: замѣтили мы у него способности къ морскому дѣлу и послали учиться въ архангельскіе шкиперскіе курсы. Тамъ онъ кончилъ, всему обучился, экзаменъ первымъ сдалъ. Теперь монахомъ у насъ. Шкуна въ его распоряженіи. Во всемъ, скажу я тебѣ, невидимо Господь намъ покровительствуетъ. Наняли мы сначала машиниста на пароходъ, два наши монашика походили съ нимъ вмѣстяхъ одно лѣто—теперь и машиниста не надо: лучше его дѣло знаютъ. Сами всѣмъ и управляемся.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о вашемъ мурманскомъ промыслѣ.

— Чтó говорить. Теперь мурманской промыселъ у насъ внизъ идетъ. Прежде у насъ на Кильдинѣ и становище свое было, а теперь просто у Териберки рыбу промышляемъ. Много ловимъ. Ну и морскаго звѣря бьемъ—нерпу, лысуна, моржей, тюленей. И у себя ихъ тоже ловимъ. Салотопню посмотри нашу, свой глазъ лучше.

— Прежде соловецкіе монахи и на Новую Землю хаживали.

— Какъ не бывать, бывали. Прежде мы по Онежскому да Кемскому побережьямъ сколько варницъ своихъ держали. Четыреста-тысячъ пудъ соли добывали въ нихъ. Теперь только земля у города Кеми осталась. Огороды наши тамъ... Мы за всѣмъ слѣдимъ,—немного погодя продолжалъ онъ.—Швейныя машины завелись, мы и ихъ купили, да въ наши швальни и сапожныя мастерскія поставили. Работа скорѣе идетъ, лишнія-то руки, смотришь, и на другое дѣло употребить можно.

— Вотъ только читаетъ монастырь мало.

— Зачѣмъ намъ это; вотъ если хозяйственное чтó—прочтемъ. У насъ и газеты-то не больше пяти человѣкъ выписываютъ. Однако я разговорился у васъ... Благослови, Господи—спать пора.

Я проснулся, когда по корридору неистово зазвонили въ колоколъ. Такъ въ три часа утра ежедневно будятъ богомольцевъ. У меня въ комнатѣ оказалась цѣлая семья спавшихъ чаекъ. Съ вечера я забылъ затворить окно—тѣ забрались поклевать хлѣбныхъ крошекъ, да тутъ же и расположились спать на столѣ: и удобно, и покойно. Я крикнулъ на нихъ, онѣ въ полъ-глаза посмотрѣли на меня и ни съ мѣста; чтó было дѣлать съ такою солидною птицей! Я оставилъ ихъ. Такъ они у меня проспали цѣлое утро.

На другой день мнѣ удалось еще собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой обители.

Соловецкому монастырю принадлежатъ два большіе камен-

ные дома въ Архангельскѣ и одинъ—въ Кеми. Прежде обитель владѣла громаднымъ домомъ въ Вологдѣ, но недавно продала его за ненадобностію. Одинъ изъ каменныхъ домовъ въ Архангельскѣ выведенъ въ три этажа, въ немъ помѣщается около пятидесяти квартиръ, отдающихся въ наймы, до ста кладовыхъ, занимаемыхъ купцами подъ товары и оптовые склады и до десяти лавокъ. Тутъ же помѣщается и часовня. Это зданіе принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ въ губерніи. Стоимость его опредѣляется въ 80,000 руб. Кромѣ того, въ этомъ же городѣ устроено недавно монастыремъ новое подворье—двухъ-этажный каменный домъ, гдѣ исключительно живутъ лѣтніе богомольцы. Оно, съ громаднымъ участкомъ земли и пароходною пристанью близъ него, оцѣнивается въ 25,000 р. Подворье въ Сумскомъ посадѣ не особенно значительно. Оно ветхо и полуразрушено. Здѣсь останавливаются богомольцы, направляющіеся въ монастырь изъ Петербургской, Новгородской и западныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи. Въ подворьяхъ архангельскихъ иногда скопляется разомъ по 3,000 странниковъ, въ Сумѣ въ прошломъ году было до 600 чел. Зданіе, дворы, квартиры, лавки и амбары подворьевъ содержатся необыкновенно чисто. Дворнники, прислуга, водовозы—монахи завѣдомо трезвы, честные, и скромные. Монастырь нарочно выбираетъ такихъ, чтобы не опростоволоситься. Вообще же, всѣ владѣнія Соловецкаго монастыря внѣ его острововъ оцѣниваются въ 150,000 р.

Въ самомъ монастырѣ — нѣсколько лавокъ, содержимыхъ монахами. Изъ нихъ мы видѣли книжную, гдѣ продаются изданія обители, а именно: „Описаніе Соловецкихъ древностей“, „Описаніе Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиѳея“, „Описаніе подвиговъ Соловецкой обители“, „О подвижникѣ Іонѣ“, „Житія Соловецкихъ угодниковъ“, „Путеводитель по Соловецкимъ островамъ.“ Тутъ имѣются и такія книги, какъ изданная въ Лейпцигѣ: „О русскомъ духовенствѣ“. Здѣсь же сбываются издѣлія монастырской литографіи: картины видовъ и зданій обители. Онѣ исполнены несравненно лучше работъ

московскихъ искусниковъ этого рода. Цѣны—довольно высокія. Разсчитываютъ на религіозное чувство покупателя и берутъ въ три-дорога. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что, при даровомъ трудѣ и при освобожденіи отъ платежа всякаго рода пошлинъ и сборовъ, монастырь свои изданія могъ бы продавать гораздо дешевле обыкновенныхъ. Когда я сказалъ объ этомъ монаху, тотъ сослался на св. Зосиму и Савватія.

— Не для себя! На святыхъ трудимся. Намъ что, намъ немного надо, а вотъ угодники наши да обитель ихъ пресвѣтлая—благолѣпія требуютъ. Купить книжку или картину у насъ все равно, что пожертвованіе на обитель сдѣлать. Все тамъ зачтется.

Особенно хороши изъ литографій: виды Сѣкирной горы и Голгоѳы. Къ сожалѣнію, какъ они, такъ и общій видъ Соловецкаго монастыря значительно искажены изображеніемъ ангеловъ, летающихъ по воздуху. Понятно, что тутъ разсчетъ на крестьянъ. При насъ, напр., явился одинъ крестьянинъ, шенкурецъ,—ваганъ на мѣстномъ нарѣчіи. Ему показали литографію. Онъ предпочелъ картину „съ анделами",—она ему напоминала икону.

Крестьяне покупаютъ такія картины десятками. Каждый везетъ ихъ съ собою въ подарокъ роднымъ и сосѣдямъ. Но особенно ходко идутъ въ этой лавкѣ образки и—главное—ложки соловецкаго издѣлія. Послѣднія—простого дерева, грубо выдѣланы и покрыты лакомъ. На каждой—изображеніе рыбы и надпись: „благословеніе Соловецкой обители". Нѣкоторыя заканчиваются точенымъ изображеніемъ благословляющей руки. Каждая ложка стоитъ не менѣе десяти-пятнадцати копѣекъ. Крестьяне закупаютъ ихъ массами.

„Ѣсть ими здорово,—объяснялъ одинъ,—потому онѣ священныя. Онѣ, поди, сколько у преподобныхъ лежали." Финифтяные образки и крестики приготовляются здѣсь также массами. Они весьма не дешевы, сравнительно со стоимостью ихъ производства. Имъ тоже сбыть хорошъ, особенно въ первые лѣтніе мѣсяцы, когда монастырь посѣщается чернорабо-

чими богомольцами. Въ іюлѣ начинается съѣздъ народа „почище“ и самая торговля обители принимаетъ иной оттѣнокъ.

Рухлядная лавка монастыря торгуетъ сапогами изъ нерпичьей кожи, неизносимыми поясами изъ того же матеріала и монашескими вещами. Тутъ же сбывается всякаго рода рухлядь, оставляемая монастырю по завѣщаніямъ. Такъ, при насъ здѣсь красовался фракъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чья-то енотовая шуба, мундиры и разная другая ветошь. Отсюда неимущимъ богомольцамъ выдаются въ пособіе—полушубки, сѣрые армяки, рубахи, сапоги. Все это стоитъ чрезвычайно дешево, а въ сущности производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе на массу. Впрочемъ, милосердіе къ неимущимъ составляетъ хорошую черту Соловокъ. Оно и понятно: крестьянинъ-монахъ никогда не забудетъ, чего онъ натерпѣлся прежде, чѣмъ сталъ полноправнымъ членомъ богатой религіозной общины. Здѣсь естественная потребность сердца и чувства соединяется съ вѣрнымъ разсчетомъ на возвращеніе раздаваемаго сторицею.

Въ Соловкахъ есть еще лавка у Святыхъ воротъ; тутъ продается все: и колоніальные продукты, и бумага, и полотно. Прикащикъ—молодой, необыкновенно красивый, но мертвенно-блѣдный монахъ. Это лицо оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. На немъ лежитъ печать мучительныхъ страданій. Каждая черта его вѣетъ скорбью, и только въ глубокихъ черныхъ очахъ вспыхиваетъ порою огонь. Такія фигуры всего лучше въ черной рясѣ монаха. Въ жизни этого затворника я чувствовалъ глубокую, въ самое себя схоронившуюся драму. Монахи испанской школы напоминаютъ это типическое и одухотворенное лицо. Въ немъ, несмотря на истощеніе, чуется нервная сила. Подобные люди могутъ сдѣлать много, и прошлое ихъ всегда богато самыми крайними переходами: или яркій свѣтъ, или тьма безъ луча...

И такую эффектную личность поставить за прилавокъ бакалейной лавки. Нѣтъ, соловецкіе монахи совершенно лишены художественнаго чутья!

Насколько Соловецкій монастырь богатъ ремесленниками, видно изъ того, что здѣсь постоянно работаетъ до тридцати

сапожниковъ, сорокъ портныхъ, двадцать слесарей, двадцать-пять столяровъ и восемнадцать шорниковъ. Большая часть ихъ монахи, уже принявшіе постриженіе. Всѣ эти труженики, работая на св. Зосиму и Савватія, выбиваются изъ силъ и совершенно добровольно. Чѣмъ больше они сдѣлаютъ, тѣмъ выше ихъ подвигъ передъ угодниками. Лѣтомъ еще, когда богомольцы отвлекаютъ ихъ отъ дѣла—имъ достается больше отдыха, за то зимою они работаютъ „въ свою волю". Тутъ „своя воля" означаетъ чисто воловій трудъ.

— Потому они, угоднички, все видятъ. Горе рабу лѣнивому! Разумѣется, ко всему этому слѣдуетъ прибавить что отчасти работаютъ хорошо и потому что они сыты и довольны своимъ положеніемъ.

Монастырскія конюшни отстроены на-диво. Просторъ, чистый воздухъ, безукоризненная опрятность. Они выведены въ два яруса. Внизу до полутораста сильныхъ, хорошо содержимыхъ, цѣнныхъ коней. Вверху сложены запасы сѣна и разныя хозяйственныя орудія. Рядомъ съ конюшнями трехъэтажное зданіе—для помѣщенія конюховъ. Между послѣдними пропасть мальчиковъ, живущихъ при монастырѣ. Съ ними и здѣсь обращаются прекрасно: сытенькіе, бойкіе мальчуганы, пока они не усвоятъ себѣ манеры взрослыхъ монаховъ, производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Они ловко, подъ надзоромъ старшихъ, управляются съ конями. Между конюхами-монахами находится одинъ бывшій золотопромышленникъ, человѣкъ грамотный и нелишенный даже образованія.

— Каково вамъ живется здѣсь?—распрашивалъ я мальчиковъ-конюховъ.

— Баско! Мальчику—рай. Паренькамъ лучше жизти не требоваетея.

— Домой не хотите?

— Спаси, Господи! Что мы дома не видали. Здѣсь не бьютъ, да и кормятъ вдосталь. Дома такъ и не поѣшь.

— Ну, а наказываютъ за провинности?

— Наказываютъ. На колѣшки ставятъ. Ну, а не подѣй-

ствуетъ—ступай домой. Похуже розогъ это будетъ. Я тутъ четвертый годъ, а дурного слова еще не слыхалъ...

Съ мальчиками я разговаривалъ въ отсутствіе монаховъ. Они, слѣдовательно, не имѣли причины скрывать истину.

— За порядкомъ тольки монахи больно глядятъ, чтобы въ аккуратѣ было...

Тутъ же недалеко помѣщается и шорная мастерская: просторно, чисто, свѣтло. Въ такихъ хороминахъ и работать весело. На каждомъ шагу убѣждаешься, что монастырь—хорошій хозяинъ.

XXIX. Кемлянки въ монастырѣ. Чиновники. Отношеніе монаха къ властямъ.

— Правда ли, что вы сажаете подъ замокъ кемлянокъ?

— Истинная. Какъ ихъ не сажать, отъ нихъ развратъ одинъ.

Вопросъ этотъ я задалъ монахамъ, потому что кемлянки, содержащія почтовое сообщеніе отъ Кеми до острововъ соловецкихъ, просили моего знакомаго, пріѣхавшаго съ ними, исходатайствовать имъ у монаховъ позволеніе остаться на свободѣ, что оказалось невозможнымъ.

— Онѣ грѣшить сюда ѣздятъ... Ради одного соблазну. Сколько этихъ случаевъ было—и не перечесть! Теперь мы рѣшили, чтобы ихъ подъ замокъ безпремѣнно. Только явится изъ Кеми лодка, пріѣзжающихъ богомольцевъ—въ гостинницу, а кемлянокъ-гребщицъ въ другое мѣсто и на ключъ. Такъ до самаго возвращенія, потому имъ воли нельзя дать. У насъ лѣса, поля. Онѣ сейчасъ туда, и давай смущать души грѣшныя. Другому бы такъ и въ голову не пришло, а какъ убережешься, когда онѣ сами лѣзутъ. Сколько про нашу святую обитель изъ-за нихъ дурной славы пошло. Въ Архангельскомъ

былъ я разъ, тамъ мнѣ про нихъ тоже хорошо напѣли. И такія ли бабы безстыдныя! Запрешь ихъ—онѣ въ окна уйдутъ; а то и дверь сломаютъ...

— Неужели всѣхъ ихъ запираете?

— Какія почтой ходятъ—всѣхъ. Нельзя иначе.

— А вѣдь по закону этого нельзя?

— А иноческія души смущать полагается? Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. У насъ здѣсь одинъ законъ и одинъ судья—обитель.

— Какъ же вы поступаете, ежели кто между вами провинится?

— Эпитимію или послушаніе тяжкое наложимъ. Вотъ и наказаніе. Если неисправимъ—ступай вонъ изъ монастыря.

— Ну, а ежели это монахъ, принявшій постриженіе, провинится?

— Этого у насъ не бываетъ. Прежде перваго постриженія мы насквозь человѣка высмотримъ. Восемь-девять лѣтъ вокругъ него ходимъ... Какъ это можно, чтобъ не зная человѣка, да въ иноческій чинъ возвести! Никакъ этого нельзя!...

— Ну, а ежели бы, несмотря на все это, монахъ сдѣлалъ какое-нибудь уголовное преступленіе?

— И представить себѣ нельзя.

— Да вѣдь въ Пертоминскомъ монастырѣ случилось же убійство?

— То дѣло другого рода. У насъ такихъ нѣтъ. У насъ монахи съ выборомъ...

— Ну, а гражданскимъ властямъ не отдаютъ?

— Мы не предатели. Власть—властью: то власть отъ міра сего, а мы свою власть знаемъ!...

— Ну, а ежели между богомольцами что случится?

— Бываетъ, но рѣдко. Они здѣсь сидятъ смирно, потому знаютъ въ кое мѣсто пришли. Ихъ въ случаѣ чего запремъ въ келью на ключъ—и сиди одинъ. А лѣтомъ, когда пароходы ходятъ,—на всѣ четыре стороны...

— Вѣдь на всѣхъ соловецкихъ островахъ иной власти, кромѣ монастыря, нѣтъ?

— Нѣтъ, сами управляемся. И хорошо! Богомольцамъ легко и намъ удобно. Мы полицію къ себѣ нынѣ и не пустимъ. Одинъ губернаторъ былъ здѣсь и полицейскихъ прислалъ къ намъ. И набѣдовались же мы. Становой приставъ сейчасъ у насъ кабакъ открылъ. Пьянство пошло, развратъ... Другой тоже водкой торговать началъ. А третій словно воевода какой у насъ жилъ: одного намѣстника за бороду оттаскалъ, на архимандрита руку поднялъ, іеромонаховъ во храмѣ, во время служенія, неподобными словами обзывалъ. Богомольцевъ, кто ему, бывало, взятки не дастъ — въ тюрьму. То-есть это время — словно плѣненіе вавилонское казалось намъ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ мною въ Архангельскѣ, оказалось, что дѣйствительно обитель тихо и мирно жила до этой знаменательной эпохи плѣненія вавилонскаго. Одному изъ рьяныхъ администраторовъ показалось дикимъ—какъ это люди живутъ и безъ полиціи; сейчасъ же отрядили съ особенными полномочіями станового пристава съ городовыми—и пошла потѣха! Приставъ прежде всего, разумѣется, вообразилъ, что онъ начальникъ монастыря, потребовалъ, чтобы намѣстникъ, второе лицо послѣ архимандрита, являлся къ нему каждое утро съ рапортомъ; монахамъ дралъ бороды, въ своей квартирѣ открылъ питейный домъ. Развратъ, повальное пьянство начали распространяться по островамъ. Взятки дралъ онъ самыя безпощадныя. Богомольцевъ, вмѣсто храмовъ, — таскалъ въ кутузки, сѣкъ ихъ тутъ же, въ монастырѣ розгами. Наконецъ, этого смѣнили, — прислали другого. Ничуть не легче. Третій, какъ только явился, сейчасъ же отдалъ приказъ по монастырю: „мнѣ на каждый день—четверть телятины и ведро водки, а виноградныхъ винъ какихъ потребую". Къ нему наѣзжали изъ Кеми десятки отъявленныхъ пьяницъ. Не знаю, до чего бы дошелъ этотъ чиновничій запой, еслибы г. Качаловъ, тотчасъ же по назначеніи архангельскимъ губернаторомъ, не

освободилъ обитель отъ излишней опеки охранителей общественнаго порядка. Съ тѣхъ поръ все опять вошло въ колею. Вновь повсюду на островахъ—тишь, да гладь, да Божья благодать!...

— Нашествіе дванадесяти языкъ!—говорятъ монахи.

Одинъ изъ становыхъ приставовъ заявилъ-было намѣреніе ввести свои порядки и во внутреннюю жизнь монастыря. Не нравилось ему, напримѣръ, что монахи рано встаютъ—въ три часа утра и рано ложатся — въ 8 часовъ вечера, — безпорядокъ...

— Какіе, бывало, ему резоны ни приводишь, у него одинъ отвѣтъ: намъ, говоритъ, власть дана отъ вышняго начальства. По неволѣ поклонялись имъ. Жаловаться же некому. Губернаторъ и слышать не хотѣлъ о жалобахъ.

— Но вы могли бы обратиться къ министру.

— А министру онъ донесъ ни вѣсть что̀. У насъ-де, въ монастырѣ, убивства совершаются, заводы фальшивыхъ будто бумажекъ открыты; обвинялъ насъ въ желаніи отдѣлиться отъ Россіи.

Я невольно расхохотался.

Вообще, монахи, какъ огня, боятся чиновниковъ. Послѣдніе, являясь въ монастырь, держатъ себя совершенными баскаками. Они требуютъ лучшаго помѣщенія, припасовъ, какихъ монастырь доставить не можетъ, прислуги, совершенно отдѣльной. Вообще, ихъ претензіямъ нѣсть конца и предѣла. Монахи стараются по возможности исполнять ихъ приказанія—страха ради іудейска. Я самъ видѣлъ, какъ на перевозѣ злопакостнѣйшій учителишко изъ нѣмцевъ ругательски ругалъ іеромонаха—тотъ вынесъ молча. И что всего замѣчательнѣе, такимъ неукротимымъ является собственно мелкій людъ канцелярскаго міра. Трепетъ передъ властью для соловецкаго монаха вещь весьма знакомая. Та же мелочь полицейскаго міра душила его, когда онъ былъ крестьяниномъ, и хотя теперь она съ нимъ ничего сдѣлать не можетъ, но, по старой

памити, инокъ побаивается ея. Мнѣ случалось видѣть отвратительныя сцены этого рода.

Теперь, впрочемъ, мелкому чиновничеству не даютъ воли, а прежде зачастую изъ Кеми съѣзжалось сюда пьяное канцелярское воинство, какъ на загородный пикникъ.

— Мы ихъ, признаться, и принимали не привѣтливо, да что? Развѣ они понимаютъ. Разъ одного судью привезли замертво, столько бѣдъ было. Думали, поколѣетъ онъ у насъ отъ запоя. Очумѣлъ совсѣмъ: дьяволы ему видѣлись все. Отвадились однако.

Крестьянинъ привелъ и собственный опытъ относительно чиновничества.

— А ты угодничкамъ нашимъ помолись — и полегчаетъ. Молебенъ, что-ли, сослужи. А то и такъ. Отъ начальства и молитва есть особая. Читай на сонъ грядущій и по утрамъ — оченно помогаетъ. Кротость она внушаетъ имъ.

XXX. Поѣздка въ Макарьевскую пустынь.

Свѣтлый день. Яркое солнце такъ и обливаетъ трудно выносимымъ зноемъ лѣса и озера Соловецкаго острова и зеркальную гладь застоявшагося въ чудномъ покоѣ моря. Что ни бухта, то картина, что ни поворотъ дороги, то новыя восклицанія восторга и изумленія.

Опять мы ѣдемъ лѣснымъ путемъ, опять направо и налѣво раскидывается царство могучихъ лѣсныхъ великановъ. Тамъ-и-сямъ сквозятъ озера. Одни изъ нихъ совсѣмъ ушли въ тѣнь высокихъ деревьевъ, другіе такъ и лучатся рѣзкимъ, ослѣпляющимъ глаза свѣтомъ. Къ этой природѣ не приглядишься.

Новый лучъ — и все измѣняется передъ вашими глазами; новая перебѣгающая тѣнь случайнаго облачка, и опять иное

выраженіе.... Точно лицо красавицы, живое, подвижное, постоянно мѣняющееся передъ вами... Вотъ ея глаза сверкаютъ ослѣпительнымъ блескомъ, губы полуоткрыты, вся она облита яркимъ румянцемъ... Грудь колышется высоко... Голова откинута назадъ.... Еще мгновеніе—и глаза потемнѣли, только въ таинственной глубинѣ ихъ вспыхиваютъ мимолетныя зарницы, на блѣдномъ лицѣ лежитъ выраженіе тихой грусти, печальная улыбка не то сожалѣнія, не то обманутой надежды замерла на устахъ... Какъ цвѣтокъ, поблекшій на стеблѣ, она склонила свою головку.... И вамъ самимъ становится грустно до перваго солнечнаго луча, до перваго вихря страсти и блаженства!

— Хорошъ вашъ Соловецкій островъ: приволье, краса!

— Ну, — отозвался монахъ, — какая такая краса? Что̀ за земля, коли хлѣба не родитъ? Горы все... То ли дѣло у насъ, въ Рязанской губерніи—гладь. Ровнехонько—ни тебѣ холма, ни тебѣ горки. Хошь на̀ конькахъ катайся. Вотъ это такъ краса. А тутъ—самое несообразное мѣсто. — И монахъ ожесточенно погналъ лошадей, нахлестывая имъ бока.

— У насъ еще лучше, отозвался богомолецъ, у насъ рожь самъ—15 ростетъ.

— Вотъ это краса! согласился монахъ. Какъ нивка золотая подымется, да колосъ съ колосомъ почнутъ разговоры водить—сердце радуется. Хорошо мѣсто — рѣки у насъ даже нѣтъ—а кругомъ море—чего ужъ безобразнѣе!

— Что̀ у васъ въ Макарьевской пустынѣ?

— У насъ тамъ сады, огороды, парники,—все есть. Недавно былъ богомолецъ одинъ изъ Питера, такой изъ себя значительный, словно енаралъ. Ужъ онъ ахалъ тоже. Вотъ, говоритъ, мѣсто; коли-бъ да это мѣсто поближе къ столицамъ—большихъ бы денегъ каждый лоскутъ земли стоилъ. Камень, говорю ему. Это ничего, мы бы тутъ понастроили всего. А по этимъ озерамъ гулянья, чтобъ... Извѣстно, модники.

— По нашимъ мѣстамъ,—вставилъ богомольцевъ,—не дай

Богъ такой земли; что съ ей подѣлаешь? Тутъ и соху, и борону изломаешь.

— Камень, извѣстно камень. На немъ не посѣешь.

— Сказано твердь—ну и шабашъ.

— Твердь — это небо, наставилъ монахъ. А камень по гречески—Пётра...

— По эфтимъ мѣстамъ поди сколько угодниковъ хаживало.

— Это точно, что много. У насъ угодниковъ много.

— А мы по невѣжеству этого не чувствуемъ.

— И значитъ великъ это грѣхъ!...

— Да, про все тамъ отвѣтимъ. Тамъ, братъ, не оманешь!...

— Нѣсть грѣха, превышающая милосердія Его—сказано.

— Это—точно. Одначе и разсужденіе имѣть надо. Ходи съ опаской... Не все спустится.

— Страннягo человѣка призри и успокой! отозвалась странница.

— Ну, и изъ вашихъ бываютъ...

— Какъ не бывать бываютъ, но все же значитъ чтобъ по добродѣтели... Подай страннику—Христу подашь.

— Подать отчего не подать. Странному человѣку завсегда подать требуется, но все же въ оба за нимъ гляди, потому нонѣ насчетъ совѣсти чтобы—тонко!... Народъ нонѣ обманный, жженый народъ...

— Это вѣрно. Потому о Богѣ забыли.

— А ты не осуждай! обернулся монахъ. Слышалъ, что писано: юже мѣрою мѣрите, тою и воздастся вамъ.

— Тутъ бы, вотъ, она те полянка—гли... Баско было бы ячменю посѣять... По-за лѣсомъ. Хорошо!

— Нѣкому, да и мала̀. Не стоитъ.

— У насъ бы сейчасъ съорудовали это... Распахалъ бы... Такая ли нивка выйдетъ—благодари Создателя.

— Мѣсто настоящее!

— Чего лучше. Паши!...

Наконецъ, трое нашихъ дрожекъ подъѣхали къ Макарьевской пустынѣ.

Это—прелестный уголокъ, затерянный среди лѣсистыхъ горъ въ зеленой котловинѣ. Кругомъ нея тишь и глушь. Мы взошли на балконъ, устроенный на кровлѣ часовни. Отсюда открывался пейзажъ, такъ и просившійся на полотно. Прямо передъ нами, одни выше другихъ, вздымались гребни поросшихъ соснами горъ и за ними синевато-туманныя полосы такихъ же далей. Все навѣваетъ на душу мирное спокойствіе. Западавшія въ глубь лѣсовъ тропинки звали въ эту свѣжую чащу. Порою, отъ случайно набѣжавшаго облака, лѣса уходили въ тѣнь, за то другіе выступали ярко-зелеными пятнами. Изрѣдка взглядъ встрѣчалъ небольшую поляну. На одной ясно рисовался силуэтъ отдыхавшаго оленя. Серебряная кайма озера едва-едва прорѣзывалась изъ-за лѣса налѣво.

Садовникъ-монахъ, изъ крестьянъ, предложилъ намъ посмотрѣть оранжереи и парники.

Тутъ росли арбузы, дыни, огурцы и персики. Разумѣется, все это въ парникахъ. Печи были устроены съ теплопроводами подъ почвой, на которой росли плодовыя деревья. Такимъ образомъ жаръ былъ равномѣренъ. Этимъ устройствомъ монастырь обязанъ тоже монаху-крестьянину.

Оранжереи съ цвѣтами прелестны. Въ распредѣленіи клумбъ обнаруживается вкусъ и знаніе дѣла. Я долго былъ тутъ, внимательно разсматривая всѣ подробности этого уголка. Это — полярная Италія, какъ ее мѣтко назвалъ высокій посѣтитель...

— Много ли васъ тутъ?—спросилъ я у монаха.

— Трое; я, да двое работничковъ-богомольцевъ. Дѣло-то здѣсь маленькое. Порасширить бы его — да и того довольно. Фрухтъ только и идетъ, что для архимандрита и для почетныхъ гостей.

— Въ Архангельскъ бы отправляли?

— Неужли же тамъ нѣтъ своихъ парничковъ?

— Нѣтъ.

— А тамъ бы лучше росло: теплѣе и климатъ способнѣе. У нѣмцевъ, поди, есть въ Архангельскѣ все. Наши только, русскіе, подгадили.

Позади парниковъ я взобрался на гору. Отсюда открывался чудный видъ на потонувшіе внизу лѣса и озера. Не хотѣлось вѣрить, что мы на крайнемъ сѣверѣ. И воздухъ, и небо, и земля—все напоминало югъ Швейцаріи. Только бы побольше животной жизни.

Пейзажи Соловокъ были бы еще живописнѣе, если это возможно, когда бы тутъ было побольше стадъ и птицъ. Молчаніе въ природѣ слишкомъ сосредоточиваетъ душу. Созерцанія принимаютъ нерадостный характеръ и переходятъ въ мистицизмъ. Пѣніе птицъ, блеяніе стадъ настроили бы душу на иной болѣе веселый ладъ. Даже и чайки внутри острововъ попадаются въ одиночку, и то рѣдко.

XXXI. Сельдяной ловъ.

Я направился какъ-то на восточную сторону соловецкой гавани. Еще издали несло ворванью и запахомъ свѣжеванннаго морского звѣря.

Тутъ оказалась салотопня. Устройство ея весьма просто и практично. Тутъ же на солнышкѣ сушились жирныя шкуры морского звѣря: нерпъ, бѣлугъ, тюленей, лысуновъ и др.

— Много ли у васъ добывается звѣря? — спросилъ я у встрѣтившагося мнѣ монаха.

— Ничего, довольно. На деньги ежели считать, такъ тысячъ на пятьдесятъ всего промышляемъ.

— На Мурманѣ?

— И на Мурманѣ, и на островахъ нашихъ. На Мурманѣ мы больше треску ловимъ. Скоро салотопню мы думаемъ совсѣмъ перестроить. Тутъ одинъ монашекъ, изъ мужичковъ, взялся получше сдѣлать. Ему и будетъ поручено. Больно ужъ грязна эта-то, да и запахъ разноситъ. Мы-то притерпѣлись, а богомольцы жалуются... Изъ шкуръ мы бахилы (родъ сапо-

говъ) шьемъ, штаны, рубахи тоже. Какъ надѣнешь на себя все это, хоть по горло въ воду ступай — никакая сырость не пробьется. У насъ всѣ рабочіе носятъ ихъ. И легко. Гораздо легче простой одежи.

— Продаете на сторону?

— Нарочно не продаемъ. А если желаніе имѣете купить, можно—въ рухлядной. И дешево.

Вблизи замѣтилъ я смолокурную печь. Кладка кирпичная. Она походитъ скорѣе на норвежскую, чѣмъ на наши крестьянскія, которыя мнѣ случилось видѣть въ шенкурскомъ уѣздѣ и въ Вологодской губерніи.

— Тоже мужичокъ у насъ строилъ,—объяснилъ монахъ:— тутъ мы смолу гонимъ, пекъ добываемъ, скипидаръ для своего обихода. Все лучше, чѣмъ на сторонѣ покупать. Намъ этого матеріалу много нужно.

Сушильня со всѣхъ сторонъ была открыта вѣтру, но устроена такъ, чтобъ дождь туда никакъ не могъ пробиться. Отсюда мы прошли къ маленькой тонѣ сельдяного лова. Большія тони находятся по всѣмъ берегамъ Соловецкаго и Анзерскаго островов. Нѣсколько рабочихъ, съ однимъ монахомъ, распорядителемъ работъ, поѣхали забрасывать снасть. Лодка описала громадный кругъ по гавани, оставляя за собою слѣдъ—поплавки сѣти, опускаемой въ воду по мѣрѣ движенія челнока. Внизу къ снасти прикрѣплены гирьки, удерживающія ее на днѣ. Такимъ образомъ вся рыба, находившаяся на этомъ просторѣ, попала въ сѣть. Самая сѣть, необычайно прочная, хорошо просмолена. Спустя нѣсколько минутъ, лодка съ другимъ концемъ сѣти вернулась на берегъ. Поплавки сѣти описывали большой овалъ.

— Ну, голубчики, ну, кормильцы, давай сѣть вытягивать!— приказалъ монахъ-распорядитель.

Три человѣка съ одной и трое съ другой стороны вошли въ воду за сѣтью. Они захватывали ее какъ можно подальше отъ берега и вытягивали на берегъ; всходили на землю и снова входили въ море. Кругъ все больше и больше съужи-

вался. Вотъ на поверхности воды заблестѣли серебристо-радужныя, золотисто-розовыя спинки сельди чаще и чаще. Вотъ поверхность моря сплошь покрыта ими. Ничто не можетъ дать понятія о прелести красокъ, окрашивающихъ сельдь, когда она жива и—главное, когда она въ родной своей стихіи. Это—лучи, проходящіе сквозь разлагающую призму, это пурпурныя, розовыя, синевато-золотистыя блестки. Цвѣта мѣнялись каждое мгновеніе. Нельзя налюбоваться на нихъ. Рыба сплошь заняла все пространство, очерченное поплавками сѣти. Нѣсколько сельдей перескочили чрезъ нихъ и ушли въ море.

— Путь-дорога!—проговорилъ монахъ.

— Много ли ловите?

— Разное бываетъ, Господь помогаетъ. На день св. Зосимы въ одну ночь пудовъ сто пятьдесятъ сельди выловили. То особая милость была. Чудо явленное.

Это оказался іеромонахъ. Онъ работалъ какъ простой рыбарь: самъ входилъ въ море, самъ тащилъ сѣть. Когда стали выбрасывать въ лодку выловленную рыбу—онъ трудился больше всѣхъ. Тутъ, вообще, не отличишь монаха отъ чернорабочаго. Они также возятся съ киркой, ломомъ, косой, снастью, глиной, какъ и другіе. Понятно, что примѣръ ихъ имѣетъ громадное вліяніе на богомольца.

— Откуда вы?—обратился я къ одному изъ богомольцевъ-рабочихъ.

— Свирскій.

— По обѣту здѣсь?

— На годъ.

— Что это на васъ платье все изъ тюленьей кожи?

— Да, монастырская работа.

Онъ трудился по горло въ водѣ. А между прочимъ ни одна капля не проникла на тѣло.

— Сколько вѣсу будетъ въ этой тонѣ?

— Не менѣй тридцати пудовъ. Рѣдко меньше. Не гляди, что пароходы тутъ стоятъ, не распугали рыбы-то. Чудеса это. Угоднички монашикамъ своимъ посылаютъ. Сельдь глупая;

она рыба и разумѣнія ей не дано. Одначе это понимаетъ: какъ изъ воды вынешь—потемнѣетъ вся. Ишь вонъ, что въ лодку брошена—не играетъ.

Сельдь выбрасывали въ лодку. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ—краски гасли. Онѣ замѣнялись мертвеннымъ синевато-серебристымъ цвѣтомъ. Челнъ наполнился почти до краевъ. Прямо черезъ бухту рыбаки направились къ деревянному зданію амбара на другомъ берегу. Тутъ его выпростали. Отсюда сельдь доставляется часа черезъ два послѣ лова въ погреба обители. При мнѣ нѣсколькимъ богомольцамъ въ видѣ подаянія насыпали полные „козонки" сельди. Тѣ на ночь собирались варить уху. Роздали пуда съ два.

— По всѣмъ берегамъ такъ сельдь ловите?

— Зачѣмъ. Здѣсь ловъ маленькій, только тутъ сельдь руками и вытаскиваемъ. По другимъ мѣстамъ мы вороты устроили. Не въ примѣръ легче. Воротомъ снасть и тянешь. Ровнѣе и скорѣе идетъ. Меньше силы требуется.

— А треску въ Анзерахъ какъ ловите?

— Какъ на Мурманѣ—ярусами.

— И много попадаетъ?

— Довольно... На какого святаго ловъ, отъ того зависитъ. Тутъ, братцы, вездѣ премудрость, не спроста тоже.

XXXII. Монастырскій садъ. Ризница. Оружейная.

Послѣ всенощной я отправился вдоль монастырскихъ стѣнъ къ лѣсопильному заводу. Продя мимо садиковъ, разбитыхъ у самыхъ башенъ, я встрѣтилъ монаха, таинственно манившаго меня. Понятно, что я удивился.

— Что вамъ угодно?

— Поговорить съ вами.

Мы вошли въ садикъ. Сирень и черемуха были въ цвѣту. Въ небольшихъ темныхъ аллейкахъ стоялъ густой ароматъ.

— Вы, сказываютъ, изъ Архангельскова. Что слышно тамъ о почившемъ архимандритѣ нашемъ?

— Это о которомъ слѣдствіе производилось?

— Да... за добродѣтель свою пострадалъ человѣкъ.

— Помилуйте, какая добродѣтель! А деньги?

— Точно что дьяволъ попуталъ его. Но не такъ понимать это надо. Сущій ребенокъ былъ покойный. У него, словно у дитя малаго, глаза на все блестящее зарились. Болѣзнь. Это онъ не своею волей. А что, говорятъ, будто эти деньги у монастыря отнимутъ?

— Да, есть законные наслѣдники.

— Законный наслѣдникъ—одна наша обитель. Тогда какъ онъ померъ, мы сейчасъ же жандармскому дали знать. Полковникъ пріѣхалъ, все опечаталъ. Такъ и теперь подъ печатями лежитъ. Большое дѣло изъ-за этого идетъ.

— Однако хорошо же ведется ваше денежное хозяйство, ежели такія крупныя суммы можно брать у васъ незамѣтно.

— Не то, что хозяйство. Тутъ не въ хозяйствѣ дѣло. Мы скандалу боялись. Нынѣ извѣстно — безвѣріе вездѣ. Словно волки лютые, ищутъ чѣмъ бы уязвить обители. Опять же супротивъ архимандрита никто идти не рѣшался—страха ради іудейска. Одинъ-было поднялся—тотъ его сейчасъ въ другую обитель, въ настоятели. Онъ-было не поѣхалъ—за противленіе его въ тотъ же монастырь, только ужъ простымъ монахомъ. Вотъ оно у насъ каково. Опять же его, архимандрита, просто жаль становилось, потому онъ обходительный такой.

— Ну, вы тоже не совсѣмъ правы. У него, говорятъ, своихъ денегъ въ монастырь было привезено около ста тысячъ, а вы и тѣ захватить думаете.

— За чѣмъ же намъ отступаться? У насъ померъ—наши и деньги. Пусть лучше на доброе дѣло въ обитель пойдутъ, чѣмъ мірскимъ наслѣдникамъ. Отъ богатства много и зла бываетъ на свѣтѣ.

Оправданіе—весьма характеристическое.

— Вы говорите: скандала боялись; скандалъ все-таки вышелъ. Да и хороша обходительность, если онъ монаховъ по другимъ монастырямъ разгонялъ.

— Горе противляющимся, сказано. Ты терпи. Вотъ и мы отъ полиціи натерпѣлись... Острова осматривали?

— Да.

— А правда,—таинственно спросилъ онъ меня:—что у насъ здѣсь серебряная руда должна быть?

— Не думаю. Соловки просто гранитные стержни, покрытые наносною почвой.

— Вы вѣдь все по наукамъ произошли. Желѣза тоже нѣтъ?

— Нѣтъ. А еслибы оказалось?

— Сейчасъ бы разработкой занялись. У насъ насчетъ этого хорошо. У насъ вѣдь и горнозаводчики есть. Все мужички-съ. У насъ мужички есть, что и въ журналахъ пишутъ.

— Въ духовныхъ вѣрно?

— Да-съ, въ духовныхъ. А одинъ шенкурскій мужичекъ — въ монахахъ у насъ—задумалъ исторію двинскаго края написать. Далась ему грамота... Хозяйство наше видѣли вы? А погреба изволили замѣтить? Нѣтъ. Ну такъ завтра я раненько проведу васъ...

Погреба дѣйствительно оказались великолѣпные. Я ничего не видѣлъ подобнаго. Холодъ, свѣжій воздухъ и просторъ. Особенно хороши ледники. Это совершенство въ хозяйственномъ отношеніи. Описывать ихъ напрасно. Нужно все видѣть самому. Никакое описаніе не дастъ понятія о роскоши мѣстныхъ кухонь, пекарень, подваловъ, квасныхъ, кладовыхъ и т. д.

Въ тотъ же день мы осмотрѣли и ризницу. Богатства особеннаго не видно. Монастырь не любитъ держать мертвые капиталы. Деньги—вѣрнѣе, они хоть казенный процентъ принесутъ. Въ историческомъ отношеніи здѣсь обращаютъ вниманіе: грамоты новогородская и Іоанна IV-го на владѣніе островами, первая подписана Мареою Посадницею; сабля, пожертвованная Пожарскимъ, и мечъ Скопина-Шуйскаго, которые, помимо

научной цѣнности, представляютъ довольно крупную стоимость по числу драгоцѣнныхъ камней, ихъ украшающихъ. Тутъ же изящныя чаши, рѣзанныя ажуромъ изъ слоновой и моржевой кости. Остальное: евангелія, ризы—представляютъ только извѣстную стоимость, не имѣя значенія въ другихъ отношеніяхъ.

— Это бы да въ деньги все—хорошо! Что тамъ—исторія, сними съ нихъ рисунокъ, ну и храни его. Деньги все лучше. Ихъ въ оборотъ можно, откровенно высказался одинъ монахъ, когда я съ нимъ заговорилъ о ризницѣ:—деньгамъ мѣсто можно найти. Новый бы пароходъ выстроили, на Мурманѣ становище, да на солевареніе... Хорошо ежелибы у насъ на островахъ каменный уголь найти... потому надоѣло англичанамъ деньги платить за него.

— А помните: кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?

— То про человѣка сказано, кто для себя все... А мы не для себя. Намъ самимъ ничего не надо. Видѣли вы—какъ мы ѣдимъ, какъ мы живемъ, во что одѣваемся. Намъ мало требуется. А это для обители, во славу Божью, для угодничковъ. Имѣніе монастыря—не имѣніе монаховъ. Монастырь можетъ быть богатъ—а монахи бѣдны. Это у насъ и исполняется. Роскоши вы нигдѣ не встрѣтите.

— Такъ и довольствуйтесь тѣмъ, что имѣете, не желая лучшаго.

— Это точно, мы для себя и не желаемъ. Но для угодничковъ мы должны стараться...

— Лучше пусть въ мірѣ богатство будетъ. Народъ вѣдь бѣдствуетъ у насъ.

— Вѣрно, что бѣдствуетъ, но оно и лучше. Помните, что въ евангеліи про богатаго сказано: легче верблюду—въ игольное ушко, нежели богачу въ царствіе Божіе. Въ мірѣ-то человѣкъ обогащается, а тутъ сокровищами обители имя Господне прославляется. Ему же честь и поклоненіе. Оно точно: народъ въ мірѣ убогій, мы и помогаемъ при случаѣ. Окромѣ того, въ деревни деньги посылаемъ когда...

Оружейная Соловецкаго монастыря разомъ переноситъ посѣтителя въ ту ветхозавѣтную старину, когда мы бились еще бердышами, не зная прелестей митральезъ, шасспо и крупповскихъ пушекъ. Впрочемъ, въ расположеніи стараго оружія не видно никакого порядка.

— Хламъ старый,—съ презрѣніемъ говоритъ монахъ.—Одинъ изъ Питера у насъ былъ: много, говорилъ, денегъ можно за него получить, за ветошь эту. Неужли такая глупость есть?

— Есть.

— Чудеса! какого народу на свѣтѣ нѣтъ! Хошь бы желѣзо стоющее было, а то проржавѣло все.

— По этимъ остаткамъ изучаютъ старину.

— Въ лѣтописяхъ достаточно есть. Не будетъ народъ счастливѣе отъ того, что узнаетъ, чѣмъ предки его затылки ломали другъ другу.

Что было возразить!

— Моя бы воля—я сейчасъ бы продалъ все это.

— Мнѣ ужъ говорилъ одинъ монахъ, что онъ бы и ризницу въ деньги обратилъ.

— То ризница, то дѣло другого рода. Тамъ святыни; напр. ризы, кои св. Филиппъ, св. Зосима и св. Савватій носили. То все благочестіе въ народѣ поддерживаетъ... А отъ оружія этого кровью пахнетъ... Оно никого не просвѣтитъ и не образуетъ.

— У насъ вотъ ныньче народное образованіе по недостатку средствъ развиться не можетъ. Вотъ бы отъ своихъ достатковъ монастырь хоть бы для селеній Архангельской губерніи удѣлилъ малую толику.

— Въ свѣтскомъ просвѣщеніи—добра мало. Грѣхъ и помогать ему. Ежели бы такія школы, какъ у насъ напримѣръ—иное дѣло. А то, что за сласть—изучаютъ языческіе языки, а духовнаго и не слыхать. Иной лба себѣ перекрестить не смыслитъ. Мотаетъ рукой какъ коромысломъ... Спаси, Господи, отъ образованія такого.

XXXIII. Шенкурскій хлѣбопашецъ въ расѣ.

— Да, разное на свѣтѣ бываетъ. Иной и не помышляетъ объ иночествѣ, а Господь приведетъ его къ такому концу. Вотъ и я тоже, первый по волости богачъ былъ, кормилъ народъ самъ, за подряды брался... Одного хлѣба сколько сѣялъ. И не знаешь, къ чему судьбинушка наша идетъ.

— Какъ же вы въ монастырь попали?

— Голубчикъ мой, какъ это спрашивать такъ: я и самъ не знаю, какъ попалъ. Случилось—вотъ и все. Сначала несчастіе постигло меня, одно за другимъ. Деньги, признаться, были — родной братъ, питерецъ, подсмотрѣлъ и укралъ. Господь съ нимъ, я ему давно простилъ. Пусть только на добро; потомъ все равно ему же оставилъ бы; дѣтей, вишь у меня не было. Опослѣ этого домъ сгорѣлъ. Съ той поры поправиться ужъ не могъ. Жена въ скорости померла, не вынесла. Потомъ злой человѣкъ скотъ у меня испортилъ. Какъ Іовъ многострадальный изъ богатства въ нищету произошелъ: изъ перваго по волости, -- послѣднимъ сталъ. Ночью, бывало, какъ никто не видитъ, такое ли горе возьметъ. Заплачешь, какъ дитя неразумное. Узналъ стороной, что въ Питерѣ братъ разбогатѣлъ. Онъ по артельной части. Пошелъ къ нему; думаю, отдастъ, что покралъ. Точно. Какъ увидѣлъ меня, спокаялся. Заплакалъ. Очень, говоритъ, совѣсть меня за это самое мучаетъ. Но одначе я съ твоихъ денегъ жить сталъ. Теперь вотъ — бери, мнѣ не требуется твое, своего, благодареніе Богу, много. Уговаривалъ въ Питерѣ остаться, да я не остался. Въ поле тянуло. Опять же могилки тамъ въ селѣ. Жена да мать лежатъ. Какъ бросить! Да и питерское житье не по душѣ мнѣ было, признаться. Ни тебѣ простору, ни тебѣ работишки настоящей нѣтъ. Болтаются всѣ такъ-то. Кто про что. Шумъ, суета, народъ оголтѣлый, добродѣтели въ немъ нѣтъ, все бьетъ на обманъ. Промежъ пальцевъ уйдетъ у тебя. Пошелъ я домой. Только— въ Новой Ладогѣ это было — завернулъ я ночевать въ

одно мѣсто. Утромъ всталъ, ни денегъ, ни паспорта. Опять лютые вороги покрали. Горше всего мнѣ на этотъ разъ стало. Я въ полицію. Кто тебя знаетъ, говоритъ, — кто ты такой? Какой ты есть человѣкъ? Можетъ,— бродяга. Повѣришь ли, кормилецъ, вмѣсто защиты — въ тюрьму попалъ. Вотъ она правда какая — у судій земныхъ. Прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что творятъ. Списался я изъ тюрьмы съ братомъ; тотъ устроилъ все, денегъ малую толику прислалъ. Пошелъ я опять домой, что птица съ оборванными крыльями. И сталъ съ той поры тяготу носить. Допрежь я и неурожая не зналъ; а теперь что ни годъ—то морозомъ ниву побьетъ, то дожди такіе, что хлѣбъ на корню погніетъ; то засуха, то разливомъ пашню смоетъ. Перемогался я, перомогался, да и затасковалъ. Просто нѣтъ мнѣ нигдѣ спокою. Куда ни пойду, вездѣ люди богачество мое видѣли, вездѣ мнѣ прежде въ поясъ кланялись, вездѣ я первый человѣкъ былъ. Не такъ тяжко тому. у кого никогда ничего не бывало. Выйдешъ ли на полѣ—у другихъ колосъ золотомъ налился, шумитъ нивушка на радость работнику—хозяину—а у меня колось рѣдкій да мелкій, зеленый еще... Вдаришься объ землю; да плачешь.... А то уйдешь отъ людей въ лѣса, глушь они, у насъ безпросвѣтная. Царство!.... И бродишь тамъ дни, по ночамъ только домой словно воръ какой пробираешся... Все опротивѣло! Разъ я тундру на поля снималъ. Осень холодная стояла. Тундру-то снимать по колѣно въ водѣ приходится. Тутъ и робишь, тутъ и спишь, тутъ и Господу Богу своему молишься. Иногда недѣли по двѣ такъ-то: одичаешь весь. Вотъ и работаю я одинъ-одинешенекъ. Разъ это занедужилось мнѣ и прилегъ я; мѣсто посушѣй нашелъ. Лежу я, а въ глазахъ все обители пречестныя. Куполы зеленыя, кресты золотые, да стѣны бѣлыя... Въ ушахъ—колококола... Такъ и гудитъ. Клиръ невидимый молитву поетъ. Точ-то кого-то въ иноки посвящаютъ. Такъ дня три было. Какъ пришелъ я въ себя, такъ и обѣщался сходить къ преподобнымъ Зосимѣ и Савватію на годъ ежели выздо-

ровѣю. Опослѣ этого, какъ рукой сняло. Ну, я и продалъ все: и землю, и скотъ какой остался, и пошелъ сюда. Пожилъ я годъ — работникъ я хорошій — монашики уговаривали меня остаться, самъ архимандритъ покойный:— живи, говоритъ у насъ, Алексѣй, что тебѣ бобылю безродному, въ мірѣ дѣлать; молись, да работай на обитель святую. Ну, сходилъ я домой, поклонился родному селу, церкви нашей, да на могилкахъ поплакалъ. Потомъ выправилъ себѣ отъ обчества увольненіе и пошелъ въ Соловки, Десятый годъ теперь живу здѣсь... А все стараго горя не заѣсть — дьяволъ видно мутитъ насъ. Года три тому назадъ братъ пріѣзжалъ. Въ купцы вышелъ. Помолился, здѣсь у меня въ кельѣ пожилъ. Только самъ его я попросилъ, чтобы уѣзжалъ скорѣй: не въ моготу было. Тоска такая. Міромъ отъ него пахло. Самъ съ нимъ ушелъ бы, еслибъ онъ подольше остался. Какъ уѣхалъ и опять ничего. Вотъ развѣ когда на лугахъ работаешь, такъ тянетъ домой. Такъ бы и бросилъ все и пошелъ.

Въ монастырѣ зазвонили.

— Пора на спокой! Прости, Христа ради! Такъ разговорился я съ тобой, добрый человѣкъ, теперь, пожалуй, опять мутить начнетъ. Лучше не вспоминать. Легче...

Бѣлая, безъ тьмы и безъ свѣту, ночь окутала острова.

Только крики чаекъ, да говоръ волнъ и нарушали безмолвіе этой пустыни.

XXXIV. Анзеры.

Анзеры и особенно гора Голгоѳа пользуются такою же славою по поразительной красотѣ своихъ пейзажей, какъ и Сѣкирная гора. Анзеры—большой и гористый островъ Соловецкаго архипелага. Здѣсь находится скитъ, и, кромѣ того, у

береговъ производятся рыбныя ловли. Въ Анзеры насъ отправилось около пятидесяти богомольцевъ.

Рекомендую всѣмъ туристамъ отъ одиночества въ дорогѣ бѣжать, какъ отъ огня. Природа сама по себѣ все же не такъ интересна, какъ люди, а на такихъ пунктахъ, какъ Соловки, странники и странницы представляютъ такое разнообразіе типовъ и племенъ, что ими право не грѣшно заинтересоваться. Тутъ и грузинъ съ Кавказа, и казакъ съ Дона, и корелъ изъ Кемскаго уѣзда и сибирякъ чуть ли не изъ-подъ Ялуторовска. Тутъ и высокая, сгорбленная фигура странника въ скуфейкѣ и съ классическимъ посохомъ въ рукахъ, тутъ и молодое красивое лицо бабенки, посѣщающей святыя мѣста съ цѣлію вымолить себѣ у Бога ребятъ. Тутъ и бойкій поволжскій мѣщанинъ, и купецъ стараго закала, съ бородою за галстухомъ, въ сѣромъ сюртукѣ до пятъ и высокой шляпѣ съ широкими полями. Тутъ и зоркій еврей-прекрещенецъ, и батюшка соборный протопопъ изъ-за Урала. Это цѣлый калейдескопъ типовъ. А сѣрое крестьянство—на первый взглядъ оно покажется однообразнымъ. Но всмотритесь въ него: какое богатство типовъ, и какихъ еще! Общаго у всѣхъ—только выраженіе затаенной боли въ лицѣ. словно всѣ они носятъ тяготы не по силѣ, словно каждый чувствуетъ надъ собою бичъ. Переговариваются они больше междометіями. Рѣдко вырвется короткая фраза; все понуро, недовѣрчиво, забито, поругано и запугано. За то жонки, что это за неугомонныя болтуньи! Языки у нихъ—словно колокольчики почтовыхъ лошадей въ дорогѣ. Пройдите съ ними часа два и вы почувствуете боль въ головѣ, звонъ въ ушахъ, точно отъ угара. О чемъ-то они не переговорятъ между собою. Особенно старухи—тѣ неистощимы: тутъ и пупъ земной, и купецъ Синепуповъ, и Евангелъ какой-то, папа римскій, съ тремя хвостами; козьмодемьянскій дьячекъ, у котораго борода клиномъ—большой мастеръ заговаривать зубы, и Іерусалимъ-градъ, и деревня Сычевка и левіаѳанъ-рыба, лично видѣнная гдѣ-то за морями, и бѣлозерскій снѣтокъ, о прелестяхъ котораго распространяется новгородская торговка, замѣшавшаяся

сюда же. Голова закружится и все вокругъ ходуномъ пойдетъ А вотъ, напримѣръ, волжскій юркій паренекъ рядомъ съ современнымъ купчикомъ, въ модной жакеткѣ и шелковой лѣтней шляпѣ. Послушайте ихъ.

— И плывемъ этта мы на праходѣ; я за капитана былъ,— живописуетъ паренекъ:—а ночь хоть глазъ выколи. Сигналафъ этихъ мы и запаху не знаемъ, потому—безпокойное дѣло, отъ Бога не убережешься. Бѣжимъ—авось-де Господь пронесетъ. Вдругъ—шаррахъ... Исторія! Въ барку въѣхали. Что дѣлать?... съ барки народъ оретъ: спасай, братцы,—тонемъ. А намъ какъ спасать: мы сломали—въ отвѣтъ попадешь. Я сейчасъ—задній ходъ, обошелъ барку, да давай Богъ ноги! Такъ и ушли. Пассажировъ въ тотъ разъ не было.

— Потонули, поди, съ барки?

— Какъ не потонуть! Всѣ, должно, потопли, не безъ эфтаго. Народъ отчаянный!...

— Божье произволеніе.

— Извѣстно, Богъ-Господь. Безъ него ни-ни!

— Да, это бываютъ, точно, случаи. Озапрошлымъ лѣтомъ хлѣбъ я на баркахъ послалъ. Только барки и дошли до пристани. Оттуда прикащикъ пишетъ: какая цѣна будетъ. Рубль за пудъ—пишу. Только дня это не прошло—даетъ онъ мнѣ депешь: у Ивана-де Ефимыча десять барокъ съ хлѣбомъ, рожью, потопли. Благодареніе Создателю! Я сейчасъ: продавай хлѣбъ рубль двадцать. Хорошо! Только черезъ семь дёнъ опять депешь: у Аладьина три баржи обсохли и хлѣбу много попорчено. Я сейчасъ молебенъ святому Николаю-чудотворцу, а прикащику: продавай по полтора. Что-жъ бы ты думалъ?— въ рубль шестьдесятъ хлѣбъ пошелъ!... Въ рубль шесть-десятъ!... Что одного барыша взялъ я тогда — страсть! Вотъ оно, говорятъ—Бога нѣтъ; какъ же еще это, да не Богъ?

— Извѣстно, его святая воля.

— Божьимъ произволеніемъ все. Но однако я за это нонѣшній годъ колоколъ въ церковь пожертвовалъ.

— Это хорошо. Этакъ Господь и напредки не оставитъ. По купечеству все больше колокола жертвуютъ.

— Фасонистѣй оно какъ-то. На цѣлую церкву нашего финанцу не хватитъ. Ну, такъ колокола!

— Точно что фундаментальнѣе.

Въ другой группѣ—другіе и разговоры.

— Такъ вы говорите, что при отношеніи?

— Да-съ. Отъ сего числа за нумеромъ 0,000 имѣю честь покорнѣйше просить—и пошелъ, и пошелъ. Мы сейчасъ, какъ получили, наистрожайше становому: предписываемъ-де..., и въ случаѣ допущенія медленности имѣете вы подвергнуться законному взысканію, на осн. ст. 00, XV тома.

— Ну, и что же? — съ видимымъ участіемъ вопрошаетъ первый.

— Сейчасъ становой въ село, мужиковъ на цугундеръ — такъ васъ, растакъ... Кузькину мать помянулъ.—Розогъ! Сію минуту подать!

— Далеко парень пойдетъ. Губернія наша отдаленная. Университетскихъ намъ не требуется.

— Н-нѣтъ. Намъ модниковъ не надо,—восхищался собесѣдникъ:—намъ дѣльцовъ подавай; чтобъ все могъ—единымъ взмахомъ. Veni, vidi, vici... Изволили учить въ семинаріи?

— Ну, а казенная палата, что?

— По увѣдомленіи удовлетворилась. Мы ей тоже очки втерли: тотчасъ-де по полученіи отношенія были приняты самострожайшія и наискорѣйшія мѣры, причемъ такому-то предписано неукоснительнѣйше взыскать, ну и прочее...

— Неукоснительнѣйше?

— Неукоснительнѣйше...

— Хорошія слова есть, ежели кто настоящимъ стилемъ владѣетъ.

Переходя отъ одной группы къ другой, я не забывалъ и окрестныхъ видовъ. Какихъ только здѣсь не было озеръ! Одно—словно сверкающая на солнцѣ коса; другое—сплошь покрытое островами; третье — гладкое и чистое какъ зеркало. Однѣ за дру-

гими смѣнялись волшебныя картины. То обрывъ—вы останавливаетесь и смотрите: подъ вами синѣютъ верхушки деревьевъ, далеко уходитъ сочная понизь съ лѣсами, озерами и скалами; то—съ двухъ сторонъ сжимаютъ дорогу крутые откосы зеленыхъ горъ. Вотъ море глубокою бухтою врѣзалось въ землю; только узкій проливъ соединяетъ ее съ безконечнымъ воднымъ просторомъ. Бухту обступили высокія сосны и недвижно протягиваютъ надъ нею высокіе своды. Какъ тамъ покойно, тихо и прохладно. Тутъ ловятъ монахи рыбу, здѣсь ими выстроенъ домикъ для рыболововъ и поставлены вороты для вытаскиванія неводовъ. Скоро мы подъѣхали къ берегу, гдѣ кончался островъ Соловецкій.

Версты за четыре синѣли Анзерскія горы. На самой окраинѣ берега изба, или, по здѣшнему, келья перевозчиковъ. Мы всѣ сѣли въ два большіе карбаса. Весла блеснули и лодки прорѣзали покойную влагу. На этотъ разъ проливъ былъ спокоенъ, но здѣсь нерѣдко случаются бури, опасныя для маленькихъ судовъ, потому что у Анзерскаго берега находится большой сувой (толчея, водоворотъ). Даже и теперь, когда море было тихо,—предѣлы сувоя очерчивались замѣтно, составляя совершенно правильный кругъ, въ которомъ теченіе воды напоминало собою громадную спираль. Несмотря на самую безмятежную погоду, какъ только нашъ карбасъ вступилъ въ предѣлы толчеи, его стало весьма замѣтно покачивать и гребцы измучились, прежде чѣмъ достигли берега. Рядомъ со мною сидѣли двѣ сестры-странницы. Одной изъ нихъ было двадцать, другой девятнадцать лѣтъ. Я разговорился съ ними—и оказалось, что онѣ бродяжничаютъ уже десять лѣтъ обѣ. Ихъ мать зажиточная перемышльская мѣщанка—въ первый разъ потащила ихъ на богомолье въ Кіевъ.

— Съ тыя поры мы и одного лѣта не можемъ выжить дома, такъ и тянетъ, такъ и тянетъ. Особенно, какъ лѣски зазеленѣютъ, да на поляхъ цвѣтики почнутъ алѣть. Ужъ какъ насъ тятенька билъ, матушка тоже учила, не жалѣючи—нѣтъ нашихъ силъ. Урвемся и уйдемъ. Такъ и бродимъ до зимы.

Тутъ же съ ними оказалась и молоденькая хохлушка изъ Пирятинскаго уѣзда. По разспросамъ обнаружилось, что она пошла странствовать во избѣжаніе замужества.

— Отчего ты замужъ не хочешь?

— Не хай Богъ боронитъ.

Главное въ семейной жизни пугала ее необходимость ежедневно варить „чоловику“ галушки.

— Давно ты странствуешь?

— Та вже годовъ съ три буде.

— Что же ты потомъ будешь дѣлать?

— Що Господь дастъ.

— Ну а отецъ у тебя есть? Дѣвушкѣ не было и 19 лѣтъ.

— Ни... На базаръ поихалъ, та и по сій часъ не вертался...

Эта странница была замѣчательно хороша собою. Несмотря на ея рубище, она производила сильное впечатлѣніе. Полагаю, что во время этого благочестиваго бродяжества ей неразъ приходилось нарываться на соблазны. Дьяволъ, вообще, силенъ. Онъ, какъ нарочно, подстерегаетъ спасающихся юницъ на каждомъ шагу ихъ ранняго паломничества. Особенно весною, когда ключемъ кипитъ молодая кровь и тревожно до боли бьется молодое сердце... Земля горитъ подъ ногами, самый воздухъ вѣетъ страстью и пыломъ; изъ подъ каждаго куста, во всякомъ оврагѣ, на полянахъ, въ лѣсахъ, и нивахъ всюду чутко сторожитъ нечистый, не покажется ли гдѣ такая благочестивая пилигримка. Согрѣшила разъ, другой, третій,— гдѣ грѣхи замаливать?—разумѣется, въ Кіевѣ, въ Соловкахъ, у Троицы-Сергія. Ну, и новыя паломничества, и новыя прегрѣшенія, вольныя и невольныя.

Тутъ же присутствовала и странница изъ Москвы, ухитрившаяся дойти до Архангельска, питаясь подаяніемъ и не истративъ ни гроша изъ собственныхъ денегъ.

— Ну, а въ Москвѣ, чай, много помогли на дорогу? — спросилъ я.

— Ка-акъ не помочь, — запѣла та: — въ Москвѣ завсегда можно благодѣтеля найти. Купцы. На то имъ и капиталы

Творецъ Небесный даетъ. А капиталы у нихъ немалые. Ну, и они тоже силу свою чувствуютъ. Къ нему, поди, тоже знать надо, какъ подойти: безо всякаго резону — хвосты оборвутъ. А знаешь, такъ и не оставятъ. Что-что—а на кофій завсегда достанешь. Да... Подитко у него — другой заслужи. Ты думаешь легко?.. А все смиреніе мое, покорство. Обидитъ ли кто, собакъ ли напуститъ—травятъ нашу сестру тоже—камнемъ ли мальченко швырнетъ, я, старушка, и слова не скажу...

— Примѣрно годовъ пять тому купцы въ Сундушномъ ряду меня кирасиномъ облили, да и подожгли,—что жь ты думала, облаяла я ихъ?—Залилась я—старушка—слезами горькими и какъ потушили меня, пошла себѣ. Потому всевидящее око... Зритъ оно простоту мою и взыскуетъ за самыя эти муки. Вотъ примѣрно къ купцу одному я пришла. Мужчина изъ себя красивый,—десять пудъ одной ручкой подымаютъ. Страшенный такой, видъ значительный. А жретъ по скольку — Господи спаси его душу. Какъ этто допустили меня въ палаты къ нему и обмерла я, мать моя. Перъ онъ, перъ этого гуся, а опосля за поросенка принялся. И меня, постницу старушку, соблазнилъ. У меня, говоритъ апекитъ такой. Одначе, десять рублевъ на дорожку изволили пожертвовать...

— А кофь пить грѣхъ,—вставила пожелтѣвшая и высохшая странница.

— Врешь, кто много этого кофія пьетъ, тотъ и въ могилѣ не тлѣетъ. Кофь изъ ерусалимской земли идетъ, на верблюдѣ—медвѣдь такой большенный есть. Изъ благословенной земли.

— А ты сама видѣла?

— Сама, своими глазами,—не смигнувъ, подтвердила московская салопница.

— Ну, если сама...

— Медвѣдь этотъ большущій и на тридцать-семь верстовъ отъ Сіонъ горы живетъ. Одначе человѣка онъ не трогаетъ, потому ему по положенію большой припасъ отъ турецкаго салтана идетъ. За это онъ кофь и возитъ. А кофь, мать моя,

съ неба какъ манна падаетъ и дѣвицы невинныя собираютъ его и младенцы... И поэтому прозывается оно мокка... А это—премудрость и понять ее простымъ разумомъ невозможно. Главное не измышляй и сократи себя!

Такимъ образомъ пролетѣло время до того момента, когда на ясномъ небѣ, надъ большою лѣсистою горою обрисовался полувоздушный Голгоѳскій скитъ. Трудно опредѣлить, что изящнѣе—этотъ ли уголокъ или Сѣкирная гора. Сравненія въ области красоты, будь это красота женщины или природы, все равно—невозможны. Все зависитъ оттого, какъ въ данный моментъ падаютъ лучи, какъ легла тѣнь; важно и предварительное настроеніе зрителя. Сказать откровенно, встрѣчая постоянно прелестные пейзажи на этомъ, сравнительно небольшомъ, клочкѣ земли, я до того пригладѣлся къ нимъ, что они далеко уже не производили прежняго впечатлѣнія...

Тѣмъ не менѣе, первое впечатлѣніе Голгоѳы прекрасно. Это миражъ, мягко рисующійся въ синевѣ неба. Когда смотришь въ эту высь, такъ и кажется, что тамъ человѣкъ долженъ оставить всѣ земные помыслы и отдаться или мистическому созерцанію божества, или изученію сокровеннѣйшихъ тайнъ природы. Какъ жалко, мелко и ничтожно должно все казаться оттуда: и люди — такими маленькими и сооруженія ихъ—такими незначительными. А этотъ упоительный горный воздухъ! Я самъ испыталъ здѣсь его вліяніе. Онъ опьяняетъ человѣка. Грудь расширяется отъ восторга, кровь движется быстрѣе, усталости нѣтъ и въ поминѣ... Все выше и выше.

Когда мы ступили на Анзерскій берегъ — общій силуэтъ Голгоѳы заслонялся другими менѣе высокими горами. Тутъ уже озеръ меньше, но за то, какъ прелестны здѣсь лѣсныя дороги! Кажется, шелъ бы по нимъ безъ конца. А между тѣмъ—ни яркихъ цвѣтовъ, ни пѣвчихъ птицъ. До чего долженъ быть очарователенъ пейзажъ, если онъ заставляетъ забывать о скудости красокъ и звуковъ.

Тутъ многіе купались въ морѣ. Вода до того пропитана солью, что послѣдняя осаждается на бородѣ и на волосахъ.

Она холодна, какъ ледъ, но когда выйдешь на берегъ, тѣло горитъ и самъ чувствуешь себя какъ будто возродившимся. А сцены при купаньѣ!..

— Мотри, Петра, колько тутъ угодниковъ, можетъ, купалось, а ты, животная твоя душа, безъ молитвы въ воду лѣзешь. Нешто это въ правилѣ—песья твоя голова?

Петра начинаетъ молиться.

— А ты, идолъ, не лайся, — серьезно заканчиваетъ онъ молитву:—не знаешь, кое здѣсь мѣсто?

— Нашъ предсѣдатель нынѣ Анну получилъ, — разсуждаетъ чиновникъ, присѣдая въ водѣ.

— Что говорить: человѣкъ просвѣщеннаго ума!

— Во всѣ планеты посвящонъ!

— Химикъ настоящій!

Наконецъ, вся арава двинулась впередъ. Скоро мы нагнали бабъ, тараторившихъ впереди, какъ сороки. Рядомъ съ нами, у самыхъ ногъ, бѣжала куропатка.

— Господи! — восхищался крестьянинъ:—это ли еще не чудеса? Дикая птица, а къ человѣку, какъ собака, льнетъ. Ну, и монашики. Возвеличилъ ихъ Богъ, видимо. Это вѣрно...—Нѣтъ, а вотъ у насъ лѣсничій былъ, такъ тотъ голубей жралъ.—„Нѣмцы одобряютъ".—Народъ подлый!—„Точно, что подлый".—Они отъ Каина пошли...

Дорога, наконецъ, пошла въ гору. Она поднимается вокругъ нея спиралью. Мы бодро подвигались впередъ и порою, какъ выходили на открытое мѣсто, словно заоблачный храмъ, свѣтился надъ нами скитъ Голгоѳы. Нѣсколько разъ принимались отдыхать. Одинъ юродивый странникъ ползъ вверхъ на колѣняхъ. Крестьяне чуть не крестились на него. Странница та не отступала отъ него ни на шагъ. Остановится онъ—и та станетъ. Начнетъ онъ класть земные поклоны, и та сейчасъ же. Такъ до вершины горы.

Видъ съ колокольни Голоѳскаго скита еще шире, величественнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ съ Сѣкирной горы. Передъ вами безконечный просторъ синяго моря, въ которое врѣза-

лись безчисленные мысы соловецкихъ береговъ. Острова Анзеры, Соловки и Муксальма лежатъ далеко внизу подъ вами. Вы охватываете каждую подробность этой картины, ни на минуту не теряя общаго ея впечатлѣнія. Это—замѣчательно цѣлый въ художественномъ отношеніи пейзажъ. Горы, лѣса и озера — каждое имѣетъ свой собственный оттѣнокъ. Безконечное разнообразіе этихъ оттѣнковъ привело бы въ отчаяніе живописца. А ихъ переливы, ихъ переходы однихъ въ другіе! Это—цѣлая поэма природы и, глядя на нее, вы точно внимаете безпредѣльному міру чудныхъ гармоническихъ звуковъ. Подъ вами, внизу, словно частыя стрѣлки, поднимаются верхушки темныхъ, бархатистыхъ елей; рядомъ съ ними березовыя рощи подъ горячими лучами солнца кажутся пятнами расплавленнаго золота. Но что сравнится со смѣшаннымъ лѣсомъ сосенъ, елей и березъ! Это—невыразимая красота при такомъ освѣщеніи. А вдали Соловецкая обитель съ ея часовнями, точно легкій призракъ. Весь розовый, съ искрами своихъ крестовъ—онъ ласкаетъ взглядъ туриста. Отдаленіе ослабляетъ всѣ рѣзкіе контуры, остаются только нѣжныя, мягко рисующіяся линіи. Взгляните прямо подъ колокольню. У подножія горы Голгоѳы—озеро, это—клочокъ голубого неба. На немъ—точно щепка, всмотритесь — словно какая-то муха копошится на этой щепкѣ. Это—плотъ, а на плоту монахъ, удящій рыбу. Каждая мелочь отсюда является совершенствомъ, каждый штрихъ полонъ изящества и прелести. На самомъ краю горизонта лежитъ противоположная оконечность пейзажа—Сѣкирная гора. Скитъ на ея вершинѣ кажется бѣлою искрой. Между нею и послѣднею чертою горы — полоса голубого неба, какъ будто этотъ монастырь, опускаясь съ высоты, повисъ далеко надъ вершиною...

Оглянитесь въ другую сторону—безбрежная лазурь моря. Вотъ на самомъ краю его что-то полощется, что-то мелькаетъ. Чайка или парусъ? Всмотритесь. Ближе и ближе это ослѣпительно-бѣлое крыло, и скоро передъ вами тонко обрисуется большая поморская шкуна, разсѣкающая синеву моря. Вотъ

еще нѣсколько такихъ чаекъ. Всѣ онѣ тянутся къ Архангельску съ Мурманскаго берега.

— Бѣлухи, бѣлухи въ морѣ....—говоритъ около монахъ, указывая налѣво.

Я всматриваюсь и ничего не вижу.

— Да вонъ они...—Еще усиліе, и тотъ же результатъ.

Нужно пріучить свой глазъ къ такимъ разстояніямъ; нужно постоянно жить среди такого безконечнаго горизонта, чтобы въ подобномъ отдаленіи отличить круглыя очертанія бѣлыхъ головъ, ныряющихъ въ синихъ волнахъ.

Какъ прекрасенъ долженъ быть этотъ видъ въ ясную лунную ночь! Да, — первые подвижники Соловецкаго монастыря, должно быть, не были похожи на нынѣшнихъ монаховъ, ушедшихъ въ одну физическую работу. Пункты, выбранные для устройства скитовъ и часовенъ, обнаруживаютъ въ ихъ строителяхъ высокое чутье художественной красоты. Какъ не завидовать этой аскетической обители, отвоевавшей на сѣверѣ лучшую жемчужину этого края—Соловецкіе острова...

Когда мы сошли внизъ, молебны были уже кончены. На скорую руку мы прошлись по кельямъ скита. Та же простота обстановки, та же бѣдность. Около лѣстницы, ведущей вверхъ, развѣшаны на стѣнѣ морскія карты. Они не напечатаны, но сдѣланы монахомъ. Эта работа одного моряка, успокоившагося послѣ треволненій кругосвѣтныхъ плаваній въ тихой и мирной пристани монастыря.

— Назадъ пора, чтобы поспѣть ко времени,—разсуждаютъ богомольцы.

— Пора, пора, братцы. Трапеза, поди, скоро будетъ.

И толпа, помолившись въ послѣдній разъ, какъ волна, отвалила отъ скита и вся разсыпалась по горѣ.

XXXV. Соловецкій монахъ въ другой обители.

— Намъ въ другихъ обителяхъ не житье. Я это очень хорошо знаю,—объяснялъ мнѣ о. Илія, смотритель монастырской гостинницы.—Былъ я въ разныхъ, и въ Юрьевскомъ, и въ Троицѣ-Сергія. Нашъ монашекъ одинъ въ Юрьевскій перешелъ:—я и не узналъ его. Тамъ—роскошество, богачество, а онъ, бѣдняжка, весь въ лохмотьяхъ, точно нищій послѣдній. Выходитъ, что тамъ мужичками гнушаются. Въ Троицѣ-Сергія—тоже. Бѣда нашему брату туда попасть. Вообще, гдѣ между богатыми да дворянами—туда Соловецкій инокъ не суйся. Заѣдятъ.

— Развратъ у нихъ, — съ ожесточеніемъ разсказывалъ другой монахъ.—Былъ я этто въ одной пустынѣ: піанство, мясо жрутъ.

— А меня-то въ Троицѣ-Сергія, какъ увстрѣли: а это, говорятъ, соловецкій монахъ, они, говорятъ, у себя, что батраки работаютъ. И на трапезу не пригласили. Хоть мри съ голоду.

— Нешто это монахи? Это—змій погибельный въ рясѣ.

— У насъ этого безобразія нѣтъ, съ гордостью повторяютъ соловчане:—у насъ—подвигъ, трудъ и молитва.

— Въ міру ежели-бъ монастырь стоялъ, пожалуй тоже безобразіе завелось-бы. А мы на край свѣта ушли—оттого у насъ ничего и нѣтъ.

— Не оттого, закончилъ другой монахъ.—У насъ потому простота, смиреніе и духъ иноческій, что здѣсь настоящее крестьянское царство, что у насъ изъ чиновниковъ, да изъ купцовъ мало. Понасажай больше ихняго брата—кемлянокъ тогда подъ замки запирать-бы не стали...

— Нынче въ газетахъ о монахахъ прочихъ монастырей дурно пишутъ, сообщилъ кто-то.

— Въ обличеніи разврата нѣтъ грѣха. Надѣлъ ты на себя рясу и будь инокомъ, а не тунеядцемъ подлымъ. А начнешь

ты блудъ творить—пусть о тебѣ, какъ о сосудѣ скудельномъ, вѣдаетъ все православное христіанство. Пусть на тебя пальцемъ указываютъ: можетъ, устыдишься и оставишь иночество.

— Ну,—заявилъ другой,—и на всѣхъ монаховъ падетъ.

— Нѣтъ,—гремѣлъ монахъ-крестьянинъ:—на всѣхъ пало бы, еслибы не писали объ этомъ. А ежели обличаютъ—это хорошо. Обличая, указуютъ и мѣсто монастыря. На невиновныхъ и не падетъ это.

Соловки выписываютъ: „Христіанское чтеніе“, „Душеполезное чтеніе“, „Православное Обозрѣніе“, „Странникъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Голосъ“, „Петербургскія Вѣдомости“, „Сынъ Отечества“, „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Но читаютъ здѣсь мало, и вообще здѣсь я никогда не заставалъ монаха за книгой. За то повсюду онъ является передъ вами съ лопатой, косой, молотомъ, снастью, ломомъ, рѣзцомъ, кистью, киркой и т. д.

XXXVI. Послѣдніе часы въ монастырѣ.

Пароходъ „Вѣра“ уже разводилъ пары.

Жаль было оставлять эту чудную природу. Хотѣлось еще побродить въ лѣсахъ и горахъ Соловецкаго архипелага, посидѣть на берегахъ его озеръ, на скалахъ у вѣчно шумящаго лазореваго моря.

Тутъ даже отсутствіе жизни, вѣроятно, благодаря новости и свѣжести впечатлѣній, чувствуется не особенно тяжело.

Передъ отъѣздомъ еще разъ хотѣлось окинуть послѣднимъ взглядомъ эти чудныя острова.

Я взобрался въ куполъ собора, гдѣ въ четырехъ башенкахъ продѣланы маленькія окошки.

Въ послѣдній разъ изъ лазури неба и изъ лазури моря выступали передо мною эти—то черные, то золотые мысы...

Въ послѣдній разъ изъ массы елей и сосенъ сверкали живописные извивы серебряныхъ озеръ. Въ послѣдній разъ звучалъ въ ушахъ моихъ неугомонный крикъ чаекъ.

Въ монастырѣ загудѣли колокола.

Торжественные звуки разливались, какъ волны, на той вышинѣ, гдѣ стоялъ я. Тонкая, досчатая перекладина подо мною дрожала. Колоколенка казалась висящею въ воздухѣ. Жутко становилось здѣсь. Чувство инстинктивнаго страха проникало въ душу. А все-таки не было силъ оторваться отъ этихъ прекрасныхъ окрестностей. Вотъ солнце зашло за тучку. Изъ-за ея окраины льется золотая полоса свѣта. Косо охватываетъ она березовую рощу, и каждое дерево ея, каждый листикъ золотится, словно насквозь пронизанный лучами. Вотъ цѣлые снопы свѣта разбросило направо и налѣво. Одни ушли въ густую тьму сосноваго лѣса, и на золотомъ фонѣ ярко обрисовалась каждою своею вѣтвью громадная передовая сосна. Другіе сплошь охватили сѣрую скалу, и въ массѣ темной зелени она кажется чеканенною глыбою золота. А эти часовни! При такомъ богатомъ освѣщеніи онѣ теряютъ свой казенно-буржуазный видъ. Вотъ что-то ослѣпительное лучится между деревьями, хотя его не видать, по крайней мѣрѣ, трудно разсмотрѣть очертанія свѣтящагося предмета. Это—маленькое, все на минуту озаренное озеро. Вонъ, по золотой полосѣ дороги лѣпится сѣрая лошаденка съ чернымъ монахомъ; а тамъ, вдалекѣ, на недвижномъ просторѣ моря?... Тамъ паруса за парусами и туманныя, едва намѣченныя очертанія поморскихъ береговъ.

Куда не взглянешь, повсюду лазурь, золото и зелень.

Пора внизъ. Богомольцы уже потянулись къ пароходу. Вонъ цѣлыя группы сѣраго крестьянскаго люда въ послѣдній разъ кладутъ поклоны передъ стѣнами гостепріимно-пріютившей ихъ обители. Вонъ у пристани собрались монахи и что-то работаютъ...

Когда я сошелъ внизъ — трапеза была уже кончена. Остальные странники и странницы толпились на палубѣ

парохода. Всѣ съ громадными кусками хлѣба, данными имъ на дорогу; говорятъ, что выдавали и рыбу. Не знаю—не видалъ. За то многіе попались мнѣ въ новомъ платьѣ и сапогахъ, безвозмездно выданныхъ имъ изъ рухлядной лавки монастыря. У всѣхъ были ложки соловецкаго издѣлія, финифтяные крестики и образки...

Шумный говоръ стоялъ на палубѣ... О. Иванъ, командиръ „Вѣры",—уже на своемъ мѣстѣ... Команда ждетъ...

Первый свистокъ. Пора и мнѣ занять мѣсто.

Я уже направлялся къ трапу, когда случайно замѣтилъ невдалекѣ молодого послушника-поэта. Онъ тоскливо глядѣлъ на сцену отъѣзда. Я еще разъ подошелъ къ нему пожать руку на прощанье. Онъ замѣтно смутился.

— Послушайте,—горячо обратился я къ нему:—человѣкъ съ вашимъ талантомъ не долженъ отрѣшаться отъ жизни. Вы, какъ рабъ лѣнивый, зарываете таланты свои въ землю. Поѣдемъ со мною... Бросьте эту рясу, вы принадлежите міру—и онъ васъ зоветъ къ себѣ. Вы — послушникъ и не дали никакихъ обѣтовъ. Еще не поздно. Черезъ часъ пароходъ отчалитъ и воротитъ васъ—къ жизни, счастію, можетъ быть, славѣ....

Прекрасное лицо юноши потемнѣло.

— Я не рабъ лѣнивый. Я не зарываю таланта въ землю, а приношу его въ жертву Богу. Тамъ—указалъ онъ за море, —тамъ, весь тотъ міръ, куда вы меня зовете, представляется мнѣ одною могилою. Тамъ нѣтъ истинной радости, истиннаго счастія. Истинная радость, истинное счастіе — молиться за нее и ждать смерти, чтобы соединиться съ нею. Судьба моя рѣшена; не говорите больше... Второй свистокъ...

— Послушайте... Еще одно искреннее предложеніе: пошлите нѣсколько вашихъ стиховъ въ Петербургъ. Если ихъ встрѣтитъ успѣхъ, вы сами тогда рѣшайте, что дѣлать...

Онъ посмотрѣлъ на меня уныло.

— Послѣ того разговора съ вами, я всю ночь обдумывалъ ваши слова. Вы сказали, что у меня есть талантъ и на минуту во мнѣ воскресло старое. Куда-то хотѣлось въ даль, вырвать-

ся отсюда... Сердце билось такъ больно. Я испугался самого себя и сталъ молиться, молиться. Я молился всю ночь и подъ утро Господь внушилъ мнѣ, что дѣлать... Чтобы суетность не смущала меня болѣе—я сжегъ все, что написалъ когда-нибудь... Я сжегъ даже...—съ усиліемъ глухо проговорилъ онъ,—даже ея письма. Теперь я весь принадлежу Богу... Не смущайте меня.

Слезы блеснули въ его глазахъ, печальная улыбка на мигъ озарила это блѣдное лицо... Онъ, не прощаясь, повернулся и, понурившись, пошелъ прочь... Мнѣ было тяжело, невыразимо тяжело. Я сѣтовалъ на аскетизмъ, не чувствуя въ эту минуту, что въ жизни у человѣка бываютъ моменты, когда такой аскетизмъ является живою потребностію его души....

Едва я успѣлъ взбѣжать на трапъ, какъ данъ былъ третій свистокъ и пароходъ медленно отчалилъ отъ пристани.

XXXVII. Въ каютѣ, на палубѣ и дома.

Наше обратное плаваніе было очаровательной прогулкой. Весь сіяющій, голубой просторъ моря казался безграничнымъ зеркаломъ, въ центрѣ котораго тяжело пыхтѣлъ и дымилъ нашъ пароходъ. Солнце обливало горячимъ свѣтомъ палубу съ яркими группами расположившагося на ней народа. Золотыя искры сверкали въ водѣ. Лазурь голубого неба не омрачалась ни однимъ облачкомъ.

— Ишь какую Господь погодку посылаетъ опослѣ поклоненія угодничкамъ,—замѣчаетъ одинъ крестьянинъ, вытягиваясь у кормы на своихъ сумкахъ. — Въ тотъ разъ вѣтеръ, сиверъ былъ.

— Тутъ не вѣтеръ, а грѣхи наши... теперь, какъ отъ угодничковъ— такъ милость.

— Много-ль ты въ обители чудесъ видалъ?..

— Все видалъ... А чудесъ этихъ тамъ не перечесть.

— Все Богъ, братцы... Ишь какъ онъ монашиковъ устроилъ. Посередь моря на камню живутъ.

Я разговорился съ высокимъ, виднымъ монахомъ, отправлявшимся въ Архангельскъ для какихъ-то закупокъ.

— Давно ли вы въ монастырѣ?

— Шестой годъ. Прежде я портовымъ слесаремъ былъ... Монастырь меня пригласилъ работать на 180 руб. содержанія въ годъ. Ихъ пища, разумѣется.

— Съ чего-же это вы постриглись

— А монахи убѣдили. Нуженъ я имъ былъ. Жену я уговорилъ тоже въ монастырь, въ Холмогоры, дочерей туда же, а самъ въ Соловки.

— Сколько же вы теперь получаете за работу?

— Двѣнадцать рублей въ годъ.

— За что же вамъ такъ уменьшили жалованье?

— Потому я монахъ теперь, обязанъ на обитель трудиться.

— И нравится вамъ въ монастырѣ?

— Не худо... нравится... Обѣты тоже далъ.

Наступала ночь. Солнце садилось въ одиннадцать часовъ. Я стоялъ на капитанскомъ бакѣ и наблюдалъ оттуда, какъ постепенно морской просторъ измѣнялъ свои цвѣта и оттѣнки. Изъ голубого онъ перешелъ въ ярко-золотистый, потомъ въ багровый, розовый, желтоватый, и наконецъ, когда солнце сѣло, море приняло свинцово-синій колоритъ. Мимо парохода проплывали бѣлухи. Говорятъ, что иногда здѣсь приходится встрѣчать и моржей. Мы нагнали нѣсколько поморскихъ шкунъ и одного неуклюжаго ливерпульскаго угольщика... Становилось свѣжо. Я пошелъ въ каюту.

Скоро между мною и спутниками моими, описанными въ первой главѣ настоящаго разсказа, завязалась оживленная бесѣда о пережитыхъ впечатлѣніяхъ на Соловецкомъ архипелагѣ. Болѣзненная и блѣдная жена моего знакомаго за недѣлю сильно оправилась, пользуясь благорастворенным воздухомъ ост-

ровов. На лицѣ ея игралъ румянецъ, она чувствовала въ себѣ больше силы и здоровья.

— Славное мѣсто. Вотъ бы гдѣ больницу устроить съ морскими купаньями.... замѣтилъ кто-то.

— Не всегда удобно. Когда сѣверный вѣтеръ дуетъ—тамъ холодно.

Наконецъ разговоръ зашелъ о монахахъ. Мой собесѣдникъ резюмировалъ свои впечатлѣнія.

— Соловецкій монахъ,—говорилъ онъ,—типъ крестьянина хозяина. Онъ зорко блюдетъ свои интересы, работаетъ самъ, не отказываясь отъ косы, лопаты и снасти, слѣпо вѣритъ и слѣпо повинуется. У него развитъ стыдный инстинктъ. Онъ готовъ на все ради своей общины, ради обители. Это человѣкъ труда. Онъ не рутинеръ, потому что бойко перейметъ все, что найдетъ хорошаго у другихъ, и устроитъ это у себя, пожалуй, еще лучше. Онъ не отступитъ передъ препятствіями. Нуженъ ему мостъ черезъ море—онъ завалитъ море каменьями, нужны ему пароходы—выстроитъ ихъ, доки—подумаетъ и сдѣлаетъ ихъ на славу. Онъ изобрѣтателенъ и предпріимчивъ. Но въ то же время онъ крайне простъ во всѣхъ своихъ потребностяхъ. Ряса грубаго сукна, рубаха изъ деревенскаго холста, да бахилы, вмѣсто сапогъ; обильная, но грубая трапеза, да—какъ верхъ. роскоши—чай утромъ и вечеромъ, больше ему ничего не надо Пріобрѣтательные инстинкты въ немъ развиты сильнѣе всего, но онъ пріобрѣтаетъ не для себя, а для общины. Онъ суевѣренъ, какъ пахарь, но за то и работаетъ, какъ послѣдній. За свое состояніе онъ держится цѣпко, даже рискуя навлечь на себя непріятности. Онъ никому не даетъ взятки, не пойдетъ ни на какое рискованное дѣло, онъ вездѣ вѣрно разсчитываетъ и никогда не ошибается. Съ перваго взгляда онъ покажется не уменъ; вы съ видомъ превосходства начнете ему объяснять что-нибудь, но будьте увѣрены, что онъ уже оцѣнилъ и васъ самихъ, и вашу мысль, и уже обдумываетъ въ это время, какъ бы половчѣе обойти васъ, заставить поработать надъ исполненіемъ той же работы васъ самихъ для обители. Нужнаго

человѣка онъ не выпуститъ изъ рукъ. Рано или поздно онъ надѣнетъ на него клобукъ и рясу и пріурочитъ къ монастырю, хотя бы только для того, чтобы поменьше платить ему денегъ. Общинный инстинктъ развитъ въ немъ такъ сильно, что онъ не станетъ поддаваться на невыгодныя для монастыря, но выгодныя для него лично предложенія. Тутъ, кромѣ боязни угодниковъ,—разсчетъ на то, что только благодаря могучей Соловецкой общинѣ изъ бѣднаго, загнаннаго крестьянина-батрака онъ сдѣлался сытымъ, обезпеченнымъ, хорошо поставленнымъ и уважаемымъ тысячами богомольцевъ монахомъ. Къ нему богомолецъ не обратится просто: отецъ святой; какъ ваше имя святое; гдѣ ваша келья святая? благослови, святый отче!... И все въ этомъ родѣ. Монахи сами для себя—лучшая полиція. Въ монастырѣ никто изъ нихъ ничего не осмѣлится сдѣлать — его сейчасъ же выведутъ на чистую воду, потому что каждый позорящій поступокъ роняетъ достоинство обители, подрываетъ вѣру въ нее—и прежде всего отзывается на суммахъ прихода. Онъ помнитъ свое былое и ласковъ съ богомольцами, ласковъ съ рабочимъ крестьяниномъ. Короче сказать, если бы не аскетизмъ,—Соловки были бы идеаломъ рабочей общины.

— Ты нарисовалъ слишкомъ привлекательную картину, другъ мой,—мягко прервала моего пріятеля его жена:—ты забываешь, что этотъ монахъ почти не живетъ духовною жизнью. Для него нѣтъ науки, искусства. Онъ доступенъ только меркантильному интересу. Въ его благочестіи слишкомъ много суевѣрія, его молитва—не живое, неудержимое изліяніе души, а разъ навсегда установившаяся форма, исполненіе которой онъ считаетъ для себя обязательнымъ. Его Богъ — не Богъ милосердія и любви, а Богъ гнѣва и кары. Онъ замкнулся въ самого себя и не поддастся никакому глубокому и нѣжному чувству. Онъ не понимаетъ даже красоты той природы, посреди которой живетъ. Для него важенъ не духъ, а мертвая буква. Онъ хорошій хозяинъ, но это — хозяинъ-міроѣдъ. Онъ хорошо обращается съ рабочимъ, потому что это—рабочій до-

бровольный, не требующій у него денегъ. Онъ корыстолюбивъ до жадности. А главное, въ его душѣ нѣтъ ни пониманія истины, ни потребности любви, ни поклоненія красотѣ, въ чемъ бы послѣдняя ни выражалась—въ широкой ли панорамѣ горъ, озеръ и лѣсовъ, въ великодушномъ ли поступкѣ собрата, въ лазури ли голубого неба.

— Вы забываете, что отсутствіемъ всего нѣжнаго, мягкаго, всего, что̀ отличаетъ троглодита отъ человѣка современной намъ эпохи, онъ обязанъ—своему аскетизму. Только близость женщины и дѣтей даетъ все это. Въ крестьянской семьѣ женщина не имѣетъ этого значенія, потому что она сама изголодалась, огрубѣла, обезсилѣла. Короче, Соловецкій монастырь показываетъ, чѣмъ была бы крестьянская община, если бы она не подавлялась въ теченіи цѣлыхъ столѣтій разными пагубными вліяніями. Здѣсь развита исключительно экономическая сторона такой образцовой общины. Выдѣлите аскетизмъ, дайте сюда женщину—и вы увидите, къ чему пришла бы эта горсть людей.

— Значитъ вы признаете, что такая община могла̀ бы существовать въ иной формѣ? т.-е. не въ формѣ монастыря. Что безъ св. Зосимы и Савватія дѣйствительно создалось бы здѣсь такое единство и общность интересовъ, такая стройность взаимныхъ соотношеній, такая любовь къ труду.

Ни одинъ изъ насъ не отвѣтилъ на это. До сихъ поръ всѣ рабочія общины оказывались прочными только тогда, когда въ основу ихъ положено религіозное начало. Таковы Моравскіе братья, Перфекціонисты, Шэкеры, Мормоны и т. д.

Можетъ ли существовать чистая община, рабочая община? Это—вопросъ будущаго, тѣсно связанный съ вопросомъ о воспитаніи.

Незадолго до приближенія къ Архангельску мы вышли на палубу.

На юго-востокѣ сверкали золотыя искры—это куполы городскихъ церквей и соборовъ.

Потомъ обрисовались какія-то смутныя, бѣловатыя линіи;

онѣ развертывались, свѣтились все ярче и ярче, и, наконецъ, уже отсюда можно было отличить контуры каменныхъ зданій набережной. Скоро пароходъ причалилъ къ пристани Соловецкаго подворья, и мы разомъ окунулись въ шумъ, суету и движеніе городского центра.

Дѣтскій смѣхъ, улыбка женщинъ, говоръ и блескъ жизни—заставили позабыть разомъ всѣ прелести дѣйствительно прекраснаго, но окованнаго аскетизмомъ уголка. Только теперь, черезъ годъ, передо мною выступили болѣе рельефно выдающіяся черты этой оригинальной жизни, этого крестьянскаго царства.

На нашемъ сѣверѣ—Соловки самое производительное, промышленное и, сравнительно съ пространствомъ острововъ, самое населенное мѣсто. Безъ всякихъ пособій отъ правительства, безъ субсидій—оно создало такую экономическую мощь, которая становится еще значительнѣе, если подумать о томъ, что ею обитель обязана — усиліямъ нѣсколькихъ сотенъ простыхъ и неграмотныхъ крестьянъ...

— Это—наше царство! — говорятъ крестьяне-поклонники, направляющіеся туда.

